4
А-18

Аванесов Р.И.

Фонетика современного русского литературного языка

М., 1956.

51855.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

[1855.

4
А-18
БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А. Н. СССР
20
51855

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фонетика современного русского литературного языка в течение последних десятилетий разрабатывалась мало. До сих пор окончательно не выяснены основные понятия фонологии, или теории фонем. Не решен вопрос о месте звуковой системы в структуре языка и о месте фонологии среди других лингвистических дисциплин. По-разному решается вопрос об отношениях между фонологией и фонетикой в собственном смысле слова. Отсутствуют новые исследования звуковой стороны русского языка инструментальными методами, с использованием средств современной науки, в особенности современной физики и техники. Поэтому надо считать, что время для создания обобщающего курса с всесторонним освещением предмета еще не настало.

Настоящая книга ни в коей мере не претендует на то, чтобы служить таким курсом. Она сложилась на основе лекций автора по общим и специальным курсам фонетики современного русского литературного языка, читавшимся в течение нескольких лет в Московском университете, и характеризует собой не столько окончательные результаты исследования, сколько один из его этапов. Она заключает в себе изложение на материале русского языка теории фонем, существенно отличающейся от ранее изложенной в работах автора концепции и представляющей результат дальнейшей его работы и наблюдений. Автор продолжает свою работу и надеется в скором времени дать более полное и основательное изложение предмета. Он надеется изложить не только результаты дальнейшего исследования теоретических проблем, но также и пополнить свое изложение данными экспериментальных исследований, которые в настоящее время ведутся рядом лиц.

Несмотря на все сказанное, автор решается выпустить в свет эту книгу, полагая, что она, при всех своих недостатках, будет способствовать привлечению внимания к вопросам фоне-

тики и ее дальнейшей научной разработке. Автор не сомневается, что обсуждение книги поможет ему в его последующей работе над курсом фонетики современного русского литературного языка.

Настоящая книга не является пособием для первоначального ознакомления с фонетикой русского языка при слушании курса современного русского литературного языка. Но нужный для этого курса материал в книге имеется. Поэтому преподаватель может указать разделы и параграфы, в которых даются необходимые первоначальные сведения. Настоящая книга может служить пособием для соответствующего специального курса.

Автор считает своим долгом отметить, что некоторые явления фонетики современного русского литературного языка он уяснил себе в связи с работой его ученицы — сотрудника Института славяноведения Академии наук СССР, кандидата филологических наук Л. Э. Калнынь по истории твердости-мягкости согласных в восточнославянских языках.

Другая ученица автора, доцент Московского университета К. В. Горшкова много содействовала ему тем, что, слушая его специальные курсы, обсуждала с ним многие трудные и спорные вопросы, а также провела значительную работу по подготовке книги к печати.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить Л. Э. Калнынь и К. В. Горшковой свою глубокую благодарность.

Автор посвящает свою книгу памяти безвременно скончавшегося профессора Московского университета Александра Ивановича Смирницкого — талантливого лингвиста-теоретика, глубоко интересовавшегося — наряду с другими теоретическими проблемами — теорией фонем.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Предмет фонетики

Фонетикой (от греческого phōnē — „звук", „голос", „тон") называется отдел языкознания, в котором изучается звуковая сторона языка. Изучение звуковой стороны отдельного конкретного языка может ставить перед собой разные задачи. Установить звуковую систему данного языка на данном этапе его развития, т. е. состав различающихся в данном языке звуков речи (точнее фонем; о понятии фонемы см. ниже), их изменения в определенных позиционных условиях, укладывающиеся в определенные закономерные соотношения — такова задача **описательной фонетики.** В противоположность этому **историческая фонетика** отдельного конкретного языка ставит своей задачей изучить развитие звуковой системы на протяжении ряда эпох истории данного языка, доступных исследованию, установить эволюцию звуковой системы (изменение соотношений между отдельными звеньями звуковой системы, изменение качества отдельных фонем, утрату их и возникновение новых фонем), становление звуковой системы изучаемого языка в ее современном состоянии на почве звуковых систем прошлого.

Отличаясь задачами исследования, описательная фонетика и историческая фонетика отдельного языка отличаются друг от друга также своими источниками. Источником первой является современный живой звучащий язык (например, литературный язык или тот или иной диалект), который изучается как путем непосредственных наблюдений, так и при помощи инструментальных исследований. Источники второй (исторической фонетики) более многообразны: это и современный живой звучащий язык, но не только в виде той или иной одной определенной системы, а во всем многообразии его жанрово-стилистических и местных (диалектных) разновидностей; это и данные близко родственных языков, которые привлекаются наряду с данными диалектов и

являются важным источником для восстановления древнейших эпох в истории изучаемого языка; это и письменные источники данного языка, начиная с древнейших эпох, от которых сохранились памятники письменности, а также некоторые другие более второстепенные источники. Живые источники истории языка, описываемые при помощи непосредственных наблюдений и инструментальных исследований, обобщаются и исследуются при помощи сравнительно-исторического метода. Из письменных источников данные для исторической фонетики извлекаются путем анализа графики и орфографии.

При всем различии задач описательной и исторической фонетики они не только не исключают друг друга, а дополняют друг друга: в научном языкознании историческая в широком смысле проблематика является основной, и ей подчинено описательное изучение языков. Описательная фонетика изучает звуковую систему данного языка в его современном состоянии как определенный этап в истории этого языка, как результат пройденного им пути развития и находит в ней (в звуковой системе) наряду с полноценными элементами системы элементы отмирающие, с одной стороны, и элементы нарождающиеся и развивающиеся, с другой. Поэтому научные результаты, добытые описательной фонетикой, являются важным источником фонетики исторической.

Настоящая книга относится к сфере описательной фонетики и посвящена описанию звуковой системы современного русского литературного языка.

§ 2. Значение фонетики

Сделанное выше утверждение о подчиненности описательной фонетики задачам исторического изучения языка отнюдь не противоречит тому, что описательная фонетика имеет большое самостоятельное значение, как теоретическое, так и практическое.

Звуковая система есть необходимый и важный элемент структуры языка, причем такой ее элемент, без изучения которого невозможно изучение грамматического строя и словарного состава. Известно, что изучение структуры языка является важной задачей языкознания. Это значит, что в состав этой важной задачи входит также изучение звуковой системы языка.

Практическое значение фонетики весьма многообразно. Фонетика важна при преподавании языка родного и, в еще большей степени, не родного. Данные фонетики необходимы для врачей и педагогов при исправлении недостатков речи и (в сурдопедагогике) при обучении звуковому языку глухонемых.

В настоящее время можно считать общепризнанным, что описательная фонетика в ее современном состоянии (т. е. фонология, или теория фонем) имеет исключительно важное зна-

чение для создания алфавитов и орфографий ранее бесписьменных языков, а также для решения вопросов улучшения и рационализации существующих алфавитов и орфографий отдельных языков, для их регламентации, для устранения в них разнобоя и колебаний. Описательная фонетика дает теоретические основы для научного изучения орфографии, а также ее преподавания. Поэтому знакомство с нею необходимо для учителя-словесника.

§ 3. Понятие фонемы

Звук речи, взятый сам по себе, изолированно, отдельно от других звуков, вместе с которыми он употреблен в речи, не имеет значения. Только в таких случаях, когда одним звуком бывает выражено целое слово (что бывает очень редко) или значимая часть слова, морфема (приставка, корень, суффикс, флексия), с отдельным звуком связывается определенное значение. Ср., например, в русском языке предлоги *в*, *с*, *к*, *о*, *у*; союз *и*; приставки *в-*, *с-*, *у-* (*влететь*, *слететь*, *улететь*); суффиксы *-к*, *-л*, *-т'* (*стенка*, *знал*, *знать*); родовые флексии *-а*, *-о* (*несла*, *несло*); падежные флексии *-а*, *-е* (*вода*, *воде*) и т. д. Однако то или иное значение связывается не со звуком как таковым, а со словом или значимой частью слова (морфемой), лишь выраженными одним звуком. Последний же сам по себе значением не обладает.

Однако в языке нет ничего такого, что бы не было связано со значением. Точно так же со значением, а именно значением слов и значимых частей слов (морфем) связаны и звуки речи.

Не обладая сами по себе значением, звуки речи служат в языке особого рода знаками, при помощи которых узнаются и различаются слова. Такими знаками они могут быть благодаря тому, что они акустически отличаются друг от друга, т. е. имеют на слух различное качество. Таким образом, различия в звуках речи, воспринимаемые слухом, служат средством для различения слов и связанных с ними значений.

Звуки речи как особого рода знаки, при помощи которых различаются слова языка, точнее звуковая оболочка слов, называются **фонемами**[1].

Обычно звуковая оболочка слов языка состоит из ряда фонем. Звуковая оболочка разных слов может быть полностью или частично различна: ср. *струны* и *дом* (звуковая оболочка этих слов полностью различна); *струна* и *строка* (звуковая оболочка этих слов частично различна). Минимальное различие в звуковой оболочке разных слов вносится фонемой, которая

[1] Более подробные сведения о фонеме и других понятиях теории фонем см. ниже §§ 9—13.

является кратчайшей, минимальной и дальше неделимой звуковой единицей. Ср. *твой* и *вой* (отличие в наличии или отсутствии в начале фонемы [т]); *борт* и *бор* (различие в наличии или отсутствии в конце фонемы [т]); *рампа* и *рама* (отличие в наличии или отсутствии в середине фонемы [п]); *сон* и *нос*, *мол* и *лом* (отличие в порядке следования одних и тех же фонем); *пол*, *мол*, *зол*, *дол*, *тол*, *кол*, *гол*, *вол* (отличие в качестве первой фонемы); *мол*, *мал*, *мул*, *мыл* (отличие в качестве второй фонемы); *мол*, *мор*, *мох* (отличие в качестве последней фонемы). Таким образом, фонема является минимальной звуковой единицей, которая может различать звуковую оболочку разных слов.

Число фонем в разных языках может быть неодинаковым, но в каждом языке в определенную эпоху его развития оно строго ограничено.

Фонемы в языке не существуют изолированно, но всегда употребляются в ряду других фонем. В зависимости от различных фонетических условий (от соседства с определенными фонемами, от положения в конце или начале слова, для гласных— от положения по отношению к ударению и т. д.) фонемы изменяются в своем качестве, образуя закономерные ряды своих разновидностей. Благодаря этому образуется характерная для каждого языка звуковая система.

Поясним сказанное на нескольких примерах. В словах *мял*, *мёл*, *мел* (произносится [м'·ал], [м'·ол], [м'ел]) употреблены разные гласные, находящиеся в совершенно одинаковых условиях: после мягкого согласного [м'] и перед твердым согласным [л], под ударением. Так как в приведенных словах остальные звуки тождественны, то единственным средством различения их звуковых оболочек является качество гласных.

Различия в гласных этих слов ([а], [о], [е]), выступая в одних и тех же условиях, независимы от фонетического положения, не обусловлены им и потому служат для различения звуковых оболочек слов. Это значит, что гласные [а], [о], [е] являются в русском языке самостоятельными фонемами, и именно ими, этими фонемами, и отличаются друг от друга звуковые оболочки данных слов.

Однако не всегда различия в звуках речи бывают подобны только что приведенным. Например, в словах *мел* и *мель* (произносится [м'ел] и [м'êл']) гласные также отличаются друг от друга: в слове *мель* произносится гласный, образуемый с более высоким поднятием спинки языка (это передано знаком [ê]) по сравнению с гласным в слове *мел*, или как иначе говорят, в первом случае произносится *е* „закрытое" ([ê]), а во втором *е* — „открытое" ([е]). Но эти различия не являются самостоятельными, а, наоборот, зависимы, обусловлены фонетическим поло-

жением, а именно мягкостью или твердостью следующей после гласной согласной: перед мягкой согласной произносится [ê], а перед твердой [е]. Поэтому [ê] и [е] в русском языке не могут сами по себе, по отношению друг к другу, служить для различительных целей: слова [м'êл'] и [м'ел] различаются между собой своими звуковыми оболочками не благодаря различным гласным, а благодаря различным конечным согласным [л'] и [л], которые в русском языке являются разными фонемами. Различие же в предшествующем гласном ([ê] и [е]) вызвано мягкостью или твердостью конечной согласной. Это означает, что [ê] и [е] в русском языке являются не двумя самостоятельными фонемами, а разновидностями одной и той же фонемы, выступающими в разных фонетических условиях. Те же разновидности этой фонемы произносятся в тождественных условиях в любых других словах. Ср. наряду с [м'ел] — [м'êл'], [б'ел] — [б'êл'] (*бел—бель*), [м'ест] — [м'êс'т'] (*мест — месть*), [в'ес] — [в'êс'] (*вес — весь*), [с'п'ет] — [с'п'êт'] (*спет — спеть*), [л'ес] — [л'êс'] (*лез — лезь*) и т. д.

В других языках аналогичное различие в гласных может быть независимым, не обусловленным фонетическим положением. Так, например, в французском языке слово près — „возле“ (с [ê] — *е* „закрытым“) отличается от слова prés — „лужайка“ (с [е] — *е* „открытым“) только тем, что в первом слове произносится [ê], а во втором [е], так как в остальном эти слова созвучны. Поэтому те звуковые различия, которые в русском языке являются разновидностями одной фонемы, во французском языке представляют собой две самостоятельные фонемы: звуки [е] и [ê] во французском языке являются двумя разными фонемами.

Таким образом, различия звуков в языке могут быть двоякого рода — одни различия являются самостоятельными, независимыми, необусловленными и поэтому служат в языке средством различения звуковых оболочек разных слов; другие различия — несамостоятельные, зависимые, обусловленные фонетическим положением и потому неиспользуемые в различительной функции. Различия первого рода образуют фонемы, различия второго рода — их разновидности, видоизменения.

§ 4. Две задачи описательной фонетики

Различия в качестве звуков речи, т. е. фонем и их разновидностей, зависят от особенностей их образования речевым аппаратом человека. Поэтому изучение роли звуков речи как особого рода знаков для различения звуковых оболочек слов уже само по себе предполагает изучение способов образования звуков речи (физиологии звуков речи) и самих качеств (т. е. акустических свойств) звуков речи.

Таким образом, перед фонетикой ставятся двоякого рода задачи — изучение способов образования звуков речи, а также их акустических свойств (физиология звуков речи и акустика звуков речи), с одной стороны, и изучение роли звуковой стороны языка в структуре языка, изучение звуков речи как средства для различения звуковых оболочек слов (учение о системе фонем), с другой. Обе эти задачи, будучи задачами принципиально различными, в то же время тесно связаны как теоретически, так и в самом процессе исследования и представляют собой различные аспекты фонетики как науки.

§ 5. Общая и экспериментальная фонетика

Описательную фонетику и фонетику историческую, предметом которых при всем различии их задач и методов является изучение отдельного конкретного языка, следует отличать от **общей фонетики**, которая изучает звуковые возможности речевого аппарата человека и способы их использования в разных по качеству языках[1]. Она разрабатывает на материале всех доступных исследованию языков такие теоретические вопросы, как вопрос о различии между гласными и согласными, вопрос о классификации гласных и согласных, теорию слога, теорию ударения, теорию фонемы и проблему звуковой системы языка, теорию чередований, отношение звуковой системы языка к грамматическому строю и словарному составу, вопрос об изменениях звуков в речевом потоке и их причинах и т. д.

Общая фонетика, как и описательная фонетика отдельного языка (а также частью и историческая фонетика), пользуется не только методом непосредственного наблюдения и самонаблюдения устной звучащей речи (на материале разных языков), но также прежде всего различными приемами инструментального исследования, т. е. применением при исследовании акустической и физиологической стороны звуков речи разного рода приборов и приспособлений, а также механизмов и машин, дающих возможность объективно зарегистрировать и определить те или иные стороны как отдельных звуков речи, так и их сочетаний в речевом потоке. Инструментальные методы изучения звуковой стороны языков не совсем точно принято называть **экспериментальной фонетикой.**

§ 6. Фонетическая и фонологическая транскрипция

При изучении звуков речи оказывается необходимым передавать на письме устную звучащую речь возможно более точ-

[1] См. М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику, изд. 2-е. Л. 1948.

но, обозначая по возможности все ее звуковые особенности. Для этой цели обычное орфографическое письмо оказывается непригодным, так как оно не передает и не стремится передавать звуки устной речи. По правилам правописания нередко одной и той же букве соответствуют разные звуки. Например, в слове *городок* три раза употреблена буква *о*, но в первый раз ей соответствует звук, близкий к [ы] (обозначим этот звук буквой ъ), во второй — звук [ʌ], в третий — звук [о]: [гърʌдóк]. Таким образом, три различных звука в нашем орфографическом письме могут быть обозначены одной и той же буквой *о*. В других случаях, наоборот, один и тот же звук обозначается на письме разными буквами. Таковы, например, слова *волы́* и *валы́*, где при помощи букв *о* и *а* обозначается один и тот же звук [ʌ] первого предударного слога. В начале и на конце слова *круг* также произносится один и тот же звук [к]. Однако на письме он передается разными буквами: в начале слова буквой *к*, а на конце — буквой *г*.

Таким образом, при орфографическом письме не бывает точного соответствия между буквами и звуками. Поэтому при изучении звуковой стороны языка приходится прибегать к особому способу записи устной речи, при которой каждая буква всегда обозначает какой-нибудь один звук, и, наоборот, каждый звук обозначается всегда одной и той же буквой. Такая запись устной речи, которая строится на строгом соответствии между буквами письма и звуками языка со всеми особенностями их произношения, называется **фонетической транскрипцией.**

В фонетической транскрипции используется один из существующих алфавитов. Однако, поскольку в языке звуков обычно бывает больше, чем букв данного алфавита, приходится к буквам алфавита, положенного в основу транскрипции, прибавить некоторое количество букв из другого алфавита или вводить новые добавочные буквы. Кроме того, для того чтобы передать по возможности все особенности произношения, в фонетической транскрипции употребляются особые добавочные знаки, которые ставятся над буквой или под буквой, или сбоку от буквы (так называемые диакритические знаки).

В настоящей книге фонетическая транскрипция строится на основе русского алфавита, к которому добавляются некоторые буквы из других алфавитов, а также некоторое количество дополнительных знаков, присоединяемых к буквам. При этом некоторые буквы русского алфавита в фонетической транскрипции вовсе не употреблены (например, *я*, *ю*, *ё*), другие (например, *ь*, *ъ*) употреблены не в том значении, какое им свойственно в орфографическом письме. О значении букв и дополнительных знаков, употребляемых в фонетической транскрипции, принятой

в настоящей книге, сообщается в дальнейшем изложении по мере описания звуков русского языка, для обозначения которых они употребляются.

В связи с развитием фонетики как науки, а именно теории фонем, или фонологии, в последнее время в научных целях прибегают не только к фонетической транскрипции, но также и к разным видам **фонематической транскрипции.** Последнюю предварительно (до ознакомления с нею) можно определить как такую транскрипцию, которая передает не всё многообразие живой звучащей речи (это дело фонетической транскрипции), а только те ее стороны, которые фонематичны, обладают различительной функцией, способны различать звуковую оболочку разных слов и форм.

В настоящей книге употребляются два вида фонематической транскрипции. Способы фонематического транскрибирования будут описаны по мере изложения фонетической системы современного русского языка.

О транскрипции вообще и фонематических транскрипциях, применяемых в настоящей книге, см. главу „Типы научно-лингвистической транскрипции“ [1].

---

[1] При первоначальном знакомстве с предметом следующую главу „Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы“, имеющую одновременно вводный и обобщающий характер, целесообразно изучать после ознакомления с дальнейшими главами, где описывается конкретный материал звуковой системы современного русского литературного языка.

КРАТЧАЙШАЯ ЗВУКОВАЯ ЕДИНИЦА В СОСТАВЕ СЛОВА И МОРФЕМЫ

§ 7. О месте фонетической системы в структуре языка

Вопрос о кратчайшей звуковой единице в составе слова и морфемы тесно связан с вопросом о месте фонетической системы в структуре языка. Этот последний вопрос, равно как и обусловленный им вопрос о месте фонетики как научной дисциплины в кругу других лингвистических дисциплин, изучающих различные в структурном отношении стороны языка, до последнего времени не был еще решен в советском языкознании. Одни ученые включали фонетическую систему в состав грамматического строя; другие считали, что она находится за пределами грамматического строя, в связи с чем принимали фонетику за самостоятельную научную дисциплину наряду с грамматикой и лексикологией; третьи считали, что вопрос этот принципиального значения не имеет, но что практически фонетику удобнее всего излагать вместе с грамматикой, а именно в начале собственно грамматики.

Действительно, без знакомства с фонетической системой языка невозможно теоретическое или практическое изучение языка. Ведь звуки речи являются „природной материей" языка, вне которой невозможно самое существование языка слов. Поэтому изучение языка — его грамматического строя и словарного состава — само по себе уже предполагает изучение его фонетической системы.

Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что фонетика должна излагаться вместе с грамматикой, предшествуя последней. Однако едва ли может быть принято мнение, согласно которому не имеет принципиального значения вопрос о том, является ли фонетическая система частью грамматического строя или находится за его пределами, и, в соответствии с тем

или иным его разрешением, вопрос о том, является ли фонетика частью грамматики или образует самостоятельную научную дисциплину. Можно утверждать, что этот вопрос имеет определенное теоретическое значение, так как то или иное его разрешение определяется самим пониманием природы соответствующих структурных элементов языка, в частности пониманием предмета грамматики.

Фонетику с грамматикой роднит то, что та и другая изучают структуру языка, ограниченное число его общих категорий, образующих сложную систему и бесконечно повторяющихся. Этим фонетика и грамматика в равной мере и принципиально отличаются от лексикологии, изучающей конкретный инвентарь лексических единиц языка, насчитывающих десятки тысяч и практически не поддающихся исчислению.

Однако фонетика и грамматика имеют между собой также существенные и принципиальные отличия. Грамматика имеет дело с значимыми единицами языка (предложения, слова в их грамматических функциях, морфемы и их роль в словоизменении и словообразовании). Даже минимальная единица, изучаемая в грамматике,— морфема — значима, обладает собственным значением. В противоположность этому объекты фонетики, и притом не только звуки речи как физиолого-акустические явления, но и фонемы, не значимы, не обладают значением.

Критерий смыслоразличения как основного признака фонемы, введенный Л. В. Щербой в очень осторожных выражениях (как наличие или отсутствие у звуков речи „смыслоразличительной силы“ [1], как „способность ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать значения“ [2]), был вне сомнения крупным шагом в истории развития учения в фонеме. Однако, видимо, и у самого Л. В. Щербы и в еще большей степени у других исследователей (при этом не только его последователей) не было полной ясности в характере этой „смыслоразличительной силы“. В чем же она заключается? Конечно, не может быть сомнения, что фонема не обладает значением. Но нам представляется недостаточной и общепринятая в настоящее время формулировка, согласно которой фонема, не обладая сама по себе значением, обладает способностью дифференцировать, различать слова и формы, ассоциироваться с разными значениями и т. д. Думается, что было бы точнее говорить о том, что фонемы различают не значения слов и форм как таковых, а лишь их звуковую оболочку, ибо различия в звуковой оболочке слов лишь указывают на

---

[1] L. Ščerba. Court exposé de la prononciation russe, 1911, p. 2.

[2] Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении, 1912, стр. 14.

различие в значении, но не раскрывают самого характера этого различия. Таким образом, мы констатируем, что хотя между фонемой и значением имеется тесная и неразрывная связь, однако это связь непрямая, опосредствованная: фонемы различают не значения слов, а лишь звуковую оболочку слов; разные слова обычно имеют неодинаковую звуковую оболочку (ср. однако частные случаи различий в звуковой оболочке одних и тех же слов, например *платишь* и *плотишь*, *калоши* и *галоши*, и, наоборот, отсутствие различий в звуковой оболочке разных слов — у омонимов). Это значит, что, например, слова *дом* и *дам* именно как слова, а не звучания различаются не гласными [о] и [а], а целиком — они различаются как разные слова, принадлежащие к разным грамматическим категориям, обозначающие разные понятия, отражающие разные явления действительности. Другое дело звуковая оболочка этих слов, которая, действительно, различается гласными [о] и [а]. Только такие случаи, как *влез* и *слез*, действительно, как слова непосредственно различаются начальными [в] и [с]; однако последние здесь являются не только фонемами, но и морфемами, имеющими свои определенные значения (*влез во что-нибудь*, *слез с чего-нибудь*); следовательно, эти слова как таковые дифференцируются непосредственно не разными начальными фонемами, а разными начальными морфемами, каждая из которых состоит из одной фонемы. Что же касается звуковой оболочки этих слов, то она различается, действительно, разными начальными фонемами. Ввиду сказанного нам представляется более точным говорить не о смыслоразличительной роли фонем, а об их различительной роли, имея в виду роль фонем как различителей звуковой оболочки слов и форм.

Таким образом, одно из принципиальных различий между грамматикой и фонетикой заключается в том, что объекты первой всегда представляют собой значимые единицы языка, а объекты последней, в том числе фонемы,—это единицы, не обладающие значением и даже не связанные непосредственно со значением, а лишь различающие звуковую оболочку значимых единиц языка — слов и морфем. Это является достаточным основанием считать грамматику и фонетику разными научными дисциплинами, каждая из которых имеет свой объект изучения (грамматический строй и фонетическую систему), обладающий своей спецификой и своими закономерностями.

Однако признавая фонетику и грамматику разными дисциплинами, мы в то же время должны отметить, что они тесно связаны друг с другом, ибо связаны друг с другом их объекты — фонетическая система и грамматический строй. Это положение опирается на более общее положение, согласно которому язык представляет собой сложное целое, части ко-

торого органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга.

Отдельные стороны структуры языка, имея свою специфику, в то же время находятся в отношениях сложных взаимодействий друг с другом. Морфология языка теснейшим образом связана с синтаксисом. Словообразование стягивает в один структурный узел многие элементы морфологии и лексики. Фонетическая система языка также тесно связана с его другими структурными элементами и прежде всего с морфологическим строем, а также словарным составом. Установление характера этих связей, в разных языках не всегда одинаковых, является одной из важных задач советского языкознания.

Для нашей темы существенно, что один и тот же равный себе грамматический элемент может иметь различия чисто фонетического порядка. Например, в флексии творительного падежа единственного числа слов *травой* и *коровой* имеется различие фонетическое (гласные [о] и [ъ]), обусловленное местом ударения, и в то же время представлено морфологическое тождество — одна и та же флексия.

§ 8. Фонетика и фонология

Другим вопросом, с которым тесно связан вопрос о кратчайшей звуковой единице в составе слова и морфемы, является вопрос о соотношении фонетики и фонологии.

Фонология, или учение о фонеме, впервые появилась как реакция против младограмматической концепции языка с ее подходом к звуковой стороне языка как к явлению природному, с ее отрывом фонетики от грамматики и отнесением фонетики к сфере наук естественных, а не социальных. В этих условиях противопоставление традиционной фонетике вновь создаваемой фонологии безусловно было прогрессивным и означало движение науки вперед. Однако в дальнейшем, в трудах некоторых, по-преимуществу зарубежных авторов, например датского лингвиста Ельмслева и других представителей структурализма, противопоставление фонологии фонетике переросло в отрыв фонологии от фонетики, в изучение отношений между фонемами, их функций в значительной мере безотносительно к звуковой материи языка.

Изучение этих отношений и функций вместо изучения самой звуковой стороны языка как элемента структуры языка, глубоко своеобразного в каждом языке, привело этих ученых к схематизации фактов языка, к игнорированию их живого многообразия, не укладывающегося в фонологические схемы, к устранению из фонемы ее реальных материальных признаков.

Между тем советская фонология, продолжая традиции

И. А. Бодуэна-де-Куртене и Л. В. Щербы, отрицает наличие двух самостоятельных научных дисциплин, из которых одна — фонетика — будто бы относится к естественным наукам, а другая — фонология — к общественным. Нельзя не признать глубокую справедливость следующего положения Л. В. Щербы: „Против чего надо всячески протестовать — это против отрыва фонологии от фонетики в узком смысле слова. Исследовать систему фонем данного языка, определять „семантизованные" (фонологизованные) признаки каждой из них можно только на основе изучения конкретного произношения данного языка, не менее конкретных причинных связей между отдельными элементами этого произношения" [1]. Звуковой стороне языка как общественного явления соответствует одна научная дисциплина, объектом которой являются звуки речи как элементы структуры языка. Перед нами не две дисциплины, а лишь два аспекта исследования. Фонология как более высокая ступень фонетики [2] стала подлинно лингвистической дисциплиной и вместе с грамматикой посвящена изучению структуры языка. Фонолог не может не быть одновременно фонетистом, если он не хочет погрязнуть в мире абстракций — функций и отношений, — оторванных от живой ткани конкретных языков в их развитии. С другой стороны, и фонетист всегда (в том числе и до появления фонологии) был до известной степени фонологом, так как он изучал не звуки вообще, а звуки языка и выделял звуки, различаемые в том или ином положении в данном языке. Можно доказать, что на самое выделение звуковых типов как одного из основных понятий общей фонетики наложил свою печать фонематический состав определенной группы языков (по преимуществу индоевропейских, главным образом языков Европы). Если бы понятие звукового типа исторически сложилось на почве совершенно иных языковых систем, то можно было бы ожидать в ряде случаев выделения и иных звуковых типов (ср., например, возможное объединение [б] и [м] в некоторых языках ввиду комбинаторного характера различий между ними или неразличение глухих и звонких ввиду комбинаторного характера звонкости согласных в некоторых языках и т. д.). Звуковые типы — это фонемы в большей части тех языков, на почве которых выработалось самое это понятие. Можно доказать, что „стихийными фонологами" были и создатели или нормализаторы древних систем письма — например, Константин-философ и Вульфила, для славянского и готского. И это естественно, ибо

---

[1] Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. Изв. АН СССР, отд. лит-ры и языка, т. IV, вып. 5, 1945, стр. 185—186.

[2] См. А. А. Реформатский. Известия АН СССР, отд. лит-ры и языка, т. XI, вып. 5, 1952.

www.ruslang.ru

фонология имеет дело с реальными, существенными для языка категориями, которые не могут не быть так или иначе отражены в звуковом письме.

§ 9. Понятие кратчайшей звуковой единицы

Разные слова и их формы обычно отличаются друг от друга (если не иметь в виду случаев омонимии) своими звуковыми оболочками.

Различия в звуковых оболочках разных слов могут быть весьма многообразны. При разноместности и подвижности ударения они могут заключаться в различиях места ударения, которое, например, в русском языке определяет собою количество и качество различаемых в безударных слогах гласных (ср. [му́ку] и [муку́], [п'ил'и] и [п'ил'и́], [за́мък] и [зъмо́к], [па́ръм] и [пъро́м] и т. д.). Различия в звуковых оболочках разных слов могут касаться количества звуковых единиц (ср. *он, тон, стон, ус, кус, куст* и т. д.), порядка следования одних и тех же звуковых единиц (ср. *он* и *но, сук* и *кус, куст* и *стук*). Наконец, различия в звуковых оболочках разных слов могут касаться самых звуковых единиц, их качества. При этом звуковые оболочки разных слов могут отличаться полностью (ср. [дуп] и [нас]), либо более или менее значительной частью (ср. [сам] и [сук], [зно·i] и [знал], [плох] и [прах] и т. д.), либо, наконец, одной кратчайшей звуковой единицей, т. е. иметь минимальное звуковое отличие (например, [сам] — [сом], [сам] — [дам], [сам] — [сап]). Реально эти типы различий звуковых оболочек слов в языке обычно существуют вместе в самых различных комбинациях: например, звуковые оболочки слов [мука́] и [у́мн'ицъ] отличаются друг от друга и местом ударения, и количеством минимальных звуковых единиц, и порядком общих звуковых единиц, и, наконец, самими звуковыми единицами — их качеством.

Для фонетики в широком смысле слова (т. е. включая в нее как собственно фонетику, так и фонологию) существеннейшим вопросом является вопрос о том, каковы в данном языке минимальные, кратчайшие звуковые различия, способные сами по себе, самостоятельно различать звуковые оболочки разных слов и форм, ибо такие звуковые единицы образуют фонемы. Обратимся к понятию кратчайшей звуковой единицы.

Под кратчайшими звуковыми единицами мы имеем в виду такие произносительно-слуховые элементы, которые выделяются в слове при его последовательном, так сказать, линейном, членении как единицы простейшие, минимальные, далее не членимые, занимающие минимальный отрезок времени (т. е. далее не делимый по отношению к звуковым элементам данного языка).

Такому членению в написанном (при помощи звукового письма) слове соответствует членение по вертикали (ср. р/у/к/а́/). Таким образом, под кратчайшими звуковыми единицами языка имеется в виду то, что нерасчлененно по отношению к принципу выделения (фонологическому или собственно фонетическому) обычно называется звуком речи.

Любая кратчайшая звуковая единица употребляется не изолированно, а в слове, следовательно, после или перед другой кратчайшей звуковой единицей, между другими кратчайшими звуковыми единицами, гласные, кроме того, в определенном отношении к ударению и т. д. Поэтому качество данной кратчайшей звуковой единицы всегда в той или иной степени бывает обусловлено фонетическим положением. Точнее говоря, обычно одни стороны ее качества бывают обусловлены фонетическим положением, а другие независимы. Так, например, в слове [тот] в качестве кратчайшей звуковой единицы под ударением выделяется гласный [о], у которого средний подъем и наличие лабиализации не обусловлены позицией, независимы, самостоятельны (ср. в том же положении, т. е. под ударением, между твердыми согласными [т] возможность гласных верхнего подъема [у] и нижнего подъема нелабиализованного [а] — [тут], [тат]), в то время как задний ряд обусловлен позицией, зависим, несамостоятелен, так как определяется положением между твердыми согласными (ср. в положении после твердого согласного перед мягким, после мягкого перед твердым, между мягкими: [то́·т'мъ], т. е. город Тотьма, [т'·о́ткъ], [т'о́т'ъ]).

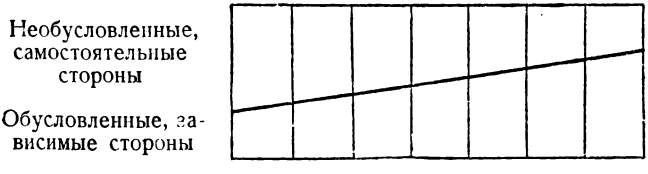
При этом соотношение самостоятельных и обусловленных сторон кратчайших звуковых единиц может быть неодинаковым для разных таких единиц в разных фонетических условиях. Так, например, если в слове [пут] в качестве кратчайшей звуковой единицы под ударением выделяется гласный [у], у которого независимы, не обусловлены позицией степень подъема и наличие лабилизации (ср. [пот], [пат]), то в слове [вы́путъл] одной из кратчайших звуковых единиц заударного слога является гласный [у], у которого независимо, не обусловлено позицией по существу только наличие лабиализации, так как в этом положении может быть и отсутствие лабиализации (ср. [вы́пътъл]): ряд, т. е. более заднее или переднее образование, этого гласного определяется качеством предшествующего и последующего согласных (прежде всего их твердостью или мягкостью), а разные степени подъема в заударном неконечном слоге практически отсутствуют.

Приведем пример из области согласных. У начального [с'] в словах [с'ät'], [с'н'ät'] независимы, не обусловлены позицией место образования, способ образования, наличие или отсутствие голоса (ср. [п'ät'], [пн'·а], [га·т'], [лгн'·а́], [з'ät'],

[млз'н'·а́). Однако у начального [с'] в слове [с'ät'], кроме того, не обусловлена, независима твердость-мягкость (ср. [с'ät'] и [п'иса́·т']), а у начального [с'] в слове [с'н'ät'] мягкость обусловлена: твердое [с] перед [н'] не употребляется и поэтому не противопоставлено мягкому [с'] [1].

Таким образом, кратчайшие звуковые единицы слова в одних фонетических условиях имеют больше самостоятельных, не обусловленных позицией сторон и меньше зависимых, обусловленных позицией; напротив, в других фонетических условиях преобладают стороны зависимые, обусловленные позицией над сторонами самостоятельными. Соотношение между теми и другими сторонами кратчайшей звуковой единицы обратно пропорционально: чем больше независимых, необусловленных позицией сторон, тем меньше зависимых, обусловленных, и наоборот. Однако практически не бывает кратчайших звуковых единиц, которые во всех своих сторонах были бы независимы, не обусловлены позицией или, наоборот, во всех своих сторонах зависимы и обусловлены [2].

Сказанное может быть представлено по схеме:

Деление по вертикалям указывает на отдельные кратчайшие звуковые единицы.

Кратчайшие звуковые единицы в тех их сторонах, которые не зависят от фонетического положения, не обусловлены позицией, употребляются в тождественной позиции и служат в языке для различения звуковой оболочки словоформ, иначе говоря, образуют самостоятельные фонемы. В противоположность этому кратчайшие звуковые единицы в своих зависящих от фонетического положения, обусловленных позицией сторонах не употребляются в тождественной позиции, не имеют непосредственно различительной функции и потому образуют не

[1] Эти отношения не изменяются и при произношении [сн'ät'], так как при таком произношении перед [н'] отсутствует [с'], т. е. все равно твердость и мягкость оказываются не противопоставленными друг другу.

[2] Независимой от позиционных условий кратчайшая звуковая единица может быть лишь в изолированном употреблении, а последнее реально в языке имеет место лишь в исключительных случаях, когда эта единица одновременно является морфемой, словом и предложением.

самостоятельные фонемы, а лишь разновидности одной и той же фонемы.

Из сказанного следует, что фонемой является кратчайшая звуковая единица как независимая по своему качеству величина и потому сама по себе достаточная для различения звуковых оболочек словоформ [1].

§ 10. Кратчайшая звуковая единица и ударение

Для выяснения понятия кратчайшей звуковой единицы языка существенное значение имеет отношение к этой единице (когда она является гласным) ударения [2].

Известно, что ударение как по характеру своего выделения, так и по своей функции весьма различно в разных языках. Однако оно всегда служит важным фонологическим средством, являясь признаком слова (каждому самостоятельному слову обычно соответствует одно ударение).

В особенности велика роль ударения как фонологического средства, когда оно является разноместным и подвижным, как в русском языке. При разноместности ударения последнее является не только признаком слова, но и индивидуальным признаком слова, т. е. признаком данного слова, в отличие от другого,— иными словами, является средством различения звуковых оболочек разных слов (ср. [мука́] и [му́ка]). Таким образом, функция разноместного ударения относится к сфере лексикологии. Подвижное ударение является признаком данного слова в его данной грамматической форме, т. е. индивидуальным признаком словоформы, а при регулярности передвижений места ударения в разных формах данного грамматического типа слов подвижное ударение становится принадлежностью соответствующей парадигмы. Все это означает, что подвижное ударение используется в качестве определенного, хотя и дополнительного, грамматического средства, т. е. относится к сфере грамматики.

Анализ звукового состава разных слов и форм приводит нас к выводу, что ударение выходит за пределы того последовательного членения, при котором выделяются кратчайшие звуковые единицы, служащие фонемами. Ударение как бы находится над этим членением, определяя своим местом до известной степени самое качество кратчайших звуковых единиц языка (в особенности, в области гласных).

Вопреки мнению ряда ученых, наличие или отсутствие уда-

---

[1] Под словоформой здесь и ниже имеется в виду то или иное конкретное слово в одной из своих конкретных форм.

[2] Ниже речь идет о словесном ударении; вопроса о фразовом ударении мы не касаемся.

рения (при его разноместности и подвижности) не является признаком слоговой фонемы и через нее также признаком морфемы, но представляет собой, как это было выше отмечено, непосредственно признак слова (а при подвижности ударения — признак слова в его данной конкретной форме).

Это доказывается тем, что два слова, различающиеся местом ударения, при последовательном членении на кратчайшие звуковые единицы оказываются всегда отличающимися друг от друга не одним, а двумя признаками. Ср., например, [му́ку] и [муку́]: эти слова отличаются друг от друга не только ударностью первого [у] в первом слове и его безударностью во втором, но также обязательно и безударностью второго [у] в первом слове и его ударностью во втором слове. См. то же в таблице последовательного членения на кратчайшие звуковые единицы:

м	у́	к	у
м	у	к	у́

Это значит, что ударное и безударное [у] не могут встречаться в тождественной позиции: последнее было бы налицо только в том случае, если бы данное различие ([у́] и [у]) было бы единственным и остальная часть обоих слов в звуковом отношении была бы тождественна.

Таким образом, слово [му́ку] состоит из определенного последовательного ряда кратчайших звуковых единиц плюс ударение на 1-м слоге: [м + у + к + у] + ударение на 1-м слоге; точно так же слово [муку́] состоит из определенного последовательного ряда кратчайших звуковых единиц + ударение на 2-м слоге: [м + у + к + у] + ударение на 2-м слоге.

Это подтверждает высказанное выше положение о том, что ударение является фонологическим средством, выходящим за пределы членения слова на кратчайшие звуковые единицы, за пределы системы фонем. Звуковая сторона таких слов, как [му́ку] и [муку́], противопоставлена друг другу целиком, в то время как звуковые оболочки слов в случаях типа [му́ку] и [ма́ку] или [муку́] и [мука́] противопоставлены друг другу лишь фонемами [у] и [а].

Таким образом, ударение выходит за пределы членения языка на кратчайшие звуковые единицы. При разноместности и подвижности ударения место его в данном слове или в данной словоформе относится к области лексикологии и грамматики. Однако самый характер ударения, средства его выделения относятся к фонетике, так же как относится к фонетике и роль ударения как фактора, определяющего собой звуковые чередования (в области гласных) и, следовательно, (в тех же пределах) звуковой состав слова или слозоформы.

§ 11. Два типа позиционных чередований и обусловленный ими характер фонетической системы

Основной из высших единиц языка, с которой имеет дело фонетист, является слово. В слове могут выделяться морфемы. Самая возможность их выделения и характер взаимоотношений между морфемами в слове могут быть весьма различны в зависимости от качества строя языка.

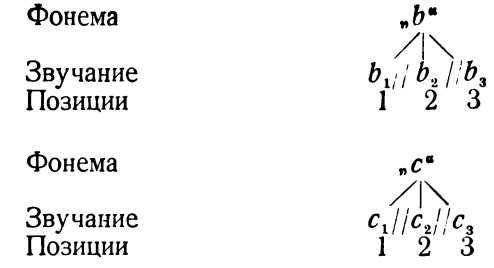
При наличии членения слова на морфемы кратчайшая звуковая единица языка одновременно функционирует как в составе слова в его данной конкретной форме, так и в составе морфемы. Однако характер ее функционирования в составе той и другой структурной единицы языка в одних случаях (и языках) совпадает, в других — резко и принципиально отличается. Это зависит прежде всего от характера позиционных чередований и ударения, а также от строя языка в целом.

Функционирование кратчайшей звуковой единицы (в составе слова и морфемы) основано на живых комбинаторных и позиционных чередованиях, свойственных данному языку на данном этапе его развития. Позиционные чередования в разных языках и на разных этапах развития одного языка могут носить весьма различный характер.

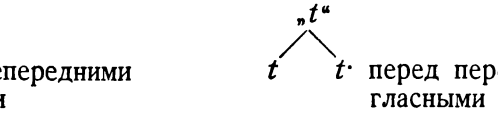
Следует различать два принципиально различных типа чередований: а) позиционные чередования, образующие параллельные или во всяком случае не пересекающиеся друг с другом ряды, не имеющие общих членов; б) позиционные чередования, образующие ряды, частично пересекающиеся друг с другом, т. е. имеющие один или несколько общих членов. Фонетической системе некоторых языков преимущественно свойственны чередования первого типа; в значительной же части языков в той или иной степени имеют место оба эти типа позиционных чередований, образуя более сложную фонетическую систему.

Схематизируя сказанное, позиционные чередования первого типа можно представить в формуле: „в позициях 1, 2, 3 имеют место звуковые чередования a_1// a_2// a_3; $в_1$// $в_2$// $в_3$; $с_1$// $с_2$// $с_3$ и т. д.“ Не может быть сомнения, что функциональное тождество каждого из таких рядов позиционных чередований образует фонему. Параллелизм таких чередований заключается в том, что в той позиции, в которой фонема „а“ звучит как a_1, фонемы „в“ и „с“ звучат как $в_1$, $с_1$; в той позиции, в которой фонема „а“ звучит как a_2, фонемы „в“ и „с“ звучат как $в_2$, $с_2$ и т. д. Графически это может быть представлено в схеме:

Подобный по преимуществу тип звуковых чередований был представлен, например, в старославянском языке древнейшей поры (до падения редуцированных). Ряды глухих и звонких согласных, как правило, не пересекались [1]. Каждый шумный согласный, как правило, был равен себе по глухости-звонкости, т. е. сохранял глухость или звонкость как свой конститутивный признак (ср. *плъть, плъти, плътьскъ, бесплътьныи*; *плодъ, плода, бесплодьныи*). У согласных мягких (смягченных) палатализация также была их конститутивным признаком, т. е. всегда сохранялась (ср. *полѥ, поля, полю, по̑ль, по̑льскъ*). Согласные немягкие звучали твердо перед гласными непередними и испытывали некоторую палатализацию перед гласными переднего образования, т. е. звучали как полумягкие. Эта палатализация не доходила до той степени, которая была свойственна мягким (палатализованным) согласным. Таким образом, чередование твердых согласных с полумягкими не пересекалось с мягкими (палатализованными) согласными: парные по твердости-мягкости согласные (*r — r'*, *l — l'*, *n — n'*) во всех положениях различались. О согласных внепарных по твердости-мягкости (напр. *t*, *d*, *p*, *b*) не приходится говорить, так как соответствующие мягкие отсутствовали. Это значит, что в случаях *несѫ — несеши, вода — водѣ* имело место чередование твердых с полумягкими *s* // *s·*, *d* // *d·*, такое же, как в случаях *берѫ — береши, кльнѫ — кльнеши*. Таким образом, для системы консонантизма старославянского языка древнейшего периода характерны позиционные чередования, представляющие собой параллельные, обычно не пересекающиеся друг с другом ряды, которые можно представить в следующей схеме:

[1] Кроме чередования *z* // *s* в конце приставки-предлога и, возможно, некоторых других случаев.

перед непередними гласными — перед передними гласными

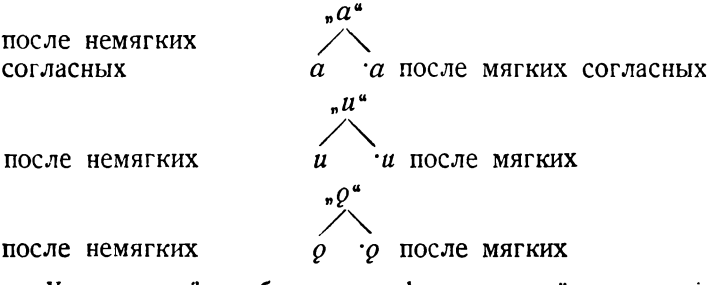
перед непередними гласными — перед передними гласными

перед непередними гласными — перед передними гласными

(всегда *r'*)

В качестве примеров различения парных мягких и немягких согласных фонем перед гласными переднего ряда укажем: *борѭть* и *беретъ*, *коньь* и *конь* (ср. *искони*), *быль* и *быль* (*bor'etъ* и *b·er'etъ*, *kon'ь* и *kon·ь*, *byl'ь* и *byl·ь*) — мягкие согласные всегда сохраняют свою мягкость, как конститутивный признак, а твердые (точнее немягкие) приобретают позиционную полумягкость, т. е. чередуются с полумягкими.

В качестве примера рядов позиционных чередований параллельных, не пересекающихся друг с другом, для гласных можно указать на фонемы *а*, *и*, *ǫ* в положении после немягких и мягких согласных: в этих положениях имеет место чередование *а*// *·а*, *и*// *·и*, *ǫ* // *·ǫ*. Ср. *жена — вонѭ*, *дѣлоу — полю*, *беръ — борѭ*. Это можно представить в схеме:

после немягких согласных — после мягких согласных

после немягких — после мягких

после немягких — после мягких

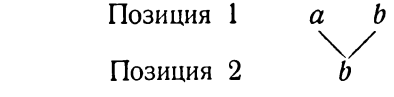
Характерной особенностью фонетической системы при параллелизме отдельных рядов звуковых чередований, обусловленной именно их параллелизмом, является то, что в любой данной позиции в принципе различается равное количество звуковых единиц, являющихся представителями каждого из рядов чередования. Это значит, что при наличии таких чередований кратчайшая звуковая единица в любой позиции (вне зависимости от меньшей или большей обусловленности ее качества позицией)

обладает равной способностью различать звуковые оболочки словоформ.

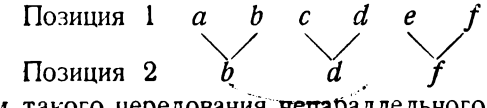
Подобного типа звуковые чередования представлены и в современном русском языке. Ср. чередование а// а·// ·а// ä, параллельное чередованию о // о· // ·о // ö, чередованию у // у· // ·у // ÿ и др.: [рат], [ра·т'], [р'·ат], [р'ät']; [рот], [ро·т'] (*пороть*), [р'·от] (*орёт*), [р'öт'] (*орёте*); [рут] (*орут*), [ру·т'] (*грудь*). В каждой данной позиции (по отношению к твердости-мягкости предшествующего и последующего согласных) различается пять возможных звуковых единиц (ср. [р'·ат], [р'·от], [р'·ут], [р'ет], [р'ит]). Однако в русском языке широко представлены также звуковые чередования непараллельные, перекрещивающиеся, которые значительно осложняют его звуковую систему.

Позиционные чередования этого второго типа, образующие ряды непараллельные, пересекающиеся, имеющие общие члены для двух или нескольких рядов, в разных языках оказываются весьма своеобразными.

Одной из типичных для такого чередования формул является формула: „двум или нескольким звуковым единицам, различающимся в позиции 1, в позиции 2 соответствует одна звуковая единица, совпадающая по своему качеству с одной из различаемых в позиции 1 единиц". Это значит, что звуковому чередованию *a*//*b*, употребление членов которого обусловлено позицией 1 или 2, соответствует нулевой ряд (т. е. лишенный чередований) *b*, где звуковая единица *b* употребляется как в позиции 1 (где она различается с *a*), так и в позиции 2 (где *a* не употребляется). Сказанное представлено в схеме:

Подобные чередования, состоящие из двух непараллельных, пересекающихся рядов, могут образовать параллельные соотносительные пары рядов. В этом случае окажется, что каждая пара рядов параллельна и не пересекается с другими парами рядов, но отдельные ряды в пределах каждой пары рядов непараллельны, пересекаются. Это может быть представлено в схеме:

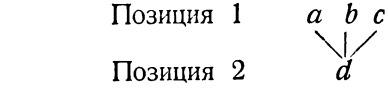

и т. д.

Примером такого чередования непараллельного и пересекающегося внутри каждой пары рядов и, напротив, параллельного и соотносительного для каждой пары рядов по отношению к другим парам рядов может служить чередование глухих и звонких согласных в русском языке, где, например, перед гласными различаются [т] и [д], [к] и [г], [с] и [з] и др., а на конце слова

в соответствии с каждой парой звуков, состоящей из глухого согласного и соответствующего звонкого, употребляется только глухой: [плʌты́] — [плʌды́], но [плот] („*плот*“ и „*плод*“); [пʌро́къ] — [пʌро́гъ], но [пʌро́к] („*порок*“ и „*порог*“); [гла́съ] — [гла́зъ], но [глас] („*глас*“ и „*глаз*“).

Другой типичной формулой типа чередований, образующих непараллельные, пересекающиеся ряды, имеющие общие члены, является следующая: „двум или нескольким звуковым единицам, различающимся в позиции 1, в позиции 2 соответствует одна единица, не совпадающая по своему качеству ни с одной из различающихся в позиции 1 единиц“. Это означает наличие таких рядов чередований: *a* // *d*, *b* // *d*, *c* // *d*. Подобный тип чередований может быть представлен в схеме:

Примером такого чередования может служить чередование ударного гласного с соответствующими ему безударными в русском литературном языке. Например, гласные [о] и [а] после твердого согласного, различаясь в ударном слоге, не различаются и чередуются с [ʌ] в 1-м предударном слоге и с [ъ] в других безударных: ср. [вол] и [вал], [дроф] и [траф], [дом] и [дам]; [вʌлы́] (*волы* и *валы*), [дрʌва́] и [трʌва́], [дʌма́] и [дʌла́], [дръв'и^{е}но́·і] и [тръв'и^{е}но́·і], [на́-дъм]. Гласные [а], [о], [е] после мягких согласных, также различаясь под ударением, не различаются и чередуются с [и^{е}] в 1-м предударном слоге: ср. [т'·а́нут], [н'·ос], [л'ес] и [т'и^{е}ну́], [н'и^{е}су́], [в-л'и^{е}су́], а также [р'и^{е}бо́·і], [п'и^{е}та́к], [в'и^{е}зу́], [с'и^{е}ло́], [б'и^{е}да́], [л'и^{е}га́·т'] и т. д.

Характерной особенностью фонетической системы при наличии непараллельных, пересекающихся позиционных чередований является то, что в разных позициях различается неодинаковое количество звуковых единиц, так как некоторые ряды чередований имеют общие члены. При таких чередованиях оказывается, что в одних позициях различается максимальное количество звуковых единиц, в других меньшее, а иногда — в третьих — еще меньшее, т. е. минимальное количество звуковых единиц. Это означает, что при наличии таких чередований кратчайшая звуковая единица данной словоформы в зависимости от позиции обладает способностью различать звуковые оболочки словоформ не в одинаковой степени: в одних позициях она обладает этой способностью в высшей степени (сильная позиция), в других — в меньшей степени (слабые позиции).

Таким образом, описанные выше два типа звуковых чередований образуют фонетические системы, принципиально отличающиеся друг от друга. Чередования параллельные образуют

такую систему, при которой в любой данной позиции различается равное количество звуковых единиц, которые поэтому обладают равной различительной способностью. Чередования непараллельные, пересекающиеся, напротив, образуют систему, при которой в одних позициях различается большее количество звуковых единиц, в других — меньшее (слабые позиции). Поэтому оказывается, что одни звуковые единицы (в сильной позиции) обладают большей различительной способностью, а другие (в слабой позиции) — меньшей. Однако во многих языках фонетическая система образуется одновременно на основе наличия обоих типов чередований — как параллельных, непересекающихся, так и не параллельных, пересекающихся. Такова, например, звуковая система русского языка.

§ 12. Понятие сильной и слабой фонемы

Понятие фонемы основано на позиционных, фонетически обусловленных чередованиях, образующих определенную фонетическую систему. При наличии в языке чередований только параллельных, образующих ряды, не пересекающиеся друг с другом, фонетическая система оказывается более простой: каждый из рядов чередований образует функциональное тождество, которому соответствует одна фонема, а члены каждого ряда таких чередований (т. е. сами чередующиеся звуки) представляют собой разновидности, варианты этой фонемы.

В языках с таким типом чередований одна и та же кратчайшая звуковая единица в одном и том же качестве выступает как в составе словоформы, так и в составе морфемы. По отношению к таким языкам выделение фонем, установление объема каждой из них, да и самое определение понятия фонемы обычно достигается легко и споров не вызывает.

Значительно более сложную картину представляют языки, фонетической системе которых свойственны наряду с чередованиями параллельными чередования непараллельные, образующие ряды, пересекающие друг друга в определенных точках.

Общим для обоих типов чередований является то, что члены любого ряда позиционных чередований по отношению друг к другу не семасиологизованы, т. е. в силу своей позиционности не обладают способностью различать звуковые оболочки разных слов и форм: например, звуковые оболочки разных слов [м'ел] и [м'ел'] различаются не звуками [е] и [ê], являющимися членами параллельного чередования, а фонемами [л] и [л']; звуковые оболочки слов [нλсу́] (например, *в носу*) и [но́су] различаются не звуками [λ] и [о], являющимися членами непараллельного, пересекающегося чередования, а местом ударения: именно безударностью корневой морфемы в первом случае позиционно обу-

словлено наличие [ʌ]. Ударение различает в целом эти словоформы, но корневая морфема в них одна и та же, т. е. позиционное чередование [о] // [ʌ] по отношению к морфеме не семасиологизовано, не обладает различительной функцией.

Однако между двумя типами позиционных чередований есть существенное различие. Члены параллельного чередования тождественны по своей функции, так как в каждой позиции различается равное число звуковых единиц. Напротив, члены непараллельного, пересекающегося чередования функционально нетождественны. Это связано с тем, что различные ряды чередований имеют общие члены: во главе с разными членами чередования сильной позиции могут выступать одни и те же члены чередований слабой позиции. Ср., например, [о] // [ʌ] // [ъ] и [а] // [ʌ] // [ъ]: [вол] — [вʌлы́] и [вал] — [вʌлы́]; [дам] — [вы́дъм] и [дом] — [на́-дъм]. Или [з] // [с] и [с] // [з]: [клза́], [кос], [ко́з-бы]; [клса́], [кос], [ко́з-бы]; звуковым оболочкам [кос] и [ко́з-бы] в равной мере соответствуют словоформы *„коз“* и *„кос“*, *„коз бы“* и *„кос бы“*. Как видим, звуковая единица слабого положения может быть эквивалентна двум (а в других случаях и нескольким) единицам сильного положения. Это означает, что звуковые единицы, выступающие в слабой позиции, обладают ослабленной способностью различать звуковые оболочки слов и форм или, что то же, что фонематическая роль звуковых единиц (нередко даже одних и тех же) в сильной и слабых позициях различна: она максимальна в сильной позиции и меньшая в слабых. Поэтому при наличии чередований непараллельных, пересекающихся необходимо разграничение двух понятий для обозначения степени фонематичности кратчайших звуковых единиц, которые можно назвать сильной фонемой и слабой фонемой. Сильная фонема выступает в позициях максимальной дифференциации, в которых различается наибольшее количество звуковых единиц, а слабая фонема — в позициях меньшей дифференциации, в которых различается меньшее количество звуковых единиц (возможно выделение слабых позиций нескольких степеней в зависимости от количества различаемых звуковых единиц).

Как сильная, так и слабая фонемы в зависимости от позиционных условий могут выступать в ряде своих вариантов, которые ниже, в основной части книги, описаны в их соотношениях. Здесь же, в разделе вводном, эти соотношения оставлены в стороне.

Выше уже было указано, что фонема служит для различения звуковых оболочек словоформ. Теперь мы уточним эту различительную функцию по отношению к сильной и слабой фонемам. Сильная фонема различает звуковую оболочку не только словоформы, но и морфемы, в составе которой она находится. Ср. первые две фонемы в словоформах [рок] по отношению к

[нок], [сок], [ток] и к [рак], [рук]: здесь различены разные словоформы и в то же время разные морфемы[1]. Слабая фонема, различая звуковую оболочку словоформ, в то же время может не различать морфемы, так как она (слабая фонема) всегда является эквивалентом двух или нескольких сильных фонем. Ср. последнюю фонему в слове [рок], являющуюся слабой, так как на конце слова не различаются глухие и звонкие согласные и [к] в этом положении является эквивалентом [к] и [г]. Слабая фонема [к] отличает звуковую оболочку словоформы [рок] от звуковой оболочки словоформ [рос], [рот], [рош], но она не различает морфем *рок* и *рог*, которые в данной словоформе оказываются омонимичными, различаясь в других словоформах (ср. *рóка, рóку* и *рóга, рóгу*). Точно так же слабая фонема [с] в словоформе [рос], отличая ее от словоформ [рок], [рот], не различает омонимичных в данной словоформе морфем *рос* (*рос, росла́* или *рос, роса́*) и *роз* (ср. *рóза*); также не различает морфем слабая фонема [т] в приведенных словоформах морфем *рот* и *род*.

Таким образом, как слабая, так и сильная фонема непосредственно функционирует в словоформе и лишь через словоформу оказывается в определенных отношениях к морфеме, качество которых зависит от различий в природе сильной и слабой фонемы.

Как мы видели, слабая фонема является эквивалентом, как бы заместителем двух или нескольких сильных фонем. Это значит, что слабые фонемы занимают в фонетической системе подчиненное положение по отношению к сильным фонемам, поэтому они никогда не могут рассматриваться в одном ряду с сильными фонемами. Отсюда следует, что если в фонетической системе того или иного языка представлены сильные и слабые фонемы, то установление состава различных кратчайших звуковых единиц — фонем, их количества должно производиться на основе учета тех единиц, которые различаются в сильной позиции — в позиции максимальной дифференциации, т. е. на основе учета количества различающихся сильных фонем. Состав фонем (при наличии сильных и слабых фонем) — это состав сильных фонем, но не совокупность сильных и слабых фонем. Например, определяя состав гласных фонем русского литературного языка, можно констатировать, что в позиции максимальной дифференциации различаются 5 гласных фонем (являющихся сильными гласными фонемами) — верхнего подъема лабиализованная и нелабиализованная [у] и [и], среднего подъема лабиализованная и нелабиализованная [о] и [е] и нижнего

[1] Однако сильная фонема не покрывает собою всего многообразия звукового оформления данной тождественной морфемы: ср. [рок] и [рʌгá] — в тождественной морфеме могут быть сильная фонема [о] и слабая фонема [ʌ], сильная фонема [г] и слабая фонема [к]. Об этом подробнее см. ниже.

подъема нелабиализованная [а]. Но нельзя к этим пяти сильным фонемам прибавить в том же ряду слабые фонемы.

§ 13. Понятие фонемного ряда

Если фонетическая система языка основана на звуковых чередованиях только параллельных, непересекающихся, то фонема в равной мере функционирует в составе звуковой оболочки как словоформы, так и морфемы: тождеству словоформы (или тождеству морфемы) соответствует тождество их фонематического состава. Между морфемой, как минимальной значимой единицей, и фонемой, незначимой и являющейся различителем звуковой оболочки слов и морфем, отсутствуют какие бы то ни было посредствующие звенья.

Иначе и значительно более сложно обстоит дело в тех случаях, когда фонетическая система бывает основана на звуковых чередованиях не только параллельных, не пересекающихся, но также непараллельных, пересекающихся. Как было показано выше, при непараллельных чередованиях фонема непосредственно функционирует в словоформе — она является различителем звуковых оболочек разных словоформ. В этих случаях приходится различать сильные и слабые фонемы, которые в разной степени различают звуковые оболочки словоформ и находятся в разных отношениях к морфемам, входящим в состав этих словоформ (см. выше). Непараллельное чередование есть чередование сильной фонемы со слабыми, которые являются эквивалентами данной сильной фонемы и еще одной или нескольких сильных фонем. Подобное чередование ввиду позиционной обусловленности его членов характеризуется отсутствием семасиологизации, отсутствием различительной способности его членов по отношению друг к другу и образует весьма важное связующее звено в структуре языка между фонемой и морфемой, которое мы назовем фонемным рядом.

Фонемные ряды представляют собой ряды непараллельных, в отдельных своих звеньях пересекающихся звуковых чередований; каждый из этих рядов ввиду позиционной обусловленности его членов, образует определенное функциональное единство, которому соответствует тождество морфемы[1]. Именно функциональное единство сильной гласной фонемы [о] в русском языке и чередующихся с ней слабых гласных фонем [ʌ] и [ъ],

[1] Здесь так же, как и выше, не принято во внимание соотношение позиционно обусловленных вариантов каждого из членов фонемного ряда (т. е. сильной фонемы и чередующихся с ней слабых фонем). Это соотношение и общая формула фонемных рядов даны ниже, после описания сильных и слабых фонем современного русского литературного языка. Здесь мы пользуемся конкретным выражением фонемных рядов в одной из позиций.

образующих один ряд позиционных чередований, а также единство сильной фонемы [д] и слабых фонем [т] и [д'], образующих другой ряд позиционных чередований, позволяет считать, что в словоформах [вʌдá], [вóды], [вот], [вʌд'é], [въдʌвóс] имеется одна и та же, равная себе, тождественная корневая морфема, которая в зависимости от позиционных условий меняет свой звуковой облик.

Таким образом, гласный элемент приведенных выше словоформ представляет собой фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой [о] : [о] // [ʌ] // [ъ]; конечный согласный элемент той же морфемы представляет собой фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой [д] : [д] // [т] // [д']. Функциональное единство сильной фонемы [о] и слабой фонемы [ъ] в словоформах [с'и^{е}лóм] и [сáдъм], [с'т'и^{е}нó· і] и [клрóвъі] соответствует тождеству флексий в каждой паре примеров, хотя эти флексии в зависимости от позиционных условий произносятся неодинаково. Гласный элемент этих флексий представляет собой фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой [о].

Из изложенного выше следует, что фонемный ряд — это важный структурный элемент языка, представляющий собой связующее звено между фонемой и морфемой в тех случаях, когда звуковая система строится на основе чередований не только параллельных, но и непараллельных, пересекающихся. Единство позиционно обусловленных чередований, которое образует фонемный ряд, является показателем тождества морфемы. Фонемный ряд как бы вбирает в себя все несущественное для морфемы как значимой единицы, всё внешнее, позиционно обусловленное и является, таким образом, своеобразным мостом между звуковой оболочкой языка, с одной стороны, и грамматическим строем и словарным составом, с другой.

Следует отметить, что не всегда слабая фонема чередуется в пределах той же морфемы с одной из соответствующих ей сильных фонем, не всегда в пределах одной морфемы (в разных формах словообразования и словоизменения) представлен бывает весь фонемный ряд во главе с сильной фонемой. Это зависит от комбинаторных и позиционных условий. Например, в русском языке согласная фонема перед гласной в начале одной морфемы всегда оказывается в положении нулевой комбинаторности, т. е. не входит ни в какой ряд чередований. Поэтому если в этом положении находится согласная фонема, слабая по твердости-мягкости, то эта фонема оказывается вне позиционных чередований, вне одного какого-либо определенного фонемного ряда. Ср., например, слабые согласные в начале слов [в'ес], [с'еф], [м'éръ], [б'ел], [д'élъ] и т. д. Как известно, мягкие парные согласные могут входить в фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой твердой, или в фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой мягкой. В приведенных же случаях они не входят

ни в один из этих фонемных рядов, так как они находятся в положении нулевой комбинаторности.

Другой пример. При неподвижности ударения в разных формах словообразования и словоизменения, имеющих в своем составе данную морфему, или при отсутствии форм словообразования или словоизменения гласная данной морфемы также оказывается вне чередований, т. е. не входит ни в один определенный фонемный ряд. Ср., например, слабую фонему [ʌ] в случаях: [стʌкáн], [стʌкáны], [стʌкá·н'ч'ик], [пътстʌкá·н':ик] и т. д.; ср. слабые фонемы [ь] и [и^{е}] в случаях: [д'ьл'и^{е}гáт], [д'ьл'и^{е}гá-ты], [д'ьл'и^{е}г'йръвът']; ср. слабую фонему [ʌ] при отсутствии форм словообразования и словоизменения: [нътʌш':·áк]. Во многих случаях может быть представлен неполный фонемный ряд — фонемный ряд без возглавляющей ряд сильной фонемы, т. е. чередование слабых фонем: ср., например, чередование ʌ // ъ — [тʌтá·р'ин], [тʌтáр], [тʌтáрскъi] и [тътʌрч'·óнък]; [слт'йръ], [сът'ир'й'ч'ьскъi].

Таким образом, слабые фонемы в одних случаях входят в фонемный ряд, т. е. являются членами одного из непараллельных пересекающихся чередований, возглавляемых той или иной сильной фонемой, типа [дом], [дʌмá], [нá-дъм], в других случаях не входят в фонемный ряд и представляют собой самостоятельные единицы, которые по их различительной способности можно квалифицировать как единицы, так сказать, „низшего ранга" (сравнительно с сильными фонемами).

§ 14. Тождество и различие словоформ и морфем в их отношении к своим звуковым оболочкам

Основным итогом всего предыдущего изложения является то, что в составе фонетической системы, основанной на звуковых чередованиях как параллельных, так и непараллельных, фонема является элементом звуковой оболочки словоформы, а фонемный ряд — элементом звуковой оболочки морфемы, охватывающим все звуковое многообразие морфемы в пределах, обусловленных позицией.

Анализ соотношений между фонемами и фонемными рядами, с одной стороны, и словоформами и морфемами — с другой, позволяет сформулировать два закона о тождестве и различиях словоформ и морфем в их отношениях к своим звуковым оболочкам.

1. Тождеству словоформ (т. е. той же словоформе) соответствует тождество фонем; напротив, „нетождеству" словоформ (т. е. разным словоформам) соответствуют различия в фонемах одного ранга.

Это значит, что каждая из словоформ [дом], [дымóк], [рука-

вóм], [пл'énум], [вол] равна себе, пока неизменен фонематический состав их звуковых оболочек. Нижеследующие же случаи представляют собой разные словоформы, отличающиеся друг от друга фонемами одного ранга: [дом], [дам], [дым] отличаются сильными гласными фонемами [о], [а], [и]-[ы]; [длмóк], [дымóк] — слабыми гласными фонемами 1-го предударного слога [л], [и]-[ы]; [руклвóм], [ръклвóм] и [пл'énум], [пл'énъм] — слабыми гласными фонемами других безударных слогов [у] и [ъ]; [вол], [в'·ол], [мол], [м'·ол], [тол], [дол], [с'·ол], [шол] — сильными согласными фонемами; [вол], [вот], [вос] — фонемой [л], различающейся во всех положениях, и слабыми фонемами конца слова [т] и [с], где глухость-звонкость не различается. Нетрудно заметить, что во всех приведенных случаях и им подобных фонемы одного ранга (например, разные сильные фонемы или разные слабые фонемы в одной и той же позиции) различают звуковую оболочку словоформ, включающих в свой состав разные морфемы.

Здесь необходимо сделать одно существенное замечание. Так как слабые фонемы являются эквивалентами двух или нескольких сильных фонем, то тождеству звуковых оболочек при наличии в их составе таких слабых фонем могут соответствовать разные (в данном случае омонимические) словоформы, включающие в свой состав разные морфемы: ср. [влли́] (от *вол* и *вал*), [л'ес] (от *лезу* и *лес*), [умлл'а̏т'] (от *умолять* и *умалять*), [ду́шкъ] (от *душа* и от *дуга*) и т. д.

Таким образом, различие в слабых фонемах всегда свидетельствует о разных словоформах, включающих в состав своих звуковых оболочек разные морфемы (ср. [слра́·іъ] и [сыра́·іъ], [сыро́·іъ] и [сыро́·іу]: в первом случае — разные корневые морфемы, во втором — разные флексии. Однако тождество звуковых оболочек при наличии слабых фонем не может обязательно свидетельствовать о тождестве словоформ и составляющих их морфем.

2. Тождеству морфемы (т. е. той же морфеме) соответствует тождество фонемных рядов; напротив, „нетождеству" морфем (т. е. разным морфемам) соответствует различие в фонемных рядах[1].

Это значит, во-первых, что одна и та же морфема всегда имеет звуковую оболочку, состоящую из фонем (возможно разного ранга), входящих в состав одних и тех же фонемных рядов. Ср. корневую морфему в словоформах [вóды], [влда́], [въдлвóс], [влд'é], [вот]: она везде равна себе как морфема,

[1] Понятие „нетождества" морфем охватывает большое количество различий, где на одном полюсе оказываются разные морфемы (например, *дом* и *сад*), на другом — варианты одной и той же морфемы (ср., например, корневую морфему в словоформах *пеку* и *печешь*). При этом под вариантами

несмотря на различия в звуковой оболочке, так как эти различия, носящие позиционный характер, не выходят за рамки одних и тех же фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [в], [о] и [д]. При этом фонема [в], находясь в начале звуковой оболочки морфемы, не образует никаких чередований, а две другие образуют ряды: [о] // [ʌ] // [ъ]; [д] // [т] // [д']. Это значит, во-вторых, что разные морфемы отличаются друг от друга вхождением хотя бы одной из кратчайших единиц их звуковой оболочки в р а з н ы е фонемные ряды. В случаях [дом], [дʌмо́к], [на́-дъм] представлено тождество корневой морфемы, так как чередование [о] // [ʌ] // [ъ] образует один фонемный ряд. В случаях же [дʌмо́к] и [дымо́к] перед нами разные корневые морфемы, чему соответствует то обстоятельство, что [ʌ] и [ы] входят в разные фонемные ряды.

§ 15. Фонетическая система в её отношении к структуре языка в целом

Таким образом, фонетическая система, основанная на звуковых чередованиях как параллельных, так и пересекающихся, заключает в себе два плана: в одном из них кратчайшие звуковые единицы слова рассматриваются как элементы звуковой оболочки словоформы, т. е. как фонемы; в другом они рассматриваются как элементы морфемы вне зависимости от позиционно обусловленных различий ее звуковой оболочки в отдельных конкретных словах и словоформах, т. е. как фонемные ряды. Не подлежит сомнению важность обоих этих планов исследования, образующих два структурных плана, два „этажа" фонологии как науки.

Анализ фонемы как кратчайшей звуковой единицы в составе словоформы позволяет изучать звуки речи во всех их реальных физиолого-акустических свойствах как необусловленных, самостоятельных и потому фонематических, так и обусловленных и потому нефонематических.

Анализ фонемных рядов позволяет установить фонетическую систему как сложное иерархически-многостепенное целое, в состав которого входят фонемы разных „рангов", находящиеся

одной и той же морфемы имеются в виду варианты в той или иной мере существенные для грамматики и лексикологии и не обусловленные позицией с точки зрения закономерностей звуковой системы в ее современном состоянии. Разграничения всех этих различий не существенны для фонетики и относятся к сфере грамматики и лексикологии. Для фонетики же существенно лишь установление понятия тождества фонемы и его отграничение от понятия „нетождества", включающее в себя все многообразие видов „нетождества". О разных видах „нетождества" морфем см. интересные замечания в статье А. А. Реформатского „О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)", напечатанной в сб. „Вопросы грамматического строя", изд. АН СССР, М., 1955.

в сложных отношениях друг к другу и укладывающиеся в определенные закономерные фонемные ряды. Вместе с тем этот анализ позволяет установить понятие тождества морфемы с точки зрения ее звукового строения, т. е. подводит исследователя к одному из исходных понятий грамматики и лексикологии.

Без анализа фонемных рядов звуковая оболочка слова была бы полностью оторвана от грамматического строя, типы словоизменения и словообразования потеряли бы свои границы, удвоились и утроились, так как фонетические разновидности одной и той же тождественной морфемы пришлось бы считать за разновидности грамматические — за варианты морфемы или даже за разные морфемы.

Как было указано выше, отдельные структурные элементы языка тесно связаны между собой. Изучение разных сторон языка в их связях является важной задачей языкознания. Сложны и многообразны связи между фонетической системой, образующей „природную материю языка", и морфемой, а через морфему также с грамматическим строем и словарным составом языка. Анализ кратчайших звуковых единиц языка как элементов звуковой оболочки словоформ (т. е. как фонем) и как элементов звуковой оболочки морфем (т. е. фонемных рядов) позволяет понять эти связи и органически связывает фонетическую систему с морфемой, тем самым связывая учение о звуках с учением о морфеме, лежащим в основе грамматики и лексикологии.

§ 16. К вопросу о причинах разных точек зрения на фонему

Сложность понятия фонемы, его отношения к значимым элементам языка и определяемого им понимания фонетической системы и структуры фонологии как науки обусловила многообразие и противоречивость точек зрения у разных авторов. Эмпиризм, невыясненность теоретических предпосылок исследования — едва ли не основная причина многообразия и противоречивости мнений в этом вопросе. Именно ввиду неразработанности проблемы в теоретическом отношении, определяя понятие фонемы, одни ученые „стихийно" исходили из слова или даже словоформы, другие из морфемы. На этом были основаны длительные споры между акад. Л. В. Щербой и его учениками (Л. Р. Зиндером, М. И. Матусевич), с одной стороны, и московскими фонологами (Н. Ф. Яковлевым, П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским, В. Н. Сидоровым, автором этой книги) — с другой. Между тем от того или иного подхода зависит трактовка объема понятия фонемы, отношение фонемы к слову, его формам и морфеме, самое понимание фонетической системы и ее места в структуре языка. Особую, своеобразную позицию занимает С. И. Бернштейн.

Наше исследование показывает, что в тех случаях, когда фонетической системе языка свойственны позиционные чередования как параллельные, так и пересекающиеся, кратчайшая звуковая единица является элементом звуковой оболочки как словоформы во всей ее конкретности, так и морфемы как таковой (в тех пределах, в каких она тождественна, равна самой себе) безотносительно к формам словоизменения и словообразования. А так как задачей исследования является познание объекта исследования во всех его сложных, существующих в реальной действительности связях, во всей его многопланности, так сказать объемности, то, следовательно, оба эти структурные плана, оба аспекта исследования (кратчайшая звуковая единица в составе звуковой оболочки словоформы и морфемы) должны найти свое место в системе фонологии, будучи соответствующим образом разграничены, в том числе терминологически.

Исходным моментом во взглядах акад. Л. В. Щербы на фонему является словоформа, в составе звуковой оболочки которой и изучается кратчайшая звуковая единица. Именно поэтому акад. Л. В. Щерба и его ученики считают фонемой кратчайшие звуковые единицы, различаемые не только в сильной позиции (например, каждый из звуков в слове [дом]), но и в слабых позициях (например, [т] в слове [склат], [л] в слове [влдá]). Последние на основе близости по физиолого-акустическому признаку отождествляются с соответствующими звуковыми единицами, различающимися в сильной позиции. Так, представители этой точки зрения считают, что в слове [влдá] имеются две фонемы [а], что в начале слова [тот] и на конце его имеется одна и та же согласная фонема [т], т. е., что на конце слова [сат] представлена та же фонема, что в начале слова [так]. При этой точке зрения не принимается во внимание принципиальное различие в функционировании звуковых единиц, выступающих в сильной позиции, с одной стороны, и в слабых — с другой. Между тем их различительная роль в этих положениях неодинакова: она ослаблена у звуковых единиц, различающихся в слабых позициях, так как каждая из таких единиц эквивалентна двум или нескольким звуковым единицам, различающимся в сильной позиции. Поэтому отождествление сходных в физиолого-акустическом отношении звуковых единиц, различающихся в сильных и слабых позициях, нельзя считать целесообразным[1]. Оно представляет собой крупный

[1] Следует отметить, что эту точку зрения Л. В. Щерба и его ученики не могут провести последовательно, так как в слабых позициях может быть представлен звук, отсутствующий в сильных, например, [ъ] в русском языке. Гласный [ъ] сторонники этой точки зрения приравнивают к [а], так как будто бы в „полном стиле" [ъ] проясняется в [а].

недостаток данной концепции, ибо именно последовательное изучение функционирования кратчайших звуковых единиц языка как различителей звуковой оболочки слов и морфем поднимает фонологию на высшую ступень по сравнению с традиционной фонетикой.

Другой существенный недостаток этой концепции, органически связанный с первым, заключается в следующем. Отождествление на основе близости по физиолого-акустическому признаку звуковых единиц, различающихся в сильной и слабой позициях, ведет к отрыву звуковой единицы, различающейся в слабой позиции, от того ряда позиционных, лишенных различительной способности, несемасиологизованных чередований, которому она принадлежит. Особо следует отметить, что благодаря этому отождествлению звуковая единица, различающаяся в слабой позиции и чередующаяся с соответствующей звуковой единицей, различающейся в сильной позиции, отрывается от этой последней. Это значит, что [ʌ] в слове [вʌдá] полностью приравнивается к гласной [а] в словах [дам], [так], [сат] и т. д. и отрывается от гласного [о], с которым [ʌ] чередуется (ср. [вʌдá] — [вóды]). Это ведет к отрыву фонетической системы от грамматического строя и словарного состава, к тому, что фонетическая система оказывается изолированной по отношению к строю языка в целом, к тому, что звуковая сторона языка — его „природная материя" — оказывается изолированной от значимых элементов языка.

Положительной стороной концепции Л. В. Щербы в пределах вопросов, затронутых в настоящей книге, является положение об органическом единстве фонетики и фонологии, а также положение о наличии у каждой фонемы во всех ее вариантах своего строго определенного места с точки зрения классификации по физиолого-акустическим признакам в системе фонем.

Исходным моментом во взглядах московских фонологов на фонему была морфема. В их построениях тождество морфемы определяет собою границы и объем понятия фонемы. Именно поэтому эти ученые считают одной фонемой весь ряд позиционных чередований (пересекающихся, не параллельных по отношению к другим аналогичным рядам) во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции. Таким образом, звуковые единицы, выступающие в слабых позициях и чередующиеся с той или иной звуковой единицей, различающейся в сильной позиции и являющейся фонемой, объединяются с этой последней в одну единицу (фонему) на положении ее вариантов. Например, в случаях типа [вʌдá], [вóды], [нá-въду] гласные [ʌ] и [ъ] квалифицируются как варианты фонемы [о], весь ряд чередований ([о] // [ʌ] // [ъ]) также признается одной фонемой. Точно так же в случаях типа [вʌдá], [вот], [вʌд'é] согласные

[т] и [д'] квалифицируются как варианты фонемы [д], весь ряд чередований ([д] // [т] // [д']) также признаётся одной фонемой. При этой точке зрения последовательно учитывается функциональная сторона, достигается органическая связь между фонемой и морфемой и тем самым между фонетической системой, с одной стороны, и грамматическим строем и словарным составом — с другой. Фонетическая система органически включается в структуру языка в целом.

Однако эта концепция имеет свои существенные недостатки. Среди них важнейшим является неотчетливость, отсутствие четких граней у понятия фонемы. Понятие фонемы у московских фонологов — это прежде всего так называемый „основной вид фонемы" и ее „вариации", т. е. члены параллельного непересекающегося чередования, образующие функциональное тождество (т. е. по предложенной выше терминологии сильная фонема и ее варианты). Фонема в этом значении представляет собой конкретный звук, имеющий, несмотря на различия своих „вариаций", определенную физиолого-акустическую характеристику. Фонема в этом значении непосредственно является, как это было показано выше, элементом словоформы.

В другое, более широкое значение понятия фонемы теми же учеными включается не только „основной вид" фонемы и ее „вариации" (т. е. ряд параллельных чередований), но и ее варианты (т. е. ряд непараллельных чередований, имеющий общие члены с другим рядом таких же чередований). По предложенной выше терминологии — это фонемный ряд, в котором сильная фонема, возглавляющая ряд, чередуется со слабыми. Фонема в этом понимании лишена определенной физиолого-акустической характеристики, так как члены непараллельного, пересекающегося чередования могут быть весьма различны по своему качеству. Они ни в коем случае не представляют собой конкретного звука, а являются совокупностью звуков, находящихся в отношениях позиционного чередования, лишенных различительной способности в пределах своего ряда чередований и обладающих этой способностью в той или иной степени каждый в своей позиции по отношению к членам других аналогичных рядов чередования. Фонема в этом понимании, полностью соответствующая тому, что выше было охарактеризовано как фонемный ряд, является элементом звуковой оболочки морфемы и охватывает все позиционно обусловленные различия в звуковой оболочке той же, тождественной морфемы.

Такую нерасчлененность понятий, соответствующих разным объективным предметам и отношениям между ними, нельзя не признать существенным недостатком.

Другим недостатком является то, что так называемые „варианты" фонем рассматриваются по преимуществу со стороны

своей эквивалентности фонеме в его основном виде, т. е. с точки зрения своего функционального единства с „основным видом фонемы", в то время как различительная способность „вариантов", их фонематичность оказывалась в тени. Не может быть сомнения, что наше познание будет в наибольшей степени соответствовать действительности, если мы в равной мере будем учитывать и фонематичность „варианта", и его позиционную обусловленность (объясняющую наличие именно данной разновидности этого варианта), и, наконец, его эквивалентность определенной фонеме. Так, например, по отношению к гласному 1-го предударного слога в словоформе [тʌмá] можно установить, что фонематичность [ʌ] определяется его противопоставленностью гласным [у] и [ы] (ср. [туман], [ʌтымáл]), что наличие нелабиализованного гласного [ʌ], а не [и^{е}] обусловлено положением после твердого согласного (ср. [том] — [тʌмá]), но [т'·óмнъi] — [т'и^{е}мнá], что эквивалентность предударного [ʌ] в данной морфеме ударному гласному [о] устанавливается позиционным чередованием [о] // [ʌ] в пределах одной и той же морфемы ([том] — [тʌмá]). Только установление всех этих связей позволяет нам познать изучаемое явление с наибольшей полнотой, с наибольшим проникновением в действительность.

Недостатком этой концепции является и то, что „вариант" фонемы в сущности далеко не всегда является действительно вариантом, так как далеко не всегда входит в пределах той же морфемы в один из рядов позиционных чередований. Так, например, [ʌ] в слове [бʌрáн] или [с'] в слове [с'ём'] не входят ни в один ряд позиционных чередований. Поэтому, исходя из этой концепции, приходится констатировать, что [ʌ] в этих примерах является вариантом одной из двух фонем — [о] или [а] или что [с'] является вариантом одной из двух фонем [с] или [с']. Между тем звуки [ʌ] и [с'] могут входить или не входить в тот или другой ряд позиционных чередований, но, кроме того, они в приведенных случаях и многих других подобных являются самостоятельными звуковыми единицами, которые, как и всякие другие звуковые единицы, позиционно обусловлены и не фонематичны в одних сторонах своего качества и, напротив, самостоятельны и фонематичны — в других. Однако это единицы низшего „ранга" — слабые фонемы по отношению к единицам высшего ранга — сильным фонемам: у них меньшая различительная способность, чем у сильных фонем.

О СЛОГОРАЗДЕЛЕ И СТРОЕНИИ СЛОГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 17. Постановка проблемы

Вопрос о слогоразделе в русском языке не был еще предметом специального исследования, хотя его и касались в той или иной мере многие ученые, которыми был высказан ряд мнений, частью противоречивых, но в то же время — в особенности благодаря трудам А. Потебни, О. Брока и Л. В. Щербы — заключающих в себе некоторое количество бесспорных положений. Мы не будем здесь анализировать эти мнения, выяснять, что в них правильного, а что спорно или даже ошибочно, однако будем исходить из того, что уже добыто наукой. Критический анализ мог бы быть предметом специальной работы.

Стоящие перед исследователем структуры слога трудности определяются тем, что методами инструментального исследования еще не удалось получить существенных результатов в области слогоделения. Что же касается непосредственных наблюдений над своим или чужим произношением, то при их помощи не всегда оказывается возможным получить вполне достоверные данные, так как при наблюдении чисто фонетического членения речи, каковым является деление на слоги, очень трудно отрешиться от ассоциаций морфологических, вызванных морфологическим членением речи, и даже графических, связанных с правилами переноса. Вопрос усложняется еще тем, что структура слова, морфологическое членение речи не безразлично к слогоразделу: место слогораздела в некоторых случаях отличается в зависимости от наличия или отсутствия морфологического стыка, а при наличии такого стыка в зависимости от его характера (стык предлога и следующего слова, приставки и корня, корня и суффикса). Известное значение для слогоделения имеет также стиль речи, в особенности отчетливое и беглое произношение.

Само собою разумеется, что все ниже изложенные наблюдения нуждаются в проверке методами инструментального исследования. Не менее очевидно и то, что эти наблюдения далеко не исчерпывают тему и требуют своего продолжения и углубления.

§ 18. Основной закон слогораздела в русском языке

Установлено, что в русском языке в большей части сочетаний согласных между гласными слогораздел проходит перед сочетанием, в связи с чем неконечный слог слова обычно бывает открытым. Однако между гласными бывают и такие сочетания согласных, при которых слогораздел проходит между согласными сочетания, делая, таким образом, неконечный слог закрытым.

Основной закон слогораздела в русском языке заключается в том, что неначальный слог в русском языке всегда строится по принципу восходящей звучности, начинаясь с наименее звучного. При этом конечный звук неконечного слога бывает звуком наибольшей звучности, т. е. слоговым, образуя открытый слог, или, находясь после слогового звука (обычно гласного), звуком меньшей звучности — сонорным, образуя закрытый слог, благодаря чему в обоих случаях получается так, что последующий слог имеет в своем начале восходящую звучность.

Как известно, звуки речи по их звучности образуют весьма сложную шкалу. Однако при изучении слогораздела в русском языке существенно различение лишь трех категорий: 1) гласных — звуков максимальной звучности; 2) сонорных согласных, включая в их состав [j], который в русском языке разделяет признаки сонорных — звуков меньшей звучности по сравнению с гласными, но большей звучности по сравнению с остальными согласными; 3) шумных согласных — звуков наименьшей звучности. Если обозначить коэффициент звучности первых цифрой 3, вторых цифрой 2 и третьих цифрой 1, то описанный выше основной закон слогораздела в русском языке можно представить следующим образом.

В сочетаниях типа 3 + 1 + 2 + 3 . . . или 3 + 1 + 1 + 2 + 3 . . . слогораздел проходит после гласного (после 3), где имеется резкий спад звучности. Например: [пʌ/трóн], [пý/дръ], [мʌ/глá], [пá/кл'ъ], [кʌ/смáтъi], [ʌ/кнó], [ʌ/гн'·á]; [пʌ/стрó·i], [шý/стръi], [с'и^{e}/стрá], [пʌ/здрáвл'у]. В сочетаниях типа 3 + 2 + 1 + 3 . . . или 3 + 2 + 1 + 1 + 3 . . . слогораздел проходит после сонорного перед шумным, так как именно в этом случае обеспечивается возрастающая звучность в начале следующего слога. Например, [ʌм/бáр], [кáр/тъ], [кʌн/цá], [дóл/гъ], [вʌi/нá], [тʌл/пá], [хʌл/стá], [нʌп'·óр/стък], [дʌн/скó·i], [мʌр/скó·i]. В этом

случае предыдущий слог оказывается закрытым, так как иначе последующий слог не имел бы восходящей звучности. Важно отметить, что во всех приведенных случаях последующий слог начинается с восходящей звучности (1 + 3 ... ; 1 + 1 + 3 ... ; 1 + 2 + 3 ...).

Звук [j] ([i̯]) в рассматриваемом отношении не отличается от других сонорных, т. е. после гласного перед согласным примыкает к предшествующему гласному, а после согласного перед гласным к последующему гласному. Ср., например, [плі̯/д'·о́м] и [пл/д'j·о́м], [вл і̯/д'·а́] и [бл/д'j·а́], [бл і̯/да́ркъ] и [мл/д'j·а́ркъ]. Ср. [т'·о́л/къ] и [с'т'·о́/клъ] (*тёлка* и *стёкла*).

§ 19. Закрытые неконечные слоги

Таким образом, закрытые неконечные слоги в русском языке обычно образуются при таких сочетаниях согласных между гласными, из которых первый является более звучным сравнительно с последующими. Это имеет место при сочетании сонорных (в том числе [j] или [i̯]) с последующими шумными. Приведем несколько типичных примеров: [бо́м/бъ], [да́м/бъ], [ла́м/пъ], [по́м/пъ], [трлм/ва́·i̯], [н'и́м/фъ], [са́м/къ], [злм/ка́], [тлм/га́], [слм/ца́], [плм/ч'·а́л'ис'], [зам/шъвъі̯], [до́м/бръ], [ла́към/ствъ]; [ба́н/дъ], [блн'/д'и́т], [клн/то́ръ], [в'и́н'/т'ик], [клн/ца́], [клн'/ч'а́т'], [прлн'/з'и́т'], [рлма́н/сы], [ба́н/къ], [та́н/к'и], [клн/ва́], [клн'/ф'е́тъ], [кън'/с'т'иту́цыі̯ъ]; [блл/та́·т'], [плл'/то́], [къл/длва́·т'], [глл/д'е́'т'], [клл'/цо́], [пыл'/ца́], [клл/ч'·а́н], [по́·л'/зъ], [по́л/зът'], [блл'/шо́·і̯], [хлл/с'т'и́нъ], [тлл/с'т'е́'т'], [плл/с'т'и́]; [го́р/дъі̯], [лко́р/ды], [плр/та́л], [спо́р/тъ], [клр/з'и́нъ], [клр/са́ш], [ко́р/жык], [ко́р/шун], [ко́р/ч'ит], [лр/ба́], [скlр/б'е́'т'], [глр/ба́тъі̯], [клр/па́ты], [в'·о́р/сты], [ца́р/ствъ]; [плі̯/ду́], [ч'·а́і̯/къ], [тлі̯/га́], [сто́·і̯/къ], [бл і̯/цы́], [за́·і̯/цы], [злі̯/ч'·о́нък], [сто́·і̯/т'ь], [сто́·і̯/б'иш':ь], [бл і̯/да́ркъ], [ма́·і̯/скъі̯].

При наличии больших отличий в месте образования между сонорным и следующим шумным согласным последующий слог может начинаться с размыкания затвора предыдущего сонорного согласного, образующего закрытый слог. Это более заметно между зубным или губным сонорным и задненебным согласным. Ср., например, такие случаи, как *танка, танго, жалко, самка,* которые могут произноситься как [та́н/ᴴкъ], [та́н/ᴴгъ], [жа́л/ᴸкъ], [са́м/ᴹкъ]. (Маленькая буква сонорного сверху перед буквой шумного согласного указывает на размыкание.)

Следует обратить особое внимание на то, что предыдущий закрытый слог образуется и при сочетании [j] ([i̯]) с последующим сонорным: [по́·і̯/мъ], [плі̯/ма́·т'], [кл і̯/ма́], [сто́·і̯/лъ], [по́·і̯/лъ], [вл і̯/на́], [та́·і̯/нъ], [ч'а́ і̯/н'ик]. Если верно, что при сочетании

двух сонорных слогораздел чаще, видимо, проходит перед сочетанием, благодаря чему предыдущий слог является открытым (ср. [вʌ/лна́], [бʌ/л'н'йцъ], [упо́/рнъ], [кʌ/рма́н], [по́/мн'у]), то из сопоставления слогоразделов типа [клi/ма́], но [кʌ/рма́н] можно бы сделать вывод, что по степени звучности и сонорные неодинаковы: звук [i] более звучен, приближаясь к собственно гласным, т. е. слоговым. Это и понятно, если учесть, что [i] и является гласным, лишь функционирующим в роли согласного.

В одном случае описанные законы слогоделения в русском языке не выдерживаются по чисто фонетическим причинам. Речь идет о сочетании [рж] с последующим согласным между гласными. При наличии такого сочетания слогораздел проходит не после [р], как следовало бы ожидать, а после шипящего согласного перед следующим шумным. Ср. [зʌд'ёрш/къ], [ис-тʌрш/ка́] *(из Торжка)*, [п'ьт'и^{e}рбу́рш/скъiъ], [нъвʌто́рш/скъiъ]. Это объясняется родственностью артикуляций [р] и [ж] — [ш] [1], в связи с чем образуется единая, как бы слитная артикуляция. Утративший голос звук [ж], находясь в одном слоге с предшествующим [р], может до известной степени воздействовать на [р] в сторону оглушения. С этим связано произношение [зʌд'ёр$_{ʌ}$ ш/къ], [ис-тʌр$_{ʌ}$ ш/ка́] с частичной, а в индивидуальной речи при беглом произношении и полной утратой голоса согласным [р].

В описанном отношении утративший голос звук [ж] и этимологический звук [ш], видимо, не полностью отождествились. Об этом свидетельствует то, что в случаях типа „два вершка", „горшков" возможно слогоделение не только [в'и^{e}рш/ка́], [гʌрш/ко́ф], но, видимо, также [в'и^{e}р/шка́], [гʌр/шко́ф].

§ 20. Открытые неконечные слоги

Остальные сочетания согласных между гласными, характеризующиеся одинаковой звучностью согласных или их возрастающей звучностью, обычно примыкают к следующему гласному и, таким образом, неконечный слог является открытым. Сюда относятся, например, такие сочетания:

смычный + смычный или аффриката: [лʌ/пта́], [ʌ/пт'ёкъ], [кно́/пкъ], [со́/пкъ], [кра́/ткъ], [кʌ/гда́], [н'й/ткъ], [ʌ/б:а́т], [ʌ/д:а́·т'], [о́/п:ъл], [н'и/к:лму́], [ку/пца́], [хлʌ/пч'·а́тъi], [па́·/ч'кът'];

смычный + щелевой: [ло́/бз'ик], [лʌ/пша́], [пʌ/два́л], [iи^{e}/два́], [ʌ/бва́л], [л'и/тва́], [плʌ/тва́], [ч'и^{e}/т'в'ёрк], [пʌ/тшы́л], [пъ/тслд'й'т'], [пъ/дзлдо́р'ил], [пʌ/тцэ́·п'ит], [лста́/ц:ъ], [пр'ид'·о́/ц:ъ];

аффриката + смычный: [по́/ч'тъ], [по́/ч'к'и], [рлска́/ч'къ];

---

[1] Ср. появление шипящего элемента при произношении мягкого [р] в чешском языке и изменение этого звука в [ж] или [ш] в польском.

щелевой + смычный или аффриката: [пу/с'т'й], [з'в'и^{е}/зда́], [пу/ска́·т'], [др'·а́/зг'и], [о́/спъ], [и/зба́], [пра́/вдъ], [тʌ/фта́], [ла́/фкъ], [кʌ/фка́с] *(Кавказ)*, [лʌ/жб'йнъ], [ко́/шкъ], [бу́/хтъ], [лʌ/фч'·о́нкъ], [плʌ/фцы́];

щелевой (кроме [j]) + щелевой: [ʌ/фса́], [кʌ/фша́], [пʌдо́/швъ], [л'е́/з'в'ьjь], [рʌ/зво́т], [пъ/схлд'й'л'и], [рʌ/с:а́дъ], [рʌ/ш:ы́л];

шумный согласный + сонорный: [ла́/дн̂ъ], [ʌ/дна́], [ʌ/бн'а̂т'], [п'и^{е}/т̂но́], [пло́/т̂нъ], [су/кно́], [дʌ/вно́], [ʌ/сно́въ], [в'и^{е}/сна́], [ва́/жнъ], [р'й/фмъ], [л'и/в'м'·а́], [пр'й/змъ], [лʌ/хма́тъj], [ʌ/бма́н], [б'е́/глъj], [ст'и^{е}/кла́], [п'и^{е}/кла́], [о́/блъкъ], [во́/блъ], [по́/дл'ь], [по́/с'л'ь], [по́/шлъj], [бʌ/дра́], [бʌ/тра́к], [бʌ/бра́], [и/гра́], [и/кра́], [ʌ/вра́к], [пр'й/зрък];

любой согласный + [j]: [мурʌ/в'j·а́], [сʌ/ф'j·а́н], [и/з'j·а́н], [дру/з'j·а́], [плʌ/с'j·а́нс], [лу/к'j·а́н], [плʌ-су́/ч'jъм], [ру/жj·о́], [върʌ/б'j·а́], [бʌ/д'j·а́], [лʌ/д'j·а́], [мы/т'j·о́], [л'и/тj·о́], [скʌ/м'j·а́], [б'и^{е} л'j·о́], [кʌ/л'j·а́н], [бу/р'j·а́н], [стʌ/р'j·о́], [кʌ/н'j·а́к], [вт рʌ/н'j·о́];

при сочетании одинаковых сонорных: э́/м:ъ *(Эмма)*, [а́/н:ъ] *(Анна)*, [ва́/н:ъ], [дл'и/н:а́], [гу/л':и́въj].

Обычно открытые слоги образуются, по-видимому, и при сочетании различных сонорных между собой: [вʌ/л'на́], [бʌ/л'-н'йцъ], [кʌ/рма́], [кʌ/рма́н], [кʌ/р'н'ис], [д'·о́/рнут'], [упо́/рнъ], [до́/мръ], [по́/мн'у], [плʌ/нра́в'илсъ], [сʌ/нл'и́въj]. (Однако при сочетании сонорных возможен слогораздел и между сонорными, так как он также обеспечивает возрастающую звучность неначального слога, а неконечный слог на сонорный перед согласными нисколько не нарушает свойственных русскому языку типов слогов: [а́н/нъ], [кʌр/ма́].)

Открытые слоги образуются и при сочетании нескольких согласных между гласными, например, [с'т'j], [стр], [здр], [ств], [скл], [згл]: [кр'и^{е}/с'т'jáн'ь], [л'й́/с'т'jъ], [о́/стръj], [шу́/стръj], [плʌ/здра́·в'ит'], [тържы^{э}/ство́], [тʌ/скл'и́въ], [ви/згл'и́въj] и др. То же можно сказать о сочетании [стн], а также сочетаниях [здн], [стл] с тем, однако, отличием, что согласные этих сочетаний ([здн] и [стл] только в некоторых словах), оказываясь в одном слоге, утрачивают средний смычный элемент: [по́/знъ], [пра́/знъj], [ч'е́/снъj], [ш':и^{е}/с'л'и́въj].

При сочетании согласных, сильно отличающихся друг от друга по месту образования (в особенности при сочетании смычных или при сочетании согласных, в котором первый согласный является смычным или аффрикатой), в начале последующего слога при переходе от одного согласного к другому образуется слабая (при некоторых сочетаниях очень слабая) нефонематическая вокальная артикуляция типа [ъ]. Речь идет о произношении сочетаний согласных в таких словах, как *лапта, шапка, купца, хлопчатый, мопса, такса, лобзать, экзамен* и др. Нефонема-

тичность этой артикуляции явствует, между прочим, из того, что наличие или отсутствие голоса у нее полностью обусловлено звонкостью или глухостью сочетания: между глухими она образуется без голоса, а между звонкими с участием голоса. Это принципиально отличает описываемую артикуляцию от гласных фонем, у которых наличие голоса является их конститутивным признаком, который может утрачиваться только в определенных фонетических условиях и притом лишь факультативно (по преимуществу в беглой речи). Таким образом, в описываемых случаях произносится: [лʌ/пъ̣та́], [ша́/пъ̣къ], [ку/пъ̣ца́], [хлʌ/пъ̣ч'·а́тъі], [мо́/пъ̣са], [та́/къ̣съ], [жо́/стъкъі], [лʌ/бъ̣за́·т'], [е/гъза́·м'ьн] и т. д.

Следует отметить, что указанные сочетания также произносятся и в начале начального слога, т. е. в словах типа *птица, пчела, пса, кто, Ксана, бдеть:* [пъ̣т'йцъ] и т. д.

§ 21. Несколько замечаний о теории слогораздела акад. Л. В. Щербы

С приведенным выше материалом практически вполне согласуется слогоделение примеров из русского языка, дающееся Л. В. Щербой в его „Фонетике французского языка": ра|ззадорить, ра|ссориться, а|ктёр, фе|стон, се|кстант[1]. Однако хотелось бы сделать несколько замечаний о теоретической стороне дела.

Л. В. Щерба теорию слогоделения строит на том, что каждый согласный может иметь три формы: а) сильноконечную, когда конец согласного сильнее его начала; б) сильноначальную, когда конец согласного слабее его начала (сильноконечными являются начальные согласные [с], [н] в основах *сон, нос*; сильноначальными — конечные [н], [с] в тех же словах); в) двухвершинную или удвоенную. По Л. В. Щербе, последние в русском языке могут быть только на слогоразделе; поэтому [с] в [с:о́ръ] и [з] в [ръз:лдо́·р'ит'] не являются двухвершинными, а представляют собой лишь удлиненные сильноконечные согласные[2].

Эти наблюдения Л. В. Щербы, как уже было отмечено, нельзя отрицать. Однако можно сомневаться в том, что вопрос о слогоделении Л. В. Щербой разрешается действительно на основании его существенного признака, так как наличие той или другой формы согласных является результатом характера слогоделения, его места, а не само определяет его.

Другими словами, слогораздел в слове „оса" (ʌ|са́) проходит перед [с] не потому, что в нем [с] — сильноконечное, а,

[1] См. Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, изд. 2-е. Учпедгиз, 1939, стр. 75—76.

[2] См. там же, стр. 75.

наоборот, [с] в нем — сильноконечное, потому что слогораздел проходит перед [с].

Следует отметить также, что материал не оправдывает мнения Л. В. Щербы о том, что в русском языке двухвершинной формы согласного „внутри слов в полном стиле не существует“[1]. Как будет показано ниже, в условиях определенных морфологических стыков (в особенности на стыке приставки и корня) и притом в наибольшей степени в том стиле произношения, который Л. В. Щерба называет полным, встречается слогораздел в середине „двухвершинного согласного“, находящегося перед согласным (в случаях типа *бессмертный, бессрочный*: [б'и^{e}с'/с'м'ёрт̄нъi̯], [б'и^{e}с/сро́·ч'нъi̯]).

§ 22. Особенности слогораздела, связанные с лексико-грамматическим членением речи

Описанные законы слогоделения, как это видно из материала, относятся лишь к слоговому членению слова, а не более крупных отрезков звучащей речи. При этом на стыке морфем, в особенности приставки и корня, при некоторых сочетаниях согласных имеют место особенности, которые описаны ниже.

Что же касается сочетания знаменательных слов, то слогоделение в них обычно сохраняется такое, какое свойственно каждому входящему в его состав слову в отдельности. Ср. [гʌд'·у́к | уб'и́л'и] *(гадюк убили)* и [гʌд'·у́ку | б'и́л'и] *(гадюку били)*. Это более заметно в тех случаях, когда в исходе первого слова находится звонкий согласный, оглушающийся на конце слова, т. е. в закрытом слоге: [пʌдру́гу/в'и^{e}л'и́] *(подругу вели)*, [пʌдру́к | ув'и^{e}л'и́] *(подруг увели)*.

Такое слогоделение (при котором единственный согласный между гласными образует закрытый слог в конце предшествующего слова перед начальным гласным следующего слова), как правило, сохраняется не только в отчетливом произношении, но в обычной разговорной речи. Лишь в очень беглой, неотчетлилой речи („скороговорке“) может быть иное слогоделение. Именно поэтому случаи типа *дай оду* и *да, йоду* в произношении всегда различаются слогоразделом (и как следствие слогораздела — наличием [i̯] в конце слога после гласного и [j] в начале слога перед ударным гласным: [да́·i̯/о́ду], [да́/j·о́ду]. Точно так же сочетания слов *ста луж* и *стал уж* в произношении отличаются местом слогораздела (в таких случаях это различие является единственным): [ста́/лу́ш], [ста́л/у́ш]. Таким образом, отход согласного между гласными к предшествующему гласному является одним из показателей конца слова.

[1] Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, стр. 75.

Само собой разумеется, что описанное слогоделение относится и к случаям, когда в исходе предшествующего слога имеется два согласных: [ку́ст/лка́цыи], [пу́с'т'/лд'ин], а не [ку́/стлка́цыи], [пу́/с'т'лд'ин].

Сказанное не позволяет в полной мере согласиться с мнением Л. В. Щербы о том, что при сочетании знаменательных слов, из которых первый кончается твердым согласным, а второй начинается с гласного [и], конечный согласный предшествующего слова в „неполном" стиле в отношении слогоделения примыкает к этому [и], в связи с чем на месте последнего произносится [ы]; в „полном" же стиле он примыкает к стоящему перед ним гласному, образуя закрытый слог, а в начале следующего слова произносится [и][1]. Таким образом, оказывается будто бы в обычной разговорной речи произносится [бра́/тыва́н] в отличие от „полного" стиля, которому будто бы соответствует [бра́т/ива́н]. Однако наблюдения показывают, что и в отчетливой речи в начале слова после твердого согласного предшествующего слова нормально произносится [ы], если только отсутствует пауза между ними. Только при раздельности произношения, т. е. при наличии хотя бы минимальной паузы, начальное [и] безусловно сохраняется. Но раздельное произношение слов в реальной речевой практике в пределах синтагмы не встречается. С другой стороны, и в обычной речи слогораздел, как правило, проходит м е ж д у знаменательными словами. В вопросах теории слогораздела на стыке знаменательных слов можно полностью согласиться с тем, что сказано по этому вопросу у Л. В. Щербы[2]. Однако нам кажется, что эта теория относится и к обычной нормальной разговорной речи[3], а не только к так называемому „полному" стилю и не требует особых оговорок и исключений для тех случаев, когда после твердого согласного предшествующего слога следует слово, начинающееся с [и]. Весьма характерно, что Л. В. Щерба не указывает для „неполного" стиля произношение [сто́/лупа́л] *(стол упал)*, но отмечает произношение [бра́/тыва́н], исходя, как нам кажется, из предвзятой идеи о том, что изменение [и] в [ы] на стыке слогов (в начале данного слога после конечного твердого согласного предшествующего слога) не должно бы иметь места[4].

---

[1] См. Грамматика русского языка, т. I. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 83—84.

[2] См. там же, стр. 73—74.

[3] За исключением некоторых особых случаев (модальных слов, идиоматических выражений, случаев с утратой ударения одним из слов сочетания и пр.).

[4] Возможность указанного Л. В. Щербой слогоделения в сочетании „брат Иван" может объясняться тесным синтаксическим объединением этого сочетания и ослаблением в связи с этим первого ударения.

Имеются и некоторые другие данные, указывающие на предыдущий закрытый слог при сочетании слов, из которых первый кончается одним согласным, а второй начинается с гласного.

Для современного русского литературного языка обычным и типичным является произношение [скла́т-лру́жы̯ъ] *(склад оружия);* [го́рът-ы́стръ] *(город Истра)* с глухим согласным вместо звонкого на конце слова перед гласным следующего слова. Если бы в таких случаях слогораздел в „полном стиле" проходил между словами, а в „неполном стиле" — перед конечным согласным первого слова, то следовало бы ожидать произношения — [скла́т/-лру́жы̯ъ], [го́рът/-и́стръ] в первом и [скла́/д-лру́жы̯ъ], [го́ръ/д-ы́стръ] во втором. Но этого нет: конечный звонкий согласный предыдущего слова оглушается не только в абсолютном конце (перед паузой), но и перед гласным следующего слова при образовании паузы, причем одновременно на месте начального [и] произносится [ы]. А произношение [скла́д-лру́жы̯ъ], [го́ръд-ы́стръ] вообще отсутствует в русском литературном языке. Поэтому нормальным и типичным следует считать слогоделение, соответствующее членению речи на слова.

Имеется еще один, как нам кажется, веский аргумент в пользу высказанной точки зрения: сопоставление произношения мягкого согласного + гласный на стыке слов и в пределах одного слова. В случаях типа *глубь Азии, вдоль Азии, сквозь Азию, вдоль улицы, сквозь улицу* начальный гласный второго слова оказывается не таким по качеству, как в слоге, начинающемся с мягкого согласного: [глу̀·п'-а́·з'ии], [вдо̀·л'-а́·з'ии], [сквò·с'-а́·з'и̯у], ср. [б'а̂з'и], [в'а̂з'ьмскъі], [л'а̂м'ин] (фамилия), [с'а̂д'ьт]; [вдò·л'-у́·л'ицы], [сквò·с'-у́·л'ицу], ср. [л'у̯́л'ьк], [в'ис'у̯́л'ьк].

Еще более ярко это наблюдение можно провести на случаях, когда второе слово начинается с безударного гласного неверхнего подъема. Случаи типа *князь Олег, царь Абгар, вдоль Оки* произносятся с гласным [л] в начале второго слова, в то время как после мягкого согласного того же слова единственным гласным неверхнего подъема выступает [и^{е}], ср. [кн'а̂с'-л'е́к], [ца̀·р'-лбга́р], [вдò·л'-лк'и́] (так же как в абсолютном начале: [л'е́к], [лбга́р], [лк'и́]), но [ф-с'и^{е}л'е́], [р'и^{е}бо́·і], [г'ил'и^{е}к'и́].

Можно считать, что отмеченная особенность произношения начальных гласных слова сравнительно с произношением неначальных гласных, следующих за мягким согласным того же слова, является фонетическим показателем начала слова и свидетельствует о слогоделении, соответствующем членению речи на слова.

§ 23. Особенности слогораздела на стыке предлога и следующего слова и приставки и корня

Сочетание предлога со следующим за ним словом занимает как бы промежуточное положение между сочетанием знаменательных слов и сочетанием приставки с корнем в пределах одного слова, больше приближаясь к последнему (ср. созвучность многих предлогов и приставок, например: *из, без, от, под* и др., и случаи типа *без пла́ты* и *беспла́тный, от и́мени* и *отымённый* и др.). Эта промежуточность объясняется самим характером предлогов как грамматического разряда: они имеют определенные формально-грамматические функции и в то же время обладают определенным, во многих случаях весьма ярким лексическим значением. Первое сближает их с формальными элементами слова, а второе — со знаменательными словами.

Во всяком случае обычно сочетания с предлогами в отношении слогоделения произносятся так, как если бы они представляли одно слово: [пъ/д-лс'и́нъi], [б'и^{е}/з-лтца́], [и/з-о́·з'ъръ], [п'ьр'ь/д-лкно́м]. Лишь при очень тщательном и отчетливом произношении встречается слогоделение, свойственное сочетанию знаменательных слов, т. е. отход конечного согласного предлога к предшествующему гласному и образование таким образом закрытого слога: [б'ез/лтца́], [п'е́р'ьд/лкно́м].

Иначе может обстоять дело при сочетаниях с двусложными и многосложными предлогами, обладающими своим словесным ударением (чаще слабым, так называемым побочным ударением). В этих случаях предлог как бы уподобляется знаменательному слову: слогораздел обычно не делит предлога между разными слогами, и конечный согласный предлога примыкает к предыдущему гласному, образуя закрытый слог: ср. [нлпро́·т'иф | у́·л'ицы], [нъп'ьр'и^{е}ко́р/ji^{е}му́], [пъп'и^{е}р'·о́к/р'и^{е}к'и́].

Некоторые двусложные предлоги допускают произношение как с побочным ударением, так и безударное, например: *вокруг, перед, через*. В зависимости от этого слогораздел в сочетаниях с такими предлогами бывает то такой, как в сочетаниях знаменательных слов, то такой, как в сочетаниях безударного предлога со следующим словом. Ср. обычное [ч'ьр'ь/з-н'и^{е}д'ê'л'у], [п'ьр'ь/д-рлд'и́т'ьл'ьм'и] и просторечное [ч'èр'ьс/н'и^{е}д'ê'л'у], [п'èр'ьт/рлд'и́т'ьл'ьм'и]. Двоякое произношение допускает также предлог *вокруг*: при обычном [влкрȕк/лс'и́ны] встречается также [влкру/г-лс'и́ны].

Односложные предлоги *сквозь, вдоль* всегда имеют побочное ударение и потому всегда образуют закрытый слог: [скво̀·с'/и́н'ьi], [вдо̀·л /лк'и́].

В пределах слова, а также безударного предлога (или предлога, не образующего слога) и следующего слова в русском

языке могут быть весьма многообразные сочетания. Однако при всем их многообразии имеются и определенные ограничения. Некоторые из таких ограничений вполне допускают их формулирование в форме определенных законов. Один из этих законов гласит, что больше двух одинаковых согласных рядом в русском языке произноситься не может. При этом два одинаковых согласных в пределах одного слога могут произноситься только перед гласным. Ср. [с:лд'й't'], [з:á·д'и], [в:от] (*ввод*). При сочетании слова, имеющего в начале двойное [с] или [в], с предшествующим предлогом *с* или *в* произносится не „тройное" [с] и [в], а лишь двойной согласный (т. е. то самое, что имелось в начале соответствующего слова без предлога); ср. примеры: *ссудой, с ссудой, введение* и *в введение,* которые в разбираемом отношении произносятся одинаково: [с:у́дъi], [в':и̯д'е́н'иjь] [1].

Другой закон гласит: два одинаковых согласных перед третьим (другим) согласным в русском языке в пределах одного слога быть не могут. Поэтому при сочетании предлога *с* или *в* со следующим словом, начинающимся двумя согласными, из которых первым является [с] или [в], произносится не двойной согласный, а обычный нормальный „краткий" согласный. Ср. примеры: *словом* и *с словом, снегом* и *с снегом, влагу* и *в влагу врага* и *в врага,* которые обычно произносятся одинаково: [сло́въм], [сн'е́гъм], [вла́гу], [врлга́] [2].

Между гласными сочетание двух одинаковых согласных перед третьим (другим) согласным произносится двояко; обычно оно сохраняется, тогда первый из одинаковых согласных примыкает к предыдущему гласному, образуя закрытый слог, а второй начинает собой следующий слог; но оно может также упроститься (на месте двух одинаковых согласных может произноситься один), тогда все сочетание согласных отходит к следующему гласному, так что предыдущий слог является открытым. То или иное произношение связано со структурой слова, его морфологическим составом, а также с характером произношения — отчетливым или беглым.

Имеет значение характер морфологического стыка (например, стык предлога и следующего слова, приставки и корня, корня и суффикса): упрощение согласных и предыдущий открытый

---

[1] Впрочем, при сочетании предлога *с* или *в* со словом, имеющим в начале двойное [с] или [в], предлоги эти обычно принимают форму *со, во,* ср. *со ссудой, во введении.*

[2] Впрочем, и в этих случаях предлоги *с* и *в* обычно принимают форму *со* и *во.* Вопрос об употреблении различных форм предлогов *с — со, в — во* (а также других) в связи с характером начала следующего слова выходит за пределы вопросов фонетики, рассматриваемых в настоящей книге, и нуждается в специальном исследовании как в плане установления современной литературной нормы, так и в плане исторического развития.

слог чаще наблюдается на стыке корня и суффикса. Вообще более четкое структурное членение слова, более яркое выделение значения отдельных морфем служебного значения (приставок, суффиксов), принадлежность слова книжному языку, а также отчетливое произношение связаны с сохранением одинаковых согласных в сочетании и наличием предыдущего закрытого слога; напротив, недостаточное выделение значения отдельных морфем, принадлежность слова к просторечию и беглое произношение чаще характеризуются упрощением группы согласных и предыдущим открытым слогом.

В соответствии с описанным выше законом русского слогоделения случаи типа *и скота* и *из кота,* а также *и скита* и *из кита* произносятся одинаково: [и|скл'та́], [и|ск'ита́]. В очень отчетливой речи случаи с предлогом *из* могут, видимо, произноситься с закрытым слогом, как [ис/кл'та́], [ис/к'ита́]. Однако случаи типа *из скота, из скита* в силу невозможности сохранения двойного [с] перед согласным в начале одного слога и в то же время в силу невозможности упростить его ввиду четкости и яркости выделения предлога произносятся с закрытым слогом: [ис/скл'та́], [ис/ск'ита́]. Случаи типа: *без тройки, без проса* произносятся по общему правилу: [б'и^{е}/стро́·ік'и], [би^{е}/спро́съ]. Однако случаи типа *без стройки, без спроса* в силу невозможности сохранить двойное [с] перед сочетанием согласных в пределах одного слога и в силу невозможности его упрощения ввиду яркого выделения предлога произносятся нормально с закрытым слогом: [би^{е}с/стро́·ік'и], [б'и^{е}с/спро́съ]. Так же произносятся случаи типа *под троном, под твоим* (с закрытым слогом, кончающимся смыканием и следующим слогом, начинающимся с размыкания): [пл^{т}/тро́нъм], [пъ^{т}/твл'и́м]. Ср. *патроном, по твоим:* [пл/тро́нъм], [пъ/твл'и́м].

Закрытые слоги произносятся на стыке предлога и следующего слова, а также обычно на стыке приставки и корня при наличии следующих сочетаний:

[ззв]: [б'и^{е}з/зво́нъ], [из/зву́къ], [б'и^{е}з'/з'в'·о́ст], [вл'з/зва́·н'ій'ь], [вл'з/зва́·т'], [ръз/звл'н'й'т'], [рл'з/зва́·н'ивът'], [б'и^{е}з/зву́·ч'нъі];

[ззн]: [б'и^{е}з/зна́къ], [из/зно́·ій'ъ], [ръз/зл'ко́милсъ];

[ззр]: [из/зрл'ч'ка́], [б'и^{е}з/зр'ếн'ій'ъ], [вл'з/зр'и́лсъ];

[ссв]: [б'и^{е}с'/с'в'е́тъ], [ис/свъиво́], [би^{е}с'/с'в'·а́знъі], [ис'/с'в'и^{е}рл'и́т'];

[ссл]: [б'и^{е}с/сло́ф], [ис'/с'л'уны́], [б'и^{е}с/сла́внъі], [б'и^{е}с'/с'л'е́дн͡ъі], [б'и^{е}с/сл'в'е́снъі], [ис'/с'л'е́дъвът'], [ис'/с'л'у́н'ав'ит'], [вл'с/сла́·в'ит'], [рл'с'/с'л'е́дъвът'], [рл'с/сла́бл'ьн:ъі], [рл'с/слы́шът'], [рл'с/сла́·в'ит'], [ръс/сл'й'н'иіъ];

[ссм]: [ис/см'л'лы́], [б'и^{е}с'/с'м'е́хъ], [рл'с/сма́тр'ивът'], [ръс'/с'м'и^{е}шы́л], [ръс'/с'м'и^{е}й'·а́лсъ], [б'и^{е}с'/с'м'е́рт͡нъі], [б'и^{е}с/смы́сл'ицъ];

[ссн]: [ч'ьр'и^{e}с'/с'н'ék], [ис'/с'н'égъ], [б'и^{e}с'/с'н'éжнъi̯], [ръс/-снлс'т'и̯'т'];

[ссп]: [ис'/с'п'élъвъ], [б'и^{e}с/спóръ], [б'и^{e}с/спóрнъi̯];

[сср]: [ис/ср'éцтф], [б'и^{e}с/ср'éцтф], [рлс/срó·ч'ит'], [ръс/ср'и^{e}длтó·ч'ит'], [б'и^{e}с/срó·ч'нъi̯];

[сст]: [ис/стлкáнъ], [б'и^{e}с/стыдá], [ч'ьр'и^{e}с/стóк], [б'и^{e}с/сты́цтвъ], [б'и^{e}с/сты́д͡нъi̯], [ис'/с'т'и^{e}гá·т'];

[шшв]: [ръш/швыр'а̊т'], [б'и^{e}ш/швá];

[шшн]: [ръш/шнурлвá·т'], [иш/шныр'а̊т'].

Сочетание [с] со следующим [ш':] (орфографически *сщ* или *ссч*) обычно упрощается и произносится как [ш':] с предыдущим открытым слогом: [б'и^{e}/ш':·óт͡нъi̯], [рл/ш':ếл'инъ], [рл/ш':·óлкът'], [ръ/ш':и^{e}пл'ếн'иi̯ь], [ръ/ш':итá·т']. При наличии на месте долгого мягкого шипящего [ш':] — [ш͡ч'] в беглом произношении находим то же слогоделение: [б'и^{e}/ш'ч'·óт͡нъi̯], [ръ/ш'-ч'ếл'инъ] и т. д. В отчетливой речи при этом сочетании может произноситься предыдущий закрытый слог, кончающийся звуком [ш'], и следующий слог, начинающийся с [ш'ч']: [рлш'/ш'-ч'édр'илсъ], [иш'/ш'ч'ипá·т'], [плш'/ш'ч'·óлкът']. Такое слогоделение наблюдается и при очень отчетливом произношении с долгим мягким шипящим (без взрывного элемента): [рлш'/ш'-édрилсъ], [иш'/ш'ипá·т'], [б'и^{e}ш'/ш':·ótнъi̯]. Впрочем, при наличии [ш'] в исходе предыдущего слога долгота [ш'] в следующем слоге может слабо ощущаться. Она обычно легко утрачивается и образуется [ш'], отходящее к следующему слогу. Это связано с тем, что три одинаковых согласных (хотя [ш':] и является далее нечленимой отдельной фонемой, но по времени, которое требуется для его произношения, оно не отличается от двух одинаковых рядом стоящих согласных) в русском языке не могут произноситься. Ср. [с:ó·р'итцъ] и [рлс:ó·р'итцъ] (*рас + ссорится*); [с:у́дъ] и [би^{e}с:у́ды] (*ссуда* и *без ссуды*).

В некоторых случаях слова с разобранными выше сочетаниями произносятся иначе: одинаковые согласные, начинающие собой сочетание, упрощаются, и последнее отходит к следующему гласному, делая предыдущий слог открытым. Это имеет место обычно в тех случаях, когда морфологическое членение слова оказывается не вполне ощутимым, недостаточно ярким, а также когда слово является особенно употребительным или вошло в просторечие. Например: [вл/стá·н'иi̯ь], [въ/стънлвл'ế-н'иi̯ь], [ръ/с'т'и^{e}гá·i̯], [рл/ст'·óгъвът'], [ръ/стлвáтцъ], [рл/стáлсъ], [ръ/стлнóфкъ], [ръ/стлj·án'иi̯ъ], [ръ/ст'и^{e}л'й'т'] (*расстелить*), [ръ/ст'илá·т'], [б'и^{e}/сты́жъi̯], [б'и^{e}/сты́д͡н'ик], [и/ступл'ếн'иi̯ъ].

Двойной согласный обычно упрощается перед двумя согласными, причем все сочетание согласных отходит к следующему

гласному, благодаря чему предыдущий слог оказывается открытым: [рʌ/стро́·ĭствъ], [рʌ/стра́ивът'], [ръ/стр'и^{e}л'а̊т'], [рʌ/стр'е́'л'ивът'], [ръ/спрʌс'и'т'], [рʌ/спра́шъвът'], [рʌ/спро́с]. В случаях с особенно ярко выделяемой приставкой первый согласный (на месте упростившегося двойного согласного), видимо, может отходить к предыдущему гласному, образуя закрытый слог: [б'и^{e}с/тра́снъĭ], [б'и^{e}с/тру́н:ъĭ]. Лишь в очень отчетливой речи перед двумя согласными сохраняется два одинаковых согласных, из которых первый отходит к предыдущему гласному, образуя закрытый слог: [б'и^{e}с/стра́снъĭ], [б'и^{e}с/стру́н:ъĭ].

Сказанным объясняются возможные различия в произношении одного и того же сочетания согласных и в слогоделении таких случаев, как *бесстыжий* и *бесстыдный*: [б'и^{e}/сты́жъĭ], но [б'и^{e}с/сты́д͡нъĭ].

§ 24. Слогораздел на стыке корня и суффикса

Предшествующий закрытый слог со слогоразделом между одинаковыми согласными, начинающими собой сочетание, вообще реже встречается на стыке корня и суффикса.

В ряде случаев лишь этимология слова и отражающая ее орфография свидетельствуют о наличии в прошлом двух одинаковых согласных. Ср., например, *искусство, искусственный*, которые произносятся: [иску́ /ствъ], [иску́/с'т'в'ьн:ъĭ]. Однако во многих других случаях и из существующих соотношений между разными морфологическими образованиями ясно наличие двойного согласного, хотя последний и не всегда произносится. Ср. [ру/скъĭ], [фрʌнцу́/скъĭ] при *Русь*, *француз*. Нетрудно заметить, что там, где требуется, чтобы звуковой облик непроизводной основы сохранился бы по возможности без изменений, слогораздел проходит между одинаковыми согласными, делая предшествующий слог закрытым. Ср. [ру́/скъĭ] (= *принадлежащий к данной нации*) и [ру́с/скъĭ] (от *Руза* = *относящийся к Рузе*). Это последнее произношение отмечается чаще всего тогда, когда непроизводная основа является иноязычной или когда слово не относится к числу общеупотребительных. Ср. [п'е́лъпонэ́с/скъĭ], [л'езбо́с/скъĭ], [ʌндʌлу́с/скъĭ], [етру́с/скъĭ], [зулу́с/скъĭ], [с'ирʌку́с/скъĭ], [с'ил'е́с/скъĭ], [клнза́с/скъĭ], [плрна́с/скъĭ], [пру́с/скъĭ], [хʌка́с/скъĭ], [еск'имо́с/скъĭ], [инду́с/скъĭ].

Однако в некоторых случаях такое произношение отмечено и в словах общеупотребительных: [мʌтро́с/скъĭ], [ʌрзʌма́с/скъĭ], [ч'и^{e}рк'е́с/скъĭ], [плʌле́с/скъĭ], [м'иу́с/скъĭ], [ʌд'е́с/скъĭ], [клфка́с/скъĭ], [зʌл'е́с/скъĭ].

Предшествующий закрытый слог со слогоразделом между одинаковыми согласными образуется на стыке с суффиксом

в сочетании [стск] между гласными при утрате в связи с ослаблением звука [т] между двумя [с]: [мл̣ркс'ис/скъ̣і], [пръпъглн'-д'ис/скъ̣і], [мъкс'имлл'ис/скъ̣і].

В ряде случаев упрощение группы согласных между гласными или ее сохранение определяется местом слогораздела, неодинаковым в разных стилях речи. Так, например, сочетание [тн], [дн] произносится в начале слога, но не произносится после согласного того же слога. Ср. [по́/тн̂ъ̣і], но [по́/снъ̣і] из *постный*, [плра́/дн̂ъ̣і], но [пра́/знъ̣і] из *праздный*. Поэтому при склонности русского языка к открытым слогам и слогоразделе после гласного сочетания [стн], [здн] упрощаются в [сн], [зн]: [ч'е́/снъ̣і], [м'е́/снъ̣і], [из'в'е́/снъ̣і]; [по́/знъ], [пра́/з'н'ик] и т. д. В случаях необходимости сохранения сочетания [здн] (например, в книжных стилях речи, при определенных морфологических стыках) слогораздел проходит после первого согласного сочетания: [бе́з/дн̂ъ], [б'и^{е}з-дна́].

Возможно, что так же обстоит дело с сочетанием [с'т'л']: [ш':и^{е}/с'л'йвъ̣і], но [хвлс'/т'л̂'йвъ̣і], [клс'/т'л̂'·а́въ̣і].

Следует отметить, что в начале неначального слога после согласного предыдущего слога перед гласным не произносится аффриката с долгим затвором. Ср. [с'й́т'ьц] — [с'й/тцъ], но [гллá·н'д'ьц] — [гллáн/цъ], а также [флмáн/цы], [ислáн/цы], [нлрмáн/цы], [ирлáн/цы], [гр'и^{е}нлáн/цы].

В сочетании долгого мягкого глухого шипящего [ш':] с последующим [н] лишь при очень отчетливом произношении слогораздел проходит в середине [ш':], а обычно — перед сочетанием, так что предыдущий слог оказывается открытым. Однако в силу того, что два одинаковых согласных перед третьим (другим) согласным в одном слоге не могут произноситься (а долгий шипящий, хотя и является нечленимой фонемой, по времени, необходимому для его произношения, как это было уже отмечено, не отличается от сочетания из двух согласных), сочетание упрощается. Ср. в отчетливом произношении [мо́·ш'/ш'нъ̣і], [х'й́'·ш'/ш'нъ̣і], [су́·ш'/ш'нъс'т'] при [мо́·/ш'нъ̣і], [х'й́/ш'нъ̣і], [су́·/ш'нъс'т'] в обычном произношении. В связи с сокращением [ш':] (утратой долготы) находится отвердение [ш'], часто наблюдаемое, хотя и отвергаемое орфоэпической нормой (ср. [мо́/шнъ̣і], [х'й́/шнъ̣і], [су́/шнъс'т']).

Сочетание [ш':] с последующим [р'] произносится двояко: долгота шипящего может сохраняться, и тогда слогораздел проходит в середине шипящего, в связи с чем предыдущий слог является закрытым; однако слогораздел может проходить и перед сочетанием, образуя предшествующий открытый слог. В этом последнем случае имеется тенденция к утрате долготы мягкого шипящего: ср. [излш'/ш'р'·о́н:ъ̣і], [ис'п'и^{е}ш'/ш'р'·о́н:ъ̣і],

[ух'иш'/ш'р'е́н'иi̯ъ] и [изʌ/ш':р'·о́нъi̯], [ис'п'и^{e}/ш':р'·о́нъi̯], [ух'и/ш':р'е́'н'иi̯ъ], [пʌʌ/ш':р'а́т'].

Сочетание соответствующего звонкого согласного [ж':] со следующим согласным известно едва ли не в единственном слове— *дождливый*. Долгота мягкого шипящего в нем сохраняется, и слогораздел проходит в середине его: [дʌж'/ж'л'и́въi̯].

До сих пор речь шла о начале неначального слога. Закон возрастающей звучности начала неначального слога полностью определяет его строение. Что же касается конца неконечного слога, то и он определяется только что названным законом: слогораздел проходит там, где достигается положение, при котором начало неначального слога строится по принципу возрастающей звучности. В связи со сказанным неконечный слог может кончаться гласным (например, [вʌ/да́], [сʌ/сна́]), сонорным (например, [во́л/гъ], [ка́р/тъ], [бо́м/бъ], [вʌi̯/на́]), а также другим согласным (по преимуществу [с] и [з]) в вышеописанных фонетико-морфологических условиях (например, [б'и^{e}с/сла́внъi̯], [б'и^{e}з/зло́бнъi̯]).

§ 25. Особенности начального и конечного слогов слова

Более сложно обстоит дело с началом начального слога и концом конечного.

Начало начального слога, как и неначального, чаще всего строится по принципу возрастающей звучности. Ср. [пʌка́], [дуга́], [пʌʌха́], [стрʌна́], [ство́л] и т. д. Именно это дало основание в свое время М. В. Ломоносову сделать чрезвычайно тонкое, хотя и не оправдываемое полностью фактами наблюдение, согласно которому начало неначального слога (по терминологии М. В. Ломоносова „склада“) образуется теми сочетаниями согласных с последующим гласным, которые могут начинать собой слово. Свое наблюдение Ломоносов подтвердил примерами: *у-жа-сный, чу-дный, дря-хлый, то-пчу*, указывая, что сочетаниями согласных *сн, дн, хл, пч* начинаются слова *снег, дно, хлеб, пчела*[1].

Слогоделение Ломоносова абсолютно правильно. Но выведенный им закон не охватывает всех фактов. Имеются сочетания согласных, которые могут начинать собой неначальный слог, но отсутствуют в начале слова, например [ʌ/бма́н], [хл'е́/пцъ]: слов, начинающихся с сочетания [бм] или [пц] в русском языке нет. Более важное, принципиальное значение имеет другое отличие начального слога от неначального: начало начального слога в противоположность началу неначального слога

[1] См. М. В. Ломоносов. Российская грамматика, § 106 (Полн. собр. соч., т. VII. М. — Л., 1952, стр. 428).

может строиться не только по принципу восходящей звучности (1 + 3, 1 + 1 + 3, 1 + 1 + 3, 2 + 3 и т. д.): [сам], [сток], [стрлка́], [мак]. Оно может иметь также нисходяще-восходящую звучность, т. е. иметь сочетание сонорный + шумный + гласный (2 + 1 + 3): [рта], [ртý·т'], [ржот], [ржы^{э}но́·і̯], [ржа́въі̯], [рд'ê т'], [лгу], [лба], [л'гóтъ], [л'на], [мга] (*Мга*), [мха], [мшы́стъі̯], [мста] (*Мста*), [мцéнск] (*Миенск*) и т. д. Повышенная звучность перед минимальной (шумным согласным) создает условия для появления побочной слоговости, которая обычно и имеет место: [р̥та], [р̥д'ê т'], [л̥ба]. Побочная слоговость в начале начального слога в ее отношении к нормальному слогу аналогична, если употребить музыкальную терминологию, форшлагу в его отношении к звукам, занимающим ту или иную часть такта: . В диалектах побочная слоговость нередко имеет дальнейшее развитие: перед сонорным выделяется гласный элемент — ср. [лржы́], [иржа́·т'], [лл'н'лно́·і̯], [лмч'éнск] (*Миенск*), [лмша́·н'ик] и др. (так же образовалось, как известно, название города Орша: ср. др.-рус. Ръша → Рша). Перед глухим сонорный теряет полностью или частично голос: ср. [р̥та], [м̥ха].

Конец конечного слога также весьма многообразен. Конечный слог может кончаться на максимуме звучности — гласном ([лна́], [млгу́]) или на нисходящей звучности — согласном или сочетании согласных ([млрóс], [плрóм], [плмóст], [лзáрт], [с'п'ирáнт]). Особое своеобразие конечного слога заключается в том, что он может кончаться на нисходяще-восходящей звучности (3 + 1 + 2, 3 + 1 + 1 + 2 и др.): ср. [быстр], [шустр], [м'ин'йстр], [добр], [мудр], [в'епр']; [др'·ахл], [вобл] (род. п. мн. ч.), [рубл'], [вопл']; [драхм], [лохм] (род. п. мн. ч.); [слбла́зн], [п'ê с'н'], [ка·з'н'] и др. Повышенная звучность на конце слова после минимальной (шумного согласного) создает условия для появления побочной слоговости. Ср. обычное произношение: [др'·ах̯л̯], [рубл̯'] (или [ру́бъ̯л']), [ка·з'н̯'] (или [ка·з'ъ̯н']). Побочная слоговость в конце конечного слога в ее отношении к нормальному слогу аналогична нахшлагу[1] в его отношении к звукам, занимающим определенную часть такта: . В диалектах (и просторечии) побочная слоговость на конце слова может развиться в нормальную слоговость путем выделения перед сонорным гласного элемента: [ру́·б'ьл'], [клз'éн'], [длб'·óр]. То же в ряде слов можно отметить и для литературного языка: ср. [х'ит'·óр] (др.-рус. *хытръ*), [блб'·óр]

[1] Впрочем, нахшлаг в музыке практически не употребляется, так как, находясь между двумя звуками, занимающими части такта, он стремится примкнуть к последующему звуку и таким образом превращается в форшлаг.

(др.-рус. *бобръ*), [пл'ê'с'ьн'] (др.-рус. *плъснь*). Однако был и другой путь развития. После глухого сонорный мог утрачивать голос (ср. в литературном языке [вопл'], [м'ин'йстр]), а затем и полностью исчезнуть (так как безголосый сонорный обладает минимальной акустической выразительностью). Как известно, в свое время так образовались формы прошедшего времени на *-л* после согласных (кроме [т] и [д], еще раньше утративших перед [л]): [н'·ос], [в'·ос], [п'·ок] и т. д. (ср. др.-рус. *несль, везль, пекль* и др.). Также образовалось просторечное [руп'] или [руп], диалектное [доп] (вм. *добр*).

Таким образом, налицо тенденция к устранению тем или другим путем побочной слоговости, образующейся в связи с нисходяще-восходящей звучностью начала начального слога и конца конечного слога. Эта тенденция осуществлялась в разные периоды истории русского языка и в разных диалектах и в литературном языке не в одинаковой степени и не одинаковыми путями (развитием побочной слоговости в нормальный слог или ее утратой, а вместе с тем и утратой сонорного).

§ 26. Некоторые итоги

Строение слога в русском языке чрезвычайно многообразно. Здесь нет необходимости и возможности описать все типы слогов русского языка[1]. Однако в конечном счете различные типы слогов в русском языке определяются закономерностями начала неначального слога, конца неконечного слога, начала начального слога и конца конечного слога. Типы срединных слогов определяются закономерностями начала неначального слога и конца неконечного слога. Типы начальных слогов определяются закономерностями начала начального слога, конца конечного слога и конца неконечного слога (так как начальный слог может быть одновременно конечным или неконечным). Наконец, типы конечных слогов определяются закономерностями конца конечного слога, начала начального слога и начала неначального слога (так как конечный слог одновременно может быть начальным или неначальным).

Закон восходящей звучности есть основной закон строения слога в русском языке. Он находит свое полное осуществление в начале неначального слога. Этим ограничиваются возможности закрытых неконечных слогов. Своеобразие начала неначального слога и конца конечного слога заключается в возможности нисходяще-восходящей звучности. Однако имеется тенденция

[1] Такая попытка (хотя и неполная) была сделана в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики современного русского литературного языка», стр. 19—21.

к устранению тем или иным путем исторически сложившихся случаев побочной слоговости в конце конечного слога и в начале начального, явившейся результатом нисходяще-восходящей звучности.

Более частные законы строения слога в русском языке заключаются в невозможности произнесения более двух одинаковых согласных между гласными, а также двух одинаковых согласных перед третьим (другим) согласным в пределах одного слога.

Указанные закономерности строения слога в русском языке действуют не в однородной, инертной, гомогенной среде, а в слове, имеющем сложную структуру, и шире — в речи с определенной стилистической направленностью. Поэтому, естественно, что закономерности строения слога сталкиваются со структурой слова и его стилистической окраской. Реальное слогоделение при наличии некоторых более сложных сочетаний согласных между гласными и определяется одновременным действием этих сложных, многообразных и качественно различных факторов, линией пересечения их, своеобразным компромиссом между ними.

УДАРЕНИЕ

§ 27. Звуковое членение речи

Как известно, с ритмико-интонационной точки зрения наша речь членится на отдельные, законченные по смыслу высказывания, каждому из которых соответствует особый отрезок речи. Каждый такой отрезок речи объединен в произношении особой интонацией, указывающей на его относительную смысловую законченность, и отделен от других подобных отрезков паузой.

Так, например, нижеследующий отрывок из романа И. А. Гончарова „Обрыв" состоит из четырех высказываний:

„Какие виды кругом — каждое окно в доме было рамой своей особенной картины!

С одной стороны Волга с крутыми берегами и Заволжьем, с другой — широкие поля, обработанные и пустые, овраги, и все это замыкалось далью синевших гор. С третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздух свежий, прохладный, от которого, как от летнего купанья, пробегает по телу дрожь бодрости".

Само высказывание в свою очередь может члениться в ритмико-интонационном отношении на более мелкие отрезки — так называемые речевые такты (или синтагмы). Последние представляют собой непрерывные ряды звуков и могут отделяться друг от друга или отделяются краткими паузами. Паузы между частями высказывания — речевыми тактами, — если они имеются, бывают более краткими, чем паузы между высказываниями.

Ритмико-интонационное членение высказывания обусловлено смыслом, значением, которое вкладывает в него говорящий, а при чтении — пониманием текста читающим.

Так как некоторые частности смысла читаемого допускают разное понимание, то оказываются возможными известные различия в членении высказывания на речевые такты.

Вот как может членироваться каждое из высказываний приведенного выше отрывка (высказывания отделяются друг от друга двумя вертикальными чертами, а части высказывания — речевые такты — одной чертой):

Какие виды кругом | каждое окно в доме | было рамой | своей особенной картины ||

С одной стороны | Волга | с крутыми берегами | и Заволжьем | с другой | широкие поля | обработанные и пустые | овраги | и все это замыкалось | далью синевших гор || С третьей стороны | видны села | деревни | и часть города || Воздух свежий | прохладный | от которого | как от летнего купанья | пробегает по телу | дрожь бодрости ||

Приведенный отрывок свидетельствует о том, что речевой такт не соответствует слову, так как нередко целые группы слов произносятся одним непрерывным потоком, слитно, не отделяясь друг от друга паузами. Поэтому с ритмико-интонационной точки зрения высказывание членится не на слова, а на речевые такты. При этом паузы, которыми отделяются речевые такты, всегда приходятся между словами: они не могут разорвать слово на части, распределив его между двумя речевыми тактами. Однако речевой такт может состоять не только из одного, но и — чаще — из нескольких слов, объединенных одной интонацией.

Речевой такт не является пределом структурно-грамматического и фонетического членения. Известно, что существующие в современном русском языке звуковые закономерности действуют в пределах слова (некоторые из них — в пределах так называемого фонетического слова, т. е. самостоятельного слова вместе с примыкающими к нему безударными служебными словами и частицами). Поэтому речевые такты не только с точки зрения структурно-грамматической, но также и с фонетической точки зрения, по самому своему звуковому строению, делятся на слова (или фонетические слова).

Слова, как известно, делятся на еще более мелкие и уже только фонетические единицы — слоги, а последние — на звуки (фонемы), являющиеся пределом фонетического членения речи.

§ 28. Ударение слова, речевого такта, фразы

Слоги, составляющие слово (точнее — фонетическое слово), бывают неодинаковы, если в слове больше одного слога. Один из слогов двусложного или многосложного слова выделяется теми или иными фонетическими средствами среди других. Такое выделение и представляет собой то, что называется ударением, точнее — ударением слова, или словесным ударением.

Односложные слова, способные употребляться отдельно, т. е. самостоятельные слова (в отличие от служебных), состоят по существу из слога ударенного. Ср., например, *дом* и *до́ма, нить* и *ни́ти, шёл* и *пришёл.*

Мы видели, что речевой такт может состоять из нескольких самостоятельных слов. В этих случаях в нем оказывается и несколько ударений. Однако эти ударения не бывают одинаковыми; одно из них, падающее на слово, более важное в смысловом отношении, выделяется по сравнению с другими ударениями, более слабыми. Это более сильное ударение есть ударение речевого такта, или тактовое ударение, в отличие от остальных ударений слова, или словесных ударений. Таким образом, одно из словесных ударений в пределах данного речевого такта в то же время является ударением тактовым.

Покажем это на одном из ранее приведенных примеров.

Каки́е ***ви́ды*** круго́м | ка́ждое *окно́* в до́ме | бы́ло *ра́мой* | свое́й *осо́бенной* карти́ны ||

В этом примере словесные ударения проставлены, а слова, носящие тактовое ударение, выделены курсивом.

Речевые такты, входящие в состав целого высказывания, также неодинаковы по своим тактовым ударениям: одно из тактовых ударений бывает более сильным, выделяющимся по сравнению с другими; оно приходится на тот речевой такт, который представляется наиболее важным в смысловом отношении. Это ударение высказывания, фразы, иначе — фразовое ударение. Таким образом, одно из тактовых ударений в то же время является ударением фразовым.

Тактовое и фразовое ударение нередко называют логическим ударением.

Носителем фразового ударения в приведенном выше примере является слово *виды* в составе первого речевого такта. Это слово выделено среди других слов, носящих тактовое ударение, жирным шрифтом.

Из изложенного выше видно, что развернутое высказывание, выраженное более или менее сложным по своей структуре предложением, имеет сложную иерархическую систему ударений — главного и более или менее второстепенных: фразового ударения, тактовых ударений, словесных ударений. В выделении фразового и тактовых ударений значительную роль играет интонация — повышение и понижение тона голоса при речевой деятельности.

Схематически, минуя некоторые подробности, эти разных „рангов" ударения в разобранном примере можно себе представить в следующей схеме:

$$(1+3+1)+(1+2+1)+(1+2)+(1+2+1)$$

Цифрой 1 здесь обозначено словесное ударение; цифрой 2 — словесное ударение, одновременно являющееся тактовым; цифрой 3 — словесное и тактовое ударение, одновременно являющееся фразовым:

Каки́е ви́ды круго́м | ка́ждое окно́ в до́ме | бы́ло ра́мой
1 3 1 1 2 1 1 2
| свое́й осо́бенной карти́ны ||
1 2 1

Мало разработанный вопрос о ритмико-интонационном членении речи, а также об обусловленной им в грамматической структуре иерархии ударений должен быть предметом особого исследования. Ниже мы ограничимся рассмотрением лишь словесного ударения.

§ 29. Ударение как признак слова

Нормально в речи столько ударений, сколько в ней самостоятельных слов, потому что каждое самостоятельное слово имеет ударение и притом обычно одно. Это позволяет считать ударение одним из основных внешних признаков самостоятельного слова.

Служебные слова и частицы обычно не имеют на себе ударения и примыкают к самостоятельным словам: ср. *за горо́й, оте́ц и сы́н, она́ ведь не приде́т, пришла́ ли, она́ же не была́*. В некоторых случаях ударение переходит на предлог, но тогда следующее за ним самостоятельное слово бывает безударным; ср. *на́ воду, на́ сторону, по́д гору, на́ пол, по́ полу, за́ ночь, на́ два года, на́ два рубля*. Таким образом, самостоятельное слово и употребленное вместе с ним служебное слово или частица обычно имеют одно ударение, составляя одно фонетическое слово.

Даже не зная русского языка, т. е. не понимая отдельных слов и смысла целого, прослушав фразу из „Дубровского" Пушкина: „На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку" — можно установить, что в ней семь самостоятельных слов, потому что во фразе семь ударений. Однако, не зная языка, нельзя определить, есть ли в этой фразе служебные слова и частицы, потому что последние обычно не имеют своих ударений и примыкают к соседним самостоятельным словам, имеющим ударения. Не зная русского языка, а также не зная соотношений между качеством гласных разных безударных слогов и ударенного слога, а также ряда особенностей системы согласных, нельзя определить границы слов — указать, где кончается одно слово и начинается другое, так как в русском языке ударение разноместное, т. е. может находиться на любом слоге слова.

Иначе обстоит дело в языках с постоянным, фиксированным местом ударения (например, в чешском и финском языках, где ударение падает на первый слог слова, в польском языке с ударением на предпоследнем слоге, в армянском языке с ударением на последнем слоге слова). В этих языках ударение как признак самостоятельного слова позволяет не только судить о количестве слов во фразе, но также обычно и провести границы между словами, так как каждый раз оно указывает собой на определенный слог слова.

§ 30. Ударение слова и его свойства

Выделение ударного слога может производиться различными способами — бóльшим напряжением произносительного аппарата, изменением тона — его повышением или понижением, изменением длительности. Эти способы обычно сосуществуют и дополняют или замещают друг друга. Но один из них обычно является основным, а другие дополнительными, зависящими от основного.

В зависимости от основного способа выделения ударного слога различают:

ударение динамическое, или силовое[1], при котором ударный слог выделяется по сравнению с неударными прежде всего большей напряженностью артикуляции, в особенности гласного;

ударение музыкальное, или тоническое, при котором ударный слог выделяется по сравнению с неударными по преимуществу изменением высоты тона;

ударение количественное, или квантитативное, при котором ударный слог выделяется по сравнению с неударными главным образом большей длительностью самого гласного.

Русскому языку свойственно динамическое ударение. При таком ударении гласный ударного слога отличается от безударных гласных прежде всего значительной напряженностью произносительного аппарата и потому наибольшей четкостью артикуляции гласного.

Однако акустические различия ударного и безударных слогов еще недостаточно изучены. Не изучены также в должной мере и способы образования этих акустических различий,

---

[1] Динамическое ударение в учебниках и руководствах обычно называется экспираторным, или выдыхательным, на основе неверного положения о том, будто ударный слог отличается от безударных бóльшим количеством выдыхаемого воздуха. См. М. М. Матусевич. Введение в общую фонетику, изд. 2-е. Учпедгиз, 1948, стр. 71.

которые воспринимаются как ударение. Поэтому ограничимся лишь немногими замечаниями[1].

Между сравнительной громкостью и длительностью звука, с одной стороны, и наличием или отсутствием ударения, с другой, существуют сложные отношения.

Громкость речи, как известно, может произвольно меняться говорящим (ср., например, речь на расстояние или в обращении к тугоухому и речь „на ухо"). Однако, кроме этой произвольной громкости речи, существует еще непроизвольная громкость отдельных звуков как таковых. Так, например, гласный [а] вообще громче, чем гласные [о] и [е], а последние громче, чем [у] и [и]. Поэтому произвольно увеличивая или уменьшая громкость речи, мы в то же время сохраняем соотношения между сравнительной громкостью отдельных звуков, которая не зависит от говорящего.

При одинаковой непроизвольной „собственной" громкости ударного и безударного гласных первый может быть более громким по сравнению с последним (например, *пи́ли, му́ку*). То же можно сказать о случаях, когда безударный гласный обладает меньшей непроизвольной громкостью, чем ударный (например, *пила́, мука́*). Однако в тех случаях, когда безударный гласный обладает большей непроизвольной громкостью, чем ударный, обычно он является и более громким (например, в случае типа *пали́*). Таким образом, ударный гласный не всегда является более громким по сравнению с безударным. Но он обычно обладает повышенной громкостью по сравнению с тем же или близким безударным гласным (т. е. [и] в *пали́* обычно обладает большей громкостью, чем [и] в *пила́*).

Не менее сложны отношения между ударением и длительностью гласного. Во многих случаях ударный гласный отличается от безударных своей большей длительностью. Однако бывают и такие случаи, когда ударный гласный отличается от безударных меньшей длительностью. Следовательно, признаком ударения можно считать не удлинение ударного гласного, а изменение длительности ударного гласного сравнительно с безударными (это изменение может идти как в сторону увеличения длительности, так и ее уменьшения).

Длительность и громкость тесно связаны друг с другом: меньшая длительность может заменяться громкостью и наоборот.

Следует отметить, что бо́льшая или меньшая длительность гласного в русском языке не используется в качестве фонологического средства, так как в нем нет такого фонетического

[1] Здесь мы частью используем новейшее исследование Н. И. Жинкина „Восприятие ударения в словах русского языка" („Изв. Акад. пед. наук РСФСР", вып. 54, 1954), представляющее, несмотря на наличие некоторых спорных положений, большой научный интерес.

положения, в котором различались бы одни и те же гласные с большей или меньшей длительностью, т. е. где различались бы долгота и краткость гласных.

Наконец, как показывают инструментальные исследования, ударный гласный может отличаться от безударных особым тембром.

При меньшей длительности ударного гласного сравнительно с безударным особенно заметен становится этот особый тембровый признак, благодаря которому и воспринимается ударение.

Предполагают, что тембровые различия, связанные с ударенностью и безударностью, образуются в нижней части надставной трубы (глотке) вместе с подвижным надгортанником.

Кроме рассмотренных признаков, ударный слог может отличаться от безударных и музыкальной стороной, т. е. изменением тона. Однако последнее зависит главным образом от места и роли слова в предложении, от того, является ли оно носителем тактового или фразового ударения, т. е. от факторов ритмико-интонационных и синтаксических, и тем самым не имеет прямого отношения к характеристике словесного ударения как такового.

Динамическое ударение распространено во многих языках. Так, оно свойственно не только русскому языку, но и ряду других славянских языков — белорусскому, украинскому, польскому, чешскому, болгарскому; оно свойственно также немецкому и французскому языкам, из древних языков — латинскому.

Музыкальное ударение из славянских языков представлено в сербо-хорватском и словенском языках; оно свойственно также японскому языку, из древних языков — древнегреческому и древнеиндийскому (санскриту).

§ 31. Долгота и краткость гласных

В разных языках существует различная связь между ударением и большей или меньшей длительностью слоговых звуков (обычно гласных).

В одних языках (например, русском) бóльшая или меньшая длительность гласных зависит от их положения под ударением или без ударения. В одном и том же положении по отношению к ударению в этих языках не различаются гласные с большей или меньшей длительностью (т. е. долгие и краткие).

В других языках бóльшая или меньшая длительность гласных не зависит от ударения. Таковы, например, французский и чешский языки, в которых как под ударением, так и без ударения могут быть гласные различной длительности — долгие и краткие. Возможность употребления долгих и кратких гласных в одном и том же фонетическом положении (например,

в ударном слоге или в одном из безударных) делает различия гласных по длительности в этих языках фонетически не обусловленными, самостоятельными и потому используемыми для различения звуковых оболочек слов. В этих языках различия гласных по длительности, вне сомнения, образуют фонологическую категорию долготы-краткости, служащую для различительных целей.

Например, в чешском языке слово *dráha*[1] (*дорога*) произносится *dráγă* — с [а] долгим под ударением и [а] кратким в безударном слоге, а слово *drahá* (*дорогая*) произносится *dráγā* — с [а] кратким под ударением и [а] долгим в безударном слоге. Приведем другой пример чешского же языка: слово *býti* (*быть*) произносится *bĭtĭ* — с [и] долгим под ударением и с [и] кратким в безударном слоге, а слово *bytí* (*бытие*) произносится *bĭtī* — с [и] кратким под ударением и с [и] долгим в безударном слоге. Различение этих слов сопровождается долготой или краткостью гласного в одном и том же слоге.

В русском языке нет и не может быть таких слов, в которых гласные по долготе и краткости различались бы, т. е. могли произноситься в одном и том же фонетическом положении как с большей, так и с меньшей длительностью; поэтому бóльшая или меньшая длительность гласных не может быть в русском языке использована для различительных целей. Это означает, что русский язык не знает фонологической категории долготы — краткости гласных.

§ 32. Музыкальная сторона ударения

Музыкальная сторона ударения, т. е. повышение и понижение тона, в одних языках самостоятельна и характеризует данное слово или форму, в связи с чем служит для различительных целей. Таковы, например, языки сербо-хорватский, литовский, китайский. В других языках эти различия несамостоятельны, зависят от фонетических условий или связаны не со словом как таковым, а с фразой, с ее ритмико-интонационной стороной, с грамматической структурой. В этих языках различия в музыкальной стороне ударения, естественно, не могут различать звуковую оболочку слов и форм. Русский язык относится к числу последних.

Поясним эти два типа ударения примерами. В сербо-хорватском языке изменение в музыкальной стороне ударного гласного может быть единственным различителем звуковой обо-

[1] В чешской орфографии знак ′ указывает на долготу. Ударение в чешском письме не ставится, так как оно всегда падает на начальный слог слова.

лочки слов и форм. Например, слова *нȍсу, грâду*[1], произносимые с нисходящим ударением, т. е. с понижающимся тоном, обозначают дательный падеж от слов *нос, град*, а в остальном созвучные с ними слова *нòсу, грáду*[2], произносимые с восходящим ударением, т. е. повышающимся тоном, обозначают местный падеж от тех же слов.

Ничего похожего не может быть в русском языке, так как музыкальная сторона ударения зависит в нем главным образом от места данного слова во фразе в связи с ее ритмико-интонационным и структурно-грамматическим членением, т. е. не связана со словом как таковым. Поэтому в русском языке музыкальные различия ударного гласного не существенны для словесного ударения и не используются для различения звуковых оболочек слов и форм.

Ударение, в котором различия его музыкальной стороны самостоятельны и могут сами по себе различать звуковую оболочку слов и форм, называется политоническим, в отличие от ударения монотонического, в котором ударения в этой функции не используются[3]. Таким образом, в русском языке ударение монотоническое, в отличие, например, от сербо-хорватского языка, где ударение политоническое.

При политоническом ударении различается несколько разных по тональной стороне видов ударения (например, восходящее, нисходящее, ровное, высокое, низкое и т. д.).

§ 33. Разноместность ударения

В русском языке ударение разноместное, иначе свободное, т. е. место его не фиксировано, оно не прикреплено к одному какому-либо слогу слова (например, к начальному или конечному) или к определенной части слова (например, к основе или окончанию): оно может падать на любой слог слова и на разные его морфологические элементы. Это видно из таких примеров, как: *сто́лик, де́вочка, вы́ел; моро́женое, берёза, спала́, дела́ми; белова́тый, молоко́, привела́; передава́ла, перемы́л; сторожево́е, учителя́; перепродава́ли, реорганизова́ли.* В этих словах ударение падает на разные слоги (от первого до шестого) и на разные его морфологические элементы (на корень, приставку, суффикс, окончание).

[1] В сербской орфографии знаки ˋ и ˆ обозначают соответственно краткое и долгое нисходящее ударение.

[2] В сербской орфографии знаки ˊ и ′ обозначают соответственно краткое и долгое восходящее ударение.

[3] Монотоничность ударения не следует понимать как монотонность. Монотоничность ударения обозначает лишь то, что изменения тона при таком ударении характеризуют не слово или форму как таковые, а по преимуществу фразу, т. е. более крупные отрезки речи.

В противоположность этому в ряде других языков место ударения фиксировано и ударение прикреплено к определенному слогу слова. Такое ударение, в отличие от разноместного, свободного, можно назвать фиксированным, иначе связанным. Фиксированное ударение мы находим, например, в чешском, латышском, эстонском, финском языках, где оно всегда падает на начальный слог слова, в польском и грузинском, где оно падает на предпоследний слог, в армянском, где оно падает на последний слог слова.

Разноместность ударения в русском языке является важным фонологическим средством: она служит для различения звуковых оболочек разных слов. Достаточно различия в месте ударения, чтобы созвучные слова различались по смыслу. В одних случаях местом ударения различаются два слова, каждое со всеми своими грамматическими формами, например: *мука́* и *му́ка, замо́к* и *за́мок, хлопо́к* и *хло́пок, орга́н и о́рган, атла́с* и *а́тлас, свойство́* и *сво́йство, пари́ть* и *па́рить;* ср.: *мука́ — му́ка, муки́ — му́ки, муке́ — му́ке, муку́ — му́ку, муко́й — му́кой; парю́ — па́рю, пари́шь — па́ришь, пари́т — па́рит, пари́л — па́рил* и т. д.

В других случаях местом ударения различаются лишь некоторые формы двух слов, например: *пи́ща, пи́щи, пи́щу* и *пища́* (деепричастие), *пищи́* (пов. накл.), *пищу́* (1-е л. ед. ч.); другие формы этих слов не созвучны; ср.: *пи́щей*, с одной стороны, и *пищать, пища́л*, с другой. Еще примеры: *бе́лок, бе́лка, бе́лку* и *белок, белка́, белку́*, но другие формы этих слов не созвучны; ср.: *белко́м* от *белок, бе́лкой* от *бе́лка;* ср. также: *наре́зать, наре́зал* и *нареза́ть, нареза́л*, но другие формы этих слов не созвучны; ср.: *наре́жу, наре́жешь, наре́жь* (от *наре́зать*) и *нарезаю, нарезаешь, нарезай* (от *нареза́ть*); *Ма́шина, Ма́шину, Ма́шин* и *маши́на, маши́ну, маши́н; са́мого, са́мому* и *самого́, самому́; пары́, пара́м, пара́ми, пара́х* и *па́ры, па́рами, о па́рах.*

Во многих случаях местом ударения различаются лишь отдельные формы двух слов, например: *пи́ли* и *пили́, ме́ли* (сущ.) и *мели́* (пов. накл.), *па́ли* (прош. вр.) и *пали́* (пов. накл.), *су́шу* (вин. п.) и *сушу́* (1-е л. ед. ч.), *ту́шу* (вин. п.) и *тушу́* (1-е л. ед. ч.), *сту́жу* (вин. п.) и *стужу́* (1-е л. ед. ч.), *но́шу* и *ношу́, ло́влю* и *ловлю́, пла́чу* (от *плакать*) и *плачу́* (от *платить*), *ро́ясь* (от *рыться*) и *роясь* (от *роиться*), *мо́ю* (1-е л. ед. ч.) и *мою́* (вин. п. от *моя*).

В некоторых случаях неизменяемое слово местом ударения отличается от одной из форм другого — изменяемого слова (например, *пото́м* и *по́том* — твор. п. ед. ч.). Естественно, что в языках с постоянным, фиксированным местом ударения последнее не может быть средством различения звуковых оболочек разных слов.

Разноместность ударения делает ударение в русском языке индивидуальным признаком каждого отдельно взятого слова. Каждому слову свойственно ударение на том или ином слоге одному на первом слоге (*зóлото*), другому на втором (*болóто*): третьему на третьем (*воронóй*) и т. д. В связи с этим место ударения, являясь признаком данного слова, тем самым относится к сфере лексики — к числу средств, служащих для дифференциации слов.

При разноместности ударения изменение места ударения в принципе должно дать другое слово (или другую форму слова, о чем ниже). Однако в некоторых случаях отмечаются колебания в месте ударения, т. е. такие различия в месте ударения, которые не имеют различительной функции, не образуют различных слов (ср., например, *óбух* и *обýх*). Это объясняется отсутствием в ряде случаев единой нормы, сложностью словарного состава литературного языка, взаимодействием последнего с различными диалектами, которые имеют некоторые особенности в месте ударения, освоением слов иноязычного происхождения, без которого не обходится развитие ни одного литературного языка.

Литературный язык стремится избежать колебаний. При наличии их один из вариантов санкционируется как соответствующий норме, другой изгоняется как неправильный — диалектный (например, *полóжил, облéгчить* при правильном *положúл, облегчúть*), жаргонный (например, *миллúметр, дóбыча* при правильном *миллиме́тр, добы́ча*), просторечный (например, *красивée, звóнишь* при правильном *краси́вее, звони́шь*).

Если же почему-либо сохраняются оба варианта, то они стремятся дифференцироваться в лексическом, грамматическом или стилистическом отношении.

Приведем несколько примеров лексической дифференциации первоначально одного и того же слова с различением в месте ударения.

Например, слова *хáос* и *хаóс* греческого происхождения имеют в современном русском литературном языке разное значение: *хáос* — стихия, якобы существовавшая до возникновения мира, земли с ее жизнью[1]; *хаóс* — беспорядок, неразбериха[2]. Слова *пáхнуть* и *пахнýть* также приобрели разное значение: *пáхнуть* — издавать запах, *пахнýть* — повеять чем-нибудь. Стремятся к лексической дифференциации также слова *квартáл* и *квáртал*. Первое из них входит в состав литературного языка, второе — во внелитературное просторечие. Последнее, пробиваясь в литературный язык, нередко употребляется во вре-

[1] См. Словарь русского языка С. И. Ожегова, изд. 2-е, стр. 796.
[2] Там же.

менном значении *(первый кварта́л этого года)*, в отличие от слова *кварта́л,* сохраняющегося в пространственном значении *(пройти два кварта́ла)*. Впрочем, слово *ква́ртал* (с ударением на первом слоге) не может быть признано литературным даже только во временном значении.

В качестве примера грамматической дифференциации первоначально одного и того же слова с различием в месте ударения можно указать на *ма́ло* и *мало́*: в роли наречия употребляется только *ма́ло* (например, *он ма́ло пишет*), в качестве же краткого прилагательного единственного числа среднего рода употребляется как *мало́,* так и *ма́ло*. Намечается подобного рода дифференциация и в словах *широко́, глубоко́, далеко́* и *широ́ко, глубо́ко, далёко*. В качестве наречий в современном русском литературном языке преимущественно употребляются слова *широко́, глубоко́, далеко́* (ср. *он широко́ образован, ты глубоко́ не прав, далеко́ не последнее место*); в качестве же кратких прилагательных единственного числа среднего рода чаще употребляется *широ́ко, глубо́ко, далёко* (ср. *платье широ́ко, по́ле далёко, море широ́ко* и *платье широко́, поле далеко́, море широко́).*

В некоторых случаях колебания в ударении, не создавая нового значения, вызывают к жизни пары слов, из которых одно имеет ту или иную особую стилистическую окраску, а другое лишено ее, в стилистическом отношении нейтрально.

Таковы, например, некоторые слова народно-поэтического происхождения, отличающиеся от соответствующих слов литературного языка местом ударения. Ср., например, слова *мо́лодец, де́вица, се́ребро, честно́й, мило́й, шелко́вый,* имеющие особый народно-поэтический колорит, и соответствующие стилистически нейтральные слова литературного языка *молоде́ц, деви́ца, серебро́, че́стный, ми́лый, шёлковый.*

Таковы также некоторые пары слов, одно из которых имеет книжно-архаическую окраску (при нейтральности в стилистическом отношении другого): ср., например, слова *на́чатый, и́збранный, слу́жащий, хва́лящий, лю́бящий, ве́нчанный* в современном русском языке с ударением на первом слоге, которые при переносе ударения на второй слог приобретают характер архаизмов: *нача́тый, избра́нный, служа́щий, хваля́щий, люба́щий, венча́нный.*

Наконец, в тех случаях, когда по тем или иным причинам колебание в ударении сохраняется, а смысловая дифференциация отсутствует, появляется то, что можно назвать нейтрализацией ударения как средства различения звуковых оболочек разных слов. Различия в месте ударения в таких случаях теряют всякое значение. Ср. *тво́рог* и *твороѓ, и́наче* и *ина́че, о́бух* и *обу́х.*

Ввиду разноместности русского ударения, чтобы знать место ударения в каждом данном слове, надо знать самое это слово.

В тех случаях, когда русский язык является родным, правильность ударения слов (т. е. место его) до известной степени обеспечивается традицией, с детства усвоенными языковыми нормами. Однако это относится прежде всего к слою общеупотребительной и часто употребляемой лексики. Что же касается слов мало употребительных и вновь усваиваемых говорящим, то в них часто делают ошибки и лица, родной язык которых является русским.

В тех же случаях, когда русский язык не является родным, возможность ошибок в месте ударения значительно увеличивается. Они становятся возможными чуть ли не во всех неодносложных словах, так как нет таких правил, которые могли бы объяснить, в каких случаях ударение падает на первый слог слова, в каких — на второй и т. д.

§ 34. Ударение подвижное и неподвижное

Однако трудности русского ударения не только для нерусских, изучающих русский язык, но также и для русских далеко не исчерпываются его разноместностью.

Разноместное ударение русского языка в одних категориях слов бывает неподвижным, т. е. при образовании грамматических форм слова остается на одном и том же месте, а в других подвижным, т. е. при образовании разных грамматических форм данного слова переносится с одного слога на другой, с одной части слова на другую. Ср. разные формы двух таких слов, как *глу́пость* и *голова́*: *глу́пость, глу́пости, глу́постью, глу́постей, глу́постям, глу́постях* и *голова́, го́ловы, го́лову, голо́в*.

Приведем другие примеры: *берегу́, бережёшь, бережёт, бережём, бережёте, берегу́т* (неподвижное ударение) и *могу́, мо́жешь, мо́жем, мо́жете, мо́гут* (подвижное ударение); *умён, умна́, умно́, умны́* (неподвижное ударение) и *смел, смела́, сме́ло, сме́лы* (подвижное ударение).

Подвижность ударения, т. е. его перенос при образовании грамматических форм слова с одного слога на другой, представляет собой в русском языке добавочное, вспомогательное грамматическое средство, сопровождающее основное средство образования грамматических форм — аффиксацию. Таким образом, разные формы слова, отличаясь друг от друга разными аффиксами (большей частью флексиями), могут в то же время отличаться также местом ударения: например, винительный падеж от существительного *голова́* образуется флексией *-у* при одновременном переносе ударения с окончания на основу: *го́лову*.

Подвижность ударения как средство различения грамматических форм необходимо отличать от тех случаев, когда перенос ударения обусловлен определенными внешними причинами.

Так, например, если одна из форм слова, имеющего постоянное ударение на окончании, образуется без окончания, то, естественно, в этой форме ударение окажется на основе. В подобных случаях перенос ударения, так сказать, вынужденный, обусловленный отсутствием флексии. Поэтому следует считать слово *полк* имеющим неподвижное ударение, хотя оно в именительном падеже единственного числа, в отличие от остальных падежных форм, падает на основу (ср. *полк, полка́, полку́, полко́м*); то же можно сказать о словах *кот, бык, сноп* и т. д. Точно так же можно считать, что слова *место, дело* имеют во множественном числе неподвижное ударение, хотя в родительном падеже, в отличие от остальных падежных форм множественного числа, эти слова имеют ударение на основе (так как отсутствует флексия): *места́, мест, места́м, места́ми, места́х; дела́, дел, дела́м, дела́ми, дела́х*. Неподвижное ударение имеют также глаголы *нести, печь* в формах прошедшего времени *(нёс, несла́, несло́, несли́; пёк, пекла́, пекло́, пекли́)*, хотя в форме мужского рода, где отсутствует флексия, ударение падает на основу.

Различие в месте ударения в подобных случаях не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с грамматической точки зрения следует квалифицировать как неподвижное.

Естественно, что в языках с фиксированным местом ударения последнее не может быть средством различения грамматических форм.

Иллюстрируем на примерах разных частей речи грамматическую роль подвижного ударения в русском языке, как добавочного вспомогательного средства различения грамматических форм.

Например, единственное и множественное число у существительных, как известно, образуется при помощи различной для каждого из чисел системы флексий: ср. *стол, стола́, столу́, столо́м* и *столы́, столо́в, столам, столами*. Но у некоторых существительных формы единственного числа в целом отличаются от форм множественного числа, кроме того, еще местом ударения. У некоторых существительных ударение в единственном числе падает на основу, а во множественном — на окончание. Таково, например, слово *го́род: го́рода, го́роду, го́родом, в го́роде*, но *города́, городо́в, города́м, города́ми, в города́х;* слово *по́ле: по́ле, по́ля, по́лю, по́лем, в по́ле*, но *поля́, поле́й, поля́м, поля́ми, в поля́х*. Таковы, например, слова: *сто́рож,*

го́лос, па́рус, о́стров, учи́тель, пар, шар, по́езд, по́яс, рог, дар, по́греб, зять, муж, зонт, пуд, торг, сло́во, пра́во, де́ло, те́ло, о́блако, мо́ре.

У других существительных, наоборот, в единственном числе ударение падает на окончание, а во множественном числе — на основу. Таковы, например, слова: *пятно́, окно́,* а также *седло́, весло́, крыло́, зерно́, стекло́, колесо́, ядро́, бревно́, село́, перо́, сукно́, вино́, ведро́, копьё, ружьё, гнездо́, лицо́, бедро́, решето́, долото́,* ср. *пятно́, пятна́, пятну́, пятно́м, в пятне́,* но *пя́тна, пя́тен, пя́тнам, пя́тнами, в пя́тнах;* или: *окно́, окна́, окну́, окно́м, в окне́,* но *о́кна, о́кон, о́кнами, в о́кнах.*

У ряда существительных в формах единственного числа и в именительном падеже множественного числа ударение падает на основу, а в остальных формах множественного числа — на окончание. Таковы, например, слова *ка́мень, часть, волк, зверь, со́боль, ле́бедь, го́лубь, но́готь, ко́готь, ло́шадь, мать, смерть, масть.* Ср. *ка́мень, ка́мня, ка́мню, ка́мнем, в ка́мне,* а также *ка́мни,* но *камне́й, камня́м, камня́ми, в камня́х.*

Ряд существительных, имеющих вообще в единственном числе ударение на основе, образует особую форму предложного падежа с переносом ударения на окончание. Таковы, например, слова *бе́рег, бок, стог, глаз, нос, бор, пол, снег, ряд, пост, дверь, степь, кровь, кость, ночь, тень, край, рай, бой.* Ср. *на берегу́* и *о бе́реге, в боку́* и *о бо́ке, в стогу́* и *о сто́ге, в глазу́* и *о гла́зе, в носу́* и *о но́се, в бору́* и *о бо́ре, в снегу́* и *о сне́ге, в ряду́* и *о ря́де, на посту́* и *о по́сте, в две́ри* и *о две́ри, в степи́* и *о сте́пи, в крови́* и *о кро́ви, в кости́* и *о ко́сти, в ночи́* и *о но́чи, в тени́* и *о те́ни, в краю́* и *о кра́е, в раю́* и *о ра́е, в бою́* и *о бо́е.*

Многие существительные женского рода на *-а,* имеющие во всех падежах единственного числа, кроме винительного, ударение на окончании, образуют форму винительного падежа с переносом ударения на основу. Таковы, например, слова *нога́, вода́, рука́, щека́, гора́, доска́, спина́, зима́, душа́, стена́, земля́.* Ср. *нога́, ноги́, ноге́, ного́й,* но *но́гу,* а также *во́ду, ру́ку, щёку, го́ру, до́ску, спи́ну, зи́му, ду́шу, сте́ну, зе́млю.* Таковы также слова с полногласными сочетаниями: *борода́, голова́, сторона́,* переносящие в винительном падеже единственного числа ударение с окончания на первый слог основы: ср. *сторона́, стороны́, стороне́, стороно́й,* но *сто́рону,* а также *бо́роду, го́лову.*

Подвижное ударение имеют и многие глаголы.

Если в 1-м лице единственного числа ударение падает на основу, то личные формы этого глагола имеют ударение неподвижное. Таковы, например, глаголы *мо́ю, зна́ю, пла́чу,*

www.ruslang.ru

стро́ю, ви́жу, слы́шу: мо́ю, мо́ешь, мо́ет, мо́ем, мо́ете, мо́ют. Если же в 1-м лице единственного числа ударение падает на окончание, то по наличию или отсутствию движения ударения в личных формах различаются два типа — глаголы с неподвижным ударением на окончании и глаголы с подвижным ударением. Неподвижное ударение имеют, например, глаголы *несу́, веду́, плету́, гребу́, секу́, берегу́, солю́, кричу́, молчу́, корплю́: несу́, несёшь, несу́т, несём, несёте, несу́т.* При наличии подвижного ударения последнее падает в 1-м лице единственного числа на окончание, а в остальных личных формах на основу. Подвижное ударение в личных формах имеют глаголы как 1-го, так и 2-го спряжения. К их числу относятся, например, глаголы *варю́, крошу́, кошу́, куплю́, коплю́, ловлю́, люблю́, прошу́, плачу́, вожу́* (от *возить*), *вожу́* (от *водить*), *сушу́, служу́, учу́, колю́, порю́, мелю́, терплю́, дремлю́, пишу́, пляшу́, пашу́, скажу́, скачу́, ищу́, плещу́.* Ср. *прошу́ — про́сишь, про́сит, про́сим, про́сите, про́сят; колю́ — ко́лешь, ко́лет, ко́лем, ко́лете, ко́лют.*

У глаголов 2-го спряжения с подвижным ударением в личных формах глагола форма 2-го лица множественного числа настоящего-будущего времени отличается от соответствующей формы повелительного наклонения только ударением. Ср. *про́сите — проси́те, хо́дите — ходи́те, ку́пите — купи́те* и т. д. У глаголов же с неподвижным ударением на личном окончании эти формы совпадают: *соли́те, звони́те, сиди́те, лети́те, вели́те, молчи́те* и т. д. и представляют собой формы множественного числа как настоящего-будущего времени, так и повелительного наклонения.

Некоторые глаголы имеют колеблющееся ударение — подвижное и неподвижное на окончании, например: *возбужу́, возбуди́шь, возбуди́т, возбуди́м, возбуди́те, возбудя́т* и *возбужу́, возбу́дишь, возбу́дит, возбу́дим, возбу́дите, возбу́дят.* В ряде случаев неподвижное ударение на окончании хотя и встречается рядом с подвижным, но носит несколько устарелый (или диалектный) характер; ср. от *качу́ — кати́шь* и *ка́тишь*, от *верчу́ — верти́шь* и *ве́ртишь*; особенно заметен устарелый (или диалектный) характер в таких случаях, как *дари́шь, вари́шь* при обычном *да́ришь, ва́ришь.*

На почве взаимодействия между описанными двумя типами места ударения в личных формах глаголов, а также в связи с колебаниями в некоторых глаголах появляется неправильное ударение — подвижное вместо правильного неподвижного на окончании — в таких случаях, как *приглосишь* и т. д. (вместо *пригласи́шь*) при *приглашу́* и особенно часто *звонишь* и т. д. (вместо *звони́шь*) при *звоню́.* Заметим, что это приводит к различению формы 2-го лица множественного числа настоящего-бу-

дущего времени (*звóните* при правильном *звони́те*) и повелительного наклонения (*звони́те*).

В форме прошедшего времени по месту ударения различаются три группы глаголов — глаголы с неподвижным ударением на основе: *чита́л, чита́ла, чита́ло, чита́ли;* глаголы с неподвижным ударением на окончании (конечно, кроме формы ед. ч. мужск. р., где окончание отсутствует): *вёл, вела́, вело́, вели́; принёс, принесла́, принесло́, принесли́;* глаголы с ударением на основе во всех формах, кроме формы единственного числа женского рода и с переносом ударения на окончание в этой последней форме: *брал, брала́, бра́ло, бра́ли; про́дал, продала́, про́дало, про́дали.*

Глаголы этой последней группы хотя и довольно многочисленны, но являются непродуктивными (т. е. относятся к таким типам, по образцу которых не образуются вновь появляющиеся в языке глаголы). В силу своей непродуктивности они представляют большие практические затруднения.

Приведем наиболее употребительные глаголы этой группы: *брал, брала́, бра́ло, бра́ли; был, была́, бы́ло, бы́ли; взял, взяла́, взя́ло, взя́ли; вил, вила́, ви́ло, ви́ли; внял, внята́, вня́ло, вня́ли; врал, врала́, вра́ло, вра́ли; гнал, гнала́, гна́ло, гна́ли; дал, дала́, да́ло, да́ли; до́нял, доняла́, до́няло, до́няли; драл, драла́, дра́ло, дра́ли; жил, жила́, жи́ло, жи́ли; за́нял, заняла́, за́няло, за́няли; звал, звала́, зва́ло, зва́ли; лил, лила́, ли́ло, ли́ли; на́нял, наняла́, на́няло, на́няли; на́чал, начала́, на́чало, на́чали; о́тнял, отняла́, о́тняло, о́тняли; пил, пила́, пи́ло, пи́ли; плыл, плыла́, плы́ло, плы́ли; по́днял, подняла́, по́дняло, по́дняли; по́нял, поняла́, по́няло, по́няли; при́нял, приняла́, при́няло, при́няли; рвал, рвала́, рва́ло, рва́ли; слыл, слыла́, слы́ло, слы́ли; снял, сняла́, сня́ло, сня́ли; спал, спала́, спа́ло, спа́ли.*

Мы привели глаголы бесприставочные (или имеющие в настоящее время слабо выделяемые или совсем невыделяемые приставки; например, *по́нял, нача́ть, взять*). Соответствующие приставочные глаголы (кроме глаголов с приставкой *вы-*) большей частью имеют подвижное ударение с переносом его на окончание в форме единственного числа женского рода. Ср. *брал, брала́, бра́ло, бра́ли* и *собра́л, собрала́, собра́ло, собра́ли; дал, дала́, да́ло, да́ли* и *задал, задала́, зада́ло, зада́ли; плыл, плыла́, плы́ло, плы́ли* и *приплы́л, приплыла́, приплы́ло, приплы́ли; спал, спала́, спа́ло, спа́ли* и *поспа́л, поспала́, поспа́ло, поспа́ли.*

Приставка *вы-* обычно перетягивает на себя ударение, поэтому глаголы с этой приставкой имеют неподвижное ударение. Ср. *дал, дала́, да́ло, да́ли* и *вы́дал, вы́дала, вы́дало, вы́-*

дали, а также *вы́брал, вы́платил, вы́гнал, вы́лил, вы́жил* и т. д.[1]

Глаголы прошедшего времени с возвратной частицей *-ся (-сь)* во многих случаях имеют ударение такое же, как и соответствующие глаголы без возвратной частицы: ср. *назва́л, назвала́, назва́ло, назва́ли* и *назва́лся, назвала́сь, назва́лось, назва́лись*. Но в ряде глаголов в разговорном языке ударение может переноситься на частицу *-ся* в единственном числе мужского рода и на гласные окончания перед частицей *-сь* в других формах. Ср. *брал, брала́, бра́ло, бра́ли*, но *собра́лся* или *собрался́, собра́лась, собра́лось* или *собрало́сь, собра́лись* или *собрали́сь; был, была́, бы́ло, бы́ли*, но *сбы́лся, сбыла́сь, сбыло́сь, сбыли́сь; взял, взяла́, взя́ло, взя́ли*, но *взя́лся* или *взялся́, взяла́сь, взя́лось* или *взяло́сь, взя́лись* или *взяли́сь; снял, сняла́, сня́ло, сня́ли* и *снялся́, сняла́сь, сняло́сь, сняли́сь; приня́л, приняла́, приня́ло, приня́ли* и *принялся́, приняла́сь, приняло́сь, приняли́сь* и т. д.

Перенос ударения с основы на окончание единственного числа женского рода на *-а* наблюдается не только в форме прошедшего времени, но также и в кратких страдательных причастиях прошедшего времени. Ср. *взят, взята́, взя́то, взя́ты; про́дан, продана́, про́дано, про́даны; на́чат, начата́, на́чато, на́чаты; при́нят, принята́, при́нято, при́няты; про́жит, прожита́, про́жито, про́житы.*

В ряде глаголов наблюдаются различия в месте ударения в формах прошедшего времени и действительных и страдательных причастий прошедшего времени, например: форма прошедшего времени (в ед. ч. мужск. р.) и страдательное причастие прошедшего времени имеют ударение на приставке, а действительное причастие — на тематической или суффиксальной гласной. Ср. *на́чал, на́чатый*, но *начáвший; при́нял, при́нятый*, но *приня́вший; на́лил, на́литый*, но *налúвший; при́был*, но *прибы́вший;* или форма прошедшего времени и действительное причастие имеют ударение на тематической или суффиксальной гласной, а страдательное причастие — на приставке: *взорва́л, взорва́вший*, но *взо́рванный; содра́л, содра́вший*, но *со́дранный; согну́л, согну́вший*, но *со́гнутый; замкну́л, замкну́вший*, но *за́мкнутый, заткну́ть, заткну́вший*, но *за́ткнутый.*

Краткие прилагательные, у которых в основе — суффикс (кроме суффиксов *-н-, -л-, -к-, -ок*), обычно имеют неподвижное ударение; например: *серебри́ст, серебри́ста, серебри́сто, серебри́сты; писклúв, писклúва, писклúво, писклúвы; серова́т,*

---

[1] Впрочем, с некоторыми глаголами, при наличии определенного значения, приставки *вы-* не перетягивают на себя ударения. Например, *носить — выноси́ть, водить — выводи́ть, возить — вывозить.*

серова́та, серова́то, серова́ты. Другие краткие прилагательные (без суффиксов в основе или с суффиксами: *-н-, -л-, -к-, -ок*) обычно имеют подвижное ударение — на первом слоге основы во всех формах, кроме единственного числа женского рода, и на окончании в женском роде; например: *груб, груба́, гру́бо, гру́бы; глуп, глупа́, глу́по, глу́пы; горд, горда́, го́рдо, го́рды; ве́сел, весела́, ве́село, ве́селы; зе́лен, зелена́, зе́лено, зе́лены; дёшев, дешева́, дёшево, дёшевы; глух, глуха́, глу́хо, глу́хи; густ, густа́, гу́сто, гу́сты; жив, жива́, жи́во, жи́вы; добр, добра́, до́бро, до́бры; прав, права́, пра́во, пра́вы; пуст, пуста́, пу́сто, пу́сты; туп, тупа́, ту́по, ту́пы; сыт, сыта́, сы́то, сы́ты; мо́лод, молода́, мо́лодо, мо́лоды; до́рог, дорога́, до́рого, до́роги; до́лог, долга́, до́лго, до́лги; кро́ток, кротка́, кро́тко, кро́тки; кре́пок, крепка́, кре́пко, кре́пки; ре́док, редка́, ре́дко, ре́дки; го́рек, горька́, го́рько, го́рьки; бо́ек, бойка́, бо́йко, бо́йки; те́сен, тесна́, те́сно, те́сны; вре́ден, вредна́, вре́дно, вре́дны; све́тел, светла́, све́тло, све́тлы; ки́сел, кисла́, ки́сло, ки́слы.*

В ряде случаев в среднем роде возможно двоякое ударение: *бело́* и *бе́ло, по́лно* и *полно́, пьяно* и *пьяно́, о́стро* и *остро́, ма́ло* и *мало́, ста́ро* и *старо́, высо́ко* и *высоко́, широ́ко* и *широко́, далёко* и *далеко́, глубо́ко* и *глубоко́*. В тех случаях, когда в среднем роде возможно двоякое ударение, последнее возможно и во множественном числе: ср. *бе́лы* и *белы́, по́лны* и *полны́, пьяны* и *пьяны́, о́стры* и *остры́, ма́лы* и *малы́, ста́ры* и *стары́, далёки* и *далеки́, глубо́ки* и *глубоки́* и т. д.

В некоторых случаях двоякое ударение представлено во множественном числе при ударении на основе в среднем роде: *ви́дны* и *видны́* (ср. *ви́дно*), *ми́лы* и *милы́* (ср. *ми́ло*), *ну́жны* и *нужны́* (ср. *ну́жно*), *кру́пны* и *крупны́* (ср. *кру́пно*).

В отдельных случаях с различиями в ударении кратких прилагательных связано разное значение. Например, от прилагательного *великий* в значении *выдающийся, имеющий особенно большую ценность* употребляются краткие формы *вели́к, вели́ка, вели́ко, вели́ки;* формы *вели́к, велика́, велико́, велики́* употребляются в значении *больше, чем нужно (комната для меня велика́, ботинки велики́)*. Характерно, что в этом значении полная форма не употребляется.

Отсутствие четких критериев для разграничения разных типов ударения в кратких формах прилагательных (неподвижного на окончании, неподвижного на основе, подвижного) ведет к их смешению между собой и к многочисленным неправильностям, некоторые из которых постепенно закрепляются в литературном языке, переставая тем самым быть неправильностями. Особенно часто встречаются случаи переноса ударения на окончание в форме множественного числа, причем одни из них безусловно приходится считать противоречащими норме лите-

ратурного языка, т. е. неправильными (например, *вы правы́, глухи́, бледны́, глупы́*), а другие постепенно укрепляются в литературном языке, употребляясь наряду со старой нормой (например, *добры́*, ср. в выражении *будьте добры́; мы дружны́, сильны́*).

От двусложных прилагательных (т. е. с односложной основой, например, *но́вый, си́льный, све́тлый*) с ударением на основе, образующих сравнительную степень с суффиксом *-ее (-ей)*, ударение в сравнительной степени переносится на первый слог этого суффикса; ср.: *но́вый — новее́, бе́лый — белее́, глу́пый — глупее́, ми́лый — милее́, сме́лый — смелее́, же́лтый — желтее́, до́брый — добре́е, у́мный — умнее́, си́льный — сильнее́, то́чный — точнее́, ску́чный — скучнее́, стра́шный — страшнее́, по́здний — позднее́, све́тлый — светлее́* и т. д.

Подвижное ударение русского языка представляет исключительные трудности не только для нерусских, изучающих русский язык, но также и для русских. Это объясняется тем, что слова, однородные по своим грамматическим признакам, могут иметь различия в ударении. Например, глаголы *пеку́* и *секу́* в общем грамматически однородны: ср. *печь — сечь, пеку́ — секу́, печёшь — сечёшь... пеку́т — секу́т, пёк — сёк;* однако в прошедшем времени первый имеет неподвижное ударение на окончании *(пекла́, пекло́, пекли́)*, а второй — неподвижное ударение на основе *(се́кла, се́кло, се́кли)*. Именно на этой почве появляется неправильное ударение *секла́, секли́, пересекла́, пересекли́ улицу*.

Точно так же слова *вода́, нога́*, с одной стороны, и *сосна́, овца́, коза́*, с другой, грамматически однородны, но первые в винительном падеже единственного числа переносят ударение на основу *(во́ду, но́гу)*, а вторые — нет *(сосну́, овцу́, козу́)*; формы *со́сну, о́вцу, ко́зу* встречаются теперь лишь в диалектах. Слова *сторона́, голова́*, с одной стороны, и *борозда́, полоса́*, с другой, также грамматически однородны, но от первых форма винительного падежа единственного числа образуется с обязательным переносом ударения на первый слог основы *(сто́рону, го́лову)*, а от вторых возможно двоякое образование: с переносом ударения и без него, т. е. как с подвижным ударением, так и с неподвижным ударением на окончании: *бо́розду, по́лосу* и *бороздо́, полосу́*. Все это ведет к сложным взаимодействиям между грамматически однородными, но различными по ударению группами слов, в результате которых постепенно изменяется место ударения в них, а также появляются неправильные ударения.

Сформулировать четкие правила движения ударения при образовании разных грамматических форм от каждого слова весьма трудно, а во многих случаях и невозможно. Поэтому во всех случаях сомнения следует обращаться к словарям.

§ 35. Ударение и звуковое оформление слова

При выяснении понятия кратчайшей звуковой единицы языка (см. § 10) уже указывалось, что ударение выходит за пределы того членения, при котором выделяются фонемы. Было указано также, что наличие или отсутствие ударения в русском языке не является признаком слоговой фонемы (гласной), но представляет собой признак данного слова или признак данного слова в данной форме.

Ударение представляет собой сложное явление, имеющее существенное значение для разных сторон структуры языка. Мы видели, что разноместность делает ударение индивидуальным признаком слова и отличает данное слово от других слов, т. е. относится к сфере лексикологии. Подвижное ударение является признаком данного слова в его данной грамматической форме. При регулярности передвижений ударения с одного места на другое в разных формах данного грамматического типа слов подвижное ударение становится принадлежностью соответствующей парадигмы, т. е. относится к сфере грамматики. Однако самый характер ударения, средства его выделения относятся к фонетике, так же как относится к фонетике и роль ударения как фактора, определяющего собой в значительной мере звуковой облик данного слова или данной формы этого слова, в особенности в области вокализма.

Ударение в русском языке выполняет важную роль, организуя звуковую оболочку слова в некое законченное единство.

Известно, что в русском языке только под ударением гласный произносится наиболее определенно и со всеми ему присущими свойствами. Вне ударения он подвергается значительным изменениям. Отношение к ударению определяет качество безударных гласных, всегда в русском языке в той или иной мере подвергающихся редукции, сокращению, а во многих случаях также изменению в своем качестве. Так, например, в одной и той же корневой морфеме *дом* под ударением звучит сильная фонема [о] [дом], в 1-м предударном слоге слабая фонема [ʌ] [дʌмá, дʌмóф], в заударенном слоге звучит слабая фонема [ъ] [нáдъм]. Точно так же в одной и той же корневой морфеме *пять* под ударением произносится сильная фонема [а], в 1-м предударном слоге — слабая фонема [и^{е}], в заударном слоге слабая фонема [ь]: [п'ät', п'и^{е}т'и́, нáп'ьт']. Аналогичное явление можно наблюдать и в других, не корневых морфемах. Например, флексия *-ом* под ударением звучит [ом], а в заударном слоге как [ъм]; ср. [стʌлóм], [д'élъм]; флексия *-ам* под ударением звучит как [ам], а в заударном слоге как [ъм]: ср. [пъ-д'и^{е}лáм], [пʌ-с'·óлъм]; флексия *-е* предложного падежа единственного числа существительных женского рода на *-а*

под ударением звучит как [е] (сильная фонема), а в заударном слоге как [и^{е}] (слабая фонема): [нъслс'н'é], [нъб'и^{е}р'óз'и^{е}]; суффикс *ов* под ударением звучит как [ов], а в заударном слоге как [ъв]; ср. [слснóвъвъ], [б'и^{е}р'·óзъвъвъ] и т. д.

§ 36. Безударные и слабоударяемые слова

Бóльшая часть служебных слов и частиц, как уже было отмечено, не имеет на себе ударения. Одни из них (предлоги и союзы) являются проклитиками, т. е. предударными словами (например, *на дороге* [нъдлрóг'и^{е}]), другие — энклитиками, т. е. послеударными словами (например, *я-то знаю* [j·áтъ-знá·iу]).

Проклитиками обычно являются односложные предлоги и союзы, которые примыкают к следующему за ними самостоятельному слову. Например, *на горе* [нъглр'é], *от брата* [лдбрáтъ], *при дворе* [пр'идвлр'é], *ко мне* [клмн'é], *со мной* [слмнó·i], *во мне* [влмн'é], *под окном* [пъдлкнóм].

Односложные частицы являются энклитиками, например: *скажи-ка* [склжы́къ], *кто-то* [ктóтъ], *я же говорил* [j·áжъ], *они ведь придут* [лн'йв'ьт'], *придут ли они* [пр'идýтл'и].

Некоторые односложные предлоги с определенными существительными нередко принимают на себя ударение, и тогда следующее за ними самостоятельное слово оказывается безударным, так что и в этом случае предлог вместе со следующим за ним самостоятельным слогом имеет одно ударение. Чаще всего ударение принимают на себя предлоги *на, за, под, по*, а также *из, без*. Приведем несколько наиболее употребительных примеров:

на: *нá воду, нá гору, нá ногу, нá руку, нá спину, нá зиму, нá душу, нá стену, нá голову, нá сторону;*

нá берег, нá год, нá дом, нá нос, нá пол, нá ухо, нá день, нá ночь; зуб нá зуб;

нá два, нá три, нá пять, нá шесть, нá семь, нá восемь, нá девять, нá десять, нá сорок, нá сто, нá двое;

за: *зá воду, зá ногу, зá голову, зá волосы, зá руку, зá спину, зá зиму, зá душу;*

зá нос, зá год, зá город, зá ворот, зá ухо, зá уши, зá ночь;

зá два, зá три, зá пять, зá шесть, зá семь, зá восемь, зá девять, зá десять, зá сорок, зá сто;

под: *пóд ноги, пóд руки, пóд гору, пóд нос, пóд сорок, пóд вечер;*

по: *пó морю, пó полю, пó лесу, пó полю, пó носу, пó уху;*

пó два, пó три, пó сто, пó двое, пó трое;

из: *úз лесу, úз дому, úз носу, úз виду;*

без: *бéз вести, бéз четверти, бéз году недéля;*

от: *час óт часу, год óт году.*

Двусложные и трехсложные союзы обычно употребляются с ударением, но оно у них более слабое, чем у самостоятельных слов. Такое ударение называется слабым, или побочным, а соответствующие слова — слабоударяемыми. Побочное ударение обозначим знаком грависа (ˋ), в отличие от основного ударения, обозначаемого нами знаком акута (ˊ).

Приведем примеры: *èсли мóжно, узнáйте; когдà узнáете, скажúте; сказáл, бýдто придёт; ласкáлся, слòвно ребёнок; ухожý, потомý что обещáл.*

Двусложные предлоги различны в отношении наличия или отсутствия у них побочного ударения. Одни из них всегда безударны. Таковы сложные предлоги *(из-за, из-под)* и предлоги с беглым *о,* вместе с последним двусложные *(подо, надо, обо, ото, изо)* или трехсложные *(передо)*. Например: *из-за лéса* [из:лʌл'éсъ], *из-под стола* [испътстʌлá], *подо мной* [пъдʌмнó·j], *надо мной* [нъдʌмнó·j], *обо мне* [лбʌмн'é], *обо всех* [лбʌфс'éх], *изо всех* [изʌфс'éх], *ото всех* [лтʌфс'éх].

Другие двусложные и трехсложные предлоги могут иметь побочное ударение, но могут также быть безударными. Например: *перед отхóдом* и (реже) *пèред отхóдом* (произносится: [п'ьр'ьдʌтхóдъм] и [п'èр'ьдʌтхóдъм]); *между городáми* и *мèжду городáми* (произносится: [м'ьждугърʌдá·м'и] и [м'èждугърʌдá·м'и]), *через окнó* и *чèрез окнó* (произносится: [ч'ьр'ьзʌкнó] и [ч'èр'ьсʌкнó]). Некоторые двусложные предлоги всегда имеют побочное ударение; таков, например, предлог *кроме: никтó, крòме тебя́, э́того не сдéлает,* а также двусложные и трехсложные предлоги, происходящие из наречий: *скажý пòсле урóка; бéгали кругòм дóма; éхали мùмо дерéвни; сидéли òколо дóма; столпúлись вокрýг учúтеля; остановúлись напрòтив избы; стáл поперёк дорóги.*

Эти слова в качестве предлогов имеют ударение, по своей полновесности близкое к ударению самостоятельных слов. Однако в этом своем качестве они не являются обычно носителями фразового или логического ударения (см. вышеприведенные примеры). Напротив, те же слова, употребленные как наречия, могут быть носителями такого ударения. Ср. *скажý пóсле, прошлú мúмо, живёт óколо* (т. е. *близко*), *осмотрéлся кругóм, живёт напрóтив, рéжь поперёк.*

Побочное ударение обычно имеет односложный предлог *сквòзь: сквòзь облакá* (произносится: [сквò·с' лбʌлкá], [сквò·с'л'éс]).

Союз *чтобы,* в отличие от сочетания местоимения *что* с частицей *бы (что бы),* ударения не имеет, всегда являясь проклитикой: сочетание *сказал, чтобы пришли* произносится [скʌзáл штъбыпр'ишл'й]. Ср. с этим произношение сочетания *что бы* во фразе: *дам тебе все, что бы ты ни просил* [дáм т'и^{e}б'é фс'·ó штó бы ты́ н'ьпрʌс'йл].

Безударен также односложный союз *что,* в отличие от местоимения *что*. При этом надо заметить, что союз *что* в 1-м предударном слоге, как и в других предударных слогах, произносится с гласным [ъ] (в книжном произношении возможно [о]), но никогда не произносится с гласным [ʌ], который нормально выступает вместо [о] в этом положении; во фразе *я не знал, что брат приедет* произносится: [штъбра́т] или [штобра́т]. Ср. произношение местоимения *что: я не знал, что́ им сказать* [што́им].

Односложные союзы *то — то* и *но* обычно не носят на себе ударения, но тем не менее как в 1-м, так и в других предударных слогах произносятся со звуком [о] (а не [ʌ] или [ъ]). Фразы: *то дождь, то снег; то приходит, то уходит* обычно произносятся: [тòдо́ш': тòс'н'е́к], [тòпр'ихо́дит тòухо́д'ит]. Так же произносится союз *но* во фразах: *но ты-то об этом знал; но было светло; но уже было светло* [ноты́тъ, нобы́лъ, ноужэ́].

Некоторые категории местоимений всегда имеют обычное ударение самостоятельного слова. Другие местоимения часто употребляются и с побочным ударением. Например: *на вокза́ле меня́ встре́тили това́рищи; у его́ сестры́ мно́го кни́г; мое́й сестре́ де́сять лет; э́того челове́ка я ра́ньше не ви́дел.* Побочное ударение обычно имеют относительные слова: *подъе́хали к до́му, кото́рый стоя́л на краю́ дере́вни.*

Некоторые местоимения в живой речи могут быть и безударными (обычно — энклитиками): *кто это сделал* [кто́ьтъ], *куда это он ушел* [куда́ьтъ], *чего это он не приходит* [ч'и^{е}во́ьтъ][1], *куда вы бежите* [куда́вы].

Слабоударяемыми часто являются простые числительные в сочетании с существительными: *пять рублей, без пяти пять, с десятью рублями, две недели, три минуты* (если числительное не употреблено с предлогом, перетягивающим на себя ударение; ср.: *на́ пять рублей, за́ три недели).*

Слабоударяемой является связка *быть (ве́чер бы́л сухо́й и тёплый, у́тро бы́ло моро́зное),* а также глагол *стать* в связочном употреблении *(брат ста́л учи́телем).*

Слабоударяемыми, а в некоторых случаях и безударными являются некоторые из слов с различного рода модальными значениями. Отметим некоторые из них. Так, безударным является слово *было* в определенном синтаксическом употреблении (придавая значение прерванности или несовершения действия, выраженного глаголом-сказуемым): *я пошёл было вчера*

---

[1] Именно в связи с энклитичностью слова *это* в подобного рода случаях образовались просторечные формы [хто́ітъ, што́ітъ, где́ітъ] и т. д., получившие более широкие синтаксические функции, чем соответствующие формы литературного языка: [кто́ьтъ, што́ьтъ, где́ьтъ].

в театр ... он собирался было уехать ... Произносится: [плшóл былъ] или даже: [плшóлбълъ].

Слово *бывало* в определенном синтаксическом употреблении (придавая значение неоднократно совершавшегося в прошлом, повторявшегося действия, выраженного глаголом-сказуемым) в силу своего большого объема не бывает лишено ударения, но имеет ударение побочное, более слабое, чем нормальное словесное ударение. Ср.: *придёт бывàло ко мнé и говорúт.*

Слабоударяемыми обычно являются некоторые из так называемых вводных слов. Ср.: *Онá, стàло быть, хóчет поступúть в институ́т?* Некоторые часто употребительные вводные слова могут быть и безударными, например: *так сказать, говорит,* что ведет к изменению их звукового облика в связи с редукцией гласных: [тъкскъзът', гъвър'ит, гр'ит].

Безударным часто бывает слово *брат,* употребленное в качестве обращения (но не в обычном своем лексическом значении, а расширенном). Ср.: *Ты, брат, не заговаривай мне зубы,* произносится: [ты́ брът].

Таким образом, кроме слов, имеющих нормальное словесное ударение, и слов безударных, выделяется еще третья категория слов — слабоударяемых или могущих быть слабоударяемыми во фразе. Нормальное словесное ударение имеют самостоятельные слова, безударными могут быть прежде всего слова служебные и частицы: однако те из них, которые велики по объему, многосложны, могут иметь побочное ударение, т. е. быть слабоударяемыми. Чаще же всего слабоударяемыми являются слова, образующие как бы промежуточную группу между категориями самостоятельных слов и служебных. Именно таковы предлоги-наречия, многие местоимения. Близки к ним также числительные в определенном синтаксическом употреблении.

§ 37. Слова с побочным ударением

Выше уже было отмечено, что нормально каждое самостоятельное слово имеет ударение и притом одно. Однако имеются слова, обычно многосложные, большие по объему, а также сложные по составу, которые имеют (или хотя бы могут иметь) два ударения — наряду с основным, обычным словесным ударением второе — побочное, более слабое. Сюда относятся чаще всего некоторые из сложных слов, т. е. слов, образованных путем сложения двух основ. Ср., например, *самолѐтостроѐние, чёрносморо́диновое* (варенье). Сюда относятся также слова с некоторыми префиксами иноязычного происхождения (например, *сѝупероблóжка, кòнтршáнсы,* а также некоторые сложносокращенные слова, например, *Мòсутúль*) и др. Вопрос о побочном, втором ударении слова совершенно не изучен.

Поэтому ниже мы ограничимся лишь несколькими предварительными замечаниями.

Заметим прежде всего, что при наличии в основе двух ударений побочное обычно бывает первым (ближе к началу слова), а основное вторым (ближе к концу слова); ср. ударения в слове *дàльневосто́чный*.

Сложные слова, общенародные по своему значению, в особенности с небольшой по объему первой основой и ударением на начальном слоге второй основы, побочного ударения не имеют. Ср. *водовоз* — [въдлвóс], *водокачка* — [въдлкá·ч'къ], *пароход* — [пърлхóт], *паровоз* — [пърлвóс], *садовод* — [съдлвóт], *волкодав* — [вълклдáф], *маслобойня* — [мъслбó·ін'ъ], *крупорушка* — [круплрýшкъ], *коневодство* — [кън'и^{е}вóцствъ], *пылесос* — [пыл'и^{е}сóс] и т. д. Обычно отсутствует побочное ударение также в сложных словах общенародного значения, не полностью удовлетворяющих сформулированным требованиям; ср. *землетрясе́ние, водопрово́д* (ударение на втором слоге второй основы), произносятся: [з'ьмл'ътр'и^{е}с'ê'н'ьі], [въдъпрлвóт]; *собаководство* (первая основа двусложная) произносится: [събъклвóцствъ].

Во многих случаях побочное ударение является факультативным: оно имеется в более отчетливом произношении и отсутствует в более беглом или имеется в произношении одних лиц и отсутствует в произношении других. Ср., например, слова *машиностроéние, сельскохозя́йственный*, которые могут произноситься двояко: [машы́нъстрлjê'н'иьі] и [мъшынъстрлjê'н'иьі], [с'èл'скъхлз'а̀ьіств'ьн:ъі] и [с'ьл'скъхлз'а̀ьіств'ьн:ъі].

Вообще, чем более новым или необычным, чем более книжным по своему характеру или относящимся к специальному языку (науки, техники) является сложение, тем в бóльшей степени можно ожидать двух ударений — побочного наряду с основным. Ср. *кля̀твопреступлéние, гальва̀нопла́стика, ра̀диопереда́ча, ра̀диоприёмник, ра̀диостáнция, фо̀тосни́мок, фо̀торепорта́ж, су̀довéрфь, кѝносцена́рий, цèльнометалли́ческий*. Точно так же больше оснований ожидать второго, побочного ударения в тех случаях, когда в смысловом отношении обе части сложения выделяются достаточно четко. Поэтому обычно произношение: *кора̀блекрушéние, тёмно-зелёный, самолётостроéние, то̀рфоперегнóйный, моро̀зоусто́йчивый*. В тех же случаях, когда сложение основ в слове вообще слабо выделяется или не выделяется в смысловом отношении одна из основ, побочного ударения обычно не бывает. Ср.: *подобостра́стный, самостоя́тельный, еженеде́льный, благоду́шный, равноду́шный, благоде́тель, достове́рный* и т. д., произносятся: [пъдъблстрáснъі], [съмъстлjа̂т'ьл'нъі], [іьжън'и^{е}д'ếл'нъі], [блъглдýшнъі], [ръвнлдýшнъі], [блъглд'ếт'ьл'], [дъстлв'ёрнъ]. Наконец, чем дальше отстоит основное ударение от места возможного побочного ударения,

тем в большей степени можно ожидать двух ударений в слове. Ср., например, *водомéр* (с одним ударением) и *вòдопроницáемый* (с возможным вторым, побочным ударением), *земледéлец* (с одним ударением) и *зèмлевладéлец* (с возможным вторым, побочным ударением). Другие примеры: *врèмяпровождéние, сàхароварéние, хлòпкоочистúтельный, товàропроизводúтель.*

Во многих случаях наличию побочного ударения рядом с основным содействует не одно из указанных условий, а два или все. Ср. *тòрфоперегнóйный, картòфелекопáлка, зàсухоустóйчивый, àэронавигáция:* эти слова относятся к области специального словаря (сельского хозяйства, авиации), обе основы в них четко выделяются; основное ударение отделено от места побочного ударения тремя слогами.

Наличие побочного ударения в некоторых случаях, обычно вне указанных условий, характеризует просторечный стиль речи; ср. произношение: *поéхали в Сталингрáд, жилá в Лèнингрáде, в òбщежúтии,* а также *вòсемьсóт, дèвятьсóт.*

При наличии в сложном слове трех основ возможно в нем три ударения — два побочных и последнее основное: *электромашúностроéние* (при этом первое побочное ударение здесь сильнее второго, так как данное слово образовано путем сочетания элемента *электро* со словом *машиностроение*).

Помимо сложных слов, побочное ударение имеют многие сложносокращенные слова, представляющие собой сложение части первого слова с полным вторым словом: *прòфдвижéние, прòфбилéт, прòфорганизáция, прòфсобрáние, прòфделегáт* (но *профсоюз,* произносится [пръфслj·ýс]); *пàртбилéт, пàртабинéт, пàртактúв, пàртучёба, пàртвзыскáние, пàртсобрáние, пàрттысячник, пàртконферéнция, пàртсъéзд; агúтбригáда, агúтколлектúв, агúтпропагáнда; Мòссовéт, Лèнсовéт, Мòсэнéрго, Энèргосбы́т, Мòсгáз, Мòсснáб, Сèльэнéрго.*

Если сложносокращенное слово представляет собой сложение частей двух слов с третьим полным словом, то оно может иметь три ударения — два побочных и третье основное: *сèльхòзартéль, сèльхòзобъединéние, сòвпàртшкóла, Мòсшвéйартéль, Вòлгодòнстрóй.*

Наконец, побочное ударение на приставке имеют слова с приставками *после-, сверх-,* а также с приставками иноязычного происхождения: *архи-, анти-, ультра-, супер-, транс-, контр-, про-;* ср.: *пòслевоéнные годы, пòслеоктя́брьский пери́од; свèрхприбыли, свèрхестéственный; àрхимиллионéр, àрхимéленно; àнтиобщéственный, àнтихудóжественно, àнтидемократúческий; ùльтрафиолéтовый, ùльтрамикроскóп; сùпероблóжка, сùперарбúтр; трàнсатлантúческий, трàнсарктúческий, трàнссибúрский; кòнтршáнсы, кòнтрнаступлéние,*

контруда́р, контрата́ка, контрманёвр; профаши́стский, прамерика́нский, прангли́йский.

Побочное ударение могут иметь также слова с приставками иноязычного происхождения *де-, ре-: демилитариза́ция, денационализа́ция, декартелиза́ция, деквалифика́ция денацифика́ция,* но также и *демилитариза́ция, деквалифика́ция* и т. д. (в некоторых словах побочное ударение всегда отсутствует, например: *демобилиза́ция, дегаза́ция, дешифрова́ть, дешифро́вка)*; *ренатурализа́ция, репатриа́ция, редублика́ция* и т. д., но также и *ренатурализа́ция, репатриа́ция* и т. д.

С побочным ударением произносятся слова иноязычного происхождения: *постскри́птум, постфа́ктум.*

ВОКАЛИЗМ

УДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ

§ 38. Состав гласных фонем

В русском языке в слоге под ударением в равном положении по отношению к качеству соседних согласных различается пять гласных фонем. В безударных слогах различается меньшее количество фонем. Поэтому положение в ударном слоге представляет собой сильную позицию, а фонемы, употребляющиеся в сильной позиции, являются сильными.

В изолированном положении, а также в начале слова перед согласным (твердым) выступают следующие пять фонем: [и], [е], [а], [о], [у]. Ср. [их], [ех], [ах], [ох], [ух]; [а́хът'], [о́хът'], [у́хът']; [и́дъ], [а́дъ], [о́дъ]; [и́ръ], [е́ръ]; [и́ркъ], [а́ркъ]; [и́гър'], [у́гър']; [ос], [ус]; [ил], [ал]; [е́тъму], [а́тъму].

Независимыми, позиционно не обусловленными сторонами ударных гласных, представляющими конститутивные, различительные признаки этих гласных как фонем, является различение трех степеней подъема языка — верхнего, среднего и нижнего (зависящее от движений языка по вертикали), а для первых двух, кроме того, различение отсутствия или наличия лабиализации. Это показано в таблице:

и	у
е	о
а	

Эти гласные отличаются друг от друга также тем, что называется рядом гласных (зависящим от движений языка по горизонтали, т. е. вперед и назад): они могут быть переднего и заднего рядов, а также среднего. Однако различия гласных по ряду в современном русском языке обусловлены позицией: они зависят от качества соседних гласных (в особенности от их твердости или мягкости), а также от наличия или отсутствия согласного перед гласным или после

него. Позиционно обусловленные различия гласных по ряду (т. е. по более заднему или переднему образованию) в русском языке очень велики. Ввиду сказанного ряд гласных не входит в число конститутивных, различительных признаков гласных фонем русского языка, а характеризует лишь ту или иную

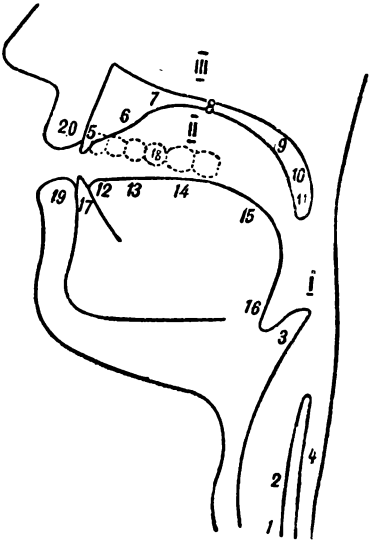

Рис. 1.

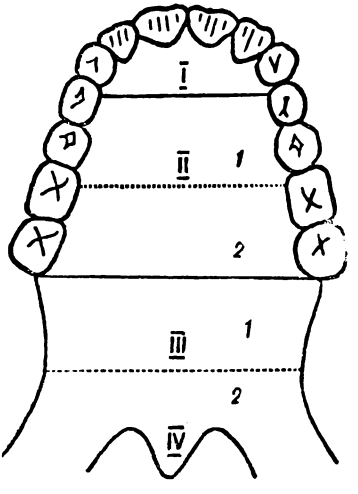

Рис. 2.

Рис. 1. I — надгортанная полость; II — полость рта; III — полость носа; *1*— дыхательное горло, *2*— гортань, *3*— надгортанник, *4*— пищевод, *5*— верхний резец, *6*— альвеолы, *7*— передняя часть твердого нёба, *8*— задняя часть твердого нёба, *9*— передняя часть мягкого нёба, *10*—задняя часть мягкого нёба, *11*— язычок, *12*— кончик языка, *13*— передняя часть спинки языка, *14*— средняя часть спинки языка, *15*— задняя часть спинки языка, *16*— корень языка, *17*— нижний резец, *18*— верхние зубы, *19*— нижняя губа, *20*— верхняя губа.
Рис. 2. I — альвеолы; II — твердое нёбо: *1*— передняя часть, *2*— задняя часть; III — мягкое нёбо: *1*— передняя часть, *2*— задняя часть; VI— язычок

конкретную разновидность фонемы (основной ее вид, тот или иной вариант). Рассмотрим образование всех пяти гласных фонем в изолированном положении, а также в начале слова перед согласным (твердым).

§ 39. Классификация гласных

Как известно, в основе всех гласных доминирует голос — музыкальный тон, образуемый в гортани. К этому тону при образовании каждого гласного присоединяются особые характерные тона (обертона), образуемые в надгортанных полостях (в полости глотки и главным образом в полости рта), которые придают ему свой специфический тембр, свое каче-

ство, в отличие от тембра и качества других гласных. Гласные в своем образовании отличаются от согласных отсутствием в полости рта препятствия, могущего образовать шум, большей напряженностью органов речи и слабостью воздушной струи.

Акустические различия между гласными определяются объемом и формой резонирующих полостей, которые могут сильно изменяться в результате движений языка и губ. Язык может производить движения в двух направлениях — по горизонтали, т. е. двигаться вперед, к нижним зубам, или назад, и по вертикали, т. е. подниматься в большей или меньшей степени. Эти два направления в движении языка тесно связаны друг с другом: движение вперед или назад обычно бывает сопряжено с одновременным бóльшим или меньшим движением вверх. Однако при классификации гласных целесообразно их рассмотреть по отдельности. Движения языка вперед и назад, большее или меньшее его поднятие к определенной части нёба изменяют объем и форму резонирующей полости рта, от которой зависит качество гласного. Губы при образовании некоторых гласных выпячиваются вперед и округляются, образуя отверстие резонатора и удлиняя таким образом резонирующую полость; при образовании других гласных губы, можно сказать, нейтральны, не принимают участия. Таким образом, классификация гласных строится на учете: 1) участия или неучастия губ; 2) степени подъема языка; 3) места подъема языка.

1) Участие и неучастие губ. При образовании гласных [о] и [у] губы выпячиваются вперед и округляются, образуя выходное отверстие резонатора. При [о] — степень выпячивания и округления губ меньшая и отверстие между ними шире; при [у], напротив, степень выпячивания и округления губ бóльшая и отверстие между ними у́же. Выпячивание и округление губ изменяет объем и форму резонатора, величину выходного отверстия, благодаря чему создается характерное качество соответствующих гласных, в отличие от гласных, образуемых без участия губ. При образовании других гласных губы пассивны, они открывают зубы, ввиду чего границей резонатора является задняя стенка зубов, а не зубы. При таком положении губ образуются гласные [и], [е], [а].

Гласные, при образовании которых губы вытягиваются вперед и округляются, называются лабиализованными — „огубленными“ (от латинского labium — губа). Гласные, при образовании которых губы активного участия не принимают, называются нелабиализованными. Гласные [о] и [у] — лабиализованные, гласные [и], [е], [а] — нелабиализованные.

2) Степень подъема языка. Язык, находясь в любом положении по отношению к движениям по горизонтали, может в большей или меньшей степени подниматься к нёбу. Ударные

гласные русского языка различают три степени подъема: верхний, средний и нижний. При образовании гласных верхнего подъема язык поднимается к нёбу наиболее высоко. К верхнему подъему в русском языке относятся гласные [и] и [у]. При образовании гласных среднего подъема язык поднимается к нёбу менее высоко. К гласным среднего подъема относятся [е] и [о]. При образовании гласных нижнего подъема язык поднимается в минимальной степени (практически подъем языка может отсутствовать). К нижнему подъему относится в русском языке гласный [а]. Отметим, что различия по наличию и отсутствию лабиализации имеют место лишь у гласных среднего и верхнего подъема ([е] — [о], [и] — [у]).

3) Место подъема языка. Место подъема языка зависит от движений языка по горизонтали. При произношении одних гласных все тело языка продвигается вперед, так что за корнем языка остается большое пространство, кончик языка упирается в нижние зубы, средняя часть спинки языка поднимается в той или иной степени к твердому нёбу. Гласные, образуемые при таком положении языка, называются гласными переднего ряда. При образовании гласных переднего ряда более приподнятой частью спинки языка является средняя ее часть, которая артикулирует по отношению к твердому нёбу. К переднему ряду в русском языке относятся гласные [и] и [е].

При образовании других гласных все тело языка отодвигается назад, так что за корнем языка остается лишь небольшое пространство, в то время как в полости рта образуется большой резонатор; кончик языка отодвинут от нижних зубов в большей или меньшей степени. Гласные, образуемые при таком положении языка, называются гласными заднего ряда. При образовании гласных заднего ряда наиболее приподнятой частью спинки языка является ее задняя часть, которая артикулирует по отношению к мягкому нёбу. К заднему ряду в русском языке относятся гласные [о] и [у].

Различаются еще гласные среднего ряда, которые по месту подъема языка занимают промежуточное положение между гласными заднего и переднего рядов. В русском языке к среднему ряду относится гласный [ы]. При образовании [ы] тело языка несколько отодвинуто назад от зубов и высоко приподнята вся спинка языка (причем несколько приподнят также кончик языка).

Своеобразно место гласного [а] среди гласных разных рядов: при произношении [а] язык в сущности не поднимается к нёбу, поэтому его образование по отношению к ряду не локализовано, гласный [а] находится как бы вне описанных рядов[1].

---

[1] Однако в зависимости от качества соседних согласных гласный [а] может приобретать более локализованный характер по ряду.

§ 40. Образование отдельных гласных

Чтобы уяснить себе, в каком положении находятся органы речи при произношении гласных фонем, следует прежде всего уяснить артикуляции гласных [а], [и], [у], при образовании которых различия в движениях языка и губ проявляются наиболее наглядно.

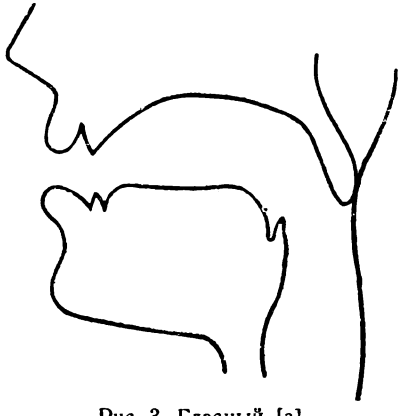

Рис. 3. Гласный [а]

При образовании [а] нижняя челюсть опущена (в большей степени, чем при образовании всех других гласных), в связи с этим рот раскрыт широко (шире, чем при образовании других гласных); подъем спинки языка минимальный или вовсе отсутствует; кончик языка опущен и лежит за нижними зубами, но обычно не соприкасается с ними, а слегка отодвинут назад. Губы пассивны, не выпячиваются вперед и открывают зубы, так что выходное отверстие резонатора образуется зубами. Таким образом, гласный [а] определяется как нелабиализованный, нижнего подъема, нелокализованный по месту подъема, но обычно относимый к заднему ряду.

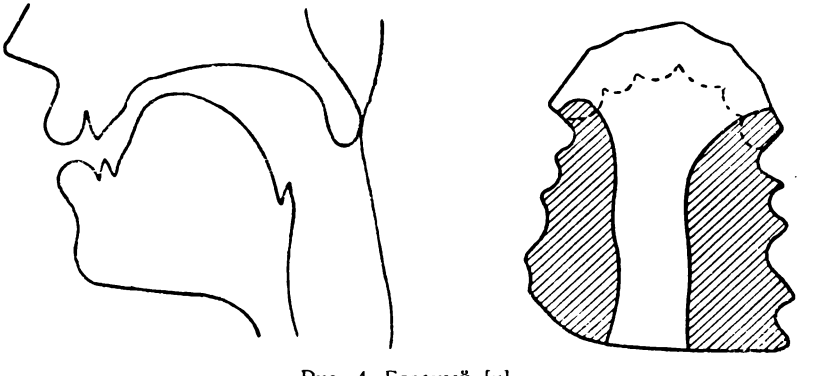

Рис. 4. Гласный [и]

При образовании [и] нижняя челюсть, как и для [у], приподнята больше, чем при других гласных; раствор рта узкий; язык продвинут вперед и высоко поднят в своей средней части к твердому нёбу; опущенный кончик языка упирается в нижние зубы. Губы

пассивны, открыты, так что выходное отверстие резонатора образуется зубами. Поэтому гласный [и] определяется как нелабиализованный, верхнего подъема, переднего ряда.

При образовании [у] нижняя челюсть приподнята, как и для [и], больше, чем при других гласных, в связи с этим раствор рта узкий; язык отодвинут назад и в задней своей части высоко приподнят к мягкому нёбу; опущенный кончик языка довольно далеко отодвинут назад от нижних зубов. Губы сильно вытянуты вперед и округлены (больше, чем при [о]), образуя узкое отверстие (более узкое, чем при [о]), являющееся границей резонирующей полости. Таким образом, [у] определяется как лабиализованный гласный верхнего подъема, заднего ряда.

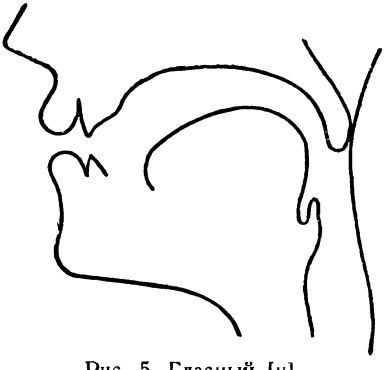

Рис. 5. Гласный [у]

Чтобы лучше почувствовать уклад органов речи при образовании описанных гласных, можно рекомендовать произносить слитно гласные [аи], [ау], [иу].

Усвоить артикуляции гласного [е] и [о] легче всего путем их сопоставления с артикуляциями гласных [и] (для [е]) и [у] (для [о]).

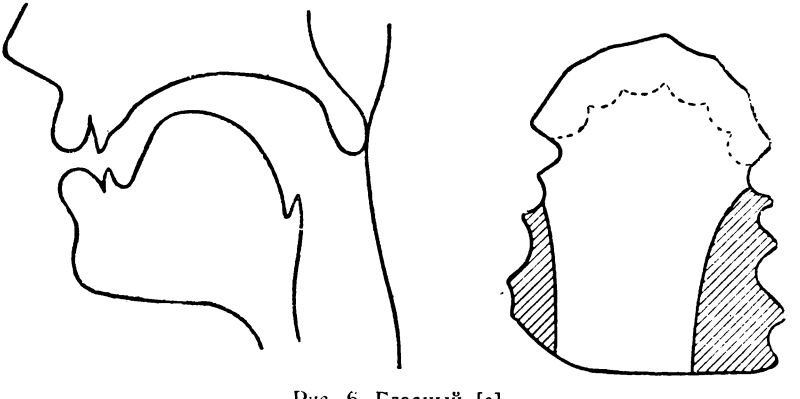

Рис. 6. Гласный [е]

При образовании гласного [е] нижняя челюсть опущена больше, чем при [и], и меньше, чем при [а], в связи с этим и раствор рта при [е] шире, чем при [и], и у́же, чем при [а]; язык продвинут вперед и поднят в своей средней части к нёбу,

однако в меньшей степени, чем при [и]. Губы пассивны, открывают зубы, так что границу выходного отверстия резонатора образуют зубы. Таким образом, гласный [е] определяется как нелабиализованный, среднего подъема, переднего ряда.

Таким образом, гласный [е] отличается от [и] более низким подъемом языка. Чтобы ощутить это, следует слитно произносить [ие], [еи].

Из сказанного следует, что при образовании гласного [о] нижняя челюсть опущена больше, чем при [у], и меньше, чем при [а], в связи с этим и раствор рта при [о] шире, чем при [у], но уже, чем при [а]; язык при образовании [о] отодвинут назад и поднят в своей задней части к мягкому нёбу, однако в меньшей степени, чем при [у]. Опущенный кончик языка отодвинут назад от нижних зубов (также в меньшей степени, чем при [у]). Губы вытянуты вперед и округлены, однако в меньшей степени, чем при [у], в связи с этим и отверстие, образуемое губами и являющееся границей резонирующей полости, несколько более широкое, чем при [у]. Поэтому гласный [о] определяется как нелабиализованный гласный среднего подъема, заднего ряда.

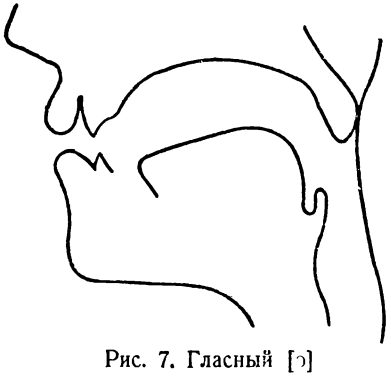

Рис. 7. Гласный [ɔ]

Таким образом, гласный [о] отличается от [у] так же, как гласный [е] отличается от [и]: более низким подъемом языка. Ощутить степень подъема языка в заднем ряду несколько труднее, чем в переднем. Однако, произнося слитно [уо], [оу], можно заметить те отличия в образовании этих гласных, которые выше описаны.

На основе вышеизложенного классификация сильных гласных фонем принимает такой вид:

	нелабиализованные передние	лабиализованные задние
верхние	и	у
средние	е	о
нижние	а	

нелабиализованный, нелокализованный, находящийся вне рядов

§ 41. Сильные гласные фонемы в разных фонетических условиях

Гласные фонемы, оказываясь перед согласным и после согласного того или иного качества, а также в абсолютном начале и в абсолютном конце слова, могут изменяться в своем качестве, выступая в разных своих разновидностях — более передних или задних.

В противоположность фонематически различающимся трем ступеням подъема и наличию или отсутствию лабиализации для гласных верхнего и среднего подъема — ряд гласного в русском языке, как было уже выше отмечено, фонематически не различается. Степень подъема и лабиализация или ее отсутствие полностью определяют место данного гласного в системе фонем, его принадлежность определенной фонеме вне зависимости от его ряда, диапазон колебаний которого весьма широк и в принципе может простираться от заднего ряда до переднего.

Из сказанного следует, что различаясь в слоге под ударением, сильные гласные фонемы не остаются качественно тождественными — они изменяют свое качество в зависимости от наличия или отсутствия согласного перед гласным или после него, а также от качества соседних согласных. Наиболее сильное воздействие на качество сильной гласной фонемы оказывает мягкость или твердость соседних согласных.

Следует различать по крайней мере следующие положения сильной гласной фонемы: в изолированном употреблении [а][1], в начале слова перед твердым согласным [at], между твердыми согласными [tat], на конце слова после твердого согласного [ta], в начале слова перед мягким согласным [at'], после твердого согласного перед мягким [tat'], после мягкого согласного перед твердым [t'at], на конце слова после мягкого согласного [t'a], между мягкими согласными [t'at'].

В изолированном употреблении качество ударного гласного, естественно, максимально независимо. Близки по качеству к гласным в изолированном употреблении ударные начальные гласные в положении перед твердым любым[2] согласным [at], в связи с чем эти два положения в дальнейшем изложении мы позволим себе объединить (позиция I). Ударные начальные гласные в положении перед мягким любым[3] согласным [at'] уже заметно изменяются: гласные передние испытывают передвижку вверх, обозначим такое изменение „крышкой" над

[1] Здесь и ниже [а] является символом гласного, а [t] — символом согласного.

[2] То есть как перед парным твердым согласным, так и перед внепарным (о твердости-мягкости согласных см. ниже).

[3] То есть как перед парным мягким согласным, так и перед внепарным.

буквой гласного: [й], [ê]; гласные непередние испытывают передвижку артикуляции вперед и вверх, которая, однако, не касается начального этапа длительности гласного, а охватывает главным образом ее заключительный этап; подобное изменение обозначим точкой справа от буквы гласного: [а·] (позиция II). В положении после твердых согласных (кроме заднеязычных и шипящих) не перед мягкими, т. е. перед любым твердым согласным и на конце слова [tat, ta], гласные непередние не подвергаются заметным изменениям по сравнению с положением в начале слова перед твердым согласным (в позиции I), однако в соответствии с гласными переднего ряда начала слова после твердых согласных произносятся более задние, отодвинутые назад, в средний ряд (появляется [ы] и [э] в соответствии с [и] и [е] абсолютного начала), в связи с чем приходится это положение выделить особо (позиция III). Своеобразные изменения происходят в положении после твердых согласных (кроме заднеязычных и шипящих) перед любым мягким согласным [tat']: гласные непередние испытывают передвижку вперед в конечной фазе своей длительности (вместо [а], [о], [у] появляются [а·], [о·], [у·]); в соответствии же с гласными передними абсолютного начала после твердых согласных выступают гласные, отодвинутые назад ([ы], [э] в соответствии с [и], [е] абсолютного начала; см. выше для позиции III); но будучи перед мягкими согласными, эти [ы], [э] одновременно испытывают передвижку вперед и вверх в конечной фазе своей длительности. Так, в соответствии с [и], [е] начала слова в данной позиции оказывается [ы·], [э·] (позиция IV). В положении после мягкого согласного перед твердым и на конце слова [t'at, t'a] происходит передвижка артикуляции непередних гласных вперед и вверх в начальной фазе длительности гласного. Обозначим такое изменение непередних гласных точкой слева от буквы гласного: [·а], [·о], [·у]. Гласные передние ([и], [е]) в этой позиции произносятся близко к тому, как они произносятся в абсолютном начале перед твердым согласным (позиция V). В положении между мягкими согласными [t'at'] артикуляция гласного под воздействием соседних мягких согласных смещается наиболее сильно и притом на всем протяжении длительности гласного. Гласные непередние испытывают значительную передвижку вперед в переднесредний или даже передний ряд: появляется [ä], [ö], [ÿ]; отметим, что лабиализованный верхний гласный ([у]) передвигается вперед в меньшей степени, чем [а] и [о]. Впрочем, воздействие на непередний гласный предшествующего и последующего мягких согласных не бывает равномерным на всем протяжении его длительности: оно бывает более слабым на среднем этапе длительности гласного и, напротив, значительно сильнее в начале и конце. Гласный в каком-нибудь слове типа [с'ät'] *(сядь)* про-

износится приблизительно так [с'^{не}а^{еи}т']. При особенно большой длительности гласного (например, в пении) это воздействие может быть еще слабее или даже отсутствовать [с'^{неа}а^{аеи}т']. Гласные передние становятся более верхними, более закрытыми. Подобное изменение обозначаем „крышкой" над буквой гласного: [ы̂], [ê] (позиция VI).

На основе описанных положений можно сделать вывод о том, что качество ударного гласного в отношении его более заднего или переднего образования обусловлено наличием или отсутствием перед гласным и после него согласных, а при наличии их — качеством предшествующего и последующего согласного, в особенности его твердостью или мягкостью. При этом в по-

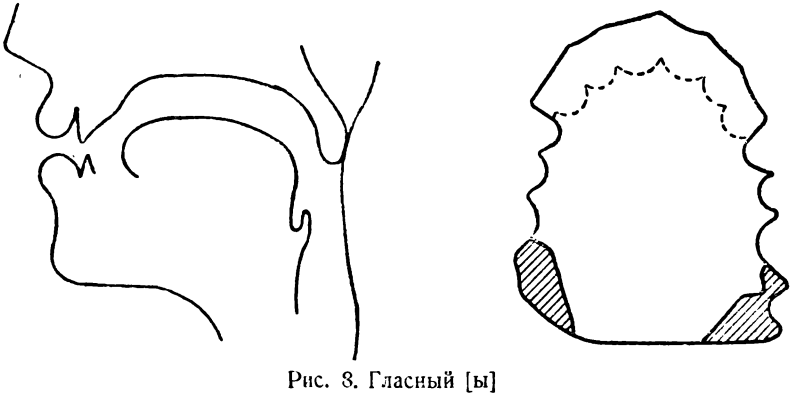

Рис. 8. Гласный [ы]

ложении между мягкими согласными качество гласного бывает в наибольшей степени обусловлено качеством окружающих его согласных [1].

Таким образом, намечается шесть основных позиций для гласных ударного слога:

I. В начале слова не перед мягким согласным: [о], [ос].

II. В начале слова перед мягким согласным: [о·с'].

III. После твердого парного согласного (т. е. кроме заднеязычного и шипящего) не перед мягким: [но], [нос].

IV. После твердого согласного (кроме заднеязычного и шипящего) перед мягким: [бро·с'], [мо·л'].

V. После мягкого согласного не перед мягким [л'·от], [фс'·о].

VI. Между мягкими согласными: [т'о̂т'ъ], [л'о̂н'ъ].

---

[1] Следует помнить, что передвижка артикуляции вперед обычно бывает связана в той или иной степени и с более высоким образованием, так как горизонтальные движения языка тесно связаны с его вертикальными движениями.

Качество разновидностей сильных гласных фонем русского языка в этих позициях показано в таблице:

В начале слова		После твердых согласных		После мягких согласных	
не перед мягким	перед мягким	не перед мягким	перед мягким	не перед мягким	перед мягким
I	II	III	IV	V	VI
и	ӣ	ы	ы·	и	ӣ
е	ӗ			е	ӗ
а	а·	а	а·	·а	ӓ
о	о·	о	о·	·о	ӧ
у	у·	у	у·	·у	ӱ

Приведем материал для всех фонем по каждой из предусмотренных таблицей позиции.

Примеры для позиции I см. выше в § 38.

II. [ӣ'р'ь] (*Ире*), (ӗ'р'ь] (*эре*); [а́·л'ъ] (*Аля*), [о́·л'ъ] (*Оля*), [ӱ́·л'ъ] (*Уля*); (ӣ'р'ис); [а́·л'ьн'къi], [о́·л'ьн'къ] (*Оленька*); [ӗ'к'их];

III. [мыл], [мал], [мол], [мул]; [стыл], [стал], [стол], [стул]; [дым], [дом], [дам], [дум]; [дал], [дол], [дул]; [бык], [бак], [бок], [бук]; [стык], [сток], [стук]; [сыт], [сат] (*сад*), [сот], [сут] (*суд*); [сын], [сан], [сон]; [сап], [соп], [суп]; [плʌды], [плʌда́], [плʌду́]; [с'и^{e}ла́], [с'и^{e}ло́], [с'и^{e}лу́];

IV. [вы́·л'и], [ва́·л'и] (*Вали*), [во́·л'и]; [мы·т'], [ма·т'], [му·т']; [мы́·л'и], [мо́·л'и]; [бы́·л'и], [бо́·л'и]; [бры·с'], [бро·с']; [па·с'т'], [пу·с'т']; [гро·с'т'], [гру·с'т'], [сты́·к'и], [сто́·к'и], [сту́·к'и]; [ру́·к'и], [ра́·к'и];

V. [м'ӣл], [м'ел], [м'·ал], [м'·ол]; [с'ил], [с'ел], [с'·ол]; [л'ик], [л'·ак], [л'·ок] (*лёг*), [л'·ук]; [л'ип], [л'еп] (от *лепый*), [л'·ап] (*тяп-ляп*), [л'·уп] (*люб*); [д'ймъ] (*Дима*), [д'·о́мъ] (*Дёма*), [т'ёмъ], [т'·о́мъ] (*Тёма*); [т'ик], [т'·ак] (от *тяга*), [т'·ок], [т'·ук]; [бр'ик] (*бриг*), [бр'ек] (*брег*), [бр'·а́к], [бр'·ук]; [гʌр'ӣт], [гʌр'·а́т]; [л'уб'ӣ], [л'уб'·а́]; [прʌс'ӣ], [прʌс'·а́]; [т'и^{e}б'ё], [т'и^{e}б'·а́]; [хвʌл'ӣ], [хвʌ-

л'·а́], [хвʌл'·у́]; [гʌр'й], [гʌр'·а́], [гʌр'·у́]; [гʌр'и́м], [гʌр'е́м]; [фс'е], [фс'·а], [фс'·о], [фс'·у];

VI. [л'и̯'л'къ] (*Лилька*), [л'ӑл'къ] (*Лялька*), [л'о̆л'къ] (*Лёлька*), [л'у̯л'къ]; [п'и̯т'], [п'ê т'], [п'ӓт']; [кл'и̯ч'], [л'ê ч'], [кл'ӓч'], [кл'у̯ч']; [с'ê т'], [с'ӓт'] (*сядь*); [зав'и̯'л'и], [зав'ӑл'и]; [л'и̯н'], [л'ê н'], [гл'ӓн'], [л'о̆н'ъ] (*Лёня*), [пл'у̯н'].

Следует отметить, что после твердых парных согласных фонема [е] обычно не употребляется (она употребляется после мягких согласных, см. в вышеприведенной таблице позиции V и VI). Поэтому для позиции III и IV (в таблице) фонема [е] не показана. Однако в словах иноязычного происхождения после твердых парных согласных (обычно переднеязычных) [е] употребляется, причем ввиду „твердой" (т. е. не осложненной [и]-обра́зной артикуляцией) рекурсии согласной артикуляция [е] несколько отодвигается назад: не перед мягкой согласной (т. е. перед твердой согласной и на конце слова) произносится [э], перед мягкой согласной одновременно имеет место передвижка артикуляции в последней фазе ее длительности вверх и вперед, в связи с чем произносится [э·]. Приведем примеры: [стэк] (ср. [сток], [стук]), [гротэ́ск], [тэмбр], [тэнт], [дэ́нд'и], [дэ́мп'инк], [сэ́кстъ], [сэ́пт'имъ], [лсэ́пт'икъ], [клшнэ́], [крэ́до], [отэ·л'], [плстэ́·л'], [модэ́·л'] или [млдэ́·л']. То же произношение имеет место в иностранных собственных именах: [мʌрсэ́·л'], [сорэ́нтъ], [вол'тэ́р], [стэрн], [торэ́с].

Своеобразно произношение гласных фонем после заднеязычных и твердых шипящих.

После заднеязычных не перед мягким согласным произносятся те же гласные, что в позиции I: [и], [е], [а], [о], [у], причем перед [и] и [е] заднеязычные, не различающие твердости-мягкости[1], выступают в своих мягких вариантах: [к'ит], [к'ем], [как], [кок], [ком], [кум]; [г'и́блъ], [г'е́тры], [га́зы], [го́ркъ], [гу́пкъ]; [блʌх'и́], [блʌх'е́], [блʌха́], [блʌхо́·i̯], [блʌху́]. После заднеязычных перед мягким согласным произносятся те же гласные, что и в позиции II: [и̯], [ê], [а·], [о·], [у·], причем и в этом положении заднеязычные перед [и̯] и [ê] выступают в своих мягких вариантах: [к'и̯'л'к'и], [к'ê'л'jъ], [ка́·м'ьн'], [ко́·с'т'и], [ку́·с'т'ик]; [г'и̯'л'], [г'ê'л'i̯], [га́·з'ик], [го́·с'т'и], [гу́·б'ит], [плх'и̯'т'ит'], [пл-ха́·т'и^{e}] (*по хате*), [нъ-лхо́·т'и^{e}] (*на охоте*), [паху́·ч'ьi̯].

После твердых шипящих перед твердыми и мягкими согласными все гласные фонемы, кроме [е], выступают в тех же своих разновидностях, что и в позициях III (перед твердыми) и IV (перед мягкими); фонема же [е] испытывает передвижку на-

[1] Об этом см. ниже в разделе „Консонантизм".

зад и выступает в варианте [э], который и произносится не перед мягким согласным; в положении же перед мягким согласным это [э] произносится в конечной фазе своей длительности как звук более верхний и передний [э˙]. Приведем примеры:

после твердых шипящих не перед мягким согласным: [шык], [шак], [шок]; [ша́пкъ], [шу́пкъ]; [шыл], [шол]; [шэст], [шустр]; [жыл], [жал]; [жок], [жук]; [л'и^{е}жу́], [л'и^{е}жы́], [л'и^{е}жа́л];

после твердых шипящих перед мягким согласным: [шы́˙л'и], [ша́˙л'и], [шэ́˙л'мы]; [шы˙т'], [шу́˙т'ит]; [жы˙т'], [жа˙т'], [жу˙т'], [лжо́˙т'ь]; [стърлжу́], [стърлжы́], [нъ-стърлжэ́], [стърлжа́].

Таким образом, вышеприведенную схему произношения сильных гласных фонем можно дополнить указанием на их произношение после заднеязычных и твердых шипящих.

После заднеязычных		После твердых шипящих	
не перед мягкими согласными	перед мягкими согласными	не перед мягкими согласными	перед мягкими согласными
и	ӥ	ы	ы˙
е	ӗ	э	э˙
а	а˙	а	а˙
о	о˙	о	о˙
у	у˙	у	у˙

Рассмотрим подробнее некоторые вышеупомянутые особенности произношения ударных гласных фонем в определенных положениях. Фонема [е] в начале слова встречается лишь в местоимениях на [е] (*этот, экий* и др.) и в междометиях *(эх, эвона)*, а также в большом количестве слов иноязычного происхождения (*эра, экстра, эхо* и т. д.). Фонема [е] в начале слова перед твердым согласным произносится с легким [и]-образным приступом: [^{и}е]. Особенно заметен этот приступ после мягких согласных: *лес, тесто, мест, дело, небо, сел.* Произносится как бы [л'^{и}е^{ъ}с], [с'^{и}е^{ъ}л] и т. д. В слове *нет* в связи с его синтаксическим употреблением и эмоциональной насыщенностью может звучать дифтонг [и͡е]: [н'и͡ет]. Это объясня-

ется, во-первых, „мягкой“ экскурсией (начальной фазой) артикуляции гласного, так как он находится после мягкого согласного, образуемого с дополнительной [и]-обра́зной артикуляцией; это объясняется, во-вторых, „твердой“ [ъ]-обра́зной рекурсией (конечной фазой) артикуляции гласного, так как он находится перед твердым согласным. Эта своеобразная рекурсия особенно заметна перед твердым [л], в русском языке носящим велярный характер (например, в произношении слова *сел*).

Фонема [о] в начале слова произносится с заметным [у]-обра́зным приступом: ср. [ᵘо́·з'ьръ], [ᵘо́кнъ], [ᵘо́кълъ], [ᵘо́стръф], [ᵘо́·л'гъ], [ᵘо́стръi][1]. Этот приступ нередко заметен и после твердых согласных, в особенности после губных и заднеязычных. Ср. произношение: [пᵘоп], [бᵘоп], [кᵘот], [гᵘот], [вᵘот], а также [тᵘот].

Гласные [а], [о], [у] после мягкого согласного не перед мягким произносятся как звуки весьма неоднородные на протяжении своей длительности. Находясь после мягких согласных, они имеют [и]-обра́зный приступ и заканчиваются нормальным гласным [а], [о] или [у], т. е. произносятся как [ᴵᴵа], [ᴵᴵо], [ᴵᴵу]; ср. [т'ᴵᴵа́нут], [в'ᴵᴵал], [спус'т'ᴵᴵа́], [н'ᴵᴵо́с], [т'ᴵᴵо́тка], [т'ᴵᴵук], [влр'ᴵᴵу́]. Перед лабиализованным гласным [о] [и]-обра́зный приступ может в индивидуальном произношении лабиализоваться, т. е. превратиться в [ў]-обра́зный приступ: [н'ўос], [т'ўо́ткъ].

Гласные [а], [о], [у] между мягкими согласными имеют не только [и]-обра́зный приступ (экскурсию), но также [и]-обра́зное окончание (рекурсию). Однако их неоднородность на разных фазах их длительности несколько меньшая, так как в связи с [и]-обра́зным приступом и окончанием в средней фазе своей длительности они не успевают дойти до „нормальных“ гласных [а], [о], [у] заднего ряда. Между мягкими эти гласные произносятся, если показать их в грубой схеме, примерно так: [ᴵᴱᵉӓᴱᵉᴵ], [ᴵᴱᵉӧᴱᵉᴵ], [ᴵᴱᵉӱᴱᵉᴵ]. Так произносятся ударные гласные в словах *тятька, тётенька, любит.*

Фонема [и] между мягкими согласными произносится как гласный более закрытый, т. е. образуемый с более высоким подъемом спинки языка [и̇], чем [и] не перед мягким согласным; то же имеет место в начале слова перед согласным: ср. [л'и̇н'], [к'и̇н'], [п'и̇т'], [с'и̇т'ьц] и [млл'и̇нъ], [к'и̇ну], [п'ил], [с'и̇тцъ]; ср. также [и̇ръ] и [и̇р'и̇ᵉ] (*Ира, Ире*).

Фонема [е] между мягкими согласными также произносится как гласный более закрытый, т. е. образуемый с более высоким подъемом языка, чем [е] не перед мягким согласным: ср.

[1] Ср. развитие протетического [в] перед [о] (а также перед [у]) в говорах: [во́·з'ира], [вокъла], [востраi] и т. д.

[л'ê н'], [п'ê н'], [с'ê н'], [с'ê т'], [м'ê т'] и [кл'ê н], [п'ê нъ], [кс'ê], [м'ет].

Фонема [е] после твердых шипящих испытывает отодвижку назад, так что произносится [э]: [шэст], [жэст], [жэ́рлъ]. Перед мягкими согласными это [э] имеет легкое [и]-обра́зное окончание (произносится [э·]): [шэ·с'т'], [жэ·с'т'], [шэ́·л'ьст].

Следует отметить, что вообще [и]-обра́зный приступ сильнее и заметнее, чем [и]-обра́зное окончание, т. е. что влияние предшествующего мягкого согласного на гласный сильнее, чем влияние на него последующего согласного. Ср. слоги [т'·ат] (например, в *летят*) и [та·т']. Естественно, что при двустороннем влиянии мягких согласных гласный изменяет свое качество в наибольшей степени.

На качество гласного оказывает воздействие не только твердость или мягкость соседних согласных, но также и разное образование согласных, одинаковых по твердости-мягкости, но различных по месту и способу образования. Например, гласный [о] в словах *том*, *тон*, *тот*, *ток*, *тол*, находясь перед разными твердыми согласными, произносится не совсем одинаково. Особенно заметно изменение гласного перед [л], где он становится более задним и напряженным. Отметим отодвижку назад артикуляции знаком ⊣ под буквой гласного. Ср. [тон] и [тол], [мыт] и [мыл], [бас] и [бал], [мус] и [мул], [с'ет] и [с'ел], [с'ит] и [с'ил].

Из предыдущего изложения мы видели, что диапазон колебаний в качестве ударной гласной фонемы в разных позициях может быть весьма велик. Ср. гласные в словах [м'и́л'] (род. п. мн. ч. от „*миля*“) и [мыл], [м'а́л'и] и [мал] и др. Но как бы ни было велико изменение ударных гласных в зависимости от качества соседних согласных, все же они всегда сохраняют свои отличия друг от друга по своим различительным признакам. Благодаря этому разновидность данной сильной гласной фонемы в данном положении в системе вокализма занимает такое же место, как и разновидность других сильных гласных фонем в том же положении. Это значит, что если в данном положении [о] изменяется в [о·], то в том же положении [а] изменяется в [а·], [у] — в [у·]; если в данном положении [а] изменяется в [ä], то в том же положении [о] изменяется в [ö] и т. д. Это как раз и показано в приведенных выше на стр. 98 и 100 таблицах: любая разновидность данной фонемы, показанной в них, в своей вертикали занимает то же положение, что и соответствующая разновидность других фонем.

Таким образом, несмотря даже на самые большие изменения, сильные гласные фонемы всегда сохраняют свои физиолого-акустические признаки, имеющие различительное значение. Последние, как выше указывалось, заключаются в различении трех подъе-

мов — нижнего, среднего и верхнего, а для двух последних, кроме того, — в наличии или отсутствии лабиализации. Эти различительные признаки сильных гласных фонем русского языка сохраняются в любом положении по отношению к соседним согласным: любая разновидность фонемы [а] отличается от всех разновидностей остальных фонем своим наиболее открытым образованием, т. е. нижним подъемом, и отсутствием лабиализации; любая разновидность фонемы [у] отличается от всех разновидностей остальных фонем своим наиболее закрытым характером, т. е. верхним подъемом, и лабиализацией; любая разновидность фонемы [е] — своим средним подъёмом и отсутствием лабиализации и т. д.

§ 42. Основной вид и позиционные варианты сильных гласных фонем

Уже из предыдущего изложения было ясно, что не все разновидности данной гласной фонемы равны между собой по степени своей обусловленности определенной позицией. Одни из них минимально обусловлены, другие обусловлены в большей степени, третьи — в еще большей.

Наиболее самостоятельная и наименее обусловленная разновидность данной фонемы представляет собой ее основной вид, а остальные, в большей степени обусловленные позицией, являются ее вариантами. Фонемы принято обычно называть по их основному виду.

Рассмотрим, каков основной вид и варианты сильных гласных фонем русского языка. Для этого надо, так сказать, максимально освободить гласный от воздействия соседних согласных.

Освобождая гласный от воздействия последующего согласного, мы получаем следующие сочетания:

I

а) После твердых парных	б) После твердых шипящих	в) После заднеязычных	г) После мягких
ты	шы	*к'и	*т'и
—	шэ	*к'е	*т'е
та*	ша*	ка*	т'·а
то*	шо*	ко*	т'·о
ту*	шу*	ку*	т'·у

Освобождая гласный от воздействия предыдущего согласного, мы получаем такие сочетания (II):

а) Перед твердым согласным	б) Перед мягким согласным
*ит	ѝт'
*ет	ѐт'
ат*	а·т'
от*	о·т'
ут*	у·т'

Сопоставляя разновидности сильных гласных фонем в положении после согласного не перед согласным (I) и в начале слова перед согласным (II), мы находим в них немало и общего: после согласных — твердых парных, твердых шипящих и заднеязычных произносятся [а], [о], [у], как и перед твердыми (эта общность показана звездочкой справа). Далее: после мягких согласных и после заднеязычных произносятся [и], [е], как и перед твердыми (эта общность показана звездочкой слева). Таким образом, подобной общностью оказывается полностью охваченным положение в начале слова перед твердым согласным (II а) и положение после заднеязычных не перед мягким согласным (I в). Если учесть, что те же гласные [и], [е], [а], [о], [у] произносятся в изолированном употреблении, то можно сделать вывод, что основной вид сильных гласных фонем выступает в следующих положениях: в изолированном употреблении, в начале слова перед твердым согласным, после заднеязычных; кроме того, для фонем нелабиализованных верхнего и среднего подъема [и], [е], после мягкого согласного не перед мягким, а для фонем лабиализованных верхнего и среднего подъема [у], [о] и для фонемы нижнего подъема [а] — после твердого парного согласного и после твердого шипящего не перед мягким. Остальные разновидности сильных гласных фонем являются такими их разновидностями, качество которых обусловлено фонетическим положением в большей степени, т. е. являются вариантами соответствующих фонем. Таким образом, фонема как общее реально в языке существует в отдельном, в своих разновидностях, которые разделяют общие ее различительные признаки и в то же время характеризуются частными особенностями, свойственными отдельным ее разновидностям — ее основному виду и вариантам.

Количество фонем языка строго ограничено. В противоположность этому количество разновидностей фонемы велико и не может быть точно ограничено, так как в любом из различных сочетаний данная фонема выступает в звуке, который в какой то мере отличается от той же фонемы в других сочетаниях. Поэтому, чем детальнее описание, тоньше слух, совершеннее аппаратура, при помощи которой изучается звуковая сторона

языка, тем больше разновидностей фонем можно зарегистрировать.

Выше было указано, что ряд гласных — их более переднее или заднее образование,— будучи обусловлен позицией, не является различительным признаком сильных гласных фонем; одна и та же фонема в разных позициях выступает в разновидностях, различных по ряду. Однако тот или иной ряд гласных, не будучи различительным признаком гласной фонемы как таковой, как общего, является различительным, конститутивным признаком отдельных ее разновидностей — основного вида гласной фонемы, а также каждого конкретного ее варианта. Мы видели, что в позиции минимальной обусловленности отсутствует гласный [ä] или [·а], а выступает только [а], отсутствует [ӱ] или [·у], а выступает только [у], отсутствует [ы] или [ы·], а выступает только [и] и т. д. Поэтому можно сказать, что основной вид одних сильных гласных фонем является передним по своему образованию, а других — задним [1], причем это качество является существенным, конститутивным признаком основного вида сильных гласных фонем. Передним является основной вид нелабиализованных гласных фонем верхнего и среднего подъемов ([и], [е]), а задним — остальных ([а], [о], [у])[2].

Сказанное относится и к вариантам сильных гласных фонем. Например, образование [а], [о], [у] в среднем ряде (а первых двух возможно и в передне-среднем ряде) является различительным признаком вариантов этих фонем между мягкими согласными (ср. [л'о̂н'ъ], [гл'ӓн'], [с'л'ӱ́ н'и]). Точно так же образование нелабиализованной верхней фонемы в среднем ряде ([ы]) является различительным признаком варианта этой фонемы в положении между твердыми согласными.

Таким образом, основными вариантами сильных фонем являются: для фонемы [у] — [у·], [·у], [ӱ], для фонемы [о] — [о·], [·о], [ӧ]; для фонемы [а] — [а·], [·а], [ä]; для фонемы [е] — [ѐ], [э], [э·]; для фонемы [и] — [ӣ], [ы], [ы·].

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ

§ 43. Редукция

Безударные гласные в русском литературном языке отличаются от ударных меньшей силой, более вялой (т. е. менее

[1] Точнее непередним, так как нет достаточных оснований считать [а] заднего образования.

[2] Так как фонемы обычно называют по их основному виду, то названиями соответствующих фонем являются названия букв *и, э, а, о, у*. Однако следует помнить, что передний или непередний ряд, характерный для звуков, обозначаемых этими буквами, является признаком не фонемы как таковой, а лишь ее основного вида.

энергичной) артикуляцией, а также обычно большей краткостью. Эти качества безударных гласных называются редукцией. Различаются, по крайней мере, две степени редукции: меньшая — в 1-м предударном слоге и бóльшая — в других безударных слогах. Гласные, которые произносятся с редукцией, называются редуцированными. В противоположность им гласные без редукции называются гласными полного образования. Последние в русском литературном языке произносятся лишь в ударном слоге.

Редуцированные гласные в транскрипции обозначаются теми же буквами, что и гласные полного образования или специальными буквами. Ниже в первом случае редукция по мере необходимости будет обозначаться точкой под буквой гласного. Следует помнить, что самое положение гласного в безударном слоге уже указывает на редукцию. В качестве специальных букв для обозначения редуцированных гласных ниже употребляется [ʌ], [ъ], [ь]. (Об их звуковых значениях см. ниже.)

§ 44. Слабые гласные фонемы

В безударных слогах различается меньшее количество гласных фонем, чем в ударном слоге. Поэтому положение в безударных слогах является слабой позицией для гласных русского языка.

Количество и качество различающихся гласных фонем в разных безударных слогах и в разных стилях произношения не всегда одинаково.

Так как в слабых позициях различается меньшее количество гласных фонем, то и их роль как различителей звуковой оболочки слов оказывается соответственно меньшей. Поэтому, как это было разъяснено выше, в слабых позициях выступают слабые гласные фонемы.

§ 45. Слабые гласные фонемы 1-го предударного слога

В первом предударном слоге независимыми, фонетически необусловленными сторонами гласных является различение двух степеней подъема — верхнего и неверхнего, а для верхнего, кроме того, различение отсутствия или наличия лабиализации. Это показано в таблице:

и | у
α^1

Что же касается ряда гласного — его более переднего или заднего образования, то и в предударном слоге (как и в ударном)

[1] α — знак слабой гласной фонемы неверхнего подъема.

он обусловлен качеством соседних согласных, а также возможным отсутствием согласного перед гласным. Таким образом, и в предударном слоге, как и в ударном, ряд гласного фонематически не различается: он может быть весьма различным для одной и той же фонемы в разных позиционных условиях.

Место данной слабой гласной фонемы в системе гласных целиком определяется двумя степенями подъема — верхнего и неверхнего, а для первого, кроме того, отсутствием или наличием лабиализации.

Следует иметь в виду, что в связи с некоторой ослабленностью гласных 1-го предударного слога в этом положении воздействие последующего мягкого согласного на гласный оказывается меньшим, чем в ударном слоге: ср. различие в предударных гласных в случаях типа [лса́] — [лс'ѝнъ], [клса́] — [клс'ѝл] с различиями в гласных ударных — [пла́тъ] — [пла́·т'ит], [ка́с:ъ] — [ф-ка́·с':и^{е}], [кос] — [ко́·с'ит]; ср. также [усы́] — [ус'ѝш':ь] и [ус], [у́·с'ик'и], [пусто́·і] — [пус'т'и́] и [пу́стъ] — [пу́·с'т'ит], [пыла́·т'] — [пыл'и́нкъ] и [пы́лъ] — [пы́·л'и], [иду́ — ид'и́] и [йду] — [й'д'и^{е}] (*Иду, Иде*) и т. д. В связи с незначительными различиями у гласных 1-го предударного слога в зависимости от последующего твердого или мягкого согласного они в дальнейшем изложении не будут приниматься во внимание.

Если систему слабых фонем 1-го предударного слога сопоставить с системой сильных гласных фонем (в ударном слоге), то окажется, что категория гласных верхнего подъема в них совпадает, а слабой гласной фонеме неверхнего подъема 1-го предударного слога соответствуют сильные гласные фонемы двух разных категорий — среднего и нижнего подъема.

Это можно увидеть из сопоставления таблиц:

Слабые гласные фонемы 1-го предударного слога	Сильные гласные фонемы (ударного слога)
и | у	и | у
	е | о
α	а

Таким образом, слабая гласная фонема неверхнего подъема [α] эквивалентна сильным гласным фонемам среднего и нижнего подъемов.

Напротив, воздействие предшествующего твердого или мягкого согласного на гласные 1-го предударного слога в целом оказывается значительно бо́льшим, чем в ударном слоге [1]: ср.

[1] Кроме воздействия на верхний нелабиализованный гласный, где как под ударением, так и в 1-м предударном слоге диапазон позиционных различий в зависимости от мягкости или твердости предшествующих согласных простирается от [и] до [ы].

позиционное различие ударных гласных, обусловленное предшествующей твердостью или мягкостью (в случаях типа [нóскъ]—[н'·ос]; [фстáнут] — [т'·áнут]) с аналогичными различиями гласных 1-го предударного слога (в случаях типа [в-нлсý] — [н'и^{е}сý], [тлнý] — [т'и^{е}нý]). Воздействие предшествующей твердости или мягкости на гласный [у] также заметно больше в безударном слоге. Ср. [лýбъ] — [л'·ýбъ] и [лубóк] и [л'·убó·ф']: во втором случае передвижка артикуляции вперед больше (в индивидуальном произношении возможно [л'у·бó·ф']).

Для гласных 1-го предударного слога следует различать следующие положения: I. В начале слова; II. После заднеязычных; III. После парных твердых; IV. После парных мягких; V. После твердых шипящих.

Положение после твердых шипящих отличается большой сложностью и наличием значительных колебаний в самих нормах литературного произношения; поэтому положение V мы рассмотрим отдельно.

Качество разновидностей слабых гласных фонем 1-го предударного слога показано в следующей таблице:

I	II	III	IV
и	и	ы	и
ʌ	ʌ	ʌ	и^{е}
у	у	у	·у (ў)

В начале слова и после заднеязычных (позиции I и II) произносится [и], [ʌ], [у]; последние два гласных произносятся также и после твердых парных согласных (позиция III), а первый [и] после мягких (позиция IV). Поэтому основным видом рассмотренных слабых гласных фонем следует считать [и], [ʌ], [у], а позиционными вариантами — для [и] гласный [ы], для [ʌ]— гласный [и^{е}], для [у] — гласные [·у] или [ў].

Приведем материал для всех слабых фонем в предусмотренных выше позициях:

I. [ʌсы́], [усы́]; [иглы́], [углы́]; [игра́], [угра́] *(река Угра)*; [уха́жъвът'], [ʌха́жъвът']; [упа́л], [ʌпа́л]; [убра́·т'], [ʌбра́·т']; [ид'и́], [ʌд'и́н], [уд'и́];

II. [к'ива́·т'], [клва́·т'], [кува́лдъ]; [купа́·т'], [клпа́·т'], [к'ида́·т'], [куда́], [клта́·т']; [худа́], [хʌда́]; [губа́], [лг'иба́·т'].

Примечание. После заднеязычных в первом предударном слоге наряду с [и] (а также [ʌ] и [у]) в отчетливом произношении различается гласный [и^{е}], однако лишь в отдельных словах иноязычного происхождения, при этом гласный [и^{е}], как [и], смягчает предшествующий заднеязычный согласный, что свидетельствует о его переднем образовании как фонемы: [к'и^{е}фа́·л'], [к'и^{е}ф'и́р], [к'и^{е}со́н] *(кессон)*, [к'и^{е}на́ф], [к'и^{е}л'ê̯ĭн'ик]; ср. [к'ива́·т'], [к'ида́·т'], [к'ис'ê̯'л'], [к'ино́].

В беглой речи [и^{е}] и [и] очень сближаются и могут совпасть. Учитывая это, а также то, что [и^{е}] встречается только в немногих словах иноязычного происхождения, настоящее замечание мы выделили из описания общей звуковой системы, которая вообще не знает лексических ограничений.

III. [сыро́к], [сʌро́к], [суро́к]; [мышы́нъĭ], [мʌшы́нъĭ], [мушы́нъĭ]; [стыда́], [стʌда́], [туда́]; [дымо́к], [дʌмо́к]; [дыры́], [дʌры́]; [быка́], [бʌка́]; [сʌма́], [сума́]; [крʌшы́·т'], [крушы́·т']; [сʌды́], [суды́]; [рыса́к], [руса́к]; [рʌба́], [рыба́к], [руба́к]; [сыч'и́], [суч'и́], [суч'и́'т'], [сʌч'и'т']; [пыл'и́'т'], [пʌл'и́'т']; [пут'ê̯'ĭ], [пʌт'ê̯'ĭ]; [кур'и́'т'], [кʌр'и'т']; [сʌд'и́'т'], [суд'и́'т'];

IV. [л'и^{е}са́], [л'иса́]; [м'и^{е}ла́], [м'ила́]; [сл'и^{е}да́], [сл'уда́]; [с'и^{е}да́], [с'·уда́]; [пл'·уга́въĭ], [л'и^{е}га́въĭ]; [ч'и^{е}д'и́'т'], [ч'ŭд'и́'т']; [с'м'и^{е}л'ê̯'ĭ], [м'ил'ê̯'ĭ]; [т'ŭр'ма́], [кут'и^{е}р'ма́]; [кл'ŭч'и́], [л'и^{е}ч'и́], [л'ич'и́нкъ].

Из изложенного выше видно, что гласные [ʌ] и [и^{е}] в 1-м предударном слоге являются разновидностями одной фонемы, а именно гласной фонемы неверхнего подъема в положении после твердого или мягкого согласного. Если твердые и мягкие согласные образуют в русском языке разные фонемы, а наличие после них гласного [ʌ] или [и^{е}] обусловлено именно твердостью или мягкостью предшествующего согласного, то иного вывода сделать нельзя. Несмотря на существенные различия между [ʌ] и [и^{е}], в системе предударного вокализма есть и общий признак, объединяющий эти гласные, а именно принадлежность их к неверхнему подъему, где отсутствует лабиализация. Принадлежность к неверхнему подъему и является конститутивным признаком этой фонемы, а более заднее или переднее образование, а также более открытое или закрытое образование (в определенных пределах: не доходя до верхнего ряда) является качеством позиционно обусловленным.

Однако противопоставление [и] и [и^{е}] весьма неустойчиво в современном русском литературном языке: широко известно произношение [и] как на месте [и], так и на месте [и^{е}], что ведет к другому типу литературного произношения, при котором в 1-м предударном слоге после мягких согласных различается

лишь наличие или отсутствие лабиализации, а различение разных степеней подъема отсутствует (икающее произношение):

и | у

При „икающей" системе произносится [л'иса́] как в значении *леса*, так и *лиса*; [м'ила́] как в значении *мела*, так и *мила*; [сл'ида́] и [сл'·уда́], [с'ида́] и [с'·уда́].

При такой системе произношения оказывается, что в одном и том же положении по отношению к ударению — в 1-м предударном слоге после твердых согласных — различаются три гласные фонемы (ср. [сыро́к], [слро́к], [суро́к]), а после мягких — две (ср. [л'ин'е́'i] и [с'л'ӱн'е́'i]); в положении после твердых согласных, а также после заднеязычных и в начале слова в качестве различительных, фонемообразующих признаков используется не только наличие или отсутствие лабиализации, но также и две степени подъема; после мягких же согласных различается только первое.

Сравни:

После мягких согласных при «икающей» системе:	В других положениях:
и | у	$\frac{\text{и(ы)} \mid \text{у}}{\Lambda}$

В 1-м предударном слоге после мягкого согласного лабиализованной слабой фонеме [у] в других положениях соответствует та же слабая фонема; слабой же фонеме нелабиализованной, находящейся после мягкого согласного, в других положениях соответствуют две нелабиализованные фонемы — верхнего и неверхнего подъемов [и] и [ʌ], которые после мягких согласных при „икающей" системе не различаются.

Сопоставим теперь два типа произношения гласных 1-го предударного слога после мягких согласных — не различающий подъемов («икающую» систему) и различающий два подъема — верхний и неверхний:

и | у $\qquad\qquad$ $\frac{\text{и} \mid \text{у}}{\text{и}^{\text{e}}}$

Следует отметить, что различение [и] и [и^{e}] во втором типе проводится очень неотчетливо и непоследовательно: случаи типа *лиса* и *леса*, *мела* и *мила*, *дивись* и *девиц* гласными предударного слога различаются довольно слабо. При этом следует подчеркнуть, что более открытое произношение [и^{e}] (т. е. качество звука типа [е]) представляет собой уже диалектизм: [м'ела́], [л'еса́], [д'ев'йц]; напротив, более закрытое произношение [и^{e}] (как звука типа [и]) не представляет собой нарушения норм литературного произношения, один из типов которого оно собой и представ-

ляет. Поэтому тип вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных, не различающий подъемов, можно считать развивающимся.

Весьма сложно обстоит дело с различением слабых гласных фонем 1-го предударного слога после твердых шипящих [ш], [ж]. Эта сложность объясняется происхождением согласных [ш], [ж], бывших в прошлом мягкими, а затем отвердевших, в связи с чем существуют разные системы произношения гласных 1-го предударного слога в этом положении.

Основной для современного состояния русского литературного произношения следует считать такую систему, при которой различается верхний, средний и нижний подъемы, а в верхнем подъеме — наличие или отсутствие лабиализации:

$$\frac{\text{ы} \mid \text{у}}{\text{ы}^{\text{э}}}$$
$$\Lambda$$

При этой системе, свойственной отчетливому, чеканному типу произношения, произносится: [жыро́к] *(жирок)*, [журáвл'], [жы^{э}рло́], [жлро́к] *(жарок)*; [шыро́к] *(широк)*, [шуро́к] (*Шурок*, уменьш. имя), [шы^{э}ршáвъi] *(шершавый)*, [шлро́к] *(шарок)*; [шыпы́], [шумо́к], [шы^{э}пта́·т'], [шлга́·т']. Однако нельзя быть уверенным, что этот тип предударного вокализма после твердых шипящих и в дальнейшем удержится как основной и войдет также в разговорный, более беглый тип прозношения, если учесть общую тенденцию к упрощению предударного вокализма в отношении различения трех ступеней подъема языка. Следует учесть, что и в положениях после мягких согласных различение соответствующих гласных [и^{е}] и [и] проводится очень неотчетливо и слабо и, возможно, в дальнейшем не удержится.

Нечеткое разграничение после твердых и шипящих в 1-м предударном слоге гласных [ы] и [ы^{э}] ведет к совпадению их в одном гласном, который мы обозначим буквой *ы*, и, следовательно, к системе, при которой различается верхний и неверхний подъемы, а в верхнем подъеме — лабиализация и ее отсутствие.

$$\frac{\text{ы} \mid \text{у}}{\Lambda}$$

Ср. [жыро́к] (*жирок*), [жырло́], [жына́]; [журáвл'], [жук'и́]; [жлра́], [жлро́к]; [шыро́к], [шысто́·i], [пшыно́], [шуро́к], [шлры́], [шлро́к].

В связи с ослаблением гласных 1-го предударного слога и общей вялостью артикуляции в этом положении после твердого шипящего в соответствии с ударным верхним нелабиализованным гласным произносится [ы] несколько пониженного

образования, а в соответствии с ударными гласными среднего подъема ([э], [о]) — нелабиализованный гласный повышенного образования, т. е. близкий к [ы]. Поэтому практически гласные 1-го предударного слога после шипящих в таких словах, как *жирок, жена*, в определенной, широко распространенной системе произношения не отличаются.

Наконец, существует еще одна система, которую можно считать устаревшей, отживающей (соответствующая системе „иканья" после мягких согласных), при которой фонематически различается лишь наличие или отсутствие лабиализации:

ы | у и | у

[жырóк] *(жирок* и *жарок),* [жына́], [жын'é], [жырлó], [жура́вл'], [жук'и́], [жыра́] *(жара);* [шырóк] *(широк* и *шарок),* [шыстó·і], [пшынó], [шыга́·т'], [шылу́н], [шумóк].

Картина осложняется, кроме того, непоследовательностью проведения той или иной системы, наличием исключений по отношению к отдельным словам и формам. Ср., например, обычное [к-съжыл'ê'н'иіу] при [жлра́], [жлр'é], [лъшыд'·а́м], [лъшыд'ê'і] при [шлга́·т'], [шлг'и́] и т. д. [1].

Эта система, в целом отжившая, однако выдерживается по отношению к этимологическим гласным неверхнего подъема, кроме [а], который после [ш] и [ж], как твердых согласных, как бы восстанавливается, т. е. произносится как [л], создавая систему, более близкую к системе вокализма 1-го предударного слога после других твердых согласных. При этой поправке (т. е. с произношением [жлра́]) создается система, наиболее широко употребительная и имеющая все данные к тому, чтобы в дальнейшем быть единственной.

Подводя итоги сказанному о вокализме 1-го предударного слога, следует отметить весьма слабую противопоставленность гласных по подъему в положении после мягких согласных, а также твердых шипящих: противопоставление нелабилизованного верхнего гласного неверхнему гласному [и] и [и^{е}] после мягких согласных, [ы] и [ы^{э}] — после твердых шипящих очень зыбко и неустойчиво, что ведет практически постепенно к неразличению подъемов в этом положении.

Все это значительно ослабляет различительную роль гласных 1-го предударного слога в слове: они не столько различают звуковые оболочки слов (в этом отношении их роль весьма ограничена, поскольку в одном и том же безударном положении может быть лишь три гласных, а в ряде позиций —

---

[1] Подробнее о произношении гласных в 1-м предударном слоге после твердых шипящих см. в моей книге „Русское литературное произношение", изд. 2-е, 1954.

даже две гласных), сколько заполняют „пустоты“ между согласными, оформляя собой слова по установившимся в русском языке звуковым моделям.

Некоторые из слов иноязычного происхождения имеют следующие особенности в вокализме 1-го предударного слога.

1. В отдельных словах иноязычного происхождения в начале слова, после гласных и после твердых согласных в 1-м предударном слоге произносится (или может произноситься) [о]: [отэ́·л'], [оа́з'ис], [поэ́т], [форпо́ст], [коктэ́·i̯л'], [боа́]; то же относится к иностранным собственным именам: [бодлёр], [флобэ́р], [зол'·а́], [шопэ́н]. Такое произношение ведет к нарушению принципа аканья — к различению [о] и [ʌ] в 1-м предударном слоге: ср. [отэ́·л'] и [ʌт'ёц].

2. В начале слов иноязычного происхождения может произноситься [е]: [ета́ш], [егзэ́мъ], [екста́с], [екра́н], [епо́хъ], [ета́п], [ема́·л'], [емба́рго], [екстра́кт]. То же имеет место и после гласных: [поетэ́с:ъ], [поет'и̯'ч'ьскъi̯], [дуел'·а́нт]. Это ведет к различению среди нелабиализованных гласных не двух степеней подъема (верхнего и неверхнего), а трех (верхнего, среднего и нижнего): ср. [ита́к], [ета́п], [ʌта́къ].

3. В словах иноязычного происхождения после твердых парных согласных может произноситься [е]; при этом гласный [е], находясь после твердого согласного, отодвигается несколько назад — произносится [э]: [интэгра́л], [дэду́кцыi̯ъ], [модэра́тър], [дэ-j·у́рэ].

Все это ведет к нарушению принципа аканья, к различению разных гласных неверхнего подъема в безударных слогах. Ср. [отэ́·л'] и [ʌт'ёц]; [ита́к], [ета́п], [ʌта́къ]. Однако гласные [о] и [е] (или [э]) в безударных слогах произносятся в отдельных немногих словах. Поэтому такое произношение удобнее трактовать, как выходящее за пределы общей системы, чем создающее новую систему (с различением гласных неверхнего подъема).

§ 46. Образование отдельных гласных в 1-м предударном слоге

Выше было уже сказано, что безударные гласные в русском литературном языке произносятся с той или иной степенью редукции. В 1-ом предударном слоге редукция бывает меньшей, нежели в других безударных слогах.

Слабая гласная фонема [и], произносящаяся в начале слова, после мягких согласных и после заднеязычных, отличается от сильной гласной фонемы [и] — гласного полного образования — своей краткостью, более вялой артикуляцией и менее энергичным, менее высоким подъемом языка, а также обычно большей

краткостью. Это особенно заметно перед твердым согласным. Ср. [и] 1-го предударного слога и ударного: [ива́н] и [и́въ], [пр'ил'ипа́·т'] и [л'и́пъ], [к'ино́] и [к'и́нут']. Перед мягким согласным подъем языка бывает несколько более высоким, но общая вялость артикуляции остается. Ср. [в-л'ис'т'е́] и [л'и́'с'т'ик], [л'ис'е́] и [л'и́'з'и^{е}](*Лизе*). После твердых парных согласных и твердых шипящих в качестве варианта фонемы [и] выступает гласный [ы], который отличается от соответствующего ударного гласного также вялостью артикуляции, менее высоким подъемом языка и обычно большей краткостью. Это видно из сопоставления гласного [ы] 1-го предударного слога и ударного: [рыба́к] и [ры́бъ], [сырок] и [сыр], [быка́] и [бык], [жырок] и [жы́ръ]. Перед мягким согласным гласный [ы] к концу своей длительности становится более передним, но это [и]-обра́зное окончание (рекурсия) в безударном слоге менее заметна, чем под ударением. Ср. [сыр'е́'т'] и [ф-сы́·р'и^{е}],[пыл'и́'т'] и [пы́·л'и], [жыр'е́'т'] и [в-жы́·р'и^{е}].

Слабая гласная фонема [у] в начале слова и после твердого согласного отличается от сильной фонемы [у] — ударного гласного после тех же согласных — тем же, что и вышеописанные гласные — вялостью артикуляции, меньшим подъемом языка, а также обычно большей краткостью. Ср. [мука́] и [му́къ], [луга́] и [лу́гъ], [дубо́въ̯] и [ду́бъ], [шумо́к] и [шу́мъ]. Перед мягким согласным имеется [и]-обра́зная рекурсия, более слабая, чем у ударного гласного: ср. [кур'и́] и [ку́·р'иш], [мук'е́] и [му́·к'и], [луч'и́стъ̯и] и [лу·ч]. После мягких согласных перед твердым гласный [у] в начальной фазе своей длительности испытывает передвижку вперед, видимо, в большей степени, чем под ударением. Ср. [кр'·ука́] и [кр'·ук], [гл'·уко́зъ] и [л'·ук], [т'·уко́ф] и [т'·ук], [с'·уда́] и [фс'·у́ду]. В бе́глой речи в 1-м предударном слоге после мягкого согласного перед твердым может произноситься [ў] (т. е. гласный целиком и заметно продвинутый вперед): [л'ўбо́·ф'], [ч'ўгу́н], [б'ир'ўза́]. Между мягкими согласными произносится [ў], в общем, более продвинутое вперед, чем под ударением: [л'ўб'и́'т'] (ср. [л'у́б'ит]), [л'ўд'е́'ь̯] (ср. [л'ўд'и]), [т'ўф'·а́к], [ч'ўд'и́'т']) и др. Бо́льшая передвижка вперед артикуляции гласного [у] 1-го предударного слога в положении после мягкого согласного сравнительно с гласным ударным следует поставить в связь с большей краткостью безударного гласного, в связи с чем после [и]-обра́зного приступа артикуляция языка не доходит до своего „нормального“, т., е. заднего, положения.

В качестве варианта слабой гласной фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге, в начале слова и после твердых согласных выступает звук [ʌ]. Он отличается от ударяемого гласного [а] несколько более высоким образованием. Это

объясняется главным образом тем, что при произношении раствор рта бывает у́же, чем при [а], так как нижняя челюсть бывает менее опущена, чем при [а]. По степени раствора рта гласный [ʌ] приближается к [о], однако существенно отличается от последнего отсутствием лабиализации и несколько более открытым образованием. Ср. ударный и безударный гласные в словах [вʌда́], [стʌла́], [плʌда́] и т. д.; ср. также [нʌга́] и [нак], [трʌпа́] и [трап], [бʌка́] и [бак].

В положении перед мягким согласным имеется легкая [и]-образная рекурсия: [нъ-стʌл'е́], [нʌг'е́], [вʌд'е́]. Однако звуковой тип [а] в литературном языке сохраняется: закрытое произношение с отодвинутым назад [э] или [ъ], распространенное в так называемом ленинградском произношении, нельзя считать литературной нормой (ср. [вэда́], [въда́] и т. д.).

После мягких согласных в 1-м предударном слоге в качестве варианта неверхней фонемы выступает [и^{е}]. Этот звук представляет собой очень открытое и вялое [и], краткое, как другие гласные 1-го предударного слога, т. е. „[и] склонное к [е]“: ср. [л'и^{е}са́], [б'и^{е}ла́], [с'т'и^{е}на́], [н'и^{е}су́], [в'и^{е}ду́] и т. д. Этот гласный не вполне отчетливо противостоит слабой фонеме [и], которая также имеет довольно открытое образование: ср. [лиса́], [п'ила́], [м'ила́].

В современном произношении имеется тенденция к их отождествлению (см. выше). Перед мягким согласным близость [и^{е}] к [и] еще более велика: ср. [н'и^{е}с'и́], [в'и^{е}д'и́], [в'и^{е}с'н'е́], [б'и^{е}л'е́i̯]; во многих случаях тут [и] обычно: ср. [д'ис'·а́тък], [в'ил'·у́], [ш':ив'е́л'], [п'ит'и́], [д'ьс'ит'и́] и др.

После твердых шипящих в 1-м предударном слоге в одном из типов произношения предударных гласных в качестве варианта слабой гласной фонемы неверхнего подъема выступает [ы^{э}], т. е. звук совершенно параллельный гласному [и^{е}] после мягких согласных: [жы^{э}на́], [жы^{э}ла́·т'], [шы^{э}лка́] и т. д. Это очень открытое, вялое [ы], краткое, как и другие гласные 1-го предударного, т. е. „[ы] склонное к [э]“. Гласный [ы^{э}] слабо противопоставлен гласному [ы] (как и [и^{е}] — гласному [и]; см. выше). В современном произношении имеется тенденция к их отождествлению. Ср. обычное неразличение предударных гласных в таких словах, как *жирок* и *жена, зашивать* и *шелка*: [жыро́к], [жына́] (или [жы^{э}ро́к], [жы^{э}на́]).

§ 47. Слабые гласные фонемы 2-го предударного слога

Положение во 2-м предударном слоге представляет собой для гласных слабую позицию 2-й ступени, потому что в этом положении (в определенных условиях по отношению к предшествующему согласному) выступают редуцированные фонемы [ъ]

и [ь], а также потому, что некоторые из различающихся гласных недостаточно отчетливо отграничены друг от друга, недостаточно четко противопоставлены друг другу.

В начале слова и после заднеязычных во 2-м предударном слоге фонематически различаются две степени подъема языка — верхняя и неверхняя, а для верхней, кроме того,— наличие или отсутствие лабиализации:

в начале слова	после заднеязычных
и | у	и (ь) | у
ʌ	ъ

Ср. в начале слова [игрʌвó·i̯], [углʌвó·i̯], [ʌглушы́·т']; после заднеязычных: [к'ирʌс'и́н] или [к'ьрʌс'и́н], [курпа́ткъ], [кърʌс'·а́], [къръбл'·а́], [губ'и^{е}рна́тър], [гърʌдóк], [худʌба́], [хъдʌвó·i̯], [хърʌшó], [х'ьрув'им], [х'ирʌма́·н'т'иi̯ъ] или [х'ьрʌма́·н'т'иi̯ъ].

Примечание: Сочетание заднеязычного согласного с последующим гласным переднего ряда в корнях в русском языке встречается главным образом в словах иноязычного происхождения, которые, как известно, имеют некоторые специфические особенности произношения (см. о них выше). В числе этих особенностей им свойственно сохранение гласного [е] в безударных слогах или — в слабой позиции 2-й ступени — хотя бы произношение [ь] на месте [е] и, таким образом, различение гласного более низкого подъема [ь] от гласного верхнего подъема [и]. Ср. возможное произношение [г'ерли́'ч'ьскъi̯], [г'ерʌдóт], [г'ег'емó·н'иi̯ъ], [г'ел'илтрóп], [г'ерцʌг'й'н'ъ] при [г'ьрли́'ч'ьскъi̯], [г'ьрʌдóт], [г'ьг'и^{е}мó·н'иi̯ъ], [г'ьрцʌг'й'н'ъ] и рядом [г'илцы́нт], [х'ирʌма́·н'т'иi̯ъ], [х'им'и^{е}р'й'ч'ьскъi̯] при [г'ьлцы́нт], [х'ьрʌма́·н'т'иi̯ъ], [х'ьм'и^{е}р'й'ч'ьскъi̯].

Вопрос о произношении [е] во 2-м предударном слоге целиком относится к сфере произносительных особенностей слов иноязычного происхождения и выходит за пределы описания фонетической системы современного русского языка. Что же касается произношения во 2-м предударном слоге гласных [ь] и [и] после заднеязычных, то они, как видно из вышеприведенных примеров, не разграничены между собой сколько-нибудь заметно. Поэтому [ь] и [и] можно считать разновидностями одной фонемы [и] (а именно [ь] — вариантом фонемы [и]). Если бы гласный [ь] был бы отчетливо противопоставлен [и], то из наличия сочетаний [г'ь] и [гъ] во 2-м предударном слоге (ср. [г'ьрʌдóт], [гърʌдóк]) можно было бы сделать вывод о самостоятельной, фонематической твердости-мягкости заднеязычных и о гласных [ь] и [ъ] как разновидностях одной фонемы, обусловленных положением после мягких или твердых согласных фонем (так именно обстоит дело в положении после парных по твердости-мягкости фонем, о чем см. ниже). Отмеченная противоречивость является одним из свидетельств развития само-

стоятельной фонематической твердости-мягкости заднеязычных (об этом см. в разделе консонантизма, § 70).

После твердых согласных (как парных, так и шипящих) во 2-м предударном слоге фонематически также различаются две степени подъема языка — верхняя и неверхняя, а для верхней, кроме того, — наличие или отсутствие лабиализации. Слабая фонема верхняя нелабиализованная выступает в своем более заднем варианте [ы], однако очень кратком, редуцированном, с недостаточно энергичной артикуляцией и поэтому при менее высоком подъеме, чем [ы] в позициях более сильных. Степень редукции [ы] во 2-м предударном слоге заметно бóльшая, чем в 1-м предударном. Слабая фонема верхняя лабиализованная также произносится как гласный с высшей степенью редукции, а потому с более низким подъемом языка и несколько меньшей степенью лабиализации, чем [у] не только в ударном слоге, но и в 1-м предударном. Слабая фонема нелабиализованная нижнего подъема (где наличие или отсутствие лабиализации не различается) произносится как редуцированный гласный [ъ] — нелабиализованный среднего ряда, т. е. близкий к [ы], но образуемый при менее высоком подъеме языка, нередко более задний. Редуцированный гласный [ъ] принимает весьма различную окраску в разных фонетических условиях, в окружении разных согласных, в разных безударных слогах, в заударном закрытом и открытом слоге и т. д.: ср. [вы́дън] и [вы́пъл] (в последнем случае [ъ] имеет более заднее образование), [с'е́нъм] и [с'е́нъ] (в последнем случае [ъ] имеет более открытое образование), [с'е́нъ] и [с'е́'н'ъ] (*Сеня*) (в последнем случае [ъ] имеет более переднее образование, в особенности в начальной фазе своей длительности) и т. д.

Сказанное можно представить в схеме:

$$\frac{\text{ы} \mid \text{у}}{\text{ъ}}$$

Иллюстрируем сказанное примерами: [рыслкóф], [руслкóф]; [руклвóм], [ръклвóм]; [бурлвó·і], [бърлвó·і]; [шурлвá·т'], [шърлвáры]; [дублвáтъі], [дъблвл'а̋т']; [шутн'ик'и́], [шътуны́]; [пъл'цы³вó·і] (от *палец*), [пыл'цы³вó·і] (от *пыльца*); [выдвлр'а̋т'], [вытвлр'а̋т'] и [въдвлр'а̋т']; [мыллвáр], [смъллкýр]; [шырлтá], [шърлв'и̋дн͡ъі]; [мурлвó·і], [мърлвó·і]; [грузлвó·і], [гръзлвó·і].

При описании этого материала нельзя не отметить слабость различительных признаков между редуцированным [ы] и [ъ] во 2-м предударном слоге: их отличает главным образом лишь более высокое образование [ы]. Однако ослабленное и редуцированное [ы] в этом положении с его вялой артикуляцией образуется при заметно менее высоком подъеме, чем [ы] в других поло-

жениях, где редукция меньшая или ее нет вовсе. Это весьма сближает [ы] 2-го предударного слога с [ъ]. Ср. [дымлвó·i̯] (от *дым*) и [дъмлвó·i̯] (от *дом*), а также приведенные выше примеры — [пыл'цы^{э}вó·i̯] (от *пыльца*) и [пъл'цы^{э}вó·i̯] и др. В беглой речи (не говоря о диалектной) эти слабые различия по подъему могут утратиться, что приводит к системе вокализма 2-го предударного слога без различения степени подъема языка — с различением только наличия или отсутствия лабиализации:

ъ | у или ъ^{ы} | у

При такой системе на месте [ы] и [ъ] во 2-м предударном слоге произносится либо звук близкий к [ы] (в особенности перед мягким согласным, т. е. гласный [ъ^{ы}] — [ъ] более высокого образования), либо, напротив, гласный более близкий к [ъ]: [пъл'цы^{э}вó·i̯] или [пъ^{ы}л'цы^{э}вó·i̯] (от *палец* и *пыльца*), [мъллвáр] или [мъ^{ы}ллвáр], [мъллв'ép] или [мъ^{ы}лв'ép].

Различия по степени подъема языка еще менее отчетливо выражены в положении после мягких согласных: лишь в очень отчетливой, чеканной речи здесь различается верхний и неверхний подъемы нелабиализованных гласных, а в обычной, нормальной речи (не говоря о беглой) в качестве различительного признака остается лишь наличие или отсутствие лабиализации.

Таким образом, в очень отчетливой, чеканной речи представлена система:

$$\frac{\text{и} \mid \text{у}}{\text{ь}}$$

В обычной же речи, которую можно считать нормой, различается:

и (ь) | у

Иллюстрируем сказанное примерами: в отчетливой речи в какой-то мере могут различаться [ь] и [и]; ср. [в'ьслвó·i̯] и [в'инлвáт], [л'ьс'н'ика] и [л'ис'и^{е}н'·áтъ], [хл'ьблр'éс] и [хр'иплвáтъi̯]. Однако в менее отчетливой речи здесь произносится один и тот же гласный звук, представляющий собой в высшей степени редуцированный, открытый гласный [и] с вялой, не энергичной артикуляцией, который, в сущности, можно транскрибировать как знаком [ь], так и знаком [и] (но в последнем случае для большей точности требуется обозначение редукции). Таким образом, нормально в описываемом положении [ь] и [и] не различаются или во всяком случае не разграничены (что и обозначено в последней схеме помещением буквы *ь* в скобках). Так объясняется произношение (и транскрипция) [в'ьслвó·i̯] и [в'ьнлвáт] или [в'и̯слвó·i̯] и [в'и̯нлвáт], [л'ьс'н'ика] и [л'ьс'и^{е}н'·áтъ] и [л'и̯с'н'ика] и [л'и̯с'и^{е}н'·átъ], [хл'ьблр'éс] и [хр'ьплвáт] и

[хл'ибʌр'éс] и [хр'иплʌвáт], [п'ьтʌкá] и [п'ьсʌн'йнъ] или [п'итʌкá] и [п'исʌн'йнъ]. Характерно, что и в словах иноязычного происхождения, имеющих широкое употребление, [ь] и [и] в этом положении употребляется в равной мере, что свидетельствует о неразграниченности, недифференцированности этих звуков во 2-м предударном слоге после мягких согласных. Ср. примеры: [т'ьл'и^{е}грáф] и [т'ил'и^{е}грáф], [д'ьл'ика͡тнъi] и [д'ил'ика͡тнъi], [д'ьмʌкрáт] и [д'имʌкрáт], [р'ьктʌрáт] и [р'иктʌрáт], [с'ьмʌфóр] и [с'имʌфóр], [д'ьплʌмáт] и [д'иплʌмáт], [с'ьл'икáт] и [с'ил'икáт].

Верхний лабиализованный гласный во всех типах произношения отчетливо противопоставлен нелабиализованным. Следует отметить сильную редукцию этого гласного, общую вялость артикуляции, в связи с чем воздействие предшествующего мягкого согласного оказывается очень сильным: даже и перед твердым согласным произносится гласный [у], значительно сдвинутый вперед, что дает возможность транскрибировать его знаком [ÿ], не говоря о положении перед мягким. Приведем примеры, иллюстрирующие разграничение лабиализованного и нелабиализованного гласного: ср. [кл'ÿч'и^{е}вó·i] и [пл'ьч'и^{е}вó·i], [л'ÿдлéт] и [л'ьдʌр'éс], [б'ÿрʌкрáт] и [б'ьр'и^{е}гá], [л'ÿблвáц:ъ] и [хл'ьбʌр'éс].

В описанном положении различительная роль гласных еще более слаба, чем в 1-м предударном слоге: эта роль по преимуществу выполняется согласными. Роль гласных, которые различаются лишь в двух, редко в трех своих самостоятельных качествах, заключается главным образом в том, чтобы заполнять собой „пустоты", промежутки между согласными, которые несут на себе главную тяжесть в различении звуковой оболочки слов и морфем. Незначительность роли гласных в различительной функции объясняется не только небольшим количеством самостоятельных фонематических качеств в этом положении, но также прежде всего и тем, что реально, в словарном составе современного русского языка эти качества редко противопоставлены (чем объясняется бедность приведенного выше иллюстрационного материала).

В отдельных словах иноязычного происхождения имеются следующие отклонения от описанной выше системы вокализма 2-го предударного слога:

1. После твердых согласных возможно произношение [о] вместо обычного в этом положении [ъ]: [поетэ́съ], [бол'ерó], [модэрáтър].

2. После парных твердых согласных может произноситься гласный [е], отодвинутый несколько назад, т. е. [э]: [итэрлт'йвнъi], [дэкʌдáнс], [дэгрʌдáцыiъ], [тэтрахóрт], [сэкстʌкóрт] (*тетрáхорд, секстаккорд*).

Это ведет к различению разных гласных неверхнего подъема во 2-м предударном слоге, т. е. к нарушению принципа аканья. Но это явление охватывает лишь определенную группу слов, поэтому его удобнее трактовать как выходящее за пределы общей системы, а не создающее новую систему.

§ 48. Гласные заударных слогов

В разных заударных слогах степень редукции может быть неодинаковой.

Редукция сильнее в заударном неконечном слоге и, напротив, несколько слабее в конечном, в особенности открытом слоге. Ср. [ду́мълъ], [вы́търгъвълъ], [ф-ко́мнът'и^{е}]. В заударном конечном слоге редукция сильнее при закрытости слога: ср. [с'е́нъм] и [с'е́нъ] (во втором случае могут звучать более открытые „[а]-обра́зные" разновидности [ъ]). Однако несмотря на различия в степени редукции гласных, положение во всех заударных слогах представляет для них слабую позицию 2-ой ступени: как и во 2-м предударном слоге, так и в заударных выступают редуцированные гласные [ъ] и [ь], причем различающиеся нелабиализованные слабые гласные фонемы не всегда разграничены между собой достаточно четко. Ввиду некоторого своеобразия в системе гласных заударного конечного открытого слога мы рассмотрим его особо. Здесь же рассмотрим гласные остальных заударных слогов.

После заднеязычных в заударных слогах различаются гласные верхнего подъема — нелабиализованный [и], лабиализованный [у] и гласный неверхнего подъема [ъ]:

и	у
ъ	

Ср. [вы́·к'ип'ит], [вы́куп'ит], [вы́къпът']; [вы́кус'ил], [вы́къс'ил], [за́·к'ис']; [вы́гул], [у́гъл], [на́-гът] (*на год*), [мо́гут].

После твердых согласных (парных и шипящих) также различаются гласные верхнего подъема нелабиализованный [ы] и лабиализованный [у] и гласный неверхнего подъема [ъ]. Соотношения между [ы] и [и] в заударных слогах, как и предударных и ударном, целиком определяются положением после тех или других категорий согласных — после заднеязычных и мягких звучит [и], после твердых парных и шипящих — [ы]. Характерной чертой системы различающихся гласных заударных слогов в положении после твердых парных и шипящих согласных, которая дана в нижеследующей таблице, является не вполне четкое разграничение [ы] и [ъ] в некоторых положениях:

ы	у
ъ	

Иллюстрируем примерами: [óпытъ], [тóпътъ], [óпусъ]; [дóбытъ], [хóбътъ], [вы́буду]; [вы́мытъ], [вы́мътъл], [в-óмутъх]; [вы́мыл], [вы́-мъл] (*вы, мол*); [вы́жыт], [вы́жът]; [вы́пъскъ], [вы́пускъ]; [вы́мъч'ил], [вы́муч'ил]; [пл'éнъм], [пл'éнум]; [вы́гнъл], [вы́гнул]; [вы́дул], [вы́дъл]; [вы́лъш':ьн], [вы́луш':ьн]; [скр'éжът], [р'éжут]; [вы́шут'ил], [вы́шъгъл].

Нельзя не отметить, что в некоторых случаях, в особенности в неконечном слоге, где редукция сильнее, а также перед [л] различие между [ы] и [ъ] минимально, а в беглой речи может отсутствовать. Ср. [óпытъ] и [тóпътъ] (и рядом [óпыт], [тóпът]); [вы́мытъ] и [вы́мътъл], [вы́мыл] и [вы́-мъл] (*вы, мол*) и др. Произношение [óпътъ], [вы́мътъ], [вы́мъл] (*вымыл*) часто встречается в беглой речи. Такие случаи как *выжат* и *выжит* в беглом произношении обычно не различаются, в обоих случаях может произносится [вы́жът].

Весьма сложна система заударных гласных в положении после мягких согласных. Здесь также различаются гласные верхнего и неверхнего подъема, а в первом — лабиализованный и нелабиализованный, а именно верхние — нелабиализованный [и] или [ь], лабиализованный [у], неверхний — [ъ].

Это может быть представлено в схеме.

$$\frac{\text{и (ь)} \mid \text{у}}{\text{ъ}}$$

Однако сложность заударного вокализма после мягких согласных определяется чрезвычайной широтой колебаний в произношении гласного в пределах одной и той же морфемы, неразграниченностью [и] и [ь], весьма слабой разграниченностью [ь] и [ъ].

Приведем конкретный материал: [бу́д'им] и [бу́д'ьм] (от *быть*, и от *будить*), [jе́д'им] и [jе́д'ьм]; [с-м'и^{е}д'в'е́д'ъм], но также [с-м'и^{е}д'в'е́д'ьм], [к-м'и^{е}д'в'е́д'ъм]; [пó·л'им] и [пó·л'ьм] (от *полоть*), [пó·л'ъм] и [пó·л'ьм] (тв. п. ед. ч. от *поле*); [жы́·т'ьл'ъм] и [жы́·т'ьл'ьм] (тв. п. ед. ч.), [жы́·т'ьл'ъм] (дат. п. мн. ч.); [плá·ч'им] и [плá·ч'ьм] (от *плакать*), [плá·ч'ъм] и [плá·ч'ьм] (тв. п. ед. ч. от *плач*), [плá·ч'ъм] (дат. п. мн. ч. от *плач*); [стá·н'им] и [стá·н'ьм], [кáмн'ъм], [óкун'ъм] и [кáмн'ьм], [óкун'ьм] (тв. п. ед. ч.), [óкун'ъм] (дат. п. мн. ч.); [рó·jьм] и [рó·jим] (1 л. мн. ч.), [з-г'и^{е}рó·jъм] и [з-г'и^{е}рó·jьм] (дат. п. мн. ч.); [углдá·jьм], [углдáим], но [углдá·jъм] (тв. п. ед. ч. от собачьей клички *Угадай*). Приведем другие примеры колебания между гласными [ь] и [ъ]: [с'й'н'ъвъ] и [с'й'н'ьвъ], [пр'éжн'ъму] и [пр'éжн'ьму]; [склр'é'jь] и [склр'é'jъ], [блл'нó·jь] и [блл'нó·jъ] (им. п. ед. ч. ср. р.).

Отсутствие [ъ] в глагольных личных окончаниях и их наличие в падежных окончаниях в одних и тех же фонетических

условиях ([jếд'им] или [jếд'ьм] при широко распространенном [с-м'и^{е}д'в'ếд'ъм]) имеет свои глубокие исторические корни и определяется в конечном счете давними в истории русского языка соотношениями твердых и мягких именных основ и отсутствием таких соотношений у основ глагола [1]. Соотношение [jếд'ьм], [с-м'и^{е}д'в'ếд'ъм] и [к-м'и^{е}д'в'ếд'ъм] отражает старую норму литературного произношения, частично сохранившуюся и сейчас, а также широко известную по диалектам (в некоторых говорах с теми или иными фонетическими особенностями). Однако в современном литературном языке известен и более новый произносительный вариант с [ь] для случаев с этимологическим *е(ь)* в именных окончаниях ([с-м'и^{е}д'-в'ếд'ьм] так же, как в глагольной форме [jếд'ьм]). Можно не сомневаться, что этот новый вариант обязан своим происхождением правописанию (ср. одинаковые написания окончаний в формах *едем* и *медведем*) и является одним из примеров воздействия правописания на нормы произношения. Однако и в этом случае (т. е. при произношении [с-м'и^{е}д'в'ếд'ьм]) гласные [ь] и [ъ] в какой-то мере продолжают различаться, так как заударный гласный на месте [а] после мягких согласных, по крайней мере в именных окончаниях, произносится как [ъ]: [к-м'и^{е}д'в'ếд'ъм], [г-жы́·т'ьл'ъм], [к-о́кун'ъм], [г'и^{е}ро́·i̯ъм], [к-слра́·i̯ъм] и т. д. Ср. [ъ] такого же происхождения в формах 3 л. мн. ч. глаголов 2-го спряжения (в случае утраты старшей нормы на *-ут*): [ку́·п'ът], [л'у́б'ът], [но́·с'ът], [во́·з'ът], [хва́·л'ът], в отдельных формах, как [пр'и́н'ът], [за́·н'ът], [на́·ч'ът] при [на́·ч'ьт], [на́·ч'ьтъ], а также [за́·н'ьтъ]. Все это свидетельствует о стремлении разграничить заударные гласные на месте орфографических *е* и *я*. Формы типа [ко́·с'ит] (или [ко́·с'ьт]) и [ко́·с'ът] свидетельствуют о стремлении к четко противопоставленному разграничению в положении после мягких согласных слабых нелабиализованных гласных фонем [ь] и [ъ].

Таким образом, с одной стороны, следует констатировать безусловное наличие противопоставленности гласной [ь] ([и]) гласному [ъ] и притом не только в старшей произносительной системе, но и, в несколько ином виде, в новейшей; с другой стороны, нельзя не отметить, что это противопоставление выражено весьма неотчетливо, что колебания между [ь] и [ъ] и переходными между ними звуками допустимы во многих случаях.

Другая характерная особенность заударного вокализма после мягких согласных заключается в общей нерасчлененности

---

[1] См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1, 1949, стр. 120, а также на основе большего материала в статье «Лингвистическая география и история русского языка» („Вопросы языкознания" № 6, 1952).

[ь] и [и]. Ср. нерасчлененность [и] и [ь] в таких случаях, как [с'й'н'им] или [с'и'н'ьм] (тв. п. ед. ч.) и [к'й'н'им] или [к'и'н'ьм] (1 л. мн. ч.); [вы́·л'изът'] или [вы́·л'ьзът'] и [вы́·л'ьзу] или [вы́·л'изу]. Фонетически эта нерасчлененность вполне понятна, если учесть сильную редукцию гласных в заударных слогах, вялость артикуляции, благодаря которой этимологические гласные верхнего подъема произносятся с менее высоким подъемом, а этимологические гласные среднего подъема, напротив, с более высоким, т. е. те и другие сближаются и даже совпадают. Следует помнить, что безударное [и] с высшей степенью редукции и вялости артикуляции, с пониженным подъемом языка и есть тот звук, который в фонетической транскрипции обозначается буквой [ь].

Остается сказать, что лабиализованная фонема верхнего подъема вполне четко противопоставлена другим: ср. [кры́·л'ĭъм] (дат. п. мн. ч.), [в'и^{e}с'е́'л'ĭъм] или [в'и^{e}с'е́'л'ĭьм] (тв. п. ед. ч.), [вы́·л'ĭьм] или [вы́·л'ĭим] (1 л. мн. ч.), [вы́·л'ĭут]; [го́·р'ъм] или [го́·р'ьм] (тв. п. ед. ч.), [по́·р'ьм] или [по́·р'им] (1 л. мн. ч.), [по́·р'ут]; [ʌтр'е́'п'ĭъм] (дат. п. мн. ч.), [ʌтр'е́'п'ĭъм] или [ʌтр'е́'п'ĭьм] (тв. п. ед. ч.), [вы́·п'ĭьм] или [вы́·п'ĭим]; [пла́·ч'ъм] (дат. п. мн. ч.), [пла́·ч'ъм] или [пла́·ч'ьм] (тв. п. ед. ч.), [пла́·ч'ьм] или [пла́·ч'им] (1 л. мн. ч.), [пла́·ч'ьт] или [пла́·ч'ит], [пла́·ч'ут]; [мо́·ĭус] или [мо́·ĭус'] и [мо́·ĭъс] или [мо́·ĭьс']; [стро́·ĭус] или [стро́·ĭўс'] и [стро́·ĭъс] или [стро́·ĭьс'].

В отдельных словах иноязычного происхождения имеются следующие отклонения в описанной выше системе заударного вокализма.

1. После твердых согласных или после гласных возможно произношение гласного [о] в заударном слоге: [ембáрго], [хáос], [клкáо], [рá·д'но].

2. После парных твердых согласных может произноситься гласный [е], отодвинутый несколько назад, т. е. [э]: [клтэ́тэр], [пáтэр], [лдáптэр], [ʌндáнтэ], [кóдэкс].

Однако это явление охватывает единичные слова и выходит за пределы общей системы.

Рассмотрим теперь вокализм заударного конечного открытого слога. Как и в других заударных слогах, здесь имеются различия в произношении гласных, обусловленные положением после мягких согласных, заднеязычных, твердых шипящих и парных твердых согласных. Общим для вокализма заударного конечного открытого слога является различение в отчетливом стиле произношения трех степеней подъема при различении отсутствия или наличия лабиализации только в верхнем ряду.

В положении после мягких согласных вокализм заударного конечного открытого слога может быть представлен в следующей схеме:

и	у
$и^{е}$	
ъ	

Ср. [жы́·т'ьл'и] (им. п. мн. ч.), [л-жы́·т'ьл'$и^{е}$] (предл. п. ед. ч), [жы́·т'ьл'ъ] (род. п. ед. ч.), [жы́·т'ьл'у] (дат. п. ед. ч.); [о́кун'и], [в-о́кун'$и^{е}$], [о́кун'ъ], [о́кун'у]; [ид'и́т'$и^{е}$], [зна́·іт'$и^{е}$]; [по́·л'ъ] или [по́·л'ь] (им. п. ед. ч.), [по́·л'ъ] (род. п. ед. ч.), [по́·л'у]; [мо́·р'ъ] или [мо́·р'ь] (им. п. ед. ч.), [мо́·ръ] (род. п. ед ч.), [мо́·р'у].

В положении после заднеязычных различается:

и	у
$и^{е}$	
ъ	

В положении перед [и] и [$и^{е}$] заднеязычные позиционно смягчаются. Ср. [услу́·г'и] (им. п. мн. ч.), [услу́·г'$и^{е}$] (дат. и предл. п. п. ед. ч.), [услу́гъ] (им. п. ед. ч.), [услу́гу]; [му́·х'и] (им. п. мн. ч.), [му́·х'$и^{е}$], [му́хъ] (им. п. ед. ч.), [му́ху]; [плро́·к'и] (им. п. мн. ч.), [плро́·к'$и^{е}$] (предл. п. ед. ч.), [плро́къ] (род. п. ед. ч.), [плро́ку] (дат. п. ед. ч.).

В положении после твердых шипящих система гласных заударного конечного открытого слога имеет следующий вид:

ы	у
$ы^{э}$	
ъ	

Ср. [лу́жы] (им. п. мн. ч. и род. п. ед. ч.), [в-лу́жы^{э}], [лу́жъ] (им. п. ед. ч.), [лу́жу]; [гру́шы] (им. п. мн. ч. и род. п. ед. ч.), [нл-гру́шы^{э}], [гру́шъ] (им. п. ед. ч.), [гру́шу].

После твердых парных согласных в заударном конечном открытом слоге представлена та же система гласных, с той однако особенностью, что перед [$и^{е}$] имеет место позиционное смягчение согласной:

ы	у
$и^{е}$	
ъ	

Ср. [нлка́зу] (дат. п. ед. ч.), [нлка́зы] (им. п. мн. ч.), [нлка́зъ] (род. п. ед. ч.), [в-нлка́·з'$и^{е}$]; [скла́ду] (дат. п. ед. ч.), [скла́ды] (им. п. мн. ч.), [скла́дъ] (род. п. ед. ч.), [ф-скла·д'$и^{е}$]; [клнаву], [клна́вы], [клна́въ], [ф-клна́·в'$и^{е}$].

Гласный [и^{е}] после мягких согласных можно бы было обозначить буквой [ь] (речь идет о случаях типа [лб-уч'и́'т'ьл'и^{е}], [нл-ба́·з'и^{е}]). Но в этом случае соответствующий гласный после твердых шипящих (и [ц]) пришлось бы обозначить буквой [ъ] (в случаях типа [в-лу́жы^{э}], [нл-гру́шы^{э}]). Это представило бы большие неудобства, так как при помощи буквы [ъ] в положении после твердых шипящих (и [ц]) обозначается более открытый гласный и притом не смягчающий предшествующий согласный (ср. смягчение перед [и^{е}] предшествующего заднеязычного и парного твердого согласного). Ср. [в-лу́жы^{э}] и [лужъ] (им. п. ед. ч.), [нл-гру́шы^{э}] и [гру́шъ] (им. п. ед. ч.). Поэтому гласный переднего образования в заударном конечном открытом слоге, по подъему языка средний между [и] и [ь], обозначаем знаком [и^{е}], а его отодвинутый назад вариант (в положении после твердых шипящих и [ц]) знаком [ы^{э}].

Следует отметить, что все четыре описанные слабые фонемы заударного конечного открытого слога различаются лишь в отчетливом, чеканном произношении. В беглой речи [и] и [и^{е}] (а также соответственно [ы] и [ы^{э}]) могут не различаться: вместо них может произноситься открытого типа [и] (и соответственно [ы]): [жы́·т'ьл'и] (им. п. мн. ч.) и [л-жы́·т'ьл'и]; [ко́жы] (им. п. мн. ч.) и [ф-ко́жы]. Ср. просторечные [нъ-рлбо́·т'и], [нл-скла́·д'и] и пр.

При таком произношении система гласных заударного конечного открытого слога не отличается от вокализма других заударных слогов, так как она принимает следующий вид:

после мягких согласных и задненебных:	после твердых:
и | у	ы | у
ъ	ъ

§ 49. Фонемные ряды гласных

Один и тот же кратчайший звуковой элемент морфемы, оказываясь в разных формах словообразования и словоизменения в различных фонетических условиях, может выступать то как сильная фоне́ма, то как фонема слабая. Тождественные по месту в морфеме сильная и слабая фонемы находятся между собой в отношениях фонетического чередования и образуют то, что в этой книге называется фонемным рядом. (О понятии фонемного ряда см. Введение, § 13, а также раздел „Фонемные ряды согласных", § 73.)

В соответствии с пятью сильными гласными фонемами вообще

могли бы существовать пять фонемных рядов. Однако фонемы [и] и [у] не образуют фонемных рядов, так как они вступают в чередования только параллельные, не пересекающиеся, которые не имеют общих членов с чередованиями, возглавляемыми другими сильными гласными фонемами, и всегда отличаются от них и различаются между собой. Таков ряд й // и[1] (в начале слова, после заднеязычных и мягких согласных), ы // ы (после твердых парных и твердых шипящих). Ср. [йзбы] — [изба́], [к'йнут] — [вы́к'инут], [ск'йдъвът'] — [к'ида́т'], [п'ил] — [п'ила́], [ч'йстъ] — [ч'иста́]; [был] — [была́] — [н'ебыл], [жыл] — [жыла́] — [н'ежыл], [выгры] (*в игры*)—[выгр'е́] (*в игре*). Таков и ряд ў//у (в начале слова, после твердых парных и твердых шипящих), у//ў//у//ў (после мягких). Ср. [ўмнъ] — [умна́] — [ра́зум], [пўстъ] — [пусто́ i] — [по́пусту],[лук], — [луґлво́ i] — [по́лугу](*по лугу*)[шўм]— [шумо́к]; [кл'ўч'] — [кл'ўч'е́ i], [бл'ўл] — [бл'ула́], [т'ўк] — [т'ўч'о́к].

Таким образом, любой член каждого из этих двух рядов не только отличается от членов другого ряда, но также и от членов других рядов чередований, возглавляемых сильными гласными фонемами [а], [о], [е]. Поэтому можно считать, что ряды, возглавляемые сильными фонемами [и] и [у], образуют своего рода „нулевые" фонемные ряды, выделяемые не по признаку совпадения отдельных их членов с членами других фонемных рядов, а, наоборот, по признаку отсутствия такого совпадения[2].

Кроме „нулевых" фонемных рядов, возглавляемых гласными [и] и [у], имеются еще три фонемных ряда в собственном смысле слова, возглавляемых сильными фонемами [а], [о], [е]. В составе каждого из этих рядов имеются такие члены, которые являются общими для всех этих трех рядов или для двух из них. Качество членов этих фонемных рядов зависит от ряда фонетических условий. Важнейшими среди них являются следующие: место гласной по отношению к ударению (ударный слог, 1-й предударный слог, другие предударные слоги, заударные слоги); для заударных слогов существенно положение в заударном конечном открытом слоге и в других заударных слогах; положение гласной в начале слова или после различных

[1] Черта под буквой гласных фонем верхнего подъема при обозначении фонемных рядов указывает на представителя соответствующей гласной фонемы в слабом положении, т. е. в таком положении, где остальные три сильные гласные фонемы не различаются ввиду их совпадения в одной слабой фонеме или ввиду совпадения двух из них в одной слабой фонеме при сохранении различения с третьей.

[2] Это аналогично нулевой форме падежа, выделяемой, в отличие от других падежных форм, не наличием той или иной флексии, а отсутствием флексии.

по качеству согласных (после парных твердых, после заднеязычных, после мягких, после твердых шипящих). Разберем эти фонемные ряды в разных фонетических условиях.

В начале слова, где, как известно, [е] отсутствует[1], употребляются сильные фонемы [о] и [а], которые возглавляют фонемные ряды: о//л и а//л. Ср. [óкнъ] — [лкнá], [ó'з'ьръ] — [лз'·óр], [óстръф] — [лстрлвá]; [á·л'ьнкъi] — [лл'ê't'], [áнгл'иiъ] — [лнгл'й'iскъi]. Эти фонемные ряды имеют общий член — слабую фонему [л], которая является заместителем как сильной фонемы [о], так и сильной фонемы [а] в безударных слогах, т. е. заместителем всех сильных гласных фонем неверхнего подъема (если считать, что фонема [е] отсутствует в данном положении). Обозначим такую функцию слабой фонемы знаком α. Формула фонемных рядов для начала слова в таком случае примет следующий вид: ó//α; á//α.

В положении после твердых парных согласных [е] также отсутствует[2], употребляются сильные фонемы [о] и [а], которые образуют фонемные ряды ó//л//ъ и á//л//ъ. Общие члены этих фонемных рядов выступают в следующих условиях: [л] — в 1-м предударном слоге, а [ъ] — в других безударных слогах и являются заместителями как сильной фонемы [о], так и сильной фонемы [а]. Приведем несколько примеров: для [о] — [лом], [ллмá·т'], [вы́лъмът']; [нóгу], [нлгá], [нáнъгу]; [стóръну], [стлрóн], [нáстъръну]; для [а] — [дал], [дллá], [н'édъл]; [трáфкъ], [трлвá], [тръв'и^{e}нó·i]; [тáш':ит], [тлш':й't'], [вы́тъш':ит'].

Если считать, что в положении перед [е] твердые парные согласные не употребляются, то это означает, что слабая гласная фонема [л] или [ъ] является заместителем всех сильных гласных фонем неверхнего ряда, т. е. имеет функцию, которую мы выше обозначили знаком α. Формула фонемных рядов для положения после твердых парных согласных, таким образом, представляется следующей: ó//α; á//α.

В положении после заднеязычных, кроме сильных фонем [о] и [а], вообще употребляется также фонема [е], хотя и с известными ограничениями: в корнях слов [е] употребляется главным образом лишь в словах иноязычного происхождения, причем в связи с обычной неподвижностью в них ударения в этих

---

[1] Фонема [е] в начале слова представлена по преимуществу в словах иноязычного происхождения. В связи с этим ее употребление выделено из описания системы фонем.

[2] Гласный [е] после твердых парных согласных употребляется главным образом лишь в словах иноязычного происхождения, причем в связи с неподвижностью ударения в большей их части, а также частым сохранением в произношении безударного [е] в этих случаях обычно отсутствует фонетическое чередование сильной фонемы [е] с соответствующими слабыми — ее безударными заместителями. Ср. [дэ́нди], [дэвóн], [нэсэсэ́р], [клшнэ́], [сэнсóрнъi].

случаях сравнительно редко бывает представлено фонетическое чередование сильной фонемы [е] с соответствующими слабыми фонемами — ее заместителями в предударных слогах. Ср. впрочем [к'ёдр] — [к'и^{е}дро́въ̯], [к'ê'л'jъ] — [к'и^{е}л'ê'i̯нъ̯]; [к'ёпкъ] — [к'ёпъч'нъ̯], [к'ётъ], [к'ётъвъ̯], [к'и^{е}фа́·л'], [к'и^{е}ф'ир] и др. Гласная фонема [е] после заднеязычных употребляется в падежных флексиях, где широко представлено также фонетическое чередование сильной фонемы [е] с ее заместителем в заударном конечном открытом слоге — слабой фонемой [и^{е}]: ср. [рук'е́] — [ску́·к'и^{е}], [слх'е́] — [стлру́·х'и^{е}], [нлг'е́] — [плдру́·г'и^{е}]. Перед гласной [е] и ее безударными заместителями имеет место позиционное смягчение заднеязычных.

В остальном фонемные ряды сильных гласных фонем [о] и [а] в положении после заднеязычных согласных не отличаются от тех же рядов в положении после твердых парных: они представляют собой ряды о́//л//ъ и а́//л//ъ. Общие члены этих фонемных рядов, каждая из которых является заместителем как сильной фонемы [о], так и сильной фонемы [а], выступают в тех же условиях, что и в положении после парных твердых, а именно [л] — в 1-м предударном слоге, а [ъ] — в остальных безударных слогах. Приведем примеры: для [о] — [ко́су], [клсы́] [къслр'и́]; [го́рът], [гърлда́], [за́гърът]; [го́ры], [глра́], [на́гъру]; [гот], [глда́], [гъдлво́·i̯]; [хот], [хлдо́ф], [хъдлво́·i̯]; [стрлко́·i̯], [тра́фкъ̯i̯]; [слхо́·i̯], [стлру́хъ̯i̯]; для [а] — [как], [клко́ф], [къкла́]; [ка́·м'ьн'], [клмн'ê'i̯], [към'и^{е}н'и́стъ̯i̯]; [га́·с'иш], [глс'и́т']; [га·т'], [глт'и́т']; [хам], [хлм'и́т'], [хъмлва́т]; [нлга́м], [плдру́гъм].

В связи с тем, что в положении после заднеязычных представлены все три сильные гласные фонемы неверхнего подъема, но в слабых позициях в слабой фонеме [л] или [ъ] совпадают только две из них (а именно [о] и [а]), различаясь с третьей [е], функция слабых фонем [л] и [ъ] может быть обозначена знаком α_1: о́//α_1; а́//α_1; е́//$\underline{е}$.

В положении после мягких согласных употребляются все три сильные гласные фонемы неверхнего подъема — [о], [а], [е], которые образуют три соответствующих фонемных ряда. Для этих фонемных рядов приходится различать следующие позиции: 1) положение под ударением; 2) положение в 1-м предударном слоге; 3) положение в других предударных слогах; 4) положение в заударном слоге перед твердым согласным; 5) положение в заударном слоге перед мягким согласным; 6) положение в заударном открытом конечном слоге. Приведем эти фонемные ряды (сверху соответствующей цифрой показываем позиции, в которых употребляется тот или иной член фонемного ряда).

1 2 3 4 5 6
о̯//и^{е}//ь̯//ъ̯//ь̯//ъ

а//и^{е}//ь//ъ//ь//ъ

е//и^{с}//ь//ь//ь//и^{е}

Существенным для этих фонемных рядов является то обстоятельство, что в то время как в предударных слогах один общий член выступает для всех трех рядов ([и^{е}] в 1-м предударном слоге и [ь] в других предударных), в заударных слогах (кроме положения перед мягким согласным) в одном общем члене [ъ] совпадают лишь фонемные ряды [о] и [а], в то время как в фонемном ряде [е] звучит в этом положении звук [ь] перед твердым согласным и [и^{е}] на конце слова. Это значит, что гласные [ъ] и [ь], употребляясь в заударных слогах в одной и той же позиции (после мягких согласных, не перед мягким), различаются, образуют р а з н ы е слабые гласные фонемы, в то время как в предударных слогах они представляют собой варианты одной и той же слабой гласной фонемы, так как качество последних (в основном — более переднее или заднее образование) обусловлено положением после мягкой или твердой согласной: после мягкой употребляется [ь], после твердой — [ъ]. Ср. [б'ъглво́·i̯] и [бъклво́·i̯]. Это значит также, что в случаях типа [вы́н'ьс] гласный [ь] не является фонетически регулярным заместителем сильной фонемы [о] (ср. [н'·ос]), а представляет собой слабую фонему, входящую в ряд [е]; ср. [л'éс] — [вы́·л'ьс] *(лез, вылез)*.

В связи с особыми сложностями системы гласных безударных слогов иллюстративный материал приведем отдельно для предударных и заударных слогов.

В предударных слогах выступают слабые фонемы [и^{е}] и [ь] как фонетически регулярные заместители всех сильных гласных фонем неверхнего подъема [о], [а], [е]. Для фонемного ряда [о]: [н'·ос] — [н'и^{е}сла́], [с'·ол] — [с'и^{е}ла́], [д'·орн] — [д'и^{е}рнóвъi̯] — [д'ьрнлва́тъi̯], [м'·от] — [м'и^{е}дóвъi̯] — [м'ьдлнóс]; для фонемного ряда [а]: [п'ät'] — [п'и^{е}та́к] — [п'ьтлч'·о́к], [вз'·ал] — [вз'и^{е}ла́], [м'·а́съ] — [м'и^{е}снó·i̯] — [м'ьслру́пкъ]; для фонемного ряда [е]: [б'ел] — [б'и^{е}ла́] — [б'ьлва́тъi̯], [л'ес] — [л'и^{е}снó·i̯] — [л'ьслвóт], [т'élъ] — [т'и^{е}ла́] — [т'ьллгр'é'i̯къ], [д'élъ] — [д'и^{е}ла́] — [д'ьлвó·i̯], [с'ет] — [с'и^{е}дó·i̯] — [с'ьдлвла́съi̯].

Перейдем к материалу заударных слогов.

Перед твердым согласным: для фонемного ряда [о] — [кул'·о́м], [жы́·т'ьл'ъм]; [клн'·о́м], [о́кун'ъм]; [гвлз'д'·о́м], [м'и^{е}д'в'é'д'ъм]; для фонемного ряда [а] — [нлч'ät'], [на́·ч'ът], [пр'ин'ът]; [глр'·а́т], [вы́гър'ът]; [л'и^{е}т'·а́т], [вы́·л'ьт'ът]; [кул'·а́м], [жы́·т'ьл'ъм]; [гвлз'д'·а́м], [м'и^{е}д'в'é'д'ъм]; [клн'·а́м], [о́кун'ъм]; для фонемного ряда [е] — [л'é́зу], [вы́·л'ьс]; [б'élъi̯], [на́·б'ьлъ].

Таким образом, слабую фонему [ъ] следует считать в заударном слоге перед твердым согласным фонетически законо-

мерным заместителем сильных фонем [о] и [а]: ср. [с-кн'а̊з'ъм] (тв. п. ед. ч.) и [с'в'а̊з'ъм] (дат. п. мн. ч.); слабая же фонема [ь] (в отличие от [ъ]) в том же положении является фонетически закономерным заместителем сильной фонемы [е]: ср. [л'е́зу] — [вы́·л'зу]. В связи с этим в случаях типа [н'·ос] — [вы́·н'ьс], [т'·ок] — [вы́·т'ьк], [д'·о́рну] — [вы́·д'ьрну] нельзя видеть фонетически обусловленное позиционное чередование корневых гласных, образуемое членами одного фонемного ряда: слабая фонема [ь] есть член фонемного ряда, возглавляемого сильной фонемой [е], в то время как среди членов фонемного ряда, возглавляемого сильной фонемой [о], отсутствует слабая фонема [ь]. Иными словами, в случаях типа [н'·ос] и [вы́·н'ьс] представлены корневые гласные, относящиеся к разным фонемным рядам[1].

Перед мягким согласным, где [ь] является общим членом трех фонемных рядов, заместителем всех трех сильных гласных фонем неверхнего ряда: ср. [нлч'а̊т'] — [на́·ч'ьл'и], [пр'ин'а̊т'] — [пр'и́н'ьли], [клн'а̂м'и] — [о́кун'ьм'и], [гвлз'д'а̂м'и] — [м'и^{е}д'в'е́д'ьми][2]; [л'е́з'л'и] — [вы́·л'ьз'л'и], [д'е́л'ит] — [вы́·д'ьл'ит], [вы́·н'ьс'л'и], [вы́·в'ьз'л'и].

На конце слова: для [о] — [мо́·р'ъ], [по́·л'ъ], [го́·р'ъ] (ср. клп'j·о́); для [а] — [мо́·р'ъ], [по́·л'ъ], [го́·р'ъ] (ср. [клп'j·а́]; для [е] — [вмо́·р'и^{е}], [фпо́·л'и^{е}], [в-го́·р'и^{е}] (ср. [ф-клп'jе́). В этом положении слабая фонема [ъ] является общим членом двух фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [о] и [а] и регулярным заместителем последних, а слабая фонема [и^{е}] входит в нулевой фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой [е], и является ее вариантом.

Из сказанного следует, что функция слабой гласной фонемы нелабиализованной, неверхнего подъема в положении после мягких согласных в предударных слогах и в заударном слоге перед мягкой согласной может быть обозначена знаком [α], так как соответствующая слабая гласная фонема является заместителем

---

[1] При такой интерпретации приведенных фактов возникает вопрос о том, сохраняется ли тождество корневой морфемы в случаях [н'·ос] — [вы́·н'ьс], если в ней нет тождества фонемных рядов (см. об этом § 14). Вопрос о тождестве и не-тождестве морфем (т. е. об одной и той же и разных морфемах), а также о разного типа вариантах одной и той же морфемы выходит далеко за пределы проблем, затрагиваемых в настоящей книге. Отметим только, что корневая морфема в случаях типа [н'·ос] — [вы́·н'ьс] в той же мере равна сама себе (т. е. тождественна), в какой она равна сама себе в случаях типа [н'·ос] — [н'е̂с'т'], [с'·о́лъ] — [с'е̂'л'скъj]. Перед нами особые случаи вариантов одной морфемы, отличающиеся составом своих фонем, связанных между собой в своем историческом развитии (как известно, [о] после мягких согласных образовалось из [е]).

[2] Форма твор. п. мн. ч. в отчетливом произношении может звучать и с гласным [ъ] между мягкими согласными: [о́кун'ъм'и], [м'и^{е}д'в'е̂'д'ъм'и], [жы́'т'ьл'ъм'и].

всех трех сильных гласных фонем неверхнего подъема. В заударном же слоге не перед мягкой согласной, а именно после мягкой согласной перед твердой и в конце слова совпадения трех сильных гласных фонем неверхнего подъема не происходит: в гласной [ъ] совпадают фонемные ряды, возглавляемые сильными фонемами [о] и [а], гласная же фонема [е] продолжает различаться, выступая в своем варианте [и^{е}]. Эту функцию слабых гласных фонем обозначим знаками α_1 (для [ъ] как заместителя сильных фонем [о] и [а]) и ę (для представителя фонемы [е]). Таким образом, для положения после мягких согласных формула фонемных рядов принимает следующий вид: ó//α//α_1; á//α//α_1; é//α//ę.

В положении после твердых шипящих, как и после мягких согласных, употребляются все три сильных гласных фонемы [о], [а], [е]. Однако не во всех более частных позициях (и притом не только в заударных слогах, но и в предударных) члены фонемных рядов, ими возглавляемых, совпадают.

Для положения после твердых шипящих будем различать следующие позиции: 1) положение под ударением; 2) положение в 1-м предударном слоге; 3) положение в других предударных слогах и в заударном слоге (кроме заударного конечного открытого); 4) положение в конечном заударном открытом слоге. Приведем эти фонемные ряды (сверху цифрами укажем только что описанные позиции):

1 2 3 4
о//ы^{э}//ъ//ъ
а//ʌ //ъ//ъ
е//ы^{э}//ъ//ы^{э}

Из схем этих фонемных рядов видно, что общие для всех трех рядов члены выступают в предударных слогах (кроме 1-го предударного) и в заударных слогах (кроме заударного конечного открытого слога). В 1-м предударном слоге слабая фонема [ы^{э}] является общим членом двух фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [о] и [е], являясь их регулярным заместителем в данной позиции, и слабая фонема [ʌ] является членом фонемного ряда, возглавляемого сильной фонемой [а], будучи вариантом последней. Иначе обстоит дело с заударным конечным открытым слогом, где слабая фонема [ъ] является общим членом фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [о] и [а], регулярным их заместителем в данной позиции, а слабая фонема [ы^{э}] — членом фонемного ряда, возглавляемого сильной фонемой [е], и вариантом этой последней. Приведем материал для фонемного ряда [о]: [жóвън] — [жы^{э}вá·т'], [жóлтъi] — [жы^{э}лт'ếт'] — [йж:ълтъ-с'éръi]; [с-нлжóм] — [с-мýжъм],

[шóпът] — [шы^{э}пта́·т'], [шолк] — [шы^{э}лка́] — [шълклв'и́стъi], [лóжъ] *(ложе);* ср. [ружj·ó].

Для фонемного ряда [а]: [шак] — [шлга́·т'], [ша́лъс'т'] — [шллу́н] — [шълун'и́шкъ], [шарш] — [шлржы́ръвът'] — [шържыро́фкъ], [жар] — [жлро́к] — [жърлво́·i], [ж:а́тъ] — [вы́жътъ], [нлжа́м] — [лу́жъм], [душа́] — [гру́шъ], [лу́жъ].

Для фонемного ряда [е]: [шэ·с'т'] — [шы^{э}сто́·i] — [фшъс'т'и^{е}ро́м] — [на́шъс'т'], [жэ·с'т' [— [жы^{э}с'т'и^{е}но́·i], [жэ·ч'] — [вы́жъч'], [нъдуше́] — [вгру́шы^{э}] — [влу́жы^{э}].

Таким образом, для положения после твердых шипящих формула фонемных рядов имеет следующий вид: ó//α_2//α//α_1; á//а//α//α_1; é//α_2//α//е (*α_2* и а выступают в 1-м предударном слоге; α_1 и е в заударном конечном открытом слоге).

Следует отметить, что на месте этимологического [а] в 1-м предударном слоге после твердых шипящих в отдельных случаях сохранилось произношение [ы^{э}] (что свидетельствует о былой мягкости шипящих). Однако в связи с вышеизложенным соотношение между ударным [а] и гласным [ы^{э}] в 1-м предударном слоге не образует фонетического чередования, иначе фонемного ряда. В таких случаях, как [лλша́ткъ] и [лъшы^{э}д'е́i] или [жа́лъс'т'] — [жы^{э}л'е́т'], перед нами после шипящих под ударением сильная фонема [а], а в 1-м предударном слоге — слабая фонема [ы^{э}], являющаяся общим членом фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [о] и [е] и их регулярным фонетическим заместителем [1].

Обобщая все сказанное о фонемных рядах гласных, мы можем установить, что слабая гласная фонема, выступающая то в виде [λ] или [и^{е}], [ы^{э}], то в виде [ъ] или [ь], в одних положениях является общим членом всех фонемных рядов, возглавляемых сильными гласными фонемами неверхнего подъема ([о] и [а] после твердых парных согласных, [о], [а], [е] после мягких согласных), и противопоставлена гласным фонемам верхнего подъема ([и]-[ы] и [у]). Эта функция выше была обозначена знаком [α]. В других положениях слабая гласная фонема является общим членом фонемных рядов, возглавляемых сильными гласными фонемами [а] и [о], и противопоставлена не только гласным фонемам верхнего подъема ([и]-[ы] и [у]), но также гласной фонеме переднего образования среднего подъема [е], выступающей в одном из своих вариантов ([и^{е}] или [ы^{э}], [ь]). Эта функция выше была обозначена знаком α_1. Наконец, в некоторых положениях слабая гласная фонема является общим

[1] Следовательно, написание слов *лошадей, жалеть* через букву *а* не соответствует фонематическому составу этих слов в современном языке и представляет собой с точки зрения звуковой системы написание условное, объясняемое этимологией.

членом фонемных рядов, возглавляемых сильными гласными фонемами [о] и [е], и противопоставлена не только гласным фонемам верхнего подъема ([и]-[ы], [у]), но также гласной фонеме нижнего подъема [а], выступающей в своем варианте [ʌ]. Эта функция выше была обозначена знаком α_2.

Таким образом, все функциональное многообразие разбираемых трех фонемных рядов, возглавляемых сильными гласными фонемами неверхнего подъема, может быть представлено в следующих схемах:

после твердых парных согласных и в начале слова: ó//α; á//α (исходим из того, что ряд, возглавляемый сильной фонемой [е], отсутствует), α является символом заместителя всех гласных фонем неверхнего подъема, но их в этом положении всего две;

после заднеязычных: ó//α_1; á//α_1; é//ę (α_1 является символом заместителя сильных гласных фонем [о] и [а], противопоставленного представителю сильной гласной переднего ряда, среднего подъема [е]; последний обозначен знаком ę);

после мягких согласных: ó//α//α_1; á//α//α_1; é//α//ę (α является символом слабой фонемы — общего заместителя всех трех сильных гласных фонем неверхнего подъема в предударных слогах, а также в заударном слоге перед мягким согласным; α_1 является символом слабой фонемы — заместителя сильных гласных фонем [о] и [а] в заударном слоге не перед мягким согласным, противопоставленного представителю сильной фонемы переднего ряда среднего подъема [е]; последний обозначен знаком ę);

после твердых шипящих: ó//α_2//α//α_1; á//a//α//α_1; é//α_2//α//ę (α_2 является символом слабой фонемы, являющейся заместителем сильных гласных фонем среднего подъема [о] и [е] в 1-м предударном слоге, который противопоставлен представителю сильной гласной фонемы нижнего подъема [а]; последний обозначен знаком a; α является символом слабой фонемы общего заместителя всех трех гласных фонем неверхнего подъема в предударных слогах — кроме 1-го — и в заударных слогах — кроме конечного открытого; α_1 является символом слабой фонемы — заместителя сильных гласных фонем [о] и [а] в заударном конечном открытом слоге, противопоставленного представителю сильной гласной фонемы переднего ряда среднего подъема [е]; последний обозначен звуком ę).

В положении после твердых шипящих встречаются все функциональные разновидности слабых фонем. Поэтому схема фонемных рядов в положении после твердых шипящих покрывает собой их схемы во всех других положениях и может служить общей схемой фонемных рядов, возглавляемых сильными фонемами [о], [а], [е].

КОНСОНАНТИЗМ

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Состав согласных фонем современного литературного языка в положении максимальной дифференциации, т. е. сильных согласных фонем, если дать им самую общую характеристику, с точки зрения места образования (по активным органам) может быть представлен в следующем виде:

Губные — [п], [п'], [б], [б'], [м], [м']; [ф], [ф'], [в], [в'];

Язычные: переднеязычные — [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з'], [ц], [л], [л'], [н], [н'], [ш], [ж], [ш':], [ж':], [ч'], [р], [р']; среднеязычные — [j]; заднеязычные — [к], [г], [х].

Эти 34 согласных в современном русском литературном языке вне сомнения являются фонемами, так как каждая из них в тех положениях, в которых согласные максимально дифференцированы (в так называемой сильной позиции), по отношению к любой другой согласной фонеме обладает различительной функцией, т. е. может различать данное слово или форму среди других слов и форм. Ср., например:

[пот], [п'·ок], [бот], [гр'и^{е} б'·от], [мот], [м'·от], [форт], [ф'·óклъ], [вот], [рв'·от], [тот], [т'·óткъ], [дот], [ид'·от], [сот], [н'и^{е}с'·от], [лзóт], [плз'·óт], [цóкът], [лот], [л'·от], [нот], [гн'·от], [шóпът], [жох], [ш':·от], [ж':·от], [ч'·от], [рот], [лр'·от], [j·от], [кот], [гот], [хот].

Мы насчитали 34 слова, в которых перед ударным гласным [о] произносятся 34 разных согласных, каждый из которых отличает звуковую оболочку данного слова или морфемы от 33 других возможных слов или морфем.

Следует иметь в виду, что состав согласных фонем, как и другие элементы строя языка, не является стабильным на протяжении развития данного языка с древнейших эпох до наших дней. Состав фонем, хотя и медленно, но изменялся:

появлялись новые фонемы, отмирали некоторые из старых, в связи с этим в той или иной степени менялась и сама звуковая система языка, так как изменялись соотношения между отдельными ее элементами.

В соответствии с этим и система согласных современного русского языка представляет собой определенный этап в развитии русского языка. Поэтому в ней, как и на любом другом этапе развития языка, можно найти элементы более древние и более новые, элементы отмирающие и развивающиеся.

Перед нами не 34 единицы, равно противопоставленные друг другу: одни согласные фонемы и их группы противопоставлены друг другу ярче, сильнее, другие — слабее. Так, например, глухие и звонкие согласные противопоставлены друг другу значительно ярче и сильнее, чем твердые и мягкие. Ср. противопоставление [п] — [б], с одной стороны, и [п] — [п'], с другой: случаев типа [па́лкъ] — [ба́лкъ], [пыл] — [был], [пот] — [бот], [пук] — [бук], [про·с'ит] — [бро·с'ит], [плох] — [блох] можно подобрать очень много; случаев же с [п] и [п'] в одной и той же позиции мы найдем мало: [па́·л'цы] — [п'а̊л'цы], [пат] — [п'·ат], [пот] — [п'·отр]. История языка объясняет это тем, что в отличие от категории глухости-звонкости согласных, исконной или, во всяком случае, очень древней, категория твердости-мягкости развилась в относительно позднюю эпоху в результате дифференциации одной фонемы (по качеству своему немягкой) на две — твердую и мягкую. Следы этой дифференциации и оказываются до сих пор в виде неполного, недостаточно яркого противопоставления твердых и мягких согласных друг другу.

Отмирающим является, например, допустимое в отдельных словах щелевое произношение звонкой заднеязычной фонемы [бо́ъ], [блγа́цтвъ] и др. К числу отмирающих можно отнести фонему [ж':], которая произносится в немногих словах (например, в словах [jê'ж':у], [по́·ж':и^{е}], [во́·ж':и], [дро́·ж':и], [др'ьб'и^{е}-ж':а̊т'] и некоторых других); об этом свидетельствует давно уже отмеченная тенденция к замене ее через долгое твердое ж: [jéж:у], [пóж:ы^{э}], [вóж:ы] и др. Напротив, к элементам развивающимся можно отнести противопоставление по твердости-мягкости заднеязычных (по преимуществу [к]) перед гласными благодаря укреплению в литературном языке формы [тк'·от] (другие аналогичные формы находятся за пределами литературного языка; ср. *пекёт, секёт, толкёт* и др.), а также многочисленных заимствованных слов типа [лик'·о́р], [мън'ик'·у́р], [к'·а́хтъ] (название города). Однако на конце слова — в важнейшем для фонематической категории твердости-мягкости согласных положении, где последняя не связана с качеством последующего гласного — противопоставление заднеязычных по

твердости-мягкости полностью отсутствует. Поэтому выше при перечне согласных фонем мягкие заднязычные не приняты во внимание как отдельные фонемы в отличие от твердых. Следует иметь в виду, что любой подсчет в данном случае является до известной степени условным, так как предметы подсчета — фонемы представляют собой исторические, следовательно, изменяющиеся явления: каждая из фонем имеет свою сложную историю, больше или меньше связанную с историей других фонем, всей звуковой системы или части ее. Поэтому различные фонемы представлены в системе современного русского литературного языка по-разному в смысле широты своего употребления, разной степени противопоставленности другим фонемам, возможности находиться в разных структурных элементах слова, возможности вступать в сочетание с теми или иными фонемами и т. д.

Сказанным объясняются колебания в определении состава фонем современного русского литературного языка у разных авторов. Так, например, авторы раздела „Фонетика" („Грамматика русского языка", т. I, Фонетика и морфология, изд. АН СССР, 1952), забегая вперед, исключили из числа согласных фонем не только [ж':], которая, действительно, встречается в малом числе случаев и притом часто заменяется долгим твердым шипящим ([ж:]). Без всяких к тому оснований они исключили из своего списка также фонему [ш':], которая встречается в большом количестве случаев и притом широко употребительна именно как долгая мягкая шипящая. С другой стороны, составители этой грамматики включили в число согласных фонем в одном ряду с другими мягкими согласными мягкие [к'], [г'], [х'], что по меньшей мере неточно, так как противопоставление мягких заднеязычных твердым существенно отличается от противопоставления по твердости-мягкости других согласных и полностью отсутствует в наиболее показательной позиции — на конце слова. В связи со сказанным колебания в трактовке состава согласных фонем отдельными авторами (исключая прямые ошибки) в конце концов не имеют очень большого значения, если подходить к звуковой системе современного языка как продукту исторического развития, так как эти колебания в конечном счете имеют определенные основания в самой системе языка.

КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

§ 50. Принципы классификации

Различия согласных звуков обусловлены различиями в их образовании органами речи. Согласные различаются: 1) по

участию шума и голоса; 2) по месту образования шума; 3) по способу образования шума; 4) по отсутствию или наличию палатализации, иначе — по твердости-мягкости.

§ 51. Участие голоса и шума

Некоторые согласные образуются без участия голоса (так как голосовая щель раскрыта, голосовые связки не напряжены и не колеблются), при помощи одного только шума, образующегося в полости рта. Таковы, например, согласные [с], [ш], [п], [к], [т] и др. При образовании таких согласных в полости рта имеется того или другого типа преграда, позади которой образуется сильный напор воздуха, разбивающийся об эту преграду, в связи с этим, а также в связи с тем, какую форму принимает полость рта, образуются сильные шумы, из которых и состоят эти согласные. При произнесении других согласных, кроме шумов, образующихся в полости рта, принимает участие также голос, так как голосовая щель бывает сужена, голосовые связки напряжены и колеблются выдыхаемым воздухом. „Воздушная струя выходит из гортани периодическими толчками, производя в надсвязочном пространстве ритмические последовательные сгущения и разрежения воздушной среды, что дает (аналогично образованию звука в сирене или язычковой трубе) звуковую волну, которая, распространяясь, воспринимается нашим органом слуха как некий музыкальный тон. Это и есть **голос**"[1]. С голосом образуются, например, согласные [з], [ж], [б], [г], [д], [р], [л], [н].

В зависимости от участия или неучастия голоса различаются согласные **вокализованные** и **невокализованные**. Согласные, образуемые без участия голоса, при помощи одного только шума, называются невокализованными. Согласные, образуемые при участии голоса, который прибавляется к шуму, называются вокализованными.

В зависимости от способа образования шума и обусловленной им большей или меньшей силы шума вокализованные согласные в свою очередь делятся на две группы. При произнесении одних согласных в полости рта образуются преграды и в зависимости от них образуются ясно слышимые наряду с голосом шумы, аналогичные тем, которые характерны для невокализованных согласных, состоящих только из шума (но несколько ослабленные). Так произносятся, например, согласные [з], [ж], [б], [г], [д]. При произнесении других согласных, не-

---

[1] М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику, изд. 2-е. Учпедгиз, 1948, стр. 21.

смотря на наличие в полости рта преграды, остается достаточно широкое отверстие (через полость рта или носа), ввиду чего воздух проходит без напора; слабый ток воздуха образует лишь незначительный, слабо локализованный шум, свойственный самой форме резонирующей полости рта и отдельно не слышимый. Так образуются, например, согласные [л], [н], [м].

Согласные, образуемые при помощи голоса и незначительного шума, слабо локализованного, называются сонорными.

По характеру шума и его роли в образовании звука сонорные противопоставляются остальным согласным, называемым шумными. Шумные согласные в противоположность сонорным образуются при помощи достаточно сильных и локализованных шумов либо без участия голоса (шумные глухие), либо при участии голоса (шумные звонкие), причем и в последнем случае — при сопровождении голосом — шумы ясно различаются.

Таким образом, в зависимости от участия или неучастия голоса различаются согласные вокализованные и невокализованные, а в зависимости от характера шума и его роли в образовании звука — сонорные и шумные. Последние в свою очередь в зависимости от участия или неучастия голоса подразделяются на глухие и звонкие. Соотношение этих делений показано в таблице:

<table>
<tr><td rowspan="2">невокализованные</td><td rowspan="2">шумные</td><td>глухие</td></tr>
<tr><td rowspan="2">звонкие</td></tr>
<tr><td rowspan="2">вокализованные</td><td colspan="2">сонорные</td></tr>
</table>

Таким образом, вокализованные согласные могут быть шумными (например, [з]) и сонорными. Шумные согласные в свою очередь могут быть невокализованными (например, [с]) и вокализованными (например, [з]). Сонорные согласные являются частью вокализованных, равно как звонкие согласные — частью шумных. Объем понятий „глухие согласные“ и „невокализованные согласные“ совпадает: невокализованные согласные, являясь одновременно шумными, составляют ту часть шумных, которая характеризуется в своем образовании глухостью.

Характерные сильные шумы, с которыми образуются шумные согласные в большей части языков, образуют особые фонемы и без сопровождения голоса. Сравните, например, в русском языке [з] и [с], [ж] и [ш], [б] и [п] и др. Напротив, слабые шумы,

с участием которых образуются сонорные согласные, сами по себе, без сопровождения голоса обычно не используются как фонемы, так как они едва слышны. В этом легко можно убедиться, произнеся без голоса звуки [м], [н], [л], [р]. Звук [м] без голоса, т. е. [м̥], и звук [н] без голоса, т. е. [н̥], представляют собой простое выдыхание через нос при сомкнутых губах в первом случае и при сомкнутом кончике языка с верхними зубами во втором. Звук [л] без голоса, т. е. [л̥], представляет собой выдыхание воздуха через рот при сомкнутом кончике языка с верхними зубами с одновременным опущением боков языка, по которым проходит воздух[1]. Во всех этих случаях шумы акустически очень невыразительны. Более заметны шумы при [р], без голоса [р̥]. Это объясняется характерной артикуляцией [р] — вибрацией кончика языка, образующей шум, родственный шуму звуков типа [ш][2].

• В русском языке сонорные согласные, лишенные голоса, могут произноситься лишь в результате прогрессивной ассимиляции, чаще всего на конце слова после глухой согласной (например, [вопл'], [п'·отр], [шыфр], [вепр'], [п'ёс'н'], [драхм], а также в некоторых других положениях (сравните, например, [злд'ёршкъ]; в беглой речи — [лкт'·áпр'скъі]).

§ 52. Место образования шума

Классификация согласных по месту образования шума строится на различиях артикуляций по активному органу, совершающему основную работу для образования данного звука. Такими активными органами являются губы (практически — нижняя губа) и язык. В соответствии с этим по месту образования все согласные являются губными или язычными.

Однако при дальнейшем, более дробном делении необходимо учитывать и пассивный орган, т. е. тот орган или пункт в полости рта, по отношению к которому артикулирует активный орган.

Нижняя губа может артикулировать по отношению к верхней губе (например, при [п]) или верхним зубам (например, при [в]). В соответствии с этим губные согласные по пассивному органу подразделяются на губно-губные и губно-зубные[3]. При образовании губно-губных (например, [п], [б], [м]) нижняя

---

[1] Более подробное описание артикуляции звука [л] см. ниже.

[2] Описание артикуляции звука [р] см. ниже.

[3] Вторая часть этих сложных терминов указывает на пассивный орган. По пассивному органу точнее было бы губные подразделять на губные и зубные. Но это не принято ввиду создающейся в этом случае двусмысленности термина губной (по активному и пассивному органам).

губа артикулирует по отношению к верхней губе. При образовании губно-зубных (например, [ф], [в]) нижняя губа артикулирует к верхним зубам.

Значительно сложнее классификация язычных согласных. Эта сложность объясняется многообразием движений языка в разных его частях и к разным пунктам, что значительно меняет форму языка, а следовательно, и форму резонирующей полости рта. Продолжая классификацию согласных по активному признаку, язычные согласные можно разделить на переднеязычные, при образовании которых активно участвует передняя часть языка вместе с кончиком, среднеязычные и заднеязычные, при образовании которых активно участвует соответственно средняя или задняя часть спинки языка.

В зависимости от пассивного органа переднеязычные делятся на зубные и нёбно-зубные. При образовании первых кончик языка вместе с самой передней частью его артикулирует по отношению к верхним зубам, образуя преграду у верхних резцов и несколько выше, у альвеол; при образовании вторых он более загнут кверху и назад, образуя преграду в начальной, зубной части твердого нёба. К переднеязычным зубным в русском языке относятся, например, [с], [т], [ц], [н], [л]; к переднеязычным нёбно-зубным — [ш], [ж], [ч'], [р] и др.

Среднеязычные согласные по пассивному органу являются средненёбными (иначе называют палатальными, твердонёбными). При образовании средненёбных средняя часть спинки языка артикулирует к средней части нёба, к твердому нёбу (например, [j]).

Заднеязычные согласные по пассивному органу являются задненёбными (иначе называют мягконёбными). При образовании задненёбных задняя часть спинки языка артикулирует по отношению к мягкому нёбу (например, [к], [г], [х]).

§ 53. Способы образования шума

Различия между согласными обусловлены не только различиями в месте образования шумов, но также зависят от вида, самого характера преграды, которая образуется между активным и пассивным органами, т. е. от способа образования преграды, являющейся источником образования шума.

Шумные согласные знают три способа образования шума и в зависимости от них делятся на три группы: смычные, аффрикаты и щелевые.

Рассмотрим раньше смычные и щелевые, которые образуются при помощи способов, наиболее отличающихся друг от друга, противоположных друг другу.

При образовании смычных согласных активный орган, при-

ближаясь к пассивному, образует полное смыкание (иначе — полный затвор), закрывая выход выдыхаемой воздушной струе. Шум получается при образовании этих согласных в результате того, что выдыхаемый воздух с силой разрывает затвор, в момент разрыва (или иначе — взрыва) этого затвора. Смычные согласные называются также **затворными**. По признаку разрыва затвора, размыкания (иначе — взрыва) они часто называются также **взрывными** или **эксплозивными**. По признаку мгновенности шума, образуемого лишь в момент взрыва и не могущего быть продленным, смычные согласные называются также **мгновенными**. Так образуются, например, глухие [п], [т], [к], а также звонкие [б], [д], [г], при образовании которых к шумам, аналогичным соответствующим глухим согласным, присоединяется голос.

При образовании **щелевых** согласных активный орган лишь приближается к пассивному, образуя узкую щель. Шум получается при образовании щелевых согласных в результате трения выдыхаемого воздуха о стенки щели. Так как такие звуки образуются при помощи трения, их нередко называют также **фрикативными** (от латинского fricare — *тереть*). Так как шум образуется при этих звуках во время прохождения воздуха через щель, а это прохождение может длиться больше и меньше, то щелевые согласные называют также **длительными** (в отличие от смычных, которые по этому признаку являются мгновенными). Так образуются в русском языке, например, глухие согласные [с], [ш], а также звонкие [з], [ж], при образовании которых к шумам, аналогичным шумам для глухих согласных, присоединяется голос.

При образовании **аффрикат**, как и при образовании смычных, активный орган, приближаясь к пассивному, образует полное смыкание (затвор), но размыкание происходит не мгновенно — путем взрыва (как при смычных), а путем перехода смыкания в щель, после чего только активный орган отходит в исходное положение. Таким образом, аффриката представляет собой сложную артикуляцию со смычным началом и щелевой второй частью, что образует своеобразный шум. Аффрикатами в русском языке являются [ц] и [ч']. Однако аффриката не есть сочетание смычного с соответствующим щелевым, а представляет собой одну нечленимую артикуляцию и одну нечленимую фонему. Ср. сочетание [тс] и аффрикату [ц], например, в словах *отсадить* и *поцарапать*.

Сонорные согласные по способу образования могут быть **щелевыми**, **смычнопроходными** и **дрожащими**.

Общее описание артикуляции щелевых согласных дано выше. К щелевым из сонорных относится [j]. Подробнее об этом звуке см. ниже.

К смычнопроходным относятся такие согласные, при произношении которых в полости рта образуется полное смыкание, однако имеется доступ для свободного прохождения воздуха через нос или через рот. В зависимости от этого последнего обстоятельства смычнопроходные подразделяются на носовые ([м], [н]) и ртовые, иначе боковые ([л]).

Например, при произношении [м] в полости рта образуется такое же препятствие, как для [б]: нижняя губа смыкается с верхней; однако благодаря опущенному положению нёбной занавески, несмотря на смыкание, воздух проходит через нос. При произношении [н] в полости рта образуется такое же препятствие, как для [д]: кончик языка смыкается с верхними резцами; однако и в этом случае благодаря опущенному положению нёбной занавески, несмотря на смыкание, воздух проходит через нос.

Характерное качество носовых объясняется тем, что воздух, находящийся в полости носа, под влиянием звуковой волны, т. е. голоса, идущего из гортани, приводится в ритмические колебания, иными словами тем, что полость носа служит резонатором наряду с полостью рта. Другая причина характерного качества носовых, связанная с только что разъясненной, заключается в том, что, так как часть воздуха при их произношении выходит через нос, то воздушная струя, подходящая к препятствию в полости рта, оказывается слабой, ввиду чего при размыкании затвора шум образуется очень слабый.

При произношении смычно-проходного ртового согласного [л] в полости рта образуется препятствие, близкое к тому, которое образуется для [д]: кончик языка смыкается с верхними резцами и альвеолами посередине; однако бока языка (или один бок) бывают опущены, давая доступ для свободного прохождения воздуха, несмотря на наличие смыкания. Проходящий по широким боковым проходам воздух образует слабый шум трением. Звуки типа [л] называются также боковыми и латеральными (от латинского latus — *сторона*).

Своеобразными по способу образования сонорными согласными являются дрожащие, иначе вибранты. В русском языке к ним относятся [р] и [р']. При образовании русского [р] кончик языка, слегка загнутый и поднятый к альвеолам, благодаря прохождению воздушной струи вибрирует, дрожит, т. е. последовательно ритмически то смыкается с альвеолами (или несколько выше в начале зубной части нёба), то размыкается; в результате этого образуется характерный шум дрожащих. Количество ударов кончика языка, т. е. последовательных смыканий и размыканий, в разных положениях (например, между гласными, на конце слова) бывает неодинаково (см. ниже).

§ 54. Отсутствие или наличие палатализации (твердость-мягкость)

В русском языке многие согласные отличаются друг от друга тем, что обычно называется мягкостью и твердостью и обусловлено наличием или отсутствием палатализации. Палатализация (от латинского palatum — *твердое нёбо*) является результатом присоединения к основной артикуляции того или иного согласного дополнительной артикуляции, заключающейся в поднятии средней части спинки языка к твердому нёбу. Эта дополнительная артикуляция приближается к артикуляции гласного [и], ввиду чего палатализованные согласные (мягкие) имеют [и]-обра́зную окраску, в отличие от непалатализованных (твердых), имеющих [ы]-обра́зную, точнее [ъ]-обра́зную окраску: ср. [с'] и [с], [т'] и [т] и т. д.

Палатализованные согласные, т. е. образуемые с описанной дополнительной артикуляцией, называются м я г к и м и, в отличие от непалатализованных, называемых т в е р д ы м и.

Описанная дополнительная артикуляция — поднятие средней части спинки языка, присоединяясь к основной артикуляции соответствующего твердого согласного, изменяет ее в той или иной степени. Так, например, при присоединении к артикуляции согласных [т] и [д] этой дополнительной [и]-обра́зной артикуляции увеличивается площадь смыкания языка: язык своим кончиком и передней частью спинки смыкается не только с верхними зубами, но также с альвеолами и передней, зубной частью твердого нёба, причем кончик языка несколько опускается. Ср. артикуляцию [т], [д] и [т'], [д'].

Присоединение дополнительной [и]-обра́зной артикуляции к основной артикуляции заднеязычных также значительно расширяет зону соприкосновения или сближения спинки языка с нёбом: артикуляция мягких заднеязычных становится менее глубокой, чем у соответствующих твердых, но отличается не только этим, а прежде всего значительным расширением зоны артикулирующей части спинки языка вперед — в области средней части спинки языка.

Твердые губные имеют ту же вокальную окраску, что и другие твердые, т. е. [ъ]-обра́зную. Это объясняется тем, что при образовании твердых губных язык обычно занимает положение, близкое к положению, нужному для образования звука [ъ]. При образовании же мягких губных средняя часть спинки языка приближается к твердому нёбу, т. е. имеет место артикуляция, близкая к артикуляции гласного [и]. Ср. артикуляции [п], [б], [м] и [п'], [б'], [м'].

Следует обратить внимание на существенное различие в образовании мягких язычных и губных согласных. Дополнитель-

ная [и]-образная артикуляция, образующая мягкость, видоизменяет основную артикуляцию язычных согласных, так как и сама является язычной. Таким образом, дополнительная и основная артикуляция сливаются в одну артикуляцию (видоизмененную по сравнению с артикуляцией соответствующего твердого согласного). В противоположность этому мягкие губные образуются лишь путем синхронизации двух отдельных артикуляций: дополнительной — язычной и основной — губной.

Это различие в образовании мягкости язычных и губных согласных имеет большое значение в истории славянских языков, в том числе русского. Нарушение синхронизации ведет, например, к произношению [мj'от] *(мёд)*, [пjät'] *(пять)* и др.

Вообще палатализоваться, т. е. приобретать дополнительную среднеязычную [и]-образную артикуляцию, в принципе могут все согласные, кроме тех, для которых среднеязычная артикуляция является основной. Именно поэтому [j] не может палатализоваться: необходимое для образования [j] поднятие средней части спинки языка к твердому нёбу является не дополнительной артикуляцией, присоединяемой к другой, основной, а единственной и тем самым основной артикуляцией: если мы устраним имеющееся при произнесении [j] поднятие средней части спинки языка, то никакого согласного уже не образуется. Ср. при других согласных: например, если устранить поднятие средней части спинки языка при [т'], [д'], то получится [т], [д]. Таким образом, та работа органов речи, которая при образовании других мягких согласных является дополнительной, различающей артикуляции соответствующего твердого и мягкого согласного, при образовании [j] является основной артикуляцией. Иными словами, звук [j] является палатальным (т. е. твердонёбным), но не палатализованным.

Примечание. С точки зрения общей фонетики распространенные в фонетике русского языка термины „твердый" и „мягкий" в применении к согласным не являются точными, так как они не позволяют отличить палатализованные согласные от палатальных; точнее было бы вместо них употреблять термины „несмягченные" и „смягченные". Однако при описании системы согласных русского языка термины „твердый" и „мягкий" в применении к согласным удобны и потому широко употребительны.

Описанная выше классификация согласных представлена в таблице на стр. 145.

В круглых скобках в ней показаны согласные, не являющиеся самостоятельными фонемами и служащие только вариантами других фонем.

Согласный [γ], кроме того, что служит вариантом фонемы [х], является также факультативной фонемой, которая может употребляться в отдельных словах церковного происхождения *(благо, богатый* и др.*)*.

В таблицу не включен фарингальный согласный [h], который в качестве фонемы может употребляться в некоторых словах эмоционального значения, по преимуществу междометиях (например, *ага! ого!*).

			Губные				Язычные							
							переднеязычные				Средне-язычные	Задне-язычные		
			губно-губные		губно-зубные		зубные		нёбно-зубные		средне-нёбные	задне-нёбные		
			тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.		тв.	мяг.	
Шумные	смычные	гл.	п	п'			т	т'				к	(к')	
		зв.	б	б'			д	д'				г	(г')	
	аффрикаты	гл.					ц		(ч)	ч'				
		зв.					(ʒ)		(ǯ)	(ǯ')				
	щелевые	гл.			ф	ф'	с	с'	ш	ш':		х	(х')	
		зв.			в	в'	з	з'	ж	ж':		(ɣ)		
		зв.									j			
Сонорные	смычнопроходные носовые	гл.	(м)				(н)	(н')						
		зв.	м	м'			н	н'						
	смычнопроходные боковые	гл.					(л)	(л')						
		зв.					л	л'						
	дрожащие	гл.							(р)	(р')				
		зв.							р	р'				

ОБРАЗОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 55. Губные

При образовании губно-губных нижняя губа, артикулируя по отношению к верхней губе, смыкается с последней, образуя полный затвор.

При произнесении шумных губно-губных, являющихся смычными, сильная струя воздуха разрывает образуемый губами затвор, благодаря чему получается характерный шум. Этот шум, не сопровождаемый голосом, образует звуки [п] и [п']; тот же шум, но несколько ослабленный, при сопровождении голоса образует звуки [б] и [б']. Некоторая ослабленность

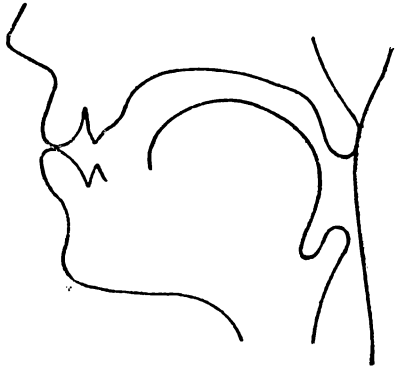

Рис. 11. Согласные [п], [б]

Рис. 12. Согласные [п'], [б']

шума объясняется тем, что при звонких согласных голосовая щель бывает в той или иной степени сужена.

При произношении сонорных губно-губных, являющихся смычнопроходными носовыми ([м] и [м']), затвор образуется такой же, как для [п], [б] или [п'], [б']. Однако есть существенная разница: нёбная занавеска бывает опущена, ввиду чего воздушная струя проходит через полость носа, а в момент размыкания затвора также и через рот. Характерная носовая окраска носового согласного зависит от того, что резонатором служит не только полость рта, но также и полость носа. Слабость шума при [м], [м'] объясняется не только тем, что голосовая щель, как при всяком вокализованном звуке, бывает сужена, но также и тем, что значительная часть воздуха проходит через нос и препятствие между губами размыкается слабой воздушной струей.

Смычнопроходные [м] и [м'] могут произноситься и без размыкания затвора, без взрыва. Это объясняется тем, что, не-

смотря на наличие затвора, звучащая воздушная струя выходит через полость носа, ввиду чего эти звуки могут протягиваться. Однако в полной мере оформляются эти звуки при размыкании затвора. Сказанное можно проверить, протягивая более или менее продолжительно звук [м], а затем заканчивая его произношение путем размыкания затвора. Губно-губные смычнопроходные (без взрыва, т. е. размыкания губ) нередко произносятся на конце слова, например, в словах [сам], [сом], [дам], [дом], [лом], [кум]. (Отсутствие взрыва при произношении звука [м] на конце слова каждый может легко проверить на себе и окружающих.) Смычнопроходное [м] произносится без взрыва и при его сочетании с последующим [б] или [п], например, в словах *бомба, дамба, тромбон, Тамбов, помпа, тампон*

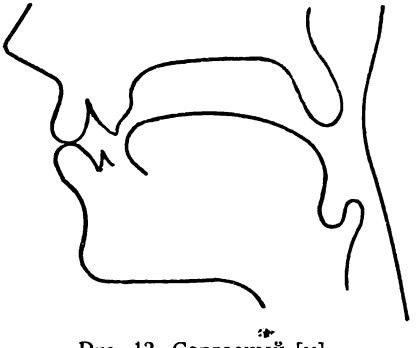

Рис. 13. Согласный [м]

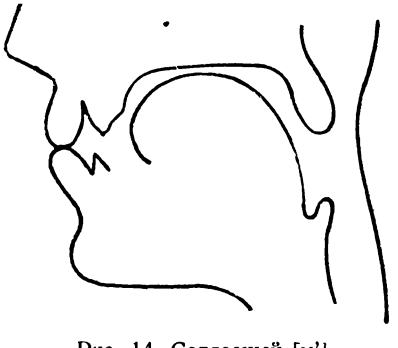

Рис. 14. Согласный [м']

и др., так как взрыв, размыкание губ в этих и подобных случаях имеет место при произношении согласного [б] или [п], которые по месту образования шума не отличаются от [м].

Таким образом, [п], [б], [м], а также [п'], [б'], [м'] по месту образования шума и его характеру одинаковы, но шум этот при шумном глухом сильный, при шумном звонком — несколько слабее, а при сонорном смычнопроходном очень слаб. Согласный [п] отличается от [б] и [м] отсутствием голоса. Согласный [б] отличается от [м] положением нёбной занавески, поднятой и прижатой к стенке нёба при [б] и опущенной, открывающей доступ в полость носа при [м]. Согласный же [п] отличается от [м] одновременно как отсутствием вокализации, так и положением нёбной занавески: при [п] голоса нет, нёбная занавеска приподнята, при [м] имеется голос, нёбная занавеска опущена.

Из сказанного следует, что если, произнося [б], опустить нёбную занавеску, то получится [м]; и, наоборот, если, произнося [м], поднять нёбную занавеску, получится [б].

Мягкие губно-губные образуются при дополнительной [и]-образной артикуляции языка, с которой связано бывает обычно и некоторое растяжение губ. Этим отличается произношение мягких [п'], [б'], [м'] от произношения твердых [п], [б], [м]. При последних, как и при других твердых, уклад языка бывает [ъ]-образный.

Губно-зубные [в], [ф], [в'], [ф'] являются фрикативными. При их образовании нижняя губа артикулирует по отношению к верхним зубам, образуя узкую щель (и даже слегка соприкасаясь

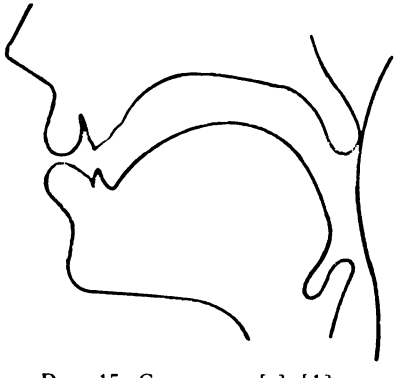

Рис. 15. Согласные [в], [ф]

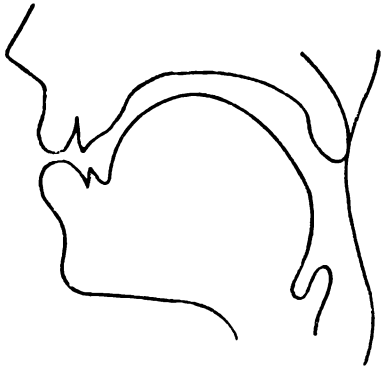

Рис. 16. Согласные [в'], [ф']

с ними). Воздушная струя трется о нижний край верхних зубов, откуда она направляется нижней губой против внутренней поверхности верхней губы, где образуется специфический сильный шум. Описанные шумы образуют глухие согласные [ф] и [ф']; при сопровождении этих шумов голосом образуются звонкие согласные [в] и [в'].

Мягкие губно-зубные [в'], [ф'] образуются при дополнительной [и]-образной артикуляции, чем они отличаются от твердых, при которых уклад языка бывает [ъ]-образный.

§ 56. Переднеязычные

Зубные. При образовании переднеязычных зубных смычных [т], [д] самая передняя часть спинки языка, примыкающая к его кончику, смыкается с верхними зубами и нижним краем альвеол, кончик языка может быть несколько опущен к нижним зубам. Русские [т], [д] являются дорсальными (от латинского *dorsum*— спина), так как образуются собственно спинкой языка, в отличие от апикальных (от латинского *apex* — кончик), образуемых кончиком языка (характерных, например, для английского языка).

Сильная воздушная струя разрывает затвор между самой передней частью спинки языка и верхними зубами (с нижним краем альвеол), благодаря чему получается характерный шум. Шум этот, не сопровождаемый голосом, образует глухие согласные [т] и [т']. Тот же шум, но несколько ослабленный и сопровождаемый голосом, образует звонкие согласные [д] и [д']. Некоторая ослабленность шума объясняется тем, что при произношении звонких согласных голосовая щель бывает в той или иной степени сужена.

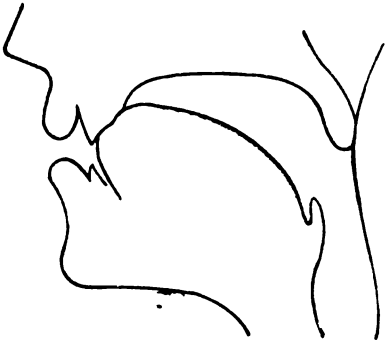

Рис. 17. Согласные [т], [д]

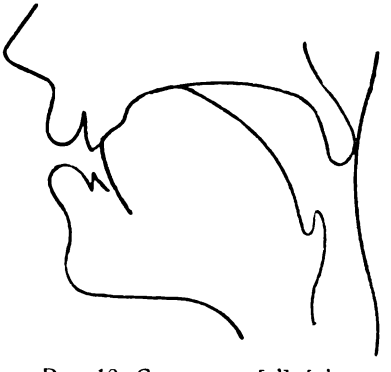

Рис. 18. Согласные [т'], [д']

Глухая зубная аффриката [ц] образуется путем смыкания передней части спинки языка, примыкающей к его кончику, с верхними зубами и альвеолами и последующего перехода этого смыкания в щель, после чего язык принимает исходное положение. Аффриката является звуком мгновенным, ее нельзя протягивать. Ср. аффрикату [ц] и сочетание [тс], которое произносится как [цс], где второй согласный, как фрикативный, может быть продлен.

При произношении сонорных смычнопроходных [н] и [н'], являющихся носовыми, затвор образуется такой же, как и при [т], [д] или [т'], [д']. Однако имеется существенное различие: нёбная занавеска при произношении носовых бывает опущена. В связи с этим воздушная струя проходит через полость носа, а в момент размыкания затвора и через рот. Характерная окраска носового согласного зависит от того, что резонатором служит не только полость рта, но также и полость носа. Слабость шума при [н], [н'] объясняется так же, как и при [м], [м']: при произношении [н], [н'], как образующихся с голосом, голосовая щель бывает сужена, что ослабляет воздушную струю; кроме того, значительная часть выдыхаемого воздуха проходит

через нос и потому затвор между передней частью спинки языка и верхними зубами размыкается слабой воздушной струей.

Смычнопроходные [н] и [н'], в отличие от смычных (например, [д]), могут произноситься и без размыкания затвора, без взрыва. Это связано с тем, что при их произношении нёбная

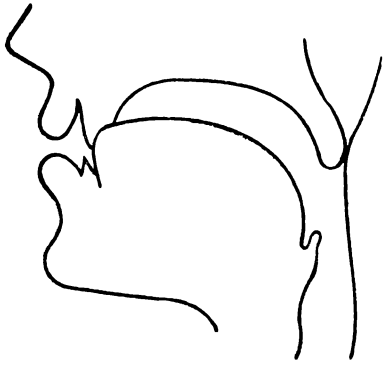

Рис. 19. Согласный [д]

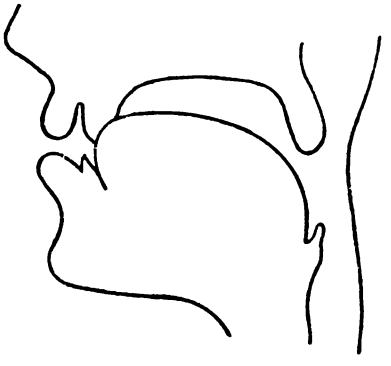

Рис. 20. Согласный [н]

занавеска опущена и воздух проходит через полость носа, ввиду чего носовые согласные, несмотря на наличие затвора в полости рта, могут протягиваться. Однако в полной мере оформляется качество [н], [н'] при размыкании затвора. (Сказанное можно проверить, протягивая более или менее продолжительно звук [н], а затем заканчивая его произношение путем размыкания затвора.) Без размыкания затвора, без взрыва смычнопроходные [н], [н'] могут произноситься на конце слова: [сон], [сан], [кон], [л'·он], [сын], [д'ên'], [п'ên'], [л'ên']. Смычнопроходные [н], [н'] без взрыва произносятся и при их сочетании с последующим [т], [д] или [т'], [д'], например, в словах [л'éнтъ], [бáндъ], [бá·н'т'ик], [блн'д'ít]. Это объясняется тем, что [н] и [т], [д], а также [н'] и [т'], [д'] по месту образования затвора не отличаются друг от друга; отличие в их образовании касается лишь положения нёбной занавески — опущенной при [н], [н'] и, напротив, поднятой при [т], [д], [т'], [д']. Поэтому при произношении сочетания [нд] и других смыкание производится для [н], а размыкание для [д], переход от [н] к [д] происходит путем поднятия нёбной занавески, закрывающей доступ воздуха в полость носа.

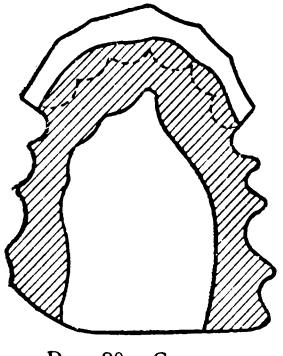

Рис. 20а. Согласные [т,] [д], [н]

Мягкие [т], [д], [н] образуются путем дополнительной [и]-обра́зной артикуляции — поднятия средней части спинки языка к твердому нёбу. Благодаря этой дополнительной артикуляции увеличивается площадь смыкания передней части языка: последняя смыкается не только с верхними зубами и альвеолами, но также несколько захватывает примыкающую к альвеолам зубную часть твердого нёба. Этой дополнительной артикуляцией мягкие [т], [д], [н] отличаются от соответствующих твердых.

Весьма своеобразно образование сонорных смычнопроходных боковых согласных [л] и [л']. При образовании [л] кончик языка смыкается с верхними зубами, захватывая также альвеолы, т. е. приблизительно так, как при [д] и [т]; однако существенным отличием артикуляции [л] сравнительно с [д] и [т] является то, что бока языка (или один бок) бывают опущены, т. е. отделяются от боковых зубов и десен, образуя таким образом щели („коридоры"), по которым проходит звучащая воздушная струя. Благодаря этой особенности, несмотря на наличие смыкания, воздух все же свободно проходит наружу.

Наблюдения показывают, что место примыкания кончика языка при произношении [л] для получения соответствующего шума оказывается мало существенным. В этом можно убедиться, если произносить [л], смыкая кончик языка с разными пунктами полости рта (верхними зубами, альвеолами, зубной частью нёба) и даже высунув язык изо рта. Характерный шум для [л] представляет собой, как и при гласных, собственный шум резонирующей полости рта. Именно поэтому некоторые фонетисты с известным основанием относят звуки типа [л] к щелевым (акад. Л. В. Щерба).

Размыкание затвора при [л], как и других смычнопроходных, не является абсолютно необходимым: в определенных условиях звук [л] может произноситься и без размыкания, без взрыва. Такое произношение возможно, например, на конце слова: [мол], [мал], [дал], [с'ил]; то же относится и к [л']: [м'ӗл'], [то·л']. Без взрыва произносится [л] перед [д], [т], а также [н]: [бʌлда́], [бʌлта́·т'], [во́лны]. Переход от [л] к [д] достигается лишь поднятием боков языка (или одного бока) и ликвидации боковых щелей при сохранении затвора, который размыкается лишь при произношении [д]. То же можно сказать о произношении сочетаний [лт] (с учетом выключения голоса при переходе к [т]) и [лн] (с учетом включения полости носа как резонатора при переходе к [н]).

Все это подтверждает высказанное выше положение о том, что при образовании [л] весьма важную роль играет выдыхание звучащей воздушной струи через боковые щели, а взрыв препятствия имеет дополнительное, менее существенное значение. Это можно проверить еще одним наблюдением: плотно сомкните губы,

зажмите нос и попробуйте произносить [д] и [л]; при этом окажется, что [д] произнести в какой-то мере можно, а [л] — нет, так как нет прохода для воздуха.

Своеобразно образование твердого и мягкого [л] сравнительно с другими парами твердых и мягких согласных. При русском твердом [л] в связи с поднятием кончика языка к верхним зубам и альвеолам средняя часть оказывается опущенной, однако задняя часть ее активна — она несколько поднята к мягкому нёбу. Это придает спинке языка седлообразный профиль. Таким образом, при образовании [л] налицо дополнительная артикуляция языка, близкая к артикуляции [о] или открытого [у]. Именно это придает ему своеобразное качество, особенную твердость сравнительно с так называемым „средним", или „европейским", [l]. Поэтому

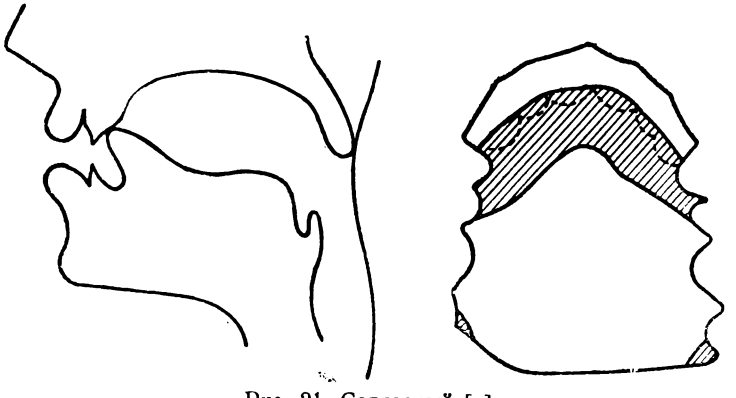

Рис. 21. Согласный [л]

русское твердое [л] называют также велярным (от латинского *velum* — мягкое нёбо). Благодаря наличию большой резонирующей полости собственный шум [л] понижается, чему способствует также уменьшение губного отверстия.

При произношении мягкого [л'] задняя часть спинки языка опущена. Затвор, образуемый кончиком языка по отношению к верхним зубам и альвеолам, осложнен, как и у других мягких, дополнительной [и]-обра́зной артикуляцией, увеличивающей зону смыкания языка за счет передней части спинки языка и твердого нёба. Уменьшение резонирующей полости рта в передней ее части создает высокий собственный шум, характерный для мягких согласных по сравнению с соответствующими твердыми.

При образовании шумных зубных щелевых согласных [с] и [з] края передней части спинки языка поднимаются к верхним зубам и альвеолам так, что по бокам они прижаты к зубам, а посередине остается узкая щель; шум образуется главным

образом от разбивания струи воздуха о край передних нижних зубов. Таким образом, для произношения [с] и [з] нужна твердая стенка передних верхних зубов, с которыми сближается язык, и твердый край передних нижних зубов, о который разбивается воздушная струя. При отсутствии этих условий (например,

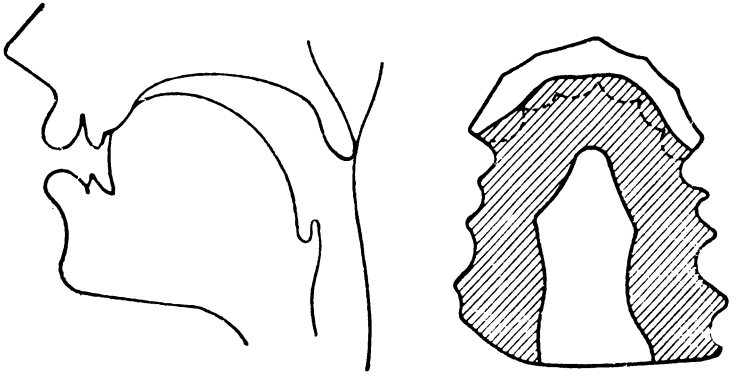

Рис. 22. Согласный [л']

в случае потери передних зубов) артикуляция согласных [с] и [з] затрудняется.

При наличии только одного шума образуется глухой согласный [с], при сопровождении этого шума голосом образуется

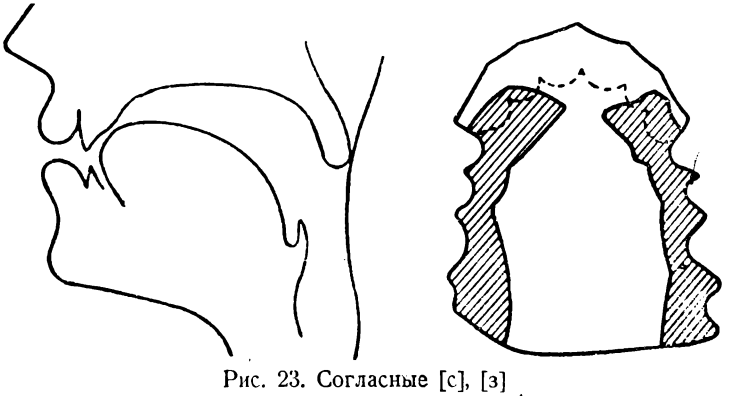

Рис. 23. Согласные [с], [з]

звонкий согласный [з]. При образовании [з], как и других звонких согласных, шум бывает несколько ослаблен сравнительно с шумом при произношении глухих согласных (объяснение см. выше).

При образовании [с'], [з'] артикуляция [с], [з] осложняется дополнительной [и]-образной артикуляцией, благодаря которой

расширяется назад зона сближения спинки языка, распространяясь на начало твердого нёба. Это создает высокий собственный шум, свойственный мягким согласным.

Нёбно-зубные. При образовании нёбно-зубной глухой аффрикаты [ч'] передняя часть спинки языка смыкается с альвеолами и примыкающей к ним зубной частью твердого нёба, а затем несколько отходит, образуя щель. Шум является результатом размыкания затвора, переходящего в щель. Мягкость аффрикаты [ч'] обусловлена поднятием средней части спинки языка.

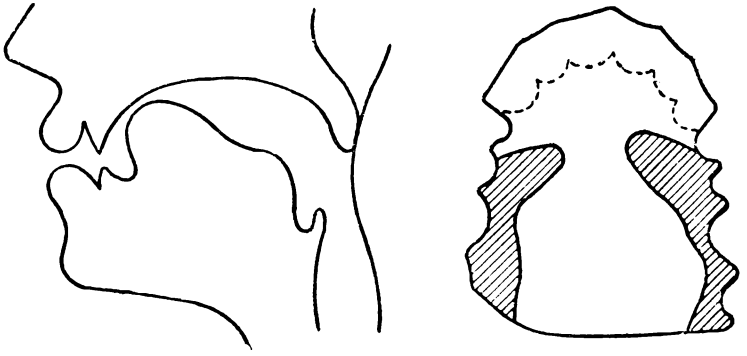

Рис. 24. Согласные [ш], [ж]

Нёбно-зубные щелевые [ш] и [ж] образуются следующим образом: кончик поднимается и заворачивается немного назад, образуя щель с альвеолами и началом зубной части нёба, при этом одновременно может подниматься к мягкому нёбу также задняя часть спинки языка, образуя таким образом впереди впадину (образуется седлообразный профиль спинки языка). Таким образом, получается двухфокусная артикуляция — два сужения (впереди и в задней части полости рта), являющиеся источником образования шумов. Задний фокус дает некоторый (хотя и слабый) [х]-обра́зный шум. В этом можно убедиться, если, произнося [ш], опустить кончик языка, не меняя положения задней части языка. Описанный шум без сопровождения голосом образует звук [ш], а при сопровождении голосом звук [ж]. В последнем случае шумы бывают несколько ослаблены в связи с тем, что голосовая щель бывает в той или иной мере сужена.

При образовании мягких долгих щелевых согласных [ш':] и [ж':] передняя часть спинки языка по бокам примыкает к зубам, оставляя в середине щель, кончик языка образует щель у альвеол, спинка языка поднята, образуя некоторое углубление лишь вначале, позади щели у альвеол. Образуемый при описанной артикуляции шум от трения без сопровождения голоса образует

согласный [ш':], а с сопровождением голоса (будучи несколько ослаблен) — согласный [ж':].

При образовании сонорных дрожащих [р] и [р'] кончик языка слегка загибается, поднимаясь к альвеолам (и, возможно, также к зубной части твердого нёба), и вибрирует (дрожит), последовательно, ритмично смыкаясь и размыкаясь с альвеолами, в результате чего образуется характерный шум. Количество ударов кончика языка, т. е. последовательных смыканий и размыканий, в разных положениях бывает неодинаково. Акад. Л. В. Щерба указывает, что русское [р] в начале слова, перед согласным и

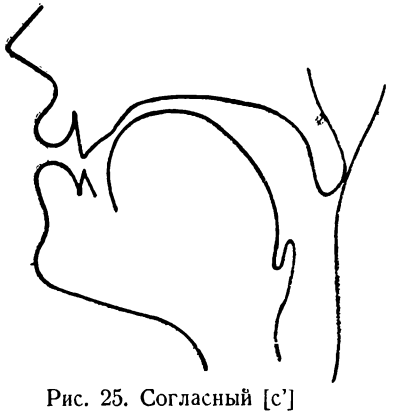

Рис. 25. Согласный [с']

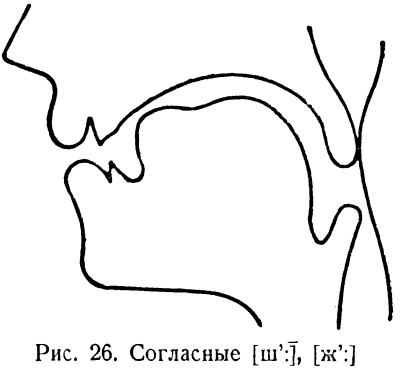

Рис. 26. Согласные [ш':], [ж':]

после согласного обычно имеет одну-две вибрации, между гласными — одну вибрацию и лишь на конце слова, может иметь 3—4 вибрации[1]. Следует отметить, что при [р] образуются шумы заметно более сильные, чем при других сонорных, причем эти шумы носят [ш]-обра́зный характер. Это можно заметить, если протягивать без голоса звук [р] (ср. рис. 27 с рис. 24).

Мягкое [р] образуется при помощи дополнительной [и]-обра́зной артикуляции — поднятия средней части спинки языка. Это дополнительная артикуляция видоизменяет и основную — кончик языка не поднимается так, как при твердом [р]: он вибрирует у начала альвеол, а примыкающая к кончику языка часть спинки языка образует сужение по отношению к альвеолам и зубной части твердого нёба.

§ 57. Среднеязычные

К среднеязычным относится щелевой сонорный согласный [j], который образуется путем поднятия средней части спинки языка к твердому нёбу и трения воздуха о края образуемой щели.

[1] См. Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, изд. 2-е, 1939, стр. 71.

Среднеязычный согласный [j], который в русском алфавите не имеет для своего обозначения особой буквы, произносится, например, в словах *я, ем, ёж, юг, съел, вьюн, стою, моя* ([j·а], [jел], [j·ош], [j·ук], [с'jел], [в'j·ун], [стʌj·у́], [мʌj·а́]).

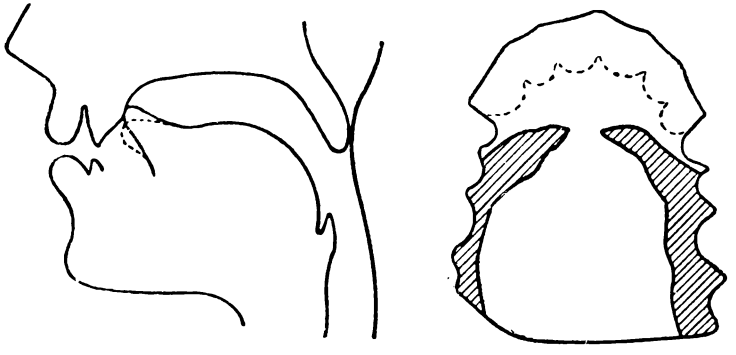

Рис. 27. Согласный [р]

Звук [j] по своему образованию близок к образованию гласного [и]. При образовании обоих этих звуков средняя часть спинки языка высоко поднимается к нёбу. Однако при образовании [j] она поднимается несколько выше, чем при [и]; щель

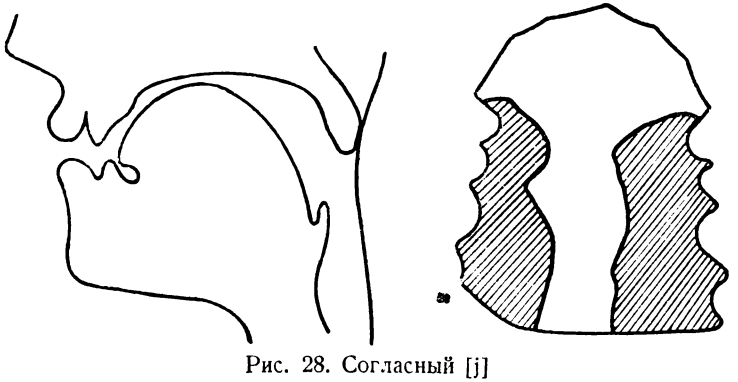

Рис. 28. Согласный [j]

между языком и твердым нёбом становится у́же, в связи с чем — энергичнее трение и сильнее шум. Однако [j] известен лишь в неслоговом употреблении, как это обычно свойственно и другим согласным русского языка.

В русском языке имеется также гласный звук [i̯] („[и] неслоговое"), близкий по своему образованию и употреблению к со-

гласному [j]. Звук [i̯] отличается от [и] только неслоговостью. Ср. [з'м'ê'и] и [з'м'êi̯], [во'ин] и [во·i̯н], [слра́и] и [слра́·i̯].

Звук [j] („йот") и [i̯] („[и] неслоговое") по своему образованию отличаются друг от друга тем же, чем отличается [j] от [и]: при [i̯] язык поднят так же, как при [и], т. е. несколько ниже, чем при [j], в связи с чем щель между языком и твердым нёбом шире; поэтому трение слабее, и шум почти не воспринимается на слух. Ср. [млj·á] и [ма́·i̯ъ], [свлj·á] и [сва́·i̯ъ], [млj·у́] и [мо́·i̯у] или [мо·i̯].

Звуки [j] и [i̯] в русском языке являются разновидностями одной фонемы, о чем см. ниже § 71.

§ 58. Заднеязычные

При образовании заднеязычных задняя часть спинки языка артикулирует к мягкому нёбу, остальная часть языка образует постепенно опущение, а кончик языка лежит за нижними зубами и может даже их касаться. При произношении заднеязычных

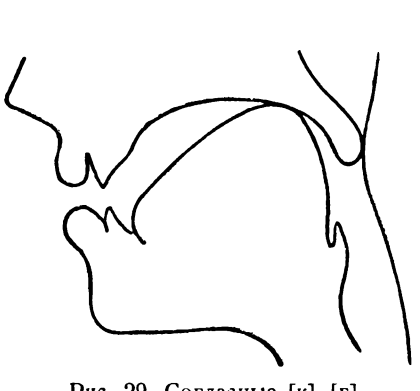

Рис. 29. Согласные [к], [г]

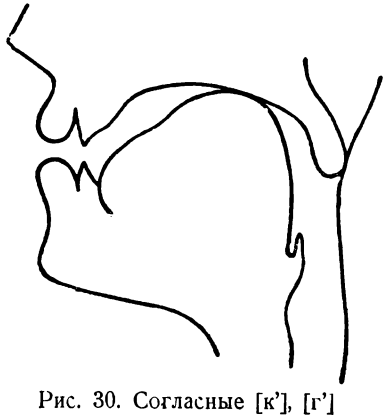

Рис. 30. Согласные [к'], [г']

смычных ([к] и [г]) задняя часть спинки языка смыкается с мягким нёбом, и шум образуется в результате размыкания, взрыва сомкнутых органов речи. Этот шум без сопровождения голоса образует глухой согласный [к], тот же шум (но несколько ослабленный) при сопровождении голосом образует звонкий [г].

При образовании заднеязычного фрикативного глухого [х] задняя часть спинки языка, поднимаясь по направлению к мягкому нёбу, приближается к нему, образуя щель; шумы образуются благодаря трению воздуха о края этой щели.

Тот же шум в сопровождении голоса характеризует звук [γ], который в русском языке как самостоятельная фонема может

употребляться (в произношении, которое можно считать устарелым) лишь в отдельных словах [бла́ъ], [блъɣлда́·т'] [ɣо́спъд'и] и некоторых других и притом лишь факультативно при обычном [г]. Звук [ɣ] наряду с обычным [г] известен еще (также в устарелом произношении) перед [д], в наречиях на -ɣда ([тлɣда́], [клɣда́]) и др.

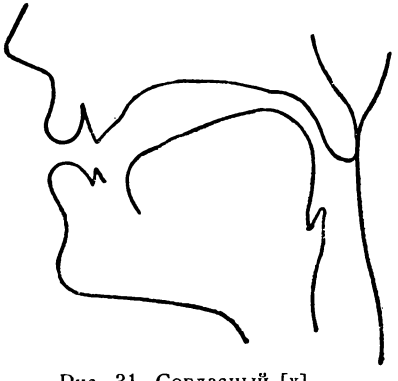

Рис. 31. Согласный [х]

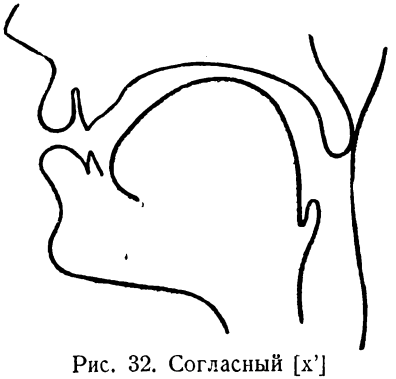

Рис. 32. Согласный [х']

Заднеязычные согласные известны в русском языке и в мягком виде, т. е. осложненные дополнительной [и]-обра́зной артикуляцией ([к'], [г'], [х']). Эта дополнительная артикуляция увеличивает зону смыкания или сближения спинки языка с нёбом впереди в области средней части спинки языка и твердого нёба, вместе с тем делая всю артикуляцию несколько менее глубокой.

Однако мягкие заднеязычные по отношению к соответствующим твердым не являются в такой мере самостоятельными, как другие мягкие согласные, имеющие твердые парные и давно ставшие по отношению к последним самостоятельными фонемами. Они являются лишь вариантами твердых заднеязычных (об этом см. ниже).

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 59. Общие сведения о системе согласных

Система согласных русского языка характеризуется наличием двух рядов фонем, в одном из которых они группируются по признаку глухости-звонкости, в другом — по признаку твердости-мягкости. Каждый из этих рядов по отношению к входящим в его состав фонемам является рядом соотносительным, так как он объединяет пары фонем, различающиеся по глухости-звонкости в одном ряду и по твердости-мягкости — в другом. Соотносительность согласных в пределах того или другого ряда определяется тем, что признаки, по которым в нем объединились фонемы, различаются в одних фонетических условиях и, напротив, не различаются (нейтрализуются) в других. Это приводит к параллелизму в различаемости или неразличаемости (в определенных фонетических условиях) каждой из пар фонем, входящих в данный ряд. В этом параллелизме и заключается сущность соотносительности.

Так, например, в соотносительном ряду глухих-звонких согласных фонемы [п] и [б] различаются в тех самых условиях, в которых различаются и другие пары глухих-звонких. Ср., например, перед [а]: [па́ръ] — [ба́ръ] и рядом [та́ръ] — [да́ръ], [ка́ръ] — [злга́ръ], [ша́ръ] — [жа́ръ], [фа́ръ] — [ва́ръ] и др. В том же ряду фонемы [п] и [б] не различаются в тех самых условиях, в которых не различаются и другие пары глухих-звонких согласных. Так, например, на конце слова пара [п] — [б] не различается, и на ее месте может произноситься только глухой звук [п], причем в этом положении не различаются и другие пары глухих-звонких согласных и на месте каждой пары звучит соответствующий глухой звук. Ср., например, [сноп] (в соответствии с [снлпа́] и [сно́бъ]) и рядом [рот] (в соответствии с [рта] и [ро́дъ]), [кос] (в соответствии с [клса́] и [клза́]), [лук] (в соответствии с [лу́къ] и [лу́гъ]), [п'ат'] (в соответствии

с [п'ăд'и] и [п'и^{e}т'й]) и т. д. Таким образом, создаются отношения, которые можно выразить пропорцией: [п]: [б]=[п']: [б']=[т]:[д]=[т']:[д']=[с]:[з]=[с']:[з'] и т. д.

Сказанное относится и к соотносительному ряду твердых-мягких согласных фонем.

Если в определенном фонетическом положении различается одна из пар твердых-мягких согласных фонем, то в этом положении различаются и другие пары (если не все, то во всяком случае часть). Например, перед [а] различается [п] и [п']: ср. [па́·л'цы] и [п'ăл'цы]; то же можно сказать и о других парах этого ряда. Ср. [губа́] и [губ'·а́], [вал] и [в'·ал], [грʌфа́] и [грʌф'·а́], [ста́нут] и [с'т'·а́нут], [с'л'и^{e}да́] и [с'л'и^{e}д'·а́], [клса́] и [клс'·а́], [взат] (*взад*) и [вз'·ат], [плра́] и [плр'·а́], [гла́·д'ъ] и [гл'ăд'ъ], [тʌма́] и [тʌм'·а́], [бърʌна́] и [бърʌн'·а́]. И, напротив, если в данном фонетическом положении не различается одна из пар твердых-мягких согласных и на ее месте произносится только мягкая или только твердая согласная, то обычно то же имеет место и по отношению к другим парам твердых-мягких согласных (хотя бы к части их). Так, например, перед гласной фонемой [е] не различаются твердые-мягкие согласные, и на месте каждой такой пары звучит соответствующий мягкий звук. Ср. [п'ила́] и [з'и^{e}мл'·а́], но [п'ил'е́], [з'и^{e}мл'е́]; ср. также [влд'е́] (при [влда́]), [вʌлн'е́] (при [вʌлна́]), [плʌт'е́] (при [плот], [плʌта́]) и т. д. Или, например, перед [в'] также не различаются твердые-мягкие пары, образуемые зубными смычными и щелевыми, причем на месте каждой такой пары (в результате ассимиляции перед мягкими согласными) звучит соответствующий мягкий согласный: ср. [з'в'ĕр'] и рядом [с'в'ĕр'], [т'в'ĕр'], [д'в'ĕр']. Таким образом, создаются отношения: [п]: [п']=[б]: [б']=[т]: [т']=[д]: [д']=[с]: [с'] и т. д.

Одни согласные входят в пары как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости, другие только по глухости-звонкости, третьи — только по твердости-мягкости и лишь несколько фонем не входит ни в какие пары и в этом смысле являются одиночными. Например, фонема [т] входит в оба ряда соотносительных фонем (ср. пары [т] — [д], [т'] — [д'], с одной стороны, и [т] — [т'], [д] — [д'], с другой); фонема [ш] входит в пару только по глухости-звонкости (ср. пару [ш] — [ж]), так как соответствующих мягких согласных фонем в русском языке нет; напротив, фонема [н] входит в пару только по твердости-мягкости (ср. [н] — [н']), так как соответствующих глухих фонем в русском языке нет; фонема же [ч'] глухая и мягкая не входит в пары ни по глухости-звонкости (так как в русском языке нет соответствующей звонкой фонемы [д͡ж'], иначе [ǯ']), ни по твердости-мягкости (так как в русском языке нет и соответствующей твердой фонемы — [ч], иначе [т͡ш]).

Для каждого из рядов соотносительных согласных имеются сильные позиции, в которых различаются все согласные данного ряда. Имеются позиции, в которых различается глухость-звонкость согласных, на основе которой строится соответствующий соотносительный ряд согласных фонем; эти позиции являются сильными для глухости-звонкости. Имеются другие позиции, в которых различается твердость-мягкость согласных, на основе которой строится другой соотносительный ряд согласных фонем; эти позиции являются сильными для твердости-мягкости. Часть сильных позиций того и другого ряда совпадает, и тогда в этих позициях различаются согласные фонемы как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости, т. е. практически все согласные фонемы русского языка (так как согласные, не входящие ни в один из этих рядов, также обычно в этих позициях различаются).

Часть позиций, сильных по глухости-звонкости, оказывается слабой по твердости-мягкости. Ср., например, [нъ-плʌд'é] и [нъ-плʌт'é]: перед гласным [е] флексии, как и перед любым гласным, глухость-звонкость различается, однако твердость-мягкость перед этим гласным не различается — перед [е] могут произноситься только парные мягкие, но не твердые. Точно также часть позиций, сильная по твердости-мягкости, оказывается слабой по глухости-звонкости. Ср., например, [плот] и [плот'] — на конце слова твердость-мягкость различается, однако могут произноситься только парные глухие согласные, но не звонкие, т. е. глухость-звонкость согласных в этом положении не различается. Наконец, часть слабых позиций по глухости-звонкости и твердости-мягкости совпадает, в связи с чем в этих позициях не различается ни глухость-звонкость, ни твердость-мягкость. Ср., например, [з'д'ёс'], где перед звонким мягким зубным смычным ([д']) может произноситься зубной согласный только мягкий и одновременно только звонкий (т. е. [з']), но не может произноситься мягкий глухой (т. е. [с']), твердый звонкий (т. е. [з]), ни тем более твердый глухой (т. е. [с]).

Таким образом, различаются следующие типы позиций: сильные позиции как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости; сильные позиции по одному из этих признаков, но одновременно слабые по другому; слабые позиции по обоим этим признакам.

До анализа этих позиций, предусматривающих одновременно учет соотношений как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости, рассмотрим сильные и слабые позиции в пределах каждого из двух основных рядов согласных — соотносительного ряда глухих-звонких согласных фонем и соотносительного ряда твердых-мягких согласных фонем.

СООТНОСИТЕЛЬНЫЙ РЯД ГЛУХИХ И ЗВОНКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 60. Состав сильных согласных фонем в отношении глухости-звонкости

Соотносительный ряд глухих-звонких согласных фонем состоит из 22 фонем, образующих 11 пар, в каждую из которых входят фонемы, отличающиеся друг от друга отсутствием или наличием голоса и сходные по другим признакам. Эти пары следующие: [п]:[б] = [п'] : [б'] = [ф] : [в] = [ф'] : [в'] = [т]:[д] = [т']: [д'] = [с]:[з] = [с']: [з'] = [ш]: [ж] = [ш':]: [ж':] = [г]: [к]. Остальные 12 фонем сонорные [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'], [j] и шумные глухие [х], [ц], [ч'] соотносительных пар по глухости-звонкости не образуют. Фонемы [х], [ц], [ч'] являются внепарными глухими, так как соответствующие звонкие фонемы в русском языке отсутствуют. Остальные девять фонем, будучи сонорными, также являются по наличию или отсутствию голоса внепарными, так как соответствующие глухие как фонемы отсутствуют.

§ 61. Сильные по глухости-звонкости парные согласные фонемы

Сильной позицией для глухости-звонкости согласных является положение перед всеми гласными и перед сонорными согласными, а также перед [в] и [в']. В этих положениях глухость-звонкость согласных различается, она не обусловлена фонетическим положением, самостоятельна, т. е. в указанных положениях может произноситься как глухая согласная фонема, так и звонкая. Иными словами в этих положениях выступают сильные по глухости-звонкости фонемы.

Приведем примеры. Перед гласными: [сут] — [зут], [суп] — [зуп], [куст] — [густ], [пу́бл'икъ] — [бу́бл'икъ], [куп'и́т'] — [губ'и́т'], [туп] — [дуп]; [пот] — [бот], [том] — [дом], [кот] — [гот], [ко́лъс] — [го́лъс], [фон] — [вон], [ш':от] — [ж':от]; [сат] — [зат], [там] — [дам], [па́шн'ъ] — [ба́шн'ъ], [ка́т'ит] — [гʌт'ит]; [клса́] — [клза́], [плʌты́] — [плʌды́], [пыл] — [был], [сыпу́ч'ы̯] — [зыбу́ч'ы̯], [шы́тъ] — [жы́тъ]; [п'ит'] — [б'ит'], [с'ијан'иjъ] — [з'ијан'иjъ], [т'искът'] — [д'иск]; [п'ел] — [б'ел], [т'ен'] — [д'ен'], [т'ес'т'] — [д'ес'т'], [т'иерза́т'] — [д'иерза́т'], [п'е́гъjъ] — [б'е́гъjъ], [плк'ет] — [блг'е́т], [шэст] — [жэст], [тʌска́] — [дʌска́], [клра́] — [глра́], [тʌ́ит'] — [дʌ́ит'], [а́тъм] — [а́дъм] (тв. п. от *ад*), [п'иеку́] — [б'иегу́], [т'иела́] — [д'иела́], [т'иесна́] — [д'иесна́] (*Десна*).

Перед сонорными: [сло·j] — [зло·j], [с'л'ит'] — [з'л'ит'], [пла́нкъ] — [бла́нкъ], [клуп] — [глуп], [кл'и́нъ] — [гл'и́нъ], [кла́ткъ] —

[гла́ткъ], [пл'еск] — [бл'еск], [сна] — [знал], [сноп] — [лзно́п], [влс'м'й] — [влз'м'й], [н'ис'м'ê'і] — [з'м'êі], [б'иᵉспло́т͡нъі) — [б'иᵉспло́д͡нъі], [л'ê'т͡'н'ик] — [л'ê'д͡'н'ик], [кран] — [гран], [кро́мкъ] — [гро́мкъ], [круп] — [груп], [кр'ивъ] — [гр'ивъ], [икра́] — [игра́], [про·с'ит] — [бро́·с'ит], [пр'ê'іут] — [бр'ê'іут], [тр'êл'] — [др'êл'] *(ручное сверло)*, [пр'иᵉду́] — [бр'иᵉду́]; [п'j·у] — [б'j·у], [тр'иᵉп'j·а́] — [върлб'j·а́], [кллó·с'іъ] — [пллó·з'іъ].

Перед [в], [в']: [тво·і] — [удво́·і], [твлр'éц] — [двлр'éц], [т'в'êр'] — [д'в'êр']; [с'в'êр'] — [з'в'êр'].

§ 62. Слабые по глухости-звонкости парные согласные фонемы

Другие позиции по глухости-звонкости являются слабыми. В одних из этих позиций произносятся только глухие согласные (звонкие невозможны), в других — только звонкие (глухие невозможны). Иными словами в этих позициях произносятся согласные фонемы, слабые по глухости-звонкости, которые выступают (в зависимости от позиции) в своем глухом или звонком варианте.

Слабыми позициями для глухости-звонкости согласных являются: 1) положение на конце слова; 2) положение перед глухими согласными; 3) положение перед звонкими согласными. В этих положениях глухость-звонкость не различается. На конце слова и перед глухими согласными звучит только глухой парный согласный, а перед звонкими согласными — только звонкий парный согласный. Тот и другой представляют собой варианты слабой по глухости-звонкости фонемы.

Наличие на конце слова в русском языке только глухих парных согласных объясняется имевшим место (после утраты редуцированных) ослаблением произношения конца слова и в результате этого утратой голоса шумными согласными (оглушением). Наличие только глухих согласных перед глухими и только звонких перед звонкими (оглушение и озвончение) объясняется происшедшей регрессивной ассимиляцией (имевшей место также после утраты редуцированных) — уподоблением предшествующего шумного согласного последующему шумному по наличию или отсутствию голоса — музыкального тона, образуемого в гортани.

Приведем материал

1. Положение на конце слова: [сноп], [хл'еп] *(хлеб)*, [с'т'êп'], [р'ăп'] *(рябь)*, [роф] *(ров)*, [кро·ф'] *(кровь)*, [кот], [склат] *(склад)*, [м'ăт'], [с'ăт'] *(сядь)*, [спрос], [глас] *(глаз)*, [ры·с'], [ма·с'] *(мазь)*, [наш], [нош] *(нож)*, [в'êш':], [стук], [нок] *(ног)*. Как

видно из примеров, на конце слова на месте каждой пары согласных по глухости-звонкости может звучать только глухой согласный, являющийся глухим вариантом слабой по глухости-звонкости согласной фонемы.

2. Положение перед глухим согласным: [ла́пкъ], [шы́пкъ] *(шибко)*, [апсу́рт] *(абсурд)*, [ло́фкъ] *(ловко)*, [фту́лкъ] *(втулка)*, [м'е́ткъ], [скла́ткъ] *(складка)*, [пла́ткъ] *(посадка)*, [п'е́т'къ] *(Петька)*, [р'е́т'къ] *(редька)*, [стлкну́т'], [ръстлп'и́т'], [ла́скъ], [ска́скъ] *(сказка)*, [мо́с'къ] *(Моська)*, [вы́шкъ], [ло́шкъ] *(ложка)*, [к-тлму́], [кто]. Как видно из примеров, в положении перед глухим согласным на месте каждой пары согласных по глухости-звонкости выступают только глухие, т. е. глухие варианты слабых по глухости-звонкости согласных фонем, и притом не все, так как перед согласными твердость-мягкость согласных или не различается (перед одними согласными) или различается для части согласных (перед другими согласными). Поэтому часть слабых по глухости-звонкости мягких фонем перед согласными не встречается (об этом см. ниже).

Таким образом, в положении перед глухими согласными выступают глухие варианты слабых по глухости-звонкости согласных фонем.

3. Положение перед звонким согласным: [лббат][1], [вбок], [в'б'ит'], [кла́дб'иш':ъ], [сва́·д'бъ], [збо·i], [про́·з'бъ], [жбан], [лл'жб'и́нъ], [г-быку́]; [бд'ет'], [вд'ет'], [пра́вдъ], [узда́], [з'д'е́лът'], [врлжда́], [жд'и], [гд'е], [лн'и^{e}гдо́т]; [лл'бза́·т'], [ло́бз'ик], [взор], [вз'ат'], [о́дзыф], [нъдз'ира́·т'], [влгза́л], [г-з'им'е́]; [лбжа́лъвът'], [вжы́лсъ], [лджа́·т'], [плджа́·р'ит'], [рлжжа́·т'], [г-жы^{э}н'е́]. В положении перед звонким согласным на месте каждой пары согласных по глухости-звонкости выступают только звонкие, т. е. звонкие варианты слабых по глухости-звонкости согласных фонем, и притом не все, так как твердость-мягкость согласных перед звонкими согласными в большинстве случаев не различается; поэтому значительная часть слабых по глухости-звонкости мягких согласных фонем в этом положении не различается.

Положение на конце слова является слабой позицией по глухости-звонкости не только тогда, когда налицо так называемый абсолютный конец (т. е. изолированное произношение слова или случаи, когда конец слова одновременно является концом фразы или части фразы, отделенной от другой фразы или ее части паузой), но также и тогда, когда данное слово

---

[1] При сочетании одинаковых смычных согласных образуется смычный с долгим затвором. Здесь такие согласные (как и собственно долгие) обозначены для наглядности двумя одинаковыми буквами. О том, что долгие согласные в русском языке не образуют, как правило, особых фонем, см. ниже.

произносится слитно с последующим словом, т. е. при отсутствии между ними паузы. В этом положении глухой вариант слабой по глухости-звонкости согласной фонемы произносится не только перед следующим глухим согласным, но также и перед следующим гласным, сонорным и [в], [в']. Особенно следует подчеркнуть энклитики (*уже, ли* и др.) и энклитические или слабоударяемые формы местоимений, начинающиеся с этих звуков: перед ними также произносится глухой вариант слабой по глухости-звонкости фонемы. Приведем материал на положение перед гласными, сонорными и [в], [в'].

Перед гласными: [сру́п-е́тът], [глу́·п'-о́з'ьръ]; [ро́ф-лд'ӣн], [кро́·ф'-ид'·о́т]; [го́рът-уфа́], [м'и^{e}д'в'е́'т'-уб'ӣт]; [млро́с-лп'ӑт'], [ма́·с'-ѐтъ], [с'л'е́'с'-лт:у́дъ]; [но́ш-лд:а́·i̯], [фс'·о́-ѐтъ-ло́ш-лд̄на̀]; [до́·ш':-ид̄'·о́т], [д'е́'н'ьк-у-м'и^{e}н'·а̀-н'е́т], [кн'и́к-лп'ӑт'-нъкуп'ӣл].

Перед сонорными: [гр'ип-рлс'т'·о́т], [о́·п'-ръзл'ила́с], [кл'·у́ф-рлскры́т], [млрко́·ф'-рлс'т'·о́т], [су́т-р'и^{e}шы́л], [м'е́'т'-рлспла́·в'ил'и], [гла́с-рлскры́т], [нлр'е́ш-ры́бу], [с'н'е́к-рлста́ит], [н'и^{e}-лз'·а́п-л'и], [вглу́·п'-л'е́съ], [скла́т-л'и^{e}сно́·i̯], [н'и-л'е́'б'ьт'-л'и-е́тъ], [сн'е́к-л'и-гр'ӑс'-л'и], [рлска́с-л'е́рмънтъвъ], [му́ш-л'и́зы], [до́·ш':-л'·j·о́т]; [по́гр'ьп-наш], [го́луп'-нл-кры́шы^{e}], [сло́ф-н'ѐт], [кро́·ф'-на́шъ], [м'·о́т-нъ-стлл'е́], [млро́с-н'ьблл'шо́·i̯], [вл'е̂с'-нлкры́шу], [сто́ръш-на̀ш], [л'·о́к-на́взн'ич'], [длро́к-н'е́т], [хл'е́пмлло́·т'им], [дро́·п'-м'е́лкъi̯ъ], [лтр'·а́т-м'ил'и́цыи], [пр'ив'·о́см́ылъ], [ро́ш-млло́·т'им], [нлма́ш-м'·о́дъм], [длро́к-ма́лъ], [гр'·о́пj·а-г-б'е́'р'ьгу], [с'л'и́ф-j·а-н'ь-нлшо́л], [сло́ф-j·у́ры-н'и^{e}-ръзлбра́л], [сл'е́с-j·а́шъ-нл-ста́нцыи], [зам'·о́рс-j·а-што́тъ], [сто́ръш-j·а-плл хо́·i̯], [с'н'е́к-j·а-згр'·о́п].

Перед [в], [в']: [гр'и́п-вы́ръс], [лтр'·а́т-во́·i̯ск], [ло́шът'-ва́шъ], [вл'е́'с'-в-лкно́], [ро́ш-высо́къi̯ъ], [кн'и́к-ва̀шых], [с'н'е́к-в'ит'-ид'·о́т].

Следует особо отметить, что глухость-звонкость губно-зубных не различается перед звонкими губно-зубными: на месте первого губно-зубного произносится глухой вариант слабой по глухости-звонкости согласной фонемы [ф] или [ф']: [клро́ф-вы́гнъл'и], [дро́ф-вы́в'ьз'л'и-мно́гъ], [дро́ф-вы-н'и^{e}-б'е́'i̯т'ь | зъпр'ьш':и^{e}но́], [да́·i̯т'ь-кро́·ф'-вы-нъ-лна́·л'ис], [л'убо́·ф'-в'е́ры], [млрко́·ф'-в'ит'-плл'е́знъ].

Предлоги *близ* (произносится [бл'ис']), *сквозь, против, напротив, вокруг,* а также частицы *ведь, уж* произносятся с глухим вариантом слабых по глухости-звонкости согласных фонем на конце не только перед глухими согласными следующего слова, но также и перед гласными, сонорными и [в], [в']. Таким образом, произносится не только [бл'ис'-с'и^{e}ла́], [скво·с'-со́н], [нлпро̀·т'иф-клу́бъ], [влкру́к-плса́дък], [в'ит'-ты́-зна́л], [уш-та́м-он], но также: [бл'ис'-о́·з'ьръ], [сквò·с'-лго́·н'], [прò·т'иф-лкна́], [нлпрò·т'иф-у́·л'ицы], [влкру́к-о́·з'ьръ], [в'ит'-лна́-зна́лъ], [уш-о́н-тъ-

зна́л]; [бл'ис'-р'и^{e}к'й], [скво·с'-ро́зъвыи-лч'к'й], [про·т'иф-ры́нкъ], [влкрӯк-ро́с], [в'ӣт'-ро́зы-н'и^{e}-зъцв'и^{e}л'й], [уш-ро́зы-зъцв'и^{e}л'й], [бл'ис'-л'е́съ], [сквӧ·с'-л'и^{e}сну́·ӭу-ч'ӓш':у], [нлпро́·т'иф-ла́фк'и], [влкру́к-лу́жы^{ə}], [в'ӣт'-л'у́с'ъ-пр'ишла́], [уш-л'е́с-зъз'ьл'и^{e}н'е́л]; [про́т'иф-на́с], [влкрӯк-на́сып'и], [в'ит'-н'·у́ры-там-н'е́-былъ], [уш-н'е́бъ-плкры́лъс-ту́ч'ъм'и]; [нлпрӧт'иф-мы́съ], [прӧт'иф-мо́стъ], [влкрӯк-ма́шы], [в'ит'-мы́-н'и^{e}-зна́·л'и], [уш-мы́-тъ-з'д'е́лъим]; [сквӧ·с'-j·а́снъіъ-н'е́бъ], [ус'е́'л'ис-влкрӯк-j·о́лк'и], [нлпро́·т'иф-ja̋с'ьл'], [в'ит'-j·а́-н'и^{e}-зна́л], [уш-j·а́-з'д'е́лъіу].

Перед [в], [в']: [бл'ис-влды́], [сквӧ·с'-в'ӣшън':ик], [про́·т'иф-во́·л'и], [нлпро́·т'иф-ва́с], [влкрӯк-вы́шк'и], [в'ит'-вы́ мн'е́ лб'и^{e}-ш':а́·л'и], [уш-j·а́шъ в'и^{e}рну́лсъ].

Особо следует отметить произношение имен и отчеств. В конце имени выступает глухой вариант слабой по глухости-звонкости фонемы перед отчеством, начинающимся не только с глухого согласного, но также с гласного, сонорного и [в], [в']: [л'ѐф-лнто́ныч], [л'·убӧ·ф'-лл'и^{e}кс'е́внъ], [гл'ѐп-ыва́ныч'], [л'ьлн'ӣт-ыва́ныч'], [лл'ѐк-лндр'е́'ич']; [гл'ѐп-м'иха́лыч'], [л'ѐф-н'икла́ич'], [лл'ѐк-рлма́ныч'], [л'·убӧ·ф'-j·а́къвл'ьвнъ], [л'ьлн'ӣт-л'во́·в'ич'], [лл'ѐк-влс'и́'л'јич'], [л'ьлн'ӣт-в'и́ктрыч'], [прӧф-влс'и́'л'·јич'].

Следует отметить также, что глухость-звонкость губно-зубных на стыке имен и отчеств не различается перед звонкими губно-зубными: перед звонким губно-зубным произносится глухой вариант слабой по глухости-звонкости согласной фонемы [ф] или [ф']: [л'ѐф-влл д'и́'м'ирыч], [прӧф-влс'и́'л'јич'], [л'·убӧ·ф'-·влл д'и́м'ирнъ].

Так же, как имена с отчествами, произносятся имена с фамилиями: [гл'ѐп-ус'п'е́нскъ̆j], [л'ьлн'ӣт-лндр'е́'іьф].

Описанная особенность — произношение глухих вариантов слабых по глухости-звонкости согласных фонем на конце слова при слитном (без паузы) произношении этого слова с последующим — видимо, объясняется тем, что, несмотря на слитное произношение, слово сохраняет свою слоговую структуру, а именно сохраняет свой конечный закрытый слог. Иными словами, в случаях типа [млро́с-ѐтъкъі], [влкрӯк-о́·з'ъръ], [л'ѐф-ыва́ныч'], [сквӧ·с'-л'е́с], [лл'ѐк-рлма́ныч'] стык между словами одновременно является и слогоразделом. Последний и определил собой оглушение звонкого согласного, в результате чего образовалась слабая позиция по глухости-звонкости.

Примечание. Глухие варианты слабых по глухости-звонкости согласных фонем произносятся и в конце первой части некоторых сложных слов, если она имеет на себе ударение (обычно более слабое, чем ударение второй части): [св'ӓс'изда́т], [глӓфл'ӣт] (но и [главл'ӣт]).

§ 63. О вариантах некоторых слабых по глухости-звонкости согласных фонем

Особого замечания требует вопрос о некоторых специфических вариантах слабых зубных смычных фонем [т], [д] (а также соответствующих мягких) перед свистящими [с], [з] (и соответствующими мягкими) и шипящими.

Согласные [т] и [д] могут приобретать при размыкании (взрыве) перед щелевыми [с], [з] в результате уподобления им некоторый свистящий фрикативный элемент, т. е. приблизиться к соответствующим аффрикатам [ц] или [ʒ], т. е. [дз], а в беглой речи даже произноситься как аффриката. Ср. [плтᵘса́·д'ит], [плтᵘс'е́л] или [плцса́·д'ит], [плцс'е́л] (по старой норме также [плц'с'е́л]); [пъдᶻзлдо́·р'ит'], [о́дᶻзыф], [лдᶻза́·в'ис'т'и], [нъдᶻз'ира́·т'ьл'] или [пъʒзлдо́·р'ит'], [о́ʒзыф], [лʒза́·в'ис'т'и], [нъʒз'ира́·т'ьл'] (по старой форме также [нъʒ'з'ира́·т'ьл']).

Те же согласные ([т] и [д]) могут приобрести при размыкании (взрыве) перед щелевыми нёбно-зубными [ш], [ж] в результате уподобления им некоторый шипящий фрикативный элемент, т. е. приблизиться к аффрикатам [ч], [ǯ], а в беглой речи даже произноситься как аффриката: ср. [лтᵘшы́л], [пр'ив'е́тᵘшъi], [лбв'иᵉтᵘша́лъi], [о́дᶻжыл], [плдᶻжа́ръi], [дᶻжут], [дᶻжин] или [лчшы́л], [лбв'иᵉчша́лъi], [пр'ив'е́чшъi], [о́ǯжыл], [плǯжа́ръi], [ǯжут], [ǯжын]. Фрикативный свистящий элемент может приобрести [т'] перед мягким [с']. Ср. [п'ӓт'ᵘс'ъ], [злбу́·т'ᵘс'ъ] или [п'äц'с'ъ], [злбу́·ц'с'ъ].

Все эти звуки являются вариантами фонем [т], [д] или [т'] в определенных позиционных условиях. Подобная квалификация [д] с элементами свистящей и шипящей фрикации, а также твердого [т] с элементами шипящей фрикации и мягкого [т'] с элементами свистящей фрикации или даже произношение соответствующих аффрикат [ʒ], [ǯ], [ч] (в этом случае имеется в виду твердое [ч], т. е. [тш]) и [ц'] не может вызвать сомнений, так как подобных аффрикат как особых фонем нет в русском языке. Но следует отметить, что и произношение твердого [т] с свистящим фрикативным элементом или в виде аффрикаты [ц] может быть квалифицировано так же, т. е. как вариант фонемы [т], так как аффриката [ц] как фонема вообще перед согласными почти не употребляется, а перед свистящими и вовсе не употребляется.

Следует отметить также звук [ш'] как вариант слабой мягкой глухой фонемы [с'] перед [ч']: [ш'ч'ем] (*с чем*), [ш'ч'у́ствъм] (*с чувством*), [ръшч'иᵉрт'и́л], [иш'ч'иᵉркá л]. Квалификация звука [ш'] как варианта указанной фонемы объясняется его обусловленностью положением перед [ч'], отсутствием его вне этой позиции, в самостоятельном употреблении.

§ 64. О вариантах внепарных глухих согласных фонем

Внепарными глухими согласными фонемами являются [х], [ц], [ч']. Оказываясь в положении перед звонкими парными согласными (кроме [в], [в']), эти фонемы озвончаются и выступают в своих звонких вариантах ([ɣ], [ʒ], [ǯ']), что является результатом ассимиляции. При слитном произношении с частицами *бы, же,* а также в отдельных случаях в середине слов (главным образом заимствованных): [лт'éʒ-бы] *(отец бы),* [п'и^{е}в'éʒ-жъ] *(певец же),* [г'ínʒбурк] (фамилия — *Гинцбург*); [злсóɣ-бы], [лглóɣ-бы], [злсóɣ-жъ], [с'м'eɣ-жъ]; [доǯ'-бы] *(дочь бы),* [лǯ'бá], [куǯ'бóрскы̯ъ] (фамилия — *Кучборская*).

Квалификация звуков [ʒ] и [ǯ'] как вариантов фонем [ц] и [ч'] определяется их позиционной обусловленностью и полной неупотребительностью их вне описанной позиции, в независимом положении.

Несколько сложнее обстоит дело с [ɣ]. Однако и этот звук надо квалифицировать как вариант фонемы [х], если считать устарелым (т. е. находящимся за пределами системы современного произношения) произношение [ɣ] в позициях сильных для глухости-звонкости. Здесь имеется в виду произношение [ɣ] в нескольких словах церковного происхождения — *бога, богатый, благо* и производных от них (ср. [блɣáт], но [нлгá]), в наречиях на *-гда — когда, тогда, всегда, иногда* и производных от них (ср. [клɣдá] и [вóлъгдъ] — *Вологда*), в сочетании предлога *к* с звонкими и глухими смычными согласными следующего слова — [ɣ-дóму], [ɣ-блл'нóму], [ɣ-гóръду]; [х-тлмý], [х-пá·п'ь], [х-клмý].

Иные соотношения будут в том случае, если признать эти факты входящими в состав современного русского литературного произношения. При различении перед гласными фонем [х] и [ɣ] (ср. [слýхъ], [блáуъ]) на конце слова в примере [лглóх] и перед звонким согласным в примере [лглóɣ-бы] следовало бы видеть слабую по глухости-звонкости щелевую фонему, которая в зависимости от позиционных условий произносится то как глухой звук, то как звонкий. То же следовало бы отметить в случаях типа [клудá], [ɣ-дóму] и т. д. при нерегулярности изменения [к] или [г] перед смычными согласными в щелевой (т. е. при наличии рядом с [клɣдá] — [вóлъгдъ] *(Вологда)* и т. д.).

Напротив, если изменение смычной согласной [к] или [г] перед смычными в согласный щелевой регулярно, в случаях типа [клудá], [ɣ-дóму]; [ɣ-блл'нóму], [х-тлмý], [х-клмý] следовало бы констатировать перед смычным согласным слабую согласную фонему не только по глухости-звонкости, но также и по признаку смычности или щелевого образования. Это означает, что

[γ] или [х] здесь выступает в условиях, где не различаются смычные ([г], [к]) и щелевые ([γ], [х]), глухие ([к], [х]) и звонкие ([г], [γ]).

§ 65. О вариантах сонорных согласных фонем

Сонорные согласные в той мере, в какой они употребляются на конце слова после глухих согласных, оглушаются и выступают в своих глухих вариантах. Таких примеров больше для вибрантов, меньше для боковых и еще меньше для носовых. Приведем соответствующий материал: [п'·отр], [смотр], [ф'йл'тр], [монстр], [п'·остр], [м'ин'йстр], [шыпр], [шыфр], [мокр], [в'епр']; [рыхл], [вопл'], [мы·с'л'], [смысл], [дошл], [пошл]; [п'ёс'н']; [драхм], [лохм], [косм] (последние три случая — формы родительного падежа множественного числа). Тенденция к утрате голоса конечным плавным так сильна, что в беглой речи захватывает и положение после звонкого согласного. Ср. возможное произношение случаев—типа *бобр, добр, мудр, бодр* с полуглухим или даже глухим сочетанием [бр], [др] на конце. То же возможно и в случаях типа *подл, рубль*. Просторечное [ру·п'] как раз и является свидетельством возможности этого процесса и его дальнейшего развития — утраты глухого [л'] — [л']. При стремлении сохранить голос конечного сонорного в положении после глухих образуется добавочная слоговость и гласный элемент (типа [ъ]) между глухим и сонорным. Сравните произношение [смо́т^{ъ}р], [во́п^{ъ}л']. Так объясняется и просторечное *ру́бель*, а также литературные формы *ветер, плесень* (сравните др.-р. *вѣтръ, плѣснь*).

В разобранных случаях глухие варианты сонорных появились непосредственно в результате прогрессивной ассимиляции — под воздействием глухости предшествующего глухого согласного или в результате общей тенденции к ослаблению артикуляции на конце слова (в особенности к утрате голоса).

В других случаях возможная утрата голоса некоторыми сонорными (по преимуществу дрожащими) и наличие их глухих или полуглухих вариантов объясняется регрессивной ассимиляцией — воздействием последующего глухого согласного. Это воздействие имеет место лишь в особых условиях — прежде всего при вхождении дрожащего и следующего глухого согласного в состав одного слога и более заметно перед [ш]. Сравните возможное произношение [барш], [б'ирш], [морш], [корш] (фамилия — *Корш*). Некоторая утрата голоса возможна и в случаях типа [толш':]. В небрежном произношении возможна утрата голоса всеми сонорными в указанном положении: в случаях типа *порт, торт, торф, болт, кольт, темп, тромб, кант,*

ханш, ханж (последние два случая — родительный падеж множественного числа).

Утрата голоса фонемой [р] возможна и в середине слова перед [ш], если сочетание [рш] входит в состав одного слога: [зʌд'ёршкъ], [тʌршка́], [гʌршка́] (подробнее об этом см. в § 18—20 о слогоразделе).

Особо отметим возможную утрату голоса фонемой [р'] в словах [лкт'·а́пр'скъı̯], [нʌj·апр'скъı̯].

Наконец, отметим еще одно положение, в котором возможна утрата голоса сонорным и в связи с этим употребление его глухого варианта — это положение в начале слова перед глухим согласным: [рту·т'], [рта], [л̥'с'т'и̯т'], [мс'т'и̯т'], [мч'ӓт'], [мха], [мшы́стъı̯].

СООТНОСИТЕЛЬНЫЙ РЯД ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 66. Состав сильных согласных фонем в отношении к твердости-мягкости

Соотносительный ряд твердых-мягких согласных фонем состоит из 24 фонем, образующих пары, в состав каждой из которых входят фонемы, отличающиеся друг от друга твердостью или мягкостью (т. е. отсутствием или наличием дополнительной [и]-обра́зной артикуляции) и сходные по другим признакам. Эти пары следующие: [п]:[п'] = [б]:[б'] = [ф]:[ф'] = [в]:[в'] = = [м]:[м'] = [т]:[т'] = [д]:[д'] = [с]:[с'] = [з]:[з'] = [л]:[л'] = = [н]:[н'] = [р]:[р']. Остальные 10 согласных фонем пар по твердости-мягкости не образуют. Одни из них являются внепарными твердыми, так как отсутствуют соответствующие мягкие фонемы. Таковы [ш], [ж], [ц], а также [к], [г], [х][1]. Другие — [ш':], [ж':], [ч'], [j] — являются внепарными мягкими, так как отсутствуют соответствующие твердые.

§ 67. Сильные позиции согласных фонем по твердости-мягкости

Сильной позицией для твердости-мягкости согласных являются следующие положения: 1) на конце слова; 2) перед гласными фонемами (кроме [е]); 3) для переднеязычных — перед

[1] Мягкие заднеязычные [к'], [г'], [х'] имеют тенденцию к приобретению самостоятельности по отношению к своим твердым (ср. [тк'·от], [л'ик'·о́р] и др.). Однако в решающем положении для различения твердых-мягких согласных — на конце слова — задненёбные бывают только твердыми. Поэтому [к'], [г'], [х'] нами рассматриваются как варианты фонем [к], [г], [х].

заднеязычными и твердыми губными; 4) для фонемы [л] и [л'] перед всеми согласными, в том числе мягкими. В этих положениях твердость-мягкость согласных различается, не обусловлена фонетическим положением, самостоятельна. Иными словами, в этих положениях может произноситься как твердая согласная фонема, так и мягкая, т. е. в них выступают согласные фонемы сильные по твердости-мягкости.

Разберем каждое из указанных положений.

1. Положение на конце слова: [топ] — [то·п'], [глуп] — [глу·п'], [праф] — [пра·ф'], [брат] — [бра·т'], [пуст] — [пу·с'т'], [м'ест] — [м'ѣс'т'], [ос] (род. п. мн. ч.) — [о·с'], [л'ес] — [л'ѣс'], [жар] — [жа·р'], [тол] — [то·л'], [был] — [бы·л'], [еклно́м] — [еклно́·м'], [вон] — [во·н'], [п'ен] (род. п. мн. ч.) — [п'ѣн'].

2. Положение перед гласными фонемами (кроме [е]).

Перед гласной фонемой [у] как сильной, так и слабой (т. е. в положении, где она противопоставлена не максимальному количеству других гласных фонем): [тук] — [т'·ук], [лук] — [л'·ук], [ду́ну] — [д'·у́ны], [зубр] — [из'·у́бр], [крук] — [кр'·ук], [пилу́] — [п'ил'·у́], [блут] — [бл'·ут] (род. п. мн. ч.), [лбмлну́] — [млн'·у́]; [сру́бу] — [го́луб'у], [м'о́ду] — [м'и^{е}д'в'ѣ́д'у], [луч'и] — [кл'у́ч'и́],[тул'а́к] — [т'у́ф'·а́к], [душы́ст] — [д'·ушэ́с].

Перед гласной фонемой [и] ([ы]) как сильной, так и слабой: [пыл] — [п'ил], [был] — [б'ил], [грлфы́] (род. п. ед. ч.) — [грлф'и́], [выл] — [в'ил], [трлвы́] — [трлв'и́], [ты́нъ] (род. п. ед. ч.) — [т'и́нъ], [ды́мъ] (род. п. ед. ч.) — [д'и́мъ] (имя — *Дима*), [влды́] — [влд'и́], [сы́тнъi] — [с'и͡тнъi], [сыр] — [с'ир], [клсы́] — [клс'и́], [влзы́] — [влз'и́], [нлры́ф] — [р'иф], [клры́] — [клр'и́], [глры́] — [глр'и́], [лы́къ] — [л'и́къ], [улы́пкъ] — [л'и́пкъ], [пллы́] — [плл'и́], [мыл] — [м'ил], [мыс] — [м'ис] *(мисс)*, [ны·т'] — [н'ѝт'] [ныл] — [н'ил] *(Нил)*, [бърлны́] — [бърлн'и́]; [пыл'ѝт] — [п'ил'и́'т'], [пъбыва́·т'] — [пъб'ива́·т'], [высо́к] — [в'исо́к], [пыта́·т'] — [п'ита́·т'], [лыса́] — [л'иса́].

Так как гласные [и] и [ы] следует считать разновидностями одной фонемы (гласный [ы] является вариантом фонемы [и], обусловленным положением после твердого согласного; см. выше § 41, 42), то, следовательно, с точки зрения современных отношений пары слов последней группы отличаются друг от друга согласной фонемой — твердой или мягкой, а отличия в гласном являются зависимыми, производными от этих самостоятельных качеств — твердости или мягкости согласного.

Перед сильной фонемой [а]: [па́·л'цы] — [п'а́л'цы], [груба́] — [груб'·а́], [грлфа́] — [грлф'·а́], [вал] — [в'·ал], [та́пк'и] — [т'·а́пк'и], [плла́да́] — [плла́д'·а́], [к са́ду] — [с'·а́ду], [труса́] — [трус'·а́], [взат] *(взад)* — [вз'·ат], [рат] — [р'·ат], [лра́пч'ик] — [р'·а́пч'ик], [гла́д'ъ] — [гл'а́д'ъ], [б'и^{е}ла́] — [б'и^{е}л'·а́], [мал] — [м'·ал], [тлма́] — [тлм'·а́], [в'ина́] — [в'ин'·а]; перед сильной фонемой [о]: [пор]

(род. п. мн. ч.) — [п'·ор] (прош. вр. ед. ч. м. р.), [вол] — [в'·ол], [рвот](род. п. мн. ч.) — [рв'·от], [то́лкъ] — [т'·о́лкъ], [то́мнъі] — [т'·о́мнъі], [до́мъ] — [д'·о́мъ] *(Дёма)*, [плсо́м] (страд. прич. наст. вр.) — [плс'·о́м], [плсо́л] — [с'·ол] (род. п. мн. ч.), [взор] — [лз'·о́р], [роф] — [р'·оф], [тро́пкъ] — [тр'·о́пкъ], [лот] — [л'·от], [лок] *(лог)* — [л'·ок], [мот] — [м'·от], [мол] — [м'·ол], [нос] — [н'·ос].

Перед слабой фонемой [α] (см. § 45—49), которая в 1-м предударном слоге звучит как [ʌ] (после твердых согласных) и [и^{е}] (после мягких), в других предударных и в заударном слоге перед мягкими согласными как [ъ] (после твердых парных) и [ь] (после мягких): [тʌн'й] — [т'и^{е}н'й], [нʌс'й] — [н'и^{е}с'й], [вн'и^{е}су́] — [в-нʌсу́] *(в носу)*, [вʌл'й] — [в'и^{е}л'й], [грʌм'й] — [гр'и^{е}м'й], [пълʌжы́] — [пъл'и^{е}жы́], [пъсʌл'й] — [пъс'и^{е}л'й]; [бърʌда́] — [б'ьр'и^{е}га́], [бълʌва́·т'] — [б'ьлʌва́т], [търʌп'й́т'] — [т'ьр'и^{е}б'й́т'], [стърʌжа́] — [с'т'ьр'и^{е}гу́], [пръдʌва́·т] — [пр'ьдʌва́·т']; [кра́нъм'и] — [гра́·н'ьм'и], [скла́дъм'и] — [м'и^{е}д'в'е́д'ьм'и], [вы́дъл'и] — [вы́·д'ьл'и].

Перед слабой фонемой [α_1] (см. § 49), которая в заударных слогах не перед мягкими согласными звучит как [ъ] (после твердых и мягких согласных): [по́лъм] — [жы́·т'ьл'ъм], [скла́дъм] — [м'и^{е}д'в'е́д'ъм], [мо́ръ] — [мо́·р'ъ] (род. п. ед. ч.), [д'елъ] — [по́·л'ъ] (им. и род. пп. ед. ч.).

Следует отметить, что противопоставление мягких согласных твердым перед гласными в целом подкрепляется более бедным материалом, чем противопоставление звонких глухим. Это объясняется прежде всего тем, что в то время как глухие и звонкие парные сильные фонемы восходят к этимологически разным звукам, твердые и мягкие парные сильные фонемы восходят к одному и тому же этимологическому звуку и дифференцировались как особые фонемы в сравнительно недавнее время (окончательно оформились после падения редуцированных). Бо́льшая часть случаев типа [нос] и [н'·ос], [мал] и [м'·ал] в прошлом отличались не согласными, а гласными: первая пара приведенных примеров отличалась гласными [о] и [е], а вторая пара гласными [а] и [ę] ([е] носовое), а позднее [ä]. Лишь впоследствии в результате сложных фонетических, а частью и морфологических процессов гласные отождествились, а различителем звукового облика слов и форм стала твердость или мягкость предшествующего согласного.

Слов с мягкими согласными перед [а] и [о] в корнях слов сравнительно немного, так как бо́льшая часть их восходит к случаям, когда после будущего парного мягкого согласного был [е] носовой (для [а]) и гласный [е] (из [е] и [ь]) перед твердым согласным (для [о]), а таких корней было сравнительно немного.

Гласный [а] после мягких парных согласных, в том числе губных и переднеязычных губных довольно широко представлен

в действительных причастиях настоящего времени (сравните *любя́, гребя́, лупя́, ловя́, водя́, летя́, везя́, неся́* и т. д.).

Случаи с мягким губным и переднеязычным зубным согласным перед [а] постепенно стали появляться в связи с изменениями в формах склонения на стыке с флексией. Сравните *голубя, медведя, гуся* (древняя форма род. п. ед. ч. этих слов имела флексию *-и*).

Случаи с мягкими парными согласными перед [у] в корнях слов славянского происхождения имеются только для [л'], [н'], [р'], образовавшихся из сочетаний [лj], [нj], [рj], а также (для [л']) там, где были губные с [j] (например, корни [л'·уб-], [л'·уд-], [бл'·уд-]). Это объясняется тем, что сочетание мягкого согласного с [у] в корне могло бы получиться из сочетания согласного с последующими [j] и [у] или [о] носовым (т. е. с [jу] или [jǫ]). Между тем губные с последующим [j] изменились в [пл'], [бл'], [мл'], [вл'], т. е. имеют перед гласным [л'], а переднеязычные зубные претерпели переходное смягчение — изменились в шипящие. Поэтому сочетания мягкого губного или переднеязычного зубного с последующим [у] в словах славянского происхождения отсутствуют. Случаи типа [б'·уст], [п'·урэ́], [т'·ук], [д'·у́жынъ], [из'·у́м] и т. д. обычно являются заимствованными или относятся к словам неясного происхождения (например, [т'у́т'ьл'къ-ф-т'у́т'ьл'ку], [т'у́р'ъ], [з'у́з'ъ]).

Случаи с мягким губным и переднеязычным зубным согласным перед [у] постепенно стали появляться в связи с изменениями в формах склонения на стыке с флексией. Сравните *голубю, медведю, гусю* (древняя форма дат. п. ед. ч. этих слов имела флексию *-и*).

Из сказанного видно, что губные и переднеязычные зубные наиболее слабо противопоставлены по твердости-мягкости перед гласными. Среди губных особое положение занимают согласные пары [ф] — [ф'], для которых едва ли можно найти случаи, в которых они различались бы перед одним и тем же гласным (т. е. различались бы слогами [фа] — [ф'·а], [фу] — [ф'·у] и т. д.). Это объясняется происхождением согласного [ф] в русском языке, появившегося в составе иноязычных слов.

Таким образом, противопоставление твердых-мягких согласных перед гласными проведено не в одинаковой степени а) перед разными гласными (например, перед [у] в корнях наименее ярко); б) по отношению к разным согласным (наименее ярко противопоставлены друг другу твердые-мягкие губные и переднеязычные зубные, которые не встречаются перед [у] в словах славянского происхождения и редко встречаются на стыке морфем); в) в разных морфологических частях слова (внутри корня, на стыке с окончанием).

3. Положение перед заднеязычными и твердыми губными (для предшествующих переднеязычных).

Перед заднеязычными: [р'ёткъ] — [р'ê'т'къ], ср. также твердость и мягкость [т] в таких примерах: [т'·óткъ], [ш':·óткъ], [лóткъ] и [ф'ê'т'къ], [п'ê'т'къ], [мó·т'къ]; [нóскъ]—[ó·с'къ] *(Оська)*, [у́скъ] — [л'у́с'къ], [гóркъ] — [гó·р'къ], [ва́ркъ] — [ва́·р'къ], [пóлкъ] — [пó·л'къ], [кóлкъ] — [кó·л'къ], [ма́нкъ] — [ма́·н'къ], [ба́нкъ] — [ба́·н'къ], [тóнкъ] — [тó·н'къ], [са́нк'и] — [са́·н'к'и]; [вóлгъ] — [ó·л'гъ], [л'гóты] — [лгу]; [ʌл'ха́], [ʌл'хóвъi] — [вóлхъф], [бóлхъф], [кʌлхóс].

Нельзя не отметить, что различение твердых и мягких согласных фонем перед заднеязычными практически имеет место главным образом перед [к], а перед [г] и [х] представлено совершенно единичными случаями. При этом и перед [к] мягкие парные согласные представлены по преимуществу в уменьшительных образованиях типа *Манька, Петька.* Бóльшие или меньшие возможности для употребления мягких согласных перед разными заднеязычными объясняются тем, что в русском языке имеется суффикс *-к*, с которым образуются слова от непроизводных основ как на твердый согласный, так и на мягкий, в то время как суффикса, выраженного фонемой [г] или [х], нет.

Перед твердыми губными: [изба́] — [р'и^{e}з'ба́], [кʌз'ба́], [прó·з'бъ]; [пʌдба́·в'ит'] — [сва́·д'бъ], [мълʌд'ба́], [хʌд'ба́]; [пóлбъ], [кóлбъ] — [пʌл'ба́], [мʌл'ба́], [пъхвʌл'ба́]; [гʌрба́тъi], [тóрбъ] — [бʌр'ба́]; [смо·i], [кʌсма́тъi] — [п'ис'мó], [пр'измъ] — [в'ăз'мъ], [кл'ăз'мъ], [кл'и́з'мъ]; [ʌтмы́л] — [т'ма], [кʌрма́н], [турма́н] — [т'у́р'ма́], [кут'и^{e}р'ма́], [мʌлва́] — [ма́·л'въ], ср. также [лы́·с'въ] (город *Лысьва*); [бърʌн'ба́] с сочетанием [н'б] при отсутствии, видимо, сочетания [нб].

Мягкость согласных перед губным чаще всего представлена перед согласным [б], являющимся суффиксом, который в прошлом имел перед собой [ь] (ср. в др.-рус. языке суффикс *-ьб-*) и является, таким образом, следом утратившегося гласного переднего образования [ь].

4. Положение перед любым согласным (для фонем [л] и [л']). Фонемы [л] и [л'] различаются не только перед заднеязычными и твердыми губными (примеры на эти положения см. выше), но также и перед всеми остальными согласными, кроме [j]: [вʌлна́], [пʌлна́], [пʌлн'ê'i] — [вʌл'на́], [л'на], [бʌл'на́]; [болт], [бʌлта́·т'], [балт'и́'iскъi] — [во·л't], [пʌл'тó], [хʌлс't'и́нъ] — [пʌл'с't'и́'т']; [бʌлда́] — [л'да́]; ср. также [р'ê'л'сы], [ва·л'с], [фа·л'ш]; [пóлзът'], [пʌлз'и́] — [пó·л'зъ], [н'и^{e}л'з'·а́]; [бóлшъвъ] (название населенного пункта) — [бó·л'шъвъ], ср. [г'ьн'и^{e}ра́·л'шъ], [дó·л'шъ]; [мóлч'ъ], [мʌлч'и́] — [ма́л'ч'ик], [па́·л'ч'ик].

Следует отметить, что мягкость [л] представлена перед суффиксальными согласными [н], [ш], [ч], причем соответствую-

щие суффиксы имели в прошлом перед собой [ь] (ср. в др.-рус. языке суффиксы *-ьн-*, *-ьш-*, *-ьц-* и вторичный *-ьч-*), а также внутри корня, если после [л] перед согласным в прошлом имелся [ь] (см. *польза, льна*); таким образом, мягкость согласных перед твердым согласным в этих случаях является следом утратившегося гласного переднего образования [ь]. Мягкое [л] встречается также при передаче иноязычного [л] перед согласным, что видимо, более свойственно звуковому оформлению слов русского языка (ср. *рельсы, вальс, пальма* и др.). В других случаях перед согласным представлена твердость [л].

Так как согласный [ц], перед которым может быть [л], всегда бывает суффиксальным, а следовательно, в прошлом имел перед собой [ь], то перед ним всегда употребляется [л']: ср. [кʌл'цо́], [мы́·л'цъ], [са́·л'цъ], [па́·л'цы], [пыл'ца́], [мʌл'ца́], [къмсʌмо́·л'цы]. В результате получается весьма своеобразное положение: перед твердым согласным встречается мягкий согласный, твердая пара которого в этом положении отсутствует (нет сочетания [лц]). Однако считать [л'] слабой фонемой по твердости-мягкости нельзя, так как своей мягкостью она не может быть обязана последующей твердой фонеме [ц], т. е. мягкость позиционно не обусловлена. Следовательно, перед нами сильная мягкая фонема [л'] в положении, в котором отсутствует сильная твердая фонема [л].

Примечание. Имеются некоторые данные для того, чтобы говорить о различении [н] и [н'] перед [ш]. Ср. [пунш], [ха́ншъ], [къп'ита́ншъ], а также фамилии [ко́ншын], [га́ншынъ] *(Коншин, Ганшина)* и [ра́·н'шъ], [м'е́'н'шъ], [то́·н'шъ].

Анализ сильных позиций по твердости-мягкости гласных показал неравномерность развития категории твердости-мягкости согласных по отношению к разным согласным, в разных позициях (перед разными гласными, перед разными согласными), в разных морфологических частях слова, что является результатом развития языка, в особенности его фонетической системы и грамматического строя на протяжении ряда эпох.

Губные согласные наименее противопоставлены по твердости-мягкости. Об этом свидетельствует, кроме фактов, отмеченных выше, неразличаемость их твердости-мягкости перед согласными, в отличие от переднеязычных, различающихся перед заднеязычными и губными.

§ 68. Слабые позиции согласных по твердости-мягкости

1. Положение перед [е]

В противоположность положению перед всеми другими гласными фонемами перед фонемой [е] твердые и мягкие парные согласные не различаются. Ср. [п'ел], [б'ел], [м'ел], [в'е́ръ],

[т'éлъ], [д'éлъ], [с'ел], [з'éркълъ], [н'éбъ], [л'étъ], [р'ек]. Ср. в твердых и мягких основах ([п'ила́ — з'и^{e}мл''á], [п'илы́] — [з'и^{e}мл'й], [п'ил·у́] — [з'éмл'у]) отсутствие различия в согласном основы перед флексией, выраженной фонемой [е]: [ф-п'ил'é], [нъ-з'и^{e}мл'é]. Таким образом, перед [е] выступают слабые по твердости-мягкости согласные, которые произносятся мягко. Что же касается парных твердых согласных [п], [б], [м], [в], [т], [д], [с], [з], [н], [л], [р], то они перед [е] отсутствуют. Они невозможны на стыке основы и флексии, они не употребляются также в корнях исконных русских слов.

Однако некоторые из твердых парных согласных употребительны перед [е] в сложносокращенных словах, например, [нэп], [эсэ́р], [фтэк], и словах иноязычного происхождения (например, [отэ́·л'], [тэ́рцыi̯ъ], [дэ́·л'тъ], [клшнэ́], [клблрэ́]), в фамилиях иноязычного происхождения (например, [вол'тэ́р], [нэ·i̯гáус], [торэ́с]). Это согласные по преимуществу зубные (кроме [л]) и редко — губные (ср. [мэр], [пэр]). Если учесть эту категорию слов, то можно отметить тенденцию к различению твердых и мягких парных согласных перед [е]. Ср. [нэп] и [дн'éпр], [плстэ́·л'] и [плс'т'é'л'], [тэ́сты] и [т'éстъ]. Однако надо иметь в виду, что сложносокращенные слова (типа *эсэр*) — это замкнутая небольшая группа особого рода слов, на которую едва ли можно опираться при установлении фонетической системы языка. Слова же иноязычного происхождения с твердой парной согласной перед [е] по мере того, как они становятся широко употребительными и общенародными, часто начинают произноситься в соответствии с нормами произношения исконно русских слов с мягким парным согласным перед [е] (ср. слова [т'émъ], [т'énър], [пър'ит'ét], [т'éхн'икъ], [д'éспът], [д'и^{e}кáн], [инцыд'énт], [н'éрвы], [п'илн'ép], [флн'éръ], [блс'é'i̯н], [с'é'с'иi̯ъ], [с'éктъ], [муз'é'i̯], [прлз'éктър], [клмпр'éс], [р'éнтъ], [р'éктър] и многие другие).

В связи со сказанным случаи описанного типа выведены за пределы собственно фонетической системы. Твердые-мягкие согласные фонемы не различаются, выступая в слабых по твердости-мягкости фонемах не только перед фонемой [е], но также и перед вариантом этой фонемы, звучащим в заударном слоге перед твердым согласным как [ь], а в заударном конечном открытом слоге как [и^{e}]. При этом слабая по твердости-мягкости согласная перед вариантами фонемы [е] звучит мягко. Ср. [вы́·л'ьс] *(вылез)*, [на́·б'ьлъ] *(на́бело)*, а также [вы́·н'ьс] *(вынес)*, [вы́·в'ьс] *(вывез)*, [в-мó·р'и^{e}], [ф-пó·л'и^{e}] [1].

[1] Гласные [ь] и [и^{e}] в данных положениях являются вариантами фонемы [е], а не особыми слабыми фонемами, так как они являются представителями только одного фонемного ряда, а именно возглавляемого сильной фонемой [е]. Ср. с этим гласный [ъ] в тех же положениях, который является

2. Положение перед согласными

Выше были охарактеризованы положения, в которых твердые и мягкие парные согласные различаются перед согласными. Во всех других положениях они не различаются. Эти другие положения мы распределим по следующим категориям: а) перед внепарными по твердости-мягкости согласными; б) перед парными твердыми; в) перед парными мягкими.

а) Перед внепарными по твердости-мягкости согласными. Перед [ш] и [ж] выступают слабые по твердости-мягкости согласные фонемы, которые произносятся в этом положении твердо (кроме [л] и [л'] и частью [н] и [н'], которые различаются перед [ш]; см. выше). Ср. [лʌпша́], [за́мшъ], [л'и^{е}фша́], [ш^{э}́тшъ̯], [по́ршън'], [ста́ршъ].

Перед [ц] произносятся только парные твердые согласные, кроме одного согласного — [л'], который произносится перед [ц] (при отсутствии сочетания [лц]). Ср. [купцы́], [сʌмца́], [лʌфца́], [мълʌтца́], [п'и^{е}ца́], [бʌрца́], [кʌнца́]; но [удʌл'ца́]. Перед заднеязычными парные губные не различаются по твердости-мягкости, причем произносятся только твердо[1]. Ср. [ла́пкъ], [лбго́н], [ра́мкъ], [тʌмга́], [с'о́мгъ], [мха], [ла́фкъ], [фхот]. По старой норме литературного языка перед мягкими заднеязычными произносились мягкие губные ([ла́·п'к'и], [ра́·м'к'и], [с'о́м'г'и], [ла́·ф'к'и]). Однако можно считать, что современному литературному произношению свойственны твердые губные перед мягкими заднеязычными: [ла́пк'и], [ра́мк'и], [с'·о́мг'и], [ла́фк'и].

Перед внепарным мягким [ч'] губные и зубные не различаются по твердости-мягкости, причем губные произносятся только твердо (ср. [ко́пч'ик], [мч'йц:ъ], [ло́фч'ь]), а зубные, напротив, — только мягко (ср. [л'о́ч':ик], [мʌло́·ч':ик][2], [ко́·н'ч'ик], [п'т'е́́н'ч'ик], [кл'а́́н'ч'ит'], [бр'и^{е}в'е́́н'ч'ътъ̯]); что касается [р], то перед [ч'] обычно произносится твердый [р]: [вʌрч'а́́т'], [тʌрч'а́́т'], [пʌрч'·а́]; однако встречается также произношение и со смягченным [р']: [вʌр'ч'и́т], [лгʌр'ч'а́́т'] [с'м'е́р'ч']. Примерно такая же картина перед [ш':] (случаев с согласным перед соответствующим звонким [ж':] нет): губные произносятся твердо: [гърд'и^{е}ро́пш':ик], [ји^{е}мш':и́к], [спла́фш':ик]; зубные произносятся мягко, ср.: [ба́·н'ш':и́к],

---

общим представителем двух фонемных рядов, а именно рядов, возглавляемых сильными гласными фонемами [о] и [а], т. е. является слабой фонемой [ʌ]. См. об этом § 48, 49.

[1] Парные твердые и мягкие зубные перед заднеязычными различаются (см. об этом выше).

[2] Произносится [ч'] с долгим „мягким" затвором, т. е. при поднятии средней части спинки языка, соответствующем мягкому [т'].

[го́·н'ш':ик], [плд'о́н'ш':инъ], [хлва́·н'ш':инъ]; а в произношении [р] перед [ш':] отмечается опять колебание: встречается как [р], так и, реже, по старой норме [р']: [нлту́рш':ицъ] и [нлту́·р'ш':иц], [смо́рш':илсъ] и [смо́·р'ш':илсъ], [флна́рш':ик] и [флна́·р'ш':ик].

Перед [j] также парные по твердости-мягкости согласные не различаются — выступают слабые по этому признаку согласные фонемы, которые произносятся мягко: [п'j·ан], [тр'ип'j·а́], [б'j·у], [блб'j·о́], [склм'j·а́], [с'и^{ъ}м'j·а́], [в'j·у], [в'jе́хъл], [мурлв'j·а́], [пла́·т'i̯ъ], [тлт'j·а́нъ], [д'j·ак], [блд'j·а́], [клс'j·а́н], [л'и́'с'jъ], [с'jел], [с'jе́хъл], [друз'j·а́], [плло́·з'jъ], [върлн'j·о́], [п'е́'н'jъ], [л'j·у], [б'и^{е}л'j·о́], [ул'j·а́нъ], [р'j·а́нъ], [бур'j·а́н]. На стыке приставки или чаще предлога, образующих слог, с корнем или следующим словом перед [j] произношение парных по твердости-мягкости согласных колеблется: наряду с мягкими согласными отмечаются согласные с неполным смягчением, а также твердые: ср. [рлз'jе́хъл'ис'], [рлэ·jе́хъл'ис'], [рлзjе́хъл'ис']; [лб'j̆а́в'ит] (редко) и чаще [лбj̆а́в'ит]; обычно [плдj·о́м], [лбj·о́м] (твердость на конце неясно выделяющейся приставки перед [j]); обычно [плд-j·о́лкъi̯], [лт-j·о́лк'и], [лб-j·о́лку].

Таким образом, перед всеми внепарными по твердости-мягкости согласными отсутствует различение парных твердых и мягких согласных (с ограничениями, сделанными выше).

Перед всеми этими согласными выступают согласные фонемы, слабые по твердости-мягкости. Однако перед одними из них они произносятся твердо (например, перед [ш]), перед другими одни — только твердо, другие — только мягко (например, перед [ч']). Некоторые парные согласные перед определенными внепарными допускают большие колебания: могут произноситься как твердо, так и мягко (например, [р] перед [ч']), причем часты случаи с неполной твердостью или неполной мягкостью. Все это говорит о том, что в разобранных положениях твердость-мягкость согласных, о которых шла речь выше, не дифференцирована; там, где налицо мягкость, она имеется обычно перед мягкостью же, а перед твердостью произносится твердый согласный, т. е. мягкость-твердость носит несамостоятельный ассимилятивный характер.

б) Перед парными твердыми.

Перед твердыми зубными выступают слабые по твердости-мягкости губные, которые произносятся в этом положении твердо: [пта́шкъ], [лллпта́], [лбда́·т'], [вдлва́], [пра́вдъ], [фтор], [ко́фтъ]; [пса], [клбза́·р'], [взор], [лфса́]; [клпна́], [удо́бнъ], [т'·о́мнъi̯]; перед твердыми парными зубными выступают слабые по твердости-мягкости зубные, которые произносятся в этом положении также твердо: [стон], [гу́стъ], [узда́], [здлро́ф], [рлс:а́дъ], [бант], [ба́ндъ], [лт:у́дъ], [лд:а́·т'], [рлма́нс], [влнза́·т'], [сноп], [сна], [зно·i̯], [узна́л], [сла́въ], [сплсло́], [зло], [узла́].

Перед [р] выступают слабые по твердости-мягкости губные и зубные, которые произносятся в этом положении твердо: [прок], [брак], [мрак], [лврáк]; [срок], [зрлч'·óк], [праф].

Перед твердыми парными губными выступают слабые по твердости-мягкости губные, которые произносятся твердо: [лá-мпъ], [ф-па·с'т'], [лб:áт], [бóмбъ], [вбок], [гáм:ъ], [лбмáн], [р'и^{е}в-млт'йзм], [р'йфмъ], [в:от], [лбвáл], [л'ймфъ].

в) Перед парными мягкими.

Перед парными мягкими зубными выступают слабые по твердости-мягкости губные, которые произносятся твердо: [пт'йцъ], [клпт'ѐ'т'], [бд'й'т'ьл'нъс'т'], [прлвд'йф], [вд'ѐт'], [н'ефт'], [j·уфт']; [пс'йнъ], [лл6зá·т'], [лóбз'ик], [вз'имá·т'], [фс'е]; [пн'и], [ступн'·á], [слáбн'ьт], [мн'и], [мн'е].

Перед парными мягкими зубными выступают слабые по твердости-мягкости зубные, которые обычно произносятся мягко, но на конце приставки или предлога, образующих слог, могут произноситься твердо; во многих случаях зубной согласный произносится с неполным смягчением („полумягкий" или „полутвердый"): [с'т'ѐп'], [ко·с'т'], [с'т'йркъ], [з'д'ѐс'], [уз'д'ѐ'ч'къ], [з'д'élът'], [в-мас':и^{е}], [с'н'ѐт'], [ус'н'й], [с'н'йзу], [ká·з'н'], [млз'н'·á], [с'л'йвы], [мы̀с'л'и], [с'л'й̀т'], [з'л'й̀т']. В некоторых из подобных случаев, особенно в начале слова, встречается и неполное смягчение зубного согласного, а также произношение твердого зубного: [сл'йвъ], [сн'ек]. Особенно часто такое произношение в конце приставок и предлогов, образующих слог: [ръст'ирá·т'], [б'и^{е}зд'ѐт̄нъi], [б'и^{е}з-д'élъ] (наряду с [ръс'т'ирá·т'], [б'и^{е}з'д'ѐт̄нъi], [б'и^{е}з'-д'élъ]).

Перед [р'] выступают слабые по твердости-мягкости губные и зубные, которые произносятся твердо: [пр'ѐт'], [бр'й̀т'], [умр'·óт], [вр'·от], [ср'ес] *(срез)*, [зр'ел].

Перед мягкими зубными выступает слабая по твердости-мягкости фонема [р], которая обычно произносится как твердое [р] или [р] с некоторой долей смягчения („полумягкое"), и лишь в отдельных случаях чаще наличествует [р']: [пóрт'ит], [рд'ѐт'], [флрс'й'т'], [клрз'йнъ], [сбóрн'ик], [кáрл'ик]. Старая норма с [р'] встречается теперь все реже (произношение [пá·р'т'иi̯ъ], [сбó·р'н'ик] и т. д.).

Перед мягкими губными выступают слабые по твердости-мягкости губные, которые в некоторых случаях произносятся мягко, например, при сочетании приставки-предлога [в] с мягкими губными [в'], [ф'] корня или следующего слова: [в':·ол], [в':ерх], [ф':игý·р'и^{е}] *(в фигуре)*. При сочетании той же приставки-предлога с [м'], [п'], [б'] мягкость первого губного лишь возможна. Ср. [л'ив'м'·á] рядом с [л'ивм'·á], [в'б'и^{е}жá·т'] и рядом [вб'и^{е}жá·т'], [ф'п'и^{е}р'·óт] и рядом [фп'и^{е}р'·óт]. В случаях типа *в рифме, в лампе, в бомбе* при старой норме с мягкими

губными перед мягкими губными ([в-р'й'ф'м'и^{е}], [в-ла́·м'п'и^{е}], [в-бо́·м'б'и^{е}]) под воздействием других форм тех же слов ([ри́фмъ], [ла́мпъ], [бо́мбъ]) в настоящее время укрепилась уже новая норма с твердыми губными перед мягким губным: [в-р'и́фм'и^{е}], [в-ла́мп'и^{е}], [в-бо́мб'и^{е}].

На стыке приставки-предлога и корня или следующего слова обычно перед мягким губным произносится твердый губной: [лбв'·о́л], [лбм'·а́к], [л^{б}-б'е́'р'ьк][1] *(об берег)*, [лб-в'и^{е}ршы́ну].

Перед парными мягкими губными выступают слабые по твердости-мягкости зубные, которые могут произноситься весьма различно — как мягкие в одних случаях, как твердые в других, часто наблюдается неполное смягчение („полумягкие" или „полутвердые" согласные). Более последовательно мягкость проводится внутри корня, на конце же приставки или предлога часто произносится твердый согласный (для [т] и [д] твердость является в настоящее время нормой): [в'е́'т'ви], [ч'е́'т'в'ьр'т'], но [пъдв'и^{е}за́·т'], [д'в'е], [ми^{е}д'в'е́'т'] при возможном [дв'е], [м'и^{е}дв'е́'т'] и обычном в настоящее время [плдв'·о́л]; [л'у́д'м'йлъ], [д'м'йтр'ьі], но [плдм'·о́л], [ка́дм'иі]; [з'в'ёр'], [ра·з'в'ь], но рядом с [рлз'в'·о́л] также [рлзв'·о́л]; [из'б'·о́нкъ], [ро́·з'б'иф] и [ро́зб'иф]; [рлз'б'йл] и [рлзб'йл]; [з'м'е́і], [рлз'м'е́'т'ил] и [рлзм'е́'т'ил]; [с'в'ет], [с'в'е́'ч'къ], [с'ф'е́ръ] и [сф'е́ръ], [лтмлс'ф'е́ръ] и [лтмлсф'е́ръ], [с'п'и́нкъ], [с'п'ирт], [влс'п'и́тън] и [влсп'и́тън]; [с'м'и^{е}та́нъ], [с'м'ел], но также встречается произношение [см'и^{е}та́нъ], [см'ел].

Сочетание зубных согласных [т] и [д] с последующим мягким губным обычно встречается на стыке приставки с корнем или предлога со следующим словом, причем зубные [т], [д] по норме современного языка произносятся твердо: [по́тп'ис'], [плдб'йл], [лтв'е́т'ил], [плдв'е́'с'ил], [плдм'·о́л]; [лтп'е́плъ], [лдб'е́'р'ьгъ], [лт-в'е́тръ], [лт-м'·о́дъ].

Перед мягкими губными выступает слабая по мягкости-твердости фонема [р], которая обычно произносится как твердое [р] или [р] с некоторой долей смягчения („полумягкое") и лишь в отдельных случаях чаще употребляется [р'], например, [п'ёр'м'], [ч'е́'р'в'и], но [ко́рп'иі̯ъ], [склрб'йт], [клрм'й'т'], [слрв'й], [мо́рф'иі] или [ко́р·п'иі̯ъ], [клр·м'й'т'] и т. д. Старая норма с [р'] сейчас встречается все реже (т. е. произношение [а́·р'м'иі̯ъ], [клр'м'й'т'] и т. д.).

Таким образом, перед парными зубными как твердыми, так и мягкими произносятся только твердые губные (ср. [пта́хъ] — [пт'йцъ], [пра́вдъ] — [кла́вд'иі̯ъ], [т'и^{е}мна́] — [т'и^{е}мн'·а́] и т. д.).

---

[1] Маленькое [б] указывает на „твердый" затвор—паузу перед „мягким" размыканием, взрывом: смыкание производится при опущенной спинке средней части языка, а размыкание — при поднятой.

Перед твердым и мягким [р] выступают слабые по твердости-мягкости губные и зубные, которые произносятся твердо (ср. [пра́въ] — [пр'·а́мъ], [вра·т'] — [вр'·от], [сруп] — [ср'ес], [зрак] — [зр'·а]).

Несколько иначе обстоит дело с произношением зубных перед твердыми и мягкими зубными: здесь также выступают слабые по твердости и мягкости согласные, но они произносятся различно — перед твердыми зубными произносятся только твердые зубные, а перед мягкими — мягкие, хотя и с некоторыми отклонениями в сторону твердости (ср. [стон] — [с'т'ен], [клзна́] — [клз'н'·а́] и т. д.). Перед твердыми и мягкими губными выступают слабые по твердости-мягкости губные, которые произносятся твердо, а перед мягкими — в некоторых случаях — мягко, чаще полумягко, а в определенных категориях и твердо (ср. [в:о́·д'ит] — [в':·ол], [в-ма́·с':и^{е}] — [в'м'ê·с'т'и^{е}] или [вм'ê·с'т'и^{е}], ср. [лбва́·р'ьн] — [лбв'·а́зън], [ту́мбъ] — [нл·ту́·м'б'и^{е}], [нл-ту́м·б'и^{е}] или [нл-ту́мб'и^{е}]).

Перед твердыми и мягкими губными выступают слабые по твердости-мягкости зубные, которые произносятся только твердо перед твердыми губными, а перед мягкими губными — мягко, но часто с неполным смягчением, а в определенных категориях случаев — обычно твердо.

Все это приводит нас еще раз к выводу о недифференцированности категории твердости-мягкости согласных в положении перед согласными[1].

Наиболее слабо дифференцированы по твердости-мягкости губные согласные, которые перед согласными вообще не различаются по этому признаку.

Во многих случаях намечается зависимость твердости-мягкости данного согласного от твердости-мягкости последующего: перед твердым слабая по твердости-мягкости согласная фонема произносится твердо, а перед мягким — мягко. Эта зависимость носит ассимилятивный характер. Однако для многих согласных в ряде положений она проводится очень непоследовательно: возможны колебания большого диапазона — от твердого согласного через ряд промежуточных стадий с той или иной степенью смягчения до мягкого согласного. Эти колебания также свидетельствуют о недостаточной дифференцированности твердости-мягкости согласных как фонемообразующих категорий.

Если учесть, кроме сказанного, все то, что говорилось о категории твердости-мягкости согласных при анализе сильных позиций, то нельзя не признать, что в целом противопостав-

[1] Кроме положения перед заднеязычными и твердыми губными, где мягкость-твердость переднеязычных парных согласных дифференцирована и различается, а также кроме положения перед любым согласным для [л] и [л'] и, видимо, положения перед [ш] для [н] и [н'] (см. выше).

ленность твердых и мягких фонем друг другу значительно меньшая, чем противопоставленность глухих фонем звонким. Твердая и мягкая согласные фонемы, образующие пару (как и глухая и соответствующая звонкая), представляют собою не только различие, но и единство, при этом для пары „твердая и мягкая согласные" единство значительно более тесное, чем для пары „глухая и звонкая согласные": в случаях с недифференцированной твердостью или мягкостью — твердость, мягкость и промежуточные между ними ступени относятся не к конститутивным, дифференциальным признакам соответствующей фонемы, а только к позиционным.

§ 69. О характере противопоставлений по твердости-мягкости и глухости-звонкости в связи с историей русского консонантизма

Изучая ряды фонетических (т. е. позиционно обусловленных) чередований соотносительных по глухости-звонкости и твердости-мягкости сильных фонем со слабыми, нельзя не отметить, что возглавляющие эти ряды сильные фонемы нередко образуют нефонетические (т. е. позиционно необусловленные) чередования по твердости-мягкости, служащие для образования слов с одной и той же морфемой (обычно корнем), но в разных своих вариантах, для целей словообразования и словоизменения. Ср. [хвʌл'·ý], [хвʌл'·á], [пъхвʌл'бá] и [хвʌлý], [хвʌлá]; [б'ел] и [б'ếл'], [жар] и [жа·р']. Такого рода нефонетические чередования по глухости-звонкости отсутствуют: слова и формы, включающие в свой состав самостоятельную (т. е. фонетически необусловленную) глухость и звонкость согласного, в семантическом отношении ни в какой степени не сближаются (ср. [плʌтá] и [плʌдá], [пʌрóкъ] и [пʌрóгъ], [кʌсá] и [кʌзá], [плʌт'·á] и [плʌд'·á] и т. д.)[1].

Наличие самостоятельных нефонетических чередований твердых-мягких согласных фонем при отсутствии таковых для глухих-звонких свидетельствует о разном времени их образования: о „молодости" первой и исконности второй. Оно свидетельствует о том, что твердость-мягкость относительно недавно приобрела самостоятельность, стала фонемообразующей категорией, а до того была позиционно обусловленной, т. е. представляла варианты одной и той же фонемы, находящиеся между собой в отношениях позиционного чередования.

---

[1] Единичные случаи типа *отрепье* и *отребье*, *калоши* и *галоши* не могут идти в счет, тем более, что в них представлены в семантическом и грамматическом отношении тождественные слова, отличающиеся лишь в составе своих сильных фонем.

Продолжая наблюдения над нефонетическими чередованиями сильных твердых и мягких фонем, нельзя не заметить, что сказанное выше — т. е. образование новых слов и форм с одним и тем же корнем (форм словообразования и словоизменения) при помощи нефонетического чередования сильных твердых и мягких фонем — бывает тогда, когда имеется чередование в исходе, на конце морфемы (обычно корневой), но не в начале: все приведенные выше примеры имели нефонетическое чередование на конце морфемы (ср. [хвлл́у] и [хвлл'·у́], [жар] и [жа·р']). Приведем и другие примеры: ср. [пл'êт'] и [пл'·о́ткъ] (перед [к] твердость-мягкость не обусловлена — ср. [п'ê'т'къ]); [ма·т'] и [ма́ткъ] (ср. [ба́·т'къ]), [с'·а́ду] и [с'а́т'] (на конце слова твердость-мягкость не обусловлена — ср. [пърлс'·а́т]), [ра́нъ] и [ра́·н'шъ] (перед [ш] твердость-мягкость [н] не обусловлена — ср. [ха́ншъ]) и т. д.

Совсем иное дело, когда самостоятельная твердость-мягкость встречается в начале морфемы (обычно корневой): здесь сильные твердые и мягкие фонемы различают звуковой облик слов, как правило, в семантическом отношении друг к другу полностью чуждых. Поэтому в начале морфемы наличие сильных твердых и мягких фонем не образует чередования, ибо в основе всякого чередования (в том числе самостоятельного, непозиционного) лежит функциональное тождество или близость соответствующих морфем. В сказанном нетрудно убедиться из таких примеров, как [мак] и [м'·а́к], [мал] и [м'·ал], [вал] и [в'·ал], [сват] и [с'в'·ат], [рат] и [р'·ат], [рап] и [р'·ап], [гро́зы] и [гр'·о́зы], [роф] и [р'·о́ф], [гро́п] и [гр'·оп], [нос] и [н'·ос], [то́мнъі] и [т'·о́мнъі]; [мыл] и [м'ил], [был] и [б'ил], [ны·т'] и [н'и́т']; [лук] и [л'·ук], [тук] и [т'·ук] и т. д.

Это функциональное различие самостоятельной твердости-мягкости согласных в начале и в конце корневой морфемы имеет не во всех случаях одинаковое объяснение, но главное здесь в том, что в силу особенностей грамматического строя русского языка согласный конца корневой морфемы мог находиться перед разными гласными и согласными звуками (до падения редуцированных главным образом перед гласными), а согласный начала корневой морфемы, находящийся перед гласным, всегда находился перед одним и тем же гласным. Гласные фонемы древнейшей поры [а] и [ę], [о] и [е], [ы] и [и], различавшие разные, большей частью и этимологически неродственные слова, в дальнейшем совпали (вообще или в определенных положениях, как например [е] с [о] — только под ударением перед твердым согласным), передав различительную функцию предшествующим согласным. Однако комбинируемость начального согласного корня с последующим гласным не была абсолютно невозможной: в этимологически родственных корнях

могли быть нефонетические чередования гласных, в частности [о] и [е]. Если [е], чередующееся с [о], было под ударением перед твердым согласным, то впоследствии, после изменения [е] в [о], самостоятельные звуковые различия в родственных корнях (т. е. в корнях с общим или близким значением при общности их звукового оформления с различием лишь в одной фонеме) перенеслись на твердость-мягкость предшествующего согласного. Поэтому в некоторых из слов, относящихся к древнейшему слою и различающихся твердостью-мягкостью начального согласного корневой морфемы перед [о], можно усмотреть семантическую близость и, следовательно, наличие нефонетического чередования твердых и мягких фонем: ср. [прʌвóс] и [прʌв'·óс], [прʌнóс] и [прʌн'·óс], [пʌтóк] и [пʌт'·óк], [лок] (*лог*) и [л'·ок] (*лёг*). Такого же происхождения самостоятельная твердость-мягкость [р] в словах [гроп] и [гр'·оп], которые однако семантически совсем разошлись и, следовательно, не обнаруживают в современном языке элементов чередования[1].

Сказанное выше объясняет, почему фонемные ряды согласных иллюстрируются чередованием сильных фонем со слабыми главным образом на конце морфемы, где для чередования имеются бóльшие возможности. С другой стороны, сказанное выше объясняет нерасчлененность фонемных рядов, возглавляющихся сильными твердыми и мягкими согласными фонемами, так как сами сильные твердые и мягкие фонемы семантически не всегда расчленены, т. е. могут быть не только в разных морфемах, но также и в вариантах одной и той же морфемы. Наконец, все изложенное подтверждает неоднократно выше высказывавшееся положение о том, что твердость-мягкость согласных в целом не вполне четко противопоставлена, в ряде положений она не дифференцирована, не все даже парные по твердости-мягкости согласные и не во всех положениях одинаково противопоставлены по этому признаку, что противопоставление по твердости-мягкости согласных в целом в русском языке выражено гораздо менее ярко, чем противопоставление глухих и звонких, и это имеет глубокие исторические корни.

§ 70. О вариантах внепарных по твердости-мягкости согласных фонем

Внепарные твердые согласные фонемы [ш], [ж], [ц] во всех положениях звучат твердо: [шак], [шум], [шóры], [шэст], [шык],

[1] Семантическая близость корней в словах *посадит* и *сядет*, различающихся твердостью и мягкостью начальной согласной фонемы перед [а], также объясняется чередованием гласных, осложненным во втором случае наличием носового инфикса [н], который в сочетании с предшествующим гласным изменился в [ę] и далее в [а].

[шаш], [шла], [шл'и], [што], [л'йшн'ьі], [квлшн'·á]; [жар], [жук], [жок], [жыр], [ва́жнъі], [лы́жн'ик], [бума́жн'ик], [в'е́жл'ивъі]; [ца·р'], [клнцу́], [клнцо́м], [цэ́н:ъі], [цырк], [куп'е́ц], [цна], [нл-цн'е́] (река *Цна, на Цне*).

Примечание. Фонема [ц] перед согласными в корнях неупотребительна за исключением совершенно единичных случаев: *цвет, цвел* и производные, в некоторых названиях нерусского происхождения — *Цна* (река). В случаях *цвет, цвел* и производных [ц] может приобретать ту или иную степень мягкости. Ср. [·ц'в'ет], [цв'ет], [рлсц·в'·о́л] и даже [рлс'ц'в'·о́л].

Внепарные мягкие [ч'], [ш':], [ж':] во всех положениях звучат как мягкие согласные: [ч'ас'т'], [ч'ут'], [ч'·о́рнъі], [ч'ес'т'], [ч'ист], [нлч'ну́], [плч'ту́], [прлч'ла́], [клрч'ма́], [до́·ч'къ]; [п'иш':а́т'], [ш':·у́къ], [ш':·от], [мш':е́'н'иіъ], [ш':и], [ба́·н'ш':ик], [из'а́ш':-нъі], [мо́ш':нъі]; [длж':·а́], [ж':·от], [је́'ж':у], [во́·ж':и], [длж':л'йвъі] (это положение относится к фонеме [ж':] в той мере, в какой она вообще сохраняет мягкость, во всяком случае эта фонема во всех положениях звучит одинаково).

Внепарный мягкий [j] как не палатализованный, а палатальный, т. е: имеющий среднеязычную артикуляцию не в качестве дополнительной, а в качестве основной (см. § 54), естественно может быть только мягким.

В противоположность остальным внепарным по твердости-мягкости согласным фонемам заднеязычные [к], [г], [х], являясь твердыми в большей части позиций, в определенных позициях выступают в своих мягких вариантах.

Во всех тех положениях, где твердые и мягкие парные согласные фонемы различаются (на конце слова, перед гласными [а], [о], [у], [и]-[ы], для части парных твердых и мягких перед заднеязычными, перед твердыми губными), заднеязычные не различаются. При этом перед [а], [о], [у] звучат твердые заднеязычные, а перед [и] — мягкие. Ср. перед гласными: [лак] — [л'·ак], [лок] (*лог*) — [л'·ок], [лук] — [л'·ук], [л'ик] — [лык], но только [кам] (например, *рукам*), [ком], [кум], [к'им] (например, *таким*); только [гам], [гом] (например, *кругом*), [гум], [г'им] (например, *другим*); только [хам], [хом] (например, *в плохом*), [хум], [х'им] (например, *плохим*). На конце слова: [трон] — [трон'], [был] — [был'], [пуст] — [пус'т'], [гроп] — [гроп'] и т. д., но заднеязычные на конце слова только тверды: [лук], [пук], [нок], [п'·ок], [л'·ок], [д'е́'н'ьк], [в'ек], [м'ик]; [дух], [слух], [по́ръх], [сох], [м'ех]; перед заднеязычными и твердыми губными: [хурмы́] — [т'ур'мы́], [пр'изму] — [влз'му́], [кускóм] — [гус'кóм], но [лóхмы], [дóгмы], [м'·áхкъ], [л'·óхкъі].

Таким образом, в каждой данной позиции произносятся либо только твердые заднеязычные (так в большей части позиций), либо только мягкие.

Примечание. На тенденцию развития самостоятельной, фонематической твердости-мягкости заднеязычных перед гласными [о], [у], [а] в связи с наличием в литературном языке формы [тк'·от], а также заимствованных слов типа [млн'ик'·у́р], [л'ик'·о́р] было указано выше; см. § 66 — 68.

В положении перед [е], где парные твердые и мягкие согласные фонемы не различаются, в связи с чем выступают слабые по твердости-мягкости фонемы, которые произносятся мягко (см. [мал] — [м'·ал], [мол] — [м'·ол], но только [м'ел], а также [п'ила́], [з'и^{е}м'л'·а́], но [п'ил'е́], [з'и^{е}мл'е́]), заднеязычные выступают в своих мягких вариантах: [к'ем], [г'е́тры], [г'е́ны], [х'е́ты], [рук'е́], [нлг'е́], [блλх'е́]. Сочетания [к'е], [г'е], [х'е] встречаются на стыке конечной согласной основы и флексии в случаях типа *руке́, ноге́* (ср. др.-рус. *руцѣ, нозѣ*), в слове *кем* (ср. др.-рус. *цѣмь*), где заднеязычные появились по аналогии из форм других падежей (*рука, руку; кто, кого* и др.), и в большом количестве слов иноязычного происхождения (примеры см. выше).

Своеобразно поведение заднеязычных перед фонемой [и]. В то время как парные твердые и мягкие перед [и] различаются, причем после твердых согласных [и] выступает в своем варианте [ы], заднеязычные, как не различающиеся по твердости-мягкости, перед [и] выступают в своих мягких вариантах [к'], [г'], [х']: ср. [м'ил] — [мыл], [б'ил] — [был], [в'ил] — [выл], [с'ит] — [сыт] и т. д., но [к'и́слъі], [к'и́нут'], [к'ит], [к'и́пъ]; [г'и́б'ьл'], [г'и́нут'], [г'и́р'ъ], [г'имн]; [х'и́тръі], [х'ил]; ср. также на стыке основы и флексии: [пилы́] — [з'и^{е}мл'и́], но [рук'и́], [нлг'и́], [блλх'и́]; [стол] — [стλлы́], [сноп] — [снλпы́], но [полк] — [плλк'и́].

§ 71. Фонема [j]

В системе согласных фонем русского языка фонема [j] занимает весьма своеобразное положение. Как и другие сонорные, она не образует пар по глухости-звонкости. Однако, в отличие от других сонорных фонем, [j] не образует пар также и по твердости-мягкости, что фонетически вполне понятно: фонема [j] по своему образованию палатальная, а не палатализованная — среднеязычная артикуляция (поднятие средней части спинки языка к нёбу) при ее образовании является не дополнительной (т. е. могущей наличествовать или отсутствовать), а основной и единственной. Таким образом, фонема [j] в системе согласных фонем русского литературного языка занимает изолированное, обособленное положение: подобно фонемам [ц], [ч'], [х] она не образует соотносительных пар ни по глухости-звонкости, ни по твердости-мягкости.

В пособиях по фонетике русского языка обычно [j] принято относить к категории шумных согласных. В связи с этим необходимо обосновать самое отнесение [j] к числу сонорных

согласных. Сонорные, как известно, характеризуются в русском языке следующими основными признаками: 1) слабостью шумов в их образовании; 2) отсутствием соответствующих глухих (т. е. невокализованных) фонем; 3) тем, что перед ними различаются глухие и звонкие парные согласные; 4) тем, что при сочетании сонорных с последующим любым согласным между гласными сонорный замыкает собой предшествующий слог, делая его закрытым. По всем этим признакам [j] не отличается от других сонорных: шумы при образовании слабы, доминирует голос; для [j] отсутствует глухая пара, как и для [л], [н], [м], [р]; перед [j] различаются глухие звонкие, как и перед [л], [н], [м], [р] (ср. [п'j·у] — [б'j·у], [шj·у] — [ружj·ý] и [клуп] — [глуп], [кнут] — [гнут], [трýпнъi] — [трýбнъi], [кран] — [гран]); при сочетании звука [j] с последующим согласным между гласными звук [j], так же как и [л], [н], [м], [р], отходит к предшествующему слогу, делая его закрытым (ср. [мá·i/къ], [влi/нá], [тлi/гá], [вói/скъ] и [блл/тá·т'], [бáн/дъ], [клýм/бъ], [пáр/тъ])[1]. Следует иметь в виду также, что часто встречающийся вариант фонемы [j] звук [i] по своему образованию является гласным, т. е. еще более далеким от шумных согласных, чем сами сонорные. Изложенное выше говорит о том, что имеются все основания для отнесения [j] к категории сонорных согласных.

Будучи одинокой — внепарной по глухости-звонкости и по твердости-мягкости, — фонема [j] имеет свои специфические видоизменения: она выступает в двух своих разновидностях — в виде согласного [j] и неслогового гласного *и* ([i]).

Принадлежность звуков [j] и [i] к разновидностям одной и той же фонемы доказывается прежде всего тем, что звуки [j] и [i] в русском языке не употребляются в одном и том же положении и потому они друг по отношению к другу не могут служить для различения слов и морфем. Поэтому нельзя найти в русском языке слов, которые отличались бы друг от друга только наличием [j] или [i]. Употребление [j] и [i] обусловлено фонетическим положением: в одних положениях произносится [j], в других — [i]. Поэтому оказывается, что в одной и той же морфеме в зависимости от фонетического положения звучит то [j], то [i]. Ср., например, [крлj·óф], [крлj·ám], [нъ-крлj·ý], но [кра·i], [крá·iъм], [с-крá·iу]; [крлj·ý] и [крó·iкъ], [стлj·ál], [сто·i] и т. д.

Трудно решить вопрос о том, какой из этих звуков следует считать основным видом фонемы, а какой его вариантом. Но ввиду того что рассматриваемая нами фонема относится к системе консонантизма, а согласным является [j], а не [i], причем и гласный [i] употребляется в положениях, типичных для

[1] См. подробнее раздел о строении слога и слогоразделе в § 17—26.

согласного, а не гласного (перед гласным, после гласного; об этом см. ниже), то основным видом этой фонемы следует считать [j], а звук [i̯] ее вариантом.

Фонема [j] в своем основном виде употребляется перед ударным гласным (в начале слова, после гласного и после согласного): [j·ат] (*яд*), [j·ук] (*юг*), [j·от] (*йод*), [јем]; [стлj·ál], [твлj·ý], [фстлj·óм], [в-млjé̯i̯]; [б'j·у], [п'j·ан], [ч'j·а], [съллв'j·óм], [ч'ји], [върлб'ји].

Перед безударными гласными (в начале слова и после гласных) произносится вариант фонемы [j]-[i̯]: [i̯ула́], [i̯упи́'т'ьр], [i̯и^{е}сна́], [i̯и^{е}да́], [i̯и^{е}два́]; [мо́·i̯у], [зна́·i̯у], [ду́·i̯у], [в'е́'i̯у], [с-кра́·i̯у], [ра́·i̯ъ], [ч'ӓi̯ъм], [пъi̯и^{е}с'н'·ý], [уi̯и^{е}з'в'и̯'т'].

В положении перед безударным гласным после согласного, видимо, может выступать как [i̯], так и [j], причем последний произносится в отчетливой, более чеканной речи. Ср. [бра́·т'i̯ъ], [бра́·т'i̯ъм], [ма́·р'i̯ъ], [ма́·р'i̯у] и [бра́·т'јъ], [бра́·т'јъм], [ма́·р'јъ], [ма́·р'ју].

В положении после гласного перед согласным произносится вариант этой фонемы [i̯]: [вli̯на́], [ч'ӓi̯къ], [за́·i̯мъ], [по́·i̯мъ], [плi̯му́], [ко́·i̯къ], [фл'е́'i̯тъ]. То же произносится и на конце слова: [да·i̯], [ч'ӓi̯], [мо·i̯], [по·i̯], [л'ёi̯], [п'ёi̯], [ду·i̯], [ста́ръi̯], [с'и̯'н'ьi̯].

Следует отметить, что и в пределах положений, отведенных каждому из этих звуков, [j] и [i̯] в русском языке мало разграничены друг от друга, ввиду чего далеко не всегда можно установить, имеем ли мы дело с [j] или [i̯]. Отличие [j] от [i̯], как известно, заключается в несколько большем поднятии спинки языка к твердому нёбу, в связи с этим в наличии более ощутимого шума, а главное в локализации последнего, что отсутствует при [i̯] как гласном. Однако в русском языке звук [j] не отличается энергичностью артикуляции, силой шума, поэтому во многих случаях его трудно разграничить с [i̯].

В некоторых положениях наличие звука [j] или [i̯] обусловлено большей или меньшей отчетливостью произношения. В положении, где обычно выступает [j] при слабом, не энергичном артикулировании, может звучать и [i̯] ([узнлi̯·ý], [i̯·áснъ], при более обычных [узнлj·ý], [j·áснъ]); и наоборот, в аффектированной и эмоциональной речи при особенно энергичном артикулировании вместо обычного в данном положении [i̯] может произноситься и [j] ([зна́·ју], [ма́·јъ] при более обычных [зна́·i̯у], [ма́·i̯ъ]).

Фонема [j]-[i̯], как и другие сонорные, употребляется в двух основных положениях: перед гласным и после гласного: [j·ámъ], [i̯ула́], [сто·i̯], [ма·i̯]. Нередко оба эти положения могут сосуществовать: ср. [млj·á], [ма́·i̯ъ]. Кроме того, положение перед гласным может сочетаться с положением после соглас-

ного: [ч'j·а], [л'j·у]. Таким образом, положение перед гласным одновременно может быть положением в начале слова или в середине слова, а в последнем случае — после гласного или согласного. В свою очередь положение после гласного одновременно может быть положением на конце слова (ср. [ма·i̯], [ч'ăi̯], [по·i̯], [л'êi̯]) или положением перед согласными (ср. [ма́·i̯къ], [ч'ă̱i̯къ], [по́·i̯т'ь], [л'é'i̯т'ь]).

Существенным отличием в употреблении фонемы [j]-[i̯] по сравнению с другими сонорными является ее неупотребительность в начале слова перед согласным и в конце слова после согласного. Ср. наличие сонорных в этих положениях: ([рта], [ржы], [лжы], [лгу], [мгла], [мн'е], [нраф], [смотр], [подл], [п'êс'н], [шырм] и т. д.) при невозможности в тех же положениях [j]-[i̯]. В связи с этим при наличии сочетания согласных в начале слога фонема [j] может занимать положение т о л ь к о п о с л е других согласных, а в конце слога — т о л ь к о п е р е д другими согласными. Ср. [п'j·у], [л'j·у], [р'jан], [ч'ê'с'т'i̯·у] и [во·i̯н], [во·i̯ск], [фл'êi̯т], [п'и̯ᵉрвлма́·i̯ск]. При наличии между гласными после [j]-[i̯] согласных — [j]-[i̯] и последующие согласные относятся к разным слогам. Таким образом, [j] и последующие согласные не могут быть в пределах одного слога (ср. [во́·i̯/скъ]).

Характерной особенностью фонемы [j] является то, что в некоторых положениях самое употребление ее факультативно, т. е. слово может произноситься с фонемой [j]-[i̯] или без нее. Таково положение перед [и] после гласного, в особенности перед безударным [и]. С точки зрения физиологической понятно, почему именно перед [и] фонема [j]-[i̯] может быть факультативной: [j], [i̯] и [и] сходны в том отношении, что они образуются при помощи поднятия средней части спинки языка к твердому нёбу, причем [i̯] и [и] не отличаются степенью поднятия языка. Поэтому ясно, что [j] перед [и] может достаточно ясно ощущаться только в том случае, если он образуется при заметно более высоком подъеме языка, чем [и], с бо́льшим образованием шума, с определенной локализацией этого шума в полости рта. Понятно также, почему особенно часто бывает факультативным произношение этой фонемы перед безударным [и]: ведь перед безударным [и], как и перед другими безударными гласными, произносится не [j], а [i̯], образование которого ничем не отличается от образования [и]; в связи с этим ощутимость звука [i̯] перед [и], его акустическая выразительность в этом положении практически равна нулю.

Положение после гласного перед [и] (с фонемой [j]-[i̯] или без нее) встречается за немногими исключениями (типа [пли́мкъ], [во́ин], [дʌсто́ин]) на стыке с флексией. При этом для разных групп случаев, относящихся к разным грамматическим

категориям, произношение с фонемой [j]-[i̯] или без нее встречается не в одинаковой степени, что объясняется системой форм в пределах отдельных грамматических категорий, соотношением этих форм.

Приведем фактический материал.

Обычно без [j] произносятся формы местоимений [мʌй], [твʌй], [свʌй]; [мʌйх], [твʌйх], [свʌйх]; [мʌйм'и], [твʌйм'и], [свʌйм'и]; также без [j] произносятся обычно формы типа [бʌи], хотя чаще, чем для приведенных местоименных форм, встречается и произношение с [j]: [бʌйи]. Возможность произношения всех этих случаев с [j] поддерживается наличием [j] в других формах тех же слов в положении перед другими гласными (ср. [твʌj·а́], [твʌj·у́], [ф-твʌj·о́м], [твʌйе̯'и̯]; [бо́·и̯ъ], [бʌj·о́ф], [в-бʌj·у́] и т. д.), а также положением на конце слова (ср. [тво·и̯], [бо·и̯]). Обычное употребление формы местоимений *мои, моим, моих, моими* и др. без [j]-[i̯], являющееся нормальным для литературного языка, видимо объясняется частой слабой ударяемостью местоимений во фразе и даже их безударным употреблением (см. *мои кни́ги лежа́т на столе́*; *кни́ги мои лежа́т на столе́*; в последнем случае *мои* является энклитикой).

В инфинитиве и личных формах глаголов *кроить, доить, поить, гноить* и др., а также в личных формах глаголов типа *стоять, бояться* перед [и] фонема [j] не произносится: [крʌи́т'], [дʌи́т'], [гнʌи́м], [пʌи́т'ь], [струи́ц:ъ]; [стʌи́ш], [бʌи́ц:ъ]. Это, видимо, объясняется тем, что воздействие других форм, в которых [j] находится не перед [и], а перед другими гласными (имеются в виду прежде всего другие личные формы, например [крʌj·у́], [дʌj·а́т], [стʌj·а́т]) в формах спряжения осуществляется в меньшей степени, чем в системе имени (в формах склонения). Фонемы [j] нет в образованиях типа [вʌй'т'ьл'], [стрʌй'т'ьл].

Наконец, в одном случае факультативное [j] имеет место перед ударным [и] в начале слова: в формах *их, им, ими*, которые нормально произносятся [их], [им], [и́ми], но могут произноситься и [jих], [jим], [jй'м'и] (по устаревшей норме)[1]. После твердого согласного предлога (или вообще предшествующего слова при слитном произношении) при отсутствии [j] вместо [и] оказывается [ы]: ср. [в-ых до́·м'и^{е}], [да́л-ым] и [в-jих дом'и^{е}], [да́л-jим].

Фонема [j] отсутствует обычно перед безударным [и]. Нормальным является произношение [слра́и], [злʌд'е́'и], [г'и^{е}ро́и], [плко́и], [трʌмва́и] и т. д. В очень старательном произношении

[1] Произношение [j] в этих формах поддерживалось формами род., вин. и дат. падежей в ед. ч.: [jи^{е}во́], [jи^{е}му́].

здесь может выступить фонема [j] (видимо, в варианте [j]; [слра́·ји], [злʌд'ếји]).

Всегда отсутствует фонема [j]-[i̯] перед безударным [и] в формах глаголов типа *строить, стоить*: [стро́ит'], [сто́ит']; [стро́им], [сто́им], [стро́ил], [сто́ил] и т. д.

Фонема [j]-[i̯] может отсутствовать также в заударных слогах после гласных перед [ь], причем при ее отсутствии на месте [ь] произносится неэнергичное ослабленное [и]; ср. [зна́иш], [д'е́лъим], [ду́ит], [ро́им], [кро́ит'ь] или (при более тщательном произношении) [зна́·i̯ьш], [д'е́лъi̯ьм], [кро́·i̯ьт'ь] и т. д.

Имеются данные для того, чтобы свидетельствовать возможное отсутствие [j]-[i̯] перед безударным [ь] в начале слова, в особенности во 2-м или 3-м предударном слоге в беглом произношении просторечного типа: [иво́] при нормальном [i̯и^{е}во́], [изыка́] при нормальном [i̯ьзыка́], [ипо́·н'ьц] при нормальном [i̯ьпо́·н'ьц] и т. д. На возможность произношения с начальным [и] (без [i̯]) указывает просторечное произношение тех же форм после твердого согласного с [ы]: [в-ыво до́·м'и^{е}], [с-ыпо́нцъм'и] (*с японцами*), [с-ызыко́м], [в-ырусʌл'и́м] (*в Ерусалим*), [с-ыл'истра́тъвъм] (*с Елистратовым*) и др.

Очень ослабленно произносится фонема [j] в положении после группы согласных, в таких случаях, как *казнью, жизнью, честью, песнью* и т. д. Это объясняется, во-первых, тем, что сочетание согласных и последующий [j]-[i̯] оказываются в одном слоге ([жы́·э'н'i̯у], [ч'ếс'т'i̯у]), во-вторых, тем, что [у] после мягких согласных и без того имеет [и]-обра́зный приступ (ср. какое-нибудь *Нюра*, которое произносится фактически как [н'^{и}у́ръ]). В связи с последним обстоятельством наличие [i̯] или [и]-обра́зного приступа оказывается сравнительно мало отличающимся друг от друга. Все это объясняет, почему в в беглой речи [i̯] может в этом положении во всяком случае быть очень ослабленным и даже исчезать. Звук [i̯] практически может отсутствовать в случаях типа *заячьего, извощичьему, бычачьих*, т. е. после мягкого согласного ([ч']) перед заударным передним редуцированным или [и]: ср. [за́·i̯ьч'ьвъ], [изво́·ш':ич'ьму], [быч'ӑч'их] при [за́i̯ч'i̯ьвъ], [изво́·ш':ич'i̯ьму], [быч'ӑч'i̯их] в отчетливом произношении; ср. также возможное [лл'ếн'ьвъ], [лл'ếн'им] при [лл'ếн'i̯ьвъ], [лл'ếн'i̯им] в отчетливом произношении.

Очень ослабленное произношение звука [i̯], а в беглой речи и отсутствие его нередко наблюдается между заударными гласными. Ср. [зна́·н'иi̯ъ] и [зна́·н'иъ], [б'ьз-р'и^{е}ше́·н'иi̯ъ] и [б'ьз-р'и^{е}ше́·н'иъ], [ум'ếн'иi̯у] и [ум'ếн'иу]. Ослабление [i̯] связано, между прочим, с его вялым образованием, недостаточно высоким подъемом языка, не [и]-обра́зной, а в сущности [е]-обра́зной артикуляцией (в связи с чем между некоторыми заударными

гласными произносится скорее не *и* неслоговое, а *е* неслоговое), которая представляет собою переходную артикуляцию от [и] к следующему гласному.

Степень подъема языка при „*и* неслоговом", а также самое наличие его связано с характером заударных гласных, между которыми оно имеется. Ср. [ко́·ĭък], [дво́·ĭък] (или [ко́·ьк], [дво́·ьк]) при возможном [хлз'ӑьк], [л'и^{e}н'т'ӑьк] и обычном [ин'д'е́'ьк], [л'ин'е́'ьк].

В результате предшествующего рассмотрения можно сделать следующие выводы. Фонему [j] современного русского литературного языка с полным основанием следует отнести к числу сонорных. Будучи особенно близка к гласным, фонема [j] в отличие от других сонорных не употребляется в начале начального слога перед шумными согласными (ср. *рта, лгу*) и в конце конечного слога после шумных согласных (ср. *смотр, вопль*). Близость к гласным определяется также тем, что вариантом фонемы [j] является гласный [i].

Специфика фонемы [j] в звуковой системе современного русского языка заключается не только в том, что она занимает место среди сонорных и является фонемой-„одиночкой", не входящей ни в один из соотносительных рядов, но также и тем, что самое ее употребление в определенных положениях и случаях факультативно: она может произноситься (в отчетливом произношении), но может и отсутствовать (в беглом произношении). Тем самым заметно ослабляется ее значение как фонемы: фонема в собственном смысле слова склонна превратиться в переходную артикуляцию между гласными, наличие или отсутствие которой оказывается несопряженным с различением звуковой стороны разных слов и форм; ее наличие в этих случаях скорее свидетельствует об отсутствии согласной фонемы между гласными, чем о присутствии [j] как фонемы, так как последняя может и отсутствовать.

§ 72. Система согласных фонем с учетом всех соотносительных рядов в их взаимосвязи

Мы рассмотрели систему согласных фонем современного русского литературного языка с точки зрения двух основных рядов согласных фонем — соотносительного ряда по глухости-звонкости и соотносительного ряда по твердости-мягкости. Однако реально в языке эти ряды согласных не существуют отдельно: некоторые согласные, входящие по одному признаку в один из этих рядов, часто входят, но по другому признаку, и во второй ряд; другие согласные входят только в один из этих рядов, третьи не входят ни в один из них. Все это создает своеобразную и весьма сложную систему согласных.

Система согласных фонем современного русского языка сильно осложняется еще тем, что лишь некоторые позиции одновременно являются сильными как для глухости-звонкости, так и для твердости-мягкости. Имеются позиции, слабые по твердости-мягкости, но сильные по глухости-звонкости и, наоборот, позиции слабые по глухости-звонкости, но сильные по твердости-мягкости; далее — позиции слабые по глухости-звонкости могут быть сильными по твердости-мягкости для одних согласных и слабыми для других; наконец, имеются позиции слабые как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости.

Ввиду всего сказанного представляется целесообразным после рассмотрения системы согласных фонем русского литературного языка с точки зрения каждого из двух основных соотносительных рядов в отдельности представить себе эту систему во всей сложности реальных соотношений их элементов, в живом сосуществовании этих двух соотносительных рядов, так сказать, наложив их друг на друга. С этой точки зрения оказывается необходимым различать следующие фонетические положения:

1. Сильные позиции как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости.

Таково положение перед сильными гласными фонемами [и]-[ы], [а], [о], [у], а также перед слабыми гласными фонемами [α] и [$α_1$]. Приведем примеры перед [а]: [клса́], [клс'·а́], [клза́], [влз'·а́]; [л'и^{е}та́], [л'и^{е}т'·а́], [с'л'и^{е}да́], [с'л'и^{е}д'·а́]. В случаях [клса́] и [л'и^{е}та́] глухость и твердость являются различительными признаками фонем [с] и [т]; в случаях [клс'·а́] и [л'и^{е}т'·а́] такими признаками для фонем [с'] и [т'] являются глухость и мягкость; в случаях [клза́] и [с'л'и^{е}да́] для фонем [з] и [д] — звонкость и твердость; в случаях [влз'·а́] и [сл'ид'·а́] для фонем [з'] и [д'] — звонкость и мягкость. Приведем пример для α: ср. [длла́] и [д'и^{е}ла́], [тлла́нт] и [т'и^{е}ла́], [тлн'и́] и [т'и^{е}н'и́], [длр'и́] и [д'и^{е}р'и́], [слл'и́т'] и [с'и^{е}л'и́т'], [влл'·у́] и [в'и^{е}л'·у́] (гласные [ʌ] и [и^{е}] и являются вариантами фонемы α, см. об этом выше); [вы́дъл'и], [вы́·д'ьл'и] *(выдели)*, [мы́тър'и] и [ма́·т'ър'и], [в'и́дънъ] и [в'и́·д'ьнъ], [пътлка́·т'] и [п'ьтлка́] (гласные [ъ] и [ь] в приведенных положениях являются вариантами фонемы α; см. об этом выше). Здесь также глухость или звонкость, твердость или мягкость согласных перед гласными [ъ] — [ь], являющимися вариантами фонемы α, является их различительным признаком. В положении перед перечисленными гласными фонемами согласные в наибольшей степени дифференцированы, в них различаются все имеющиеся в языке согласные фонемы. Назовем их абсолютно сильными позициями. В абсолютно сильной позиции выступают любые согласные фонемы, в том числе глухие или звонкие, каждая из которых одновременно может быть твердой или мягкой, т. е. все четыре возможные согласные, образующие группу по глухо-

сти-звонкости, твердости-мягкости. Иными словами, в этой позиции выступают сильные согласные фонемы. Будучи максимально дифференцированными, согласные в этой позиции (т. е. сильные согласные фонемы) обладают наибольшей способностью различать звуковую оболочку слов и морфем. Поэтому глухость-звонкость и твердость-мягкость сильных согласных фонем являются их конститутивными признаками, достаточными для различения одной из согласных данной группы среди других согласных той же группы.

Система сильных согласных фонем в их взаимосвязи (в соотносительных рядах твердых-мягких и глухих-звонких фонем) может быть представлена в следующей таблице:

[п] — [б] [ф] — [в] [т] — [д] [с] — [з] [л] [м] [н] [р]
| | | | | | | | | | |
[п'] — [б'] [ф'] — [в'] [т'] — [д'] [с'] — [з'] [л'] [м'] [н'] [р']
[ш] — [ж] [ш':] — [ж':] [к] — [г] [х] [ч'] [ц] [j].

2. Сильные позиции по глухости-звонкости, но слабые по твердости-мягкости.

Таково положение перед [е], где соотносительные пары согласных по твердости-мягкости представлены только мягкими согласными, в то время как пары согласных по глухости-звонкости представлены обеими фонемами. Ср. [п'ел], [б'ел], [в'ес], [ф'éскъ], [т'ел], [д'ел], [с'ер], [з'éркълъ], [л'ес], [м'ел], [н'ет], [р'ек] и т. д. (перед [е] могут быть также все согласные фонемы непарные по твердости-мягкости; см. выше). Примером сильной позиции по глухости-звонкости и одновременно слабой по твердости-мягкости может служить положение губных или зубных, парных по глухости-звонкости и мягкости-твердости, перед сонорными. В этом положении глухость-звонкость различается, а твердость-мягкость вообще не дифференцирована и, следовательно, не может различаться: перед твердыми сонорными губные и зубные могут быть только твердыми (ср. [сла́бну], [ка́пну], [брус], [прут], [вла́гъ], [фла́гъ], [р'йфм], [дна], [пълл̂но́], [слон], [зло́·i], [тру], [друк] и т. д.). Сложнее картина перед мягкими сонорными: губные перед [н'], [л'], [р'] произносятся только твердо (ср. [пн'·а], [пл'и], [бр'ик], [мн'и], [мр'и]), губные перед [м'] обычно тверды, но могут приобретать в той или иной степени позиционную мягкость (ср. [лб̂м'én] и [лб̂'м'én]), впрочем губной [м] перед [м'] мягок ([в-га́·м':и^{c}]); зубные перед [н'], [л'] произносятся мягко (ср. [с'н'·ал], [с'л'йт'], [клз'н'й́т'], [з'л'йт'], [стра́·н':ик]) или мягкие в той или иной степени (в тех же примерах) или твердые (ср. [ръзн'има́·т'] при [ръз'н'има́·т'], [рлзл'й́т'] при [рлз'л'й́т']); зубные перед [р'] произносятся только твердо (ср. [тр'и], [мудр'éц], [зр'и́мъi], [ср'ес]); наконец, как

губные, так и зубные перед [j] произносятся мягко: [п'j·у], [б'j·у], [в'j·у], [скλм'j·á], [ллд'j·á], [з'и^{е}т'j·á], [из'j·áн], [клс'j·áн], [клн'j·ák], но могут произноситься с неполной мягкостью и даже твердо в конце приставки (ср. [λбj·óм], [плдj·óм], [λтjéст] и др.). Эта сложная и противоречивая картина едина в одном — в том, что перед сонорными как твердыми, так и мягкими не только не различается, но и вообще не дифференцирована твердость или мягкость парных согласных: перед каждым из указанных согласных парные по твердости-мягкости согласные произносятся или только твердо или только мягко; показательно, что определенные согласные перед некоторыми мягкими сонорными (в одном и том же слове) имеют огромный диапазон колебаний: от твердого до мягкого. Все это свидетельствует о недифференцированности твердости-мягкости указанных согласных перед сонорными.

Во всех описанных позициях согласные дифференцированы в меньшей степени, чем в сильных позициях, так как соотносительный ряд твердых и мягких согласных в одних из них представлен только твердыми согласными, в других — только мягкими или теми и другими (а также промежуточными ступенями между ними) без фонематической дифференциации. Эти позиции можно определить как сильные по глухости-звонкости и слабые по твердости-мягкости. В них выступают слабые по твердости-мягкости твердые или мягкие согласные фонемы, одновременно являющиеся сильными по глухости-звонкости.

Согласные, вообще различающие категорию твердости-мягкости, не различая ее в описанных позициях, выступают не как представители одной конкретной фонемы, а как представители более общих групп, каждая из которых объединяет в себе пару согласных по твердости-мягкости.

Система согласных фонем в позиции сильной по глухости-звонкости и слабой по твердости-мягкости в их внутренних связях может быть представлена в нижеследующей таблице. Слабые по твердости-мягкости фонемы, реально являющиеся твердыми или мягкими или колеблющимися по твердости-мягкости, т. е. выступающие в своем твердом или мягком вариантах, ниже обозначаются буквой соответствующего согласного без указания на мягкость (даже в том случае, когда она наличествует), но с условным показателем 1, который как раз и указывает на позиционность, нефонематичность твердости-мягкости. У этих фонем, таким образом, твердость-мягкость не различается, или не дифференцирована, т. е. не является их конститутивным, различительным признаком. Реальная твердость или мягкость этих фонем обусловлена фонетическим положением, а частью (перед согласными) также морфологической структурой слова.

В слабых позициях по твердости-мягкости и сильных по глухости-звонкости различаются следующие согласные фонемы:

[п$_1$] — [б$_1$] [ф$_1$] — [в$_1$] [т$_1$] — [д$_1$] [с$_1$] — [з$_1$] [р$_1$] [л$_1$] [м$_1$] [н$_1$]
[ш] — [ж] [ш':] — [ж':] [к] — [г] [х] [ч'] [ц] [j].

Как видно из таблицы, из 24 парных по твердости-мягкости согласных в этой позиции употребляются только 12 (в одних положениях — твердые, в других — мягкие, в третьих — с колеблющейся твердостью-мягкостью).

Употребление в этой позиции остальных 10 внепарных по твердости-мягкости фонем не требует особых разъяснений. Сказанное может быть выражено в формуле

$$\frac{24}{2} + 10 = 22.$$

Формула эта в полной мере приложима к положению перед [е]. Здесь выступают слабые по твердости-мягкости фонемы, реализующиеся в своих мягких вариантах; внепарные по твердости-мягкости фонемы [к], [г], [х] выступают в своих мягких вариантах, остальные внепарные без особых изменений. Ср. [п'ел], [б'ел], [ф'ётръ], [в'ётръ], [т'ел], [д'ел], [с'ер], [з'ёркълъ], [р'ек], [л'ет], [м'етръ], [н'ет], [шэст], [жэст], [ш':ê'л'], [дрлж':ê'i], [к'ёгл'и], [г'ёты], [х'ёты], [ч'ем], [цэн], [jем]. Перед [е] здесь выступают мягкие варианты слабых по твердости-мягкости фонем п$_1$, б$_1$, ф$_1$, в$_1$, т$_1$, д$_1$, с$_1$, з$_1$, р$_1$, л$_1$, м$_1$, н$_1$.

Та же формула приложима к положению перед сонорными [н], [л], [р], [н'], [л'], [р'], [j], однако не в полной мере; это объясняется прежде всего тем, что практически в русском языке некоторые согласные в положении перед этими сонорными согласными отсутствуют. Так, например, нет сочетания [ж':р] или [ш':j], отсутствуют сочетания [ц] с последующими сонорными ([цр], [цл], [цj] и др.[1]); сочетания [jн], [jр], [jл] не могут быть в пределах одного слога (ср. [вл'i'на']), а в связи с этим не могут быть также в начале слова (подробнее об этом см. выше § 25, 71). Нет сочетаний [л'р] или [л'л] и т. д. Практически не употребляются внутри слова сочетания [г'j], [х'j], да и [к'j], для которого можно указать имя *Лукьян* — [лук'j'а́н]. Поэтому перед указанными согласными реально различается не 22 согласных фонемы, а несколько меньше.

С другой стороны, для положения перед [н] и [н'] вышеприведенная таблица не учитывает различаемости перед ними фонем [л] и [л']: ср. [вλлна́], [вλл'на́], [бλл'на́], [вλлн'е́], [бλл'н'ê'i].

Для положения перед указанными согласными следует учесть, что предшествующие парные по твердости-мягкости согласные, будучи слабыми фонемами по этому признаку, перед

[1] Для *цн* можно в какой-то мере принять во внимание название *Цна*, хотя следует иметь в виду, что топонимика может заключать в себе особенности, отсутствующие в общем языке.

одними согласными выступают в своих твердых вариантах (например, все парные по твердости-мягкости перед [р] и [р'], а также перед [н], [л] или губные парные перед [н'], [л']), перед другими — в своих мягких вариантах (например, все парные по твердости-мягкости согласные перед [j]), хотя и с некоторыми ограничениями, связанными со структурой слова, а также парные зубные перед мягкими зубными [н'], [л'].

Приведем в целях наглядности примеры для положения перед некоторыми из разобранных согласных:

перед [р']: [пр'и], [бр'·ук], [фр'·а], [вр'·от], [тр'·ук], [др'ăн'], [ср'ес], [зр'·а], [шр'ифт], [жр'и], [кр'·ук], [гр'им], [хр'·ак] [ч'р'évъ]; перед [р'] оказалось всего 15 разных согласных, так как практически отсутствуют перед ним согласные [р], [л], [н] (твердые или мягкие), а также [ш':], [ж':], [ц] и [р'] (22—7=15);

перед [н']: [пн'и], [н'ь-лсла́б'н'и], [да́фн'и^{е}], [вн'ăт'], [по́·т'н'ик], [д͡н'·а], [с'н'ек], [б'ьл'из'н'е́], [в-го́рн'и^{е}], [влн'е́], [влн'ê̯і̯], [мн'е], [дл'ин':ê'і̯], [кл'и^{е}шн':á], [жн'·от], [мóш':нъ], [кн'ăс'], [гн'·от], [бр'и^{е}хн'·á], [нлч'н'и́]; в этом списке можно насчитать перед [н'] 20 разных согласных (в таблице предусмотрены 22 фонемы); это объясняется, с одной стороны, отсутствием сочетаний [ж':н'], [цн'], а также [jн], с другой стороны, различением [л] и [л'] перед [н'] (22 — 3 + 1 = 20). Перед [j]: [тр'и^{е}п'j·ó], [блб'j·ó], [слф'j·án], [в'j·от], [з'и^{е}т'j·á], [ллд'j·á], [л'и́'с'jъ], [кó·з'jъ], [бур'j·án], [кλл'j·án], [с'и^{е}м'j·á], [върлн'j·ó], [шj·от], [ружj·ó], [лук'j·án], [ч'j·а]. Перед [j] оказалось 16 разных согласных, так как отсутствуют [ш':], [ж':], [ц], [г], [х], а также [j] (22—6 = 16).

3. Сильные позиции по твердости-мягкости, но слабые по глухости-звонкости.

В этих позициях выступают согласные фонемы, слабые по глухости-звонкости, каждая из которых одновременно является сильной по твердости-мягкости. Согласные, вообще различающие категорию глухости-звонкости, в этих позициях ее не различают, в связи с чем выступают не как представители одной конкретной фонемы, глухой или звонкой, а как представители более общих групп, каждая из которых объединяет в себе пару согласных по глухости-звонкости.

Типичной позицией сильной по твердости и мягкости и слабой по глухости-звонкости является положение на конце слова. Это положение является и более простым среди других аналогичных позиций, так как охватывает все парные по глухости-звонкости согласные и не осложняется вопросами, связанными с их ассимилятивным смягчением. На конце слова соотносительные пары согласных по глухости-звонкости не различаются и представлены только глухими согласными, в то время как пары по твердости-мягкости различаются и представлены как твер-

дыми, так и мягкими. Это означает, что на конце слова согласные дифференцированы в меньшей степени, чем в сильной позиции, так как соотносительный ряд глухих и звонких согласных в этом положении представлен только глухим. В этом положении выступают согласные сильные по твердости-мягкости, но слабые по глухости-звонкости, выступающие в своих глухих вариантах.

Система согласных фонем в позициях слабых по глухости-звонкости и сильных по твердости-мягкости показана в нижеследующей таблице. Слабые по глухости-звонкости фонемы (на конце слова выступающие в своих глухих вариантах, а в других положениях — в своих звонких вариантах) в словофонематической транскрипции обозначаются буквой соответствующего глухого согласного (даже в тех случаях, когда произносятся их звонкие варианты) с условным показателем 2, который указывает на позиционность, нефонематичность глухости-звонкости. Таким образом, у слабых по глухости-звонкости согласных фонем глухость или звонкость не различается, т. е. не является их конститутивным, различительным признаком. Реальная же их глухость или звонкость целиком бывает обусловлена позицией, например, их глухость — положением на конце слова.

В слабых позициях по глухости-звонкости и сильных по твердости-мягкости могут различаться следующие фонемы:

[п$_2$]	[ф$_2$]	[т$_2$]	[с$_2$]	[л]	[м]	[н]	[р]	[ш$_2$] [ш':$_2$] [к$_2$] [х] [ч'] [ц] [j].
[п'$_2$]	[ф'$_2$]	[т'$_2$]	[с'$_2$]	[л']	[м']	[н']	[р']	

Как видно из таблицы, из 22 парных по глухости-звонкости согласных в позициях слабых для глухости-звонкости употребляется только 11, кроме того, употребляются все 12 внепарных по глухости-звонкости. Сказанное можно выразить в формуле:

$$\frac{22}{2} + 12 = 23.$$

Приведем 23 примера на каждый согласный в конце слова: [топ], [дро·п'], [суро́ф], [бро·ф'], [н'ет], [п'ѐт'], [нос], [о·с'], [кол], [бо·л'], [том], [т'ѐм'], [сон], [ко·н'], [бор], [бу·р'], [нош], [хво·ш':], [сток], [дух], [п'ѐч'], [клн'ёц], [клн'ѐ'i]. На конце этих слов произносятся слабые по глухости-звонкости согласные фонемы п$_2$, п'$_2$, ф$_2$, ф'$_2$, т$_2$, т'$_2$, с$_2$, с'$_2$, ш$_2$, ш':$_2$, к$_2$.

Другой типичной позицией, слабой по глухости-звонкости, но сильной по твердости-мягкости (для части согласных), является положение перед [к]. На месте каждой пары по глухости-звонкости произносится глухой вариант слабой по глухости-звонкости фонемы, а губные также не различаются по твердости-мягкости, и на месте каждой такой пары произносится твердый вариант слабой по твердости-мягкости фонемы. Поэтому из

губных смычных произносится только [п], из губных щелевых только [ф], т. е. губные глухие и твердые, из губных смычно-проходных только [м], т. е. твердый. Пары по твердости-мягкости (кроме губных) различаются. Таким образом, система взаимно различающихся согласных перед [к] принимает такой вид:[1]

[п$_3$] [ф$_3$] [т$_2$] [т'$_2$] [с$_2$] [с'$_2$] [л] [л'] [м$_1$] [н] [н'] [р] [р'] [ш$_2$] [ш':$_2$] [к$_2$] [х] [ч'] [ц] [j].

Таким образом, перед [к] теоретически могут различаться до 20 согласных (однако практически меньше, так как некоторые из них не встречаются в этом положении — например, [ш':], почти не встречается [ц]).

Приведем примеры: [ша́пкъ], [ша́фкъ], [р'е́ткъ], [р'ѐ'т'къ], [ла́скъ], [мо́·с'къ], [углка́], [углл'ка́], [ло́мкъ], [ба́нкъ], [ба́·н'къ], [го́ркъ], [го́·р'къ], [но́шкъ], [н'ик:лму́], [м'·а́хкъ], [по́·ч'къ], [кл'·о́цк'и], [кро́·ікъ]. Таким образом, перед [к] выступают слабые по твердости-мягкости и глухости-звонкости фонемы п$_3$, ф$_3$ и слабые по глухости-звонкости фонемы т$_2$, т'$_2$, с$_2$, с'$_2$, ш$_2$, ш':$_2$, к$_2$.

Рассмотрим еще одну слабую по глухости-звонкости и сильную по твердости-мягкости (для части согласных) позицию — перед звонкой согласной [б]. В этой позиции на месте каждой пары по глухости-звонкости выступает слабая по глухости-звонкости фонема, которая употребляется в своем звонком варианте, а губные согласные не различают также и пары по твердости-мягкости, в связи с чем на месте каждой такой пары произносится только твердый вариант слабой по твердости-мягкости фонемы. Поэтому из губных смычных произносится только [б], из губных щелевых — только [в]. Согласные, внепарные по глухости-звонкости, перед [б] различаются, причем глухие выступают в своих звонких вариантах.

Таким образом, система взаимно различающихся согласных перед [б] не отличается от только что рассмотренной (для положения перед [к]). Различие касается лишь того, что перед [б] слабые по глухости-звонкости согласные фонемы выступают в своих звонких вариантах; внепарные по глухости-звонкости фонемы выступают также в своих звонких вариантах в то время, как перед [к] те же парные по глухости-звонкости фонемы выступают в своих глухих вариантах, а внепарные не изменяются.

Приведем примеры: [лб:а́т], [клвбо́·і], [лдбо́·і], [хлд'ба́], [збо́·і], [р'и^{e}з'ба́], [лба], [пъхвлл'ба́], [лмба́р], [глрба́], [гур'ба́], [жбан], [г-бо́·іу], [дву́γ-бы], [лл'ʒ'ба́], [лт'е́ʒ-бы], [блібак]. Отсутствует сочетание [ж':] с последующим [б], а также сочетание [нб] и, видимо,

[1] Губные смычные, не различающиеся перед [к] не только по глухости-звонкости, но также и по твердости-мягкости ([п], [ф]), даны с показателем 3. Разъяснение соответствующих фактов дано ниже.

также [н'б] (если не считать литературными такие слова как *бороньба, гоньба*). В приведенных примерах перед [б] среди других согласных выступают фонемы, слабые по глухости-звонкости и твердости-мягкости $п_3$, $ф_3$; слабые по глухости-звонкости $т_2$, $т'_2$, $с_2$, $с'_2$, $ш_2$, $к_2$; слабая по твердости-мягкости фонема $м_1$.

Таким образом, теоретически в описанных положениях различается 20 согласных, но фактически меньше, так как некоторые согласные перед заднеязычными и губными (или некоторыми из них) не употребляются или почти не употребляются.

4. Абсолютно слабые позиции, т. е. слабые позиции как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости.

В этих позициях не различается ни твердость-мягкость (кроме твердости-мягкости [л] и [л'] перед всеми согласными и [н] и [н'] перед [ш]; см. об этом выше § 67, 68), ни глухость-звонкость. Согласные, вообще различающие твердость-мягкость и глухость-звонкость или одну из этих категорий (т. е. только твердость-мягкость или только глухость-звонкость), в абсолютно слабой позиции (за исключением твердости-мягкости [л] — [л'] и частью [н] — [н']), не различают ни ту, ни другую категорию: их твердость-мягкость и глухость-звонкость (или одна из этих категорий, если данные согласные вообще не различают другой) целиком обусловлены позицией и не являются поэтому конститутивными, различительными признаками данных слабых фонем. Поэтому в абсолютно слабых позициях (с учетом выше оговоренных исключений) на месте каждой из групп фонем — из четырех фонем (образующих пары по твердости-мягкости и глухости-звонкости) или двух фонем (образующих пару по твердости-мягкости или по глухости-звонкости), как и на месте одиночных фонем, не входящих ни в одну из этих пар, реально может произноситься один согласный звук, который выступает как представитель не одной конкретной фонемы, а более общей категории, объединяющей различаемую в других положениях группу фонем (из одной или двух пар). Однако если в этих, абсолютно слабых позициях глухость-звонкость, а также для большей части согласных твердость-мягкость согласных лишены различительной функции, так как позиционно обусловлены, то другие их признаки, как например место и способ образования шума, отсутствие или наличие назализации, различаются и служат для различения звуковой оболочки слов и морфем. Иллюстрируем это на одном примере: если, например, перед [т] из группы

п	—	б	употребляется	только	[п], а из группы
п'	—	б'			

ф	—	в	—		
ф'	—	в'			

только [ф] (ср. [лʌпта́] и [кʌфта́н]), так как здесь твердость-мягкость и глухость-звонкость не различаются, то губно-губное или губно-

зубное, смычное или щелевое образование различаются, различаются и другие характерные признаки каждой из групп согласных.

Таким образом, в абсолютно слабых позициях различается наименьшее количество согласных, многие из которых являются слабыми фонемами как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости (такие фонемы, выступающие в своих глухих или звонких, твердых или мягких вариантах, вне зависимости от их реальной глухости или звонкости и твердости или мягкости, обозначаем в транскрипции буквой соответствующего глухого согласного без указания на мягкость с показателем 3).

Разберем положение перед [т] или [с], в котором не различается ни твердость-мягкость (кроме [л] и [л']), ни глухость-звонкость. В этом положении могут различаться следующие согласные:

$[п_3]$ $[ф_3]$ $[т_3]$ $[с_3]$ $\begin{matrix}[л] \\ | \\ [л']\end{matrix}$ $[м_1]$ $[н_1]$ $[р_1]$ $[ш_2]$ $[ш':_2]$ $[к_2]$ [х] [ч'] [ц] [j].

Практически различается меньшее количество согласных, так как некоторые согласные перед [т] и [с] не употребляются (например, [ц], [ш':]) или возможны в очень редких случаях. Приведем примеры на более или менее часто употребляющиеся сочетания с согласным [т] и [с]: [л'éптъ], [мýфтъ], [бýт:ъ], [стук], [болт], [во·л't], [бант], [борт], [клшта́н], [та́ктъ], [пла́хтъ], [по́·ч'тъ]; [пса], [лфса́], [лтса́·д'ит], [ма́с:ъ], [къмслмо́л], [полс] *(полз)*, [пу·л'с], [ста́нсы], [курс], [н'и^{е}с'·о́шсъ], [лл'и^{е}ксáндр], [стр'й'ч'съ], [п'ê'i̯сы]. Перед [т] и [с] в приведенных примерах выступают слабые по твердости-мягкости и глухости-звонкости фонемы $п_3$, $ф_3$, $т_3$, $с_3$ (в своем глухом и твердом варианте), а также слабые по твердости-мягкости фонемы $м_1$, $н_1$, $р_1$ (в своем твердом варианте) и слабые по глухости-звонкости фонемы $ш_2$, $к_2$ (в своих глухих вариантах).

Разберем теперь положение перед [т'] и [с'], в котором различаемость предшествующих согласных не отличается от их различаемости перед [т] и [с]. Отличия касаются не количества и состава различающихся согласных фонем, а лишь позиционной мягкости (нередко неполной мягкости или факультативной мягкости) некоторых согласных, т. е. их вариантов.

Приведем примеры: [клпт'ê'т'], [н'éфт'], [лт':énък] и [пл^{т}т:ê'н'ју], [с't'ép'] и возможное [ръст'и^{е}нý·т'], [блл т'й'i̯скъi̯], [млл т'й'i̯скъi̯], [бá·н't'ик], [кóрт'ик], [лóкт'и], [пыхт'ê'т'], [прлч't'·óт], [по·i̯т'ь]; [пс'и́нъ], [фс'·о], [плтс'él] и [плт'с'él], [рлс':ê'л'ис'], [мы́лс'ъ] [1], [вá·л'с'ик], [рлмá·н'с'ик] при возможном [финлнс'йст],

[1] При возможном [мы́лсъ], где [л] находится перед твердым [с].

[влрс'йнкъ] (при возможном [р] полумягком и даже мягком, однако последнее характеризует устарелое произношение), [блйшс'ъ][1], [тлкс'й], [ул'ê'ч'с'ъ][2], [с'м'ê'ĭс'ъ].

Если мы рассмотрим положение перед [д] или [з], то мы увидим, что в этом положении различается то же количество одних и тех же согласных фонем, что и в положении перед [т] или [с], с тем различием, что согласные фонемы, слабые по глухости-звонкости, здесь выступают в своих звонких вариантах, в то время как перед [т] и [с] они выступают в своих глухих вариантах.

Приведем примеры: [лбдýмът'], [прáвдъ], [л^{д}д:á·т'], [з'в'и^{е}здá], [бллдá], [л'да], [бóндър'], [бурдá], [врлждá], [лн'и^{е}гдóт]; [слбзá], [взор], [нлдзóр], [влз:р'йлсъ], [пóлзъл], [пó·л'зъ], [брóнзъ], [курза'л], [влгзáл] (согласные [х], [ч'], [ц] в пределах слова перед [д] и [з] не употребляются, а в случае тесного слияния на конце слова с [д], [з] следующего слова они выступают в своих звонких вариантах [γ], [ǯ], [ʒ]).

Наконец, если мы рассмотрим положение перед [д'] и [з'] сравнительно с положением перед [т'] и [с'], то увидим, что в том и другом положении различается равное количество одних и тех же согласных фонем с тем различием, что согласные фонемы, слабые по глухости-звонкости, перед [д'], [з'] выступают в своих звонких вариантах (в то время как перед [т'], [с'] они выступают в своих глухих вариантах).

Приведем примеры: [лбд'élът'], [вд'élът'], [пл^{д}д':élът'] и [плд':élът'], [уз'д'ê'ч'къ], [рлз'д'élът'] и [рлзд'élът'], [н'и глдй], [л'д'йнъ], [клн'д'й't'ьр], [глрд'йнъ], [жд'и], [гд'е], [плĭд'·от]; [ф-слбз'é], [вз'·ал], [нъд'з'ирá·т'] и [нъдз'ирá·т'], [пллз'й], [скл'з'й't'], [влн'з'й't'] и [влнз'й't'], [клрз'ин] (при возможном [р] полумягком и даже — в устарелом произношении — мягком: [клр'з'йнъ]), [г-з'им'é]. Согласные [х], [ч], [ц] в пределах слова не встречаются, а в случае тесного слияния на конце слова с [д'], [з'] следующего слова выступают в своих звонких вариантах [γ], [ǯ], [ʒ].

На примере различения согласных перед [т], [с] и [т'], [с'], [д], [з] и [д'], [з'] нельзя не убедиться в том, что глухость-звонкость и твердость-мягкость (всех согласных, кроме [л] и [л'] и с известными оговорками [н] и [н']) перед этими согласными не различаются, фонетически обусловлены, не служат для целей различительных и что перед любым из этих согласных различаются одни и те же согласные фонемы, которые, однако, выступают в своих вариантах — парные по твердости-мягкости и глухости-звонкости в одном своем варианте, твердом или мяг-

[1] При возможном [блйшсъ], где [ш] находится перед твердым [с].
[2] При возможном [ул'ê'ч'съ], где [ч'] находится перед твердым [с].

ком, глухом или звонком; парные только по твердости-мягкости в одном своем варианте — твердом или мягком, парные только по глухости-звонкости — в одном своем варианте, глухом или звонком.

Таким образом, в абсолютно слабой позиции (например, перед [т], [с]; [д], [з]; [т'], [с']; [д'], [з']) теоретически различается 16 согласных. Практически же значительно меньше, так как долгая мягкая шипящая [ш':], а также согласные [х], [ч'], [щ] и некоторые другие в пределах слова перед этими согласными практически не употребляются.

§ 73. Фонемные ряды согласных

В формах словообразования и словоизменения один и тот же кратчайший согласный элемент морфемы попадает в разные фонетические положения, в результате чего образуются ряды фонетически обусловленных чередований сильной фонемы со слабыми фонемами. Не всегда этот ряд бывает полным: те или иные его звенья могут и отсутствовать, но все имеющиеся члены чередования входят в данный ряд[1]. Наличие более или менее длинного ряда чередований зависит от того, в какую морфему входит данный кратчайший звуковой элемент (корневую, префиксальную или в предлог, в суффиксальную, в разного рода частицы, во флексию), от того, какое место он занимает в морфеме (в начале морфемы или в конце его), от богатства форм словообразования и словоизменения, образующихся с данной морфемой, от способности различных звуков в разной степени подвергаться позиционным изменениям (главным образом ассимилятивного характера). Во многих случаях переплетаются все или некоторые из этих факторов.

В одних случаях оказывается налицо большой ряд чередований: сильная согласная фонема, например [д] в [влдá], чередуется со слабой по твердости-мягкости зубной смычной фонемой, которая перед [е] в [влд'é] звучит в своем мягком варианте [д'], а перед [н] в [во͡днъі] в своем твердом варианте, и со слабой по глухости-звонкости зубной смычной фонемой, которая на конце слова в [вот] (род. п. мн. ч.) звучит в своем глухом варианте [т] и т. д. В других случаях в ряду чередований может отсутствовать сильная фонема, и тогда ее место (место фонемы, возглавляющей ряд) занимает относительно сильная фонема из числа тех, которые представлены в данном ряду. Например, в слове [избá] пред-

[1] Это аналогично тому, что, например, при ямбе может не быть ударения на каждом четном слоге, но все имеющиеся ударения падают на четный слог.

ставлен звонкий вариант [з] слабой по глухости-звонкости зубной щелевой твердой фонемы — [$с_2$] (ср. [р'и^{е}з'ба́]), в слове [из'б'е́] представлен звонкий мягкий вариант [з'] слабой по глухости-звонкости и твердости-мягкости зубной щелевой фонемы — [$с_3$]. При чередовании слабой по глухости-звонкости (но сильной по твердости-мягкости) фонемы с фонемой слабой как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости первая, естественно, как относительно сильная, возглавляет ряд. Бывают и такие ряды чередований, в которых представлены варианты одних и тех же слабых фонем, в которых — иными словами — отсутствует возглавляющая ряд фонема. Ср., например, [клзна́], [клз'н'е́], где [з] и [з'] представляют собой соответственно твердый и мягкий варианты одной и той же слабой по твердости-мягкости звонкой щелевой зубной согласной фонемы — [$з_1$].

В некоторых случаях может полностью отсутствовать чередование, и тогда во всех образованиях с данной морфемой бывает представлена одна и та же сильная или слабая фонема (последняя в том или ином своем варианте). Это бывает в зависимости от ряда обстоятельств. Одно из них заключается в бедности состава образуемых с данной морфемой слов и форм или в полной изолированности данного слова или грамматической формы в смысле его дальнейших словообразовательных и словоизменительных связей (ср., например, конечные фонемы в глагольных формах [л'и^{е}т'е́'т'], [иду́т] или в безударной частице *ведь*: [в'ьт']). В других случаях отсутствие чередований объясняется неподатливостью данного типа звуков к позиционным чередованиям, т. е. прежде всего к ассимилятивным изменениям (ср., например, слабую по твердости-мягкости и глухости-звонкости фонему, выступающую в своем глухом варианте в словах [лʌпта́], [лʌпт'е́'j]). Очень важным обстоятельством является наличие данной согласной фонемы в начале такого сочетания согласных, которые входят в состав одной морфемы, ввиду чего она не отделима от последующей фонемы (ср. [узда́], [иска́т'], [ко́фтъ] и т. д.). Наконец, очень важно положение согласного (или сочетания согласных) в морфеме — в начале морфемы перед гласным или в конце морфемы после гласного. В первом случае чередование отсутствует: твердый или мягкий, глухой или звонкий согласный всегда остается самим собою во всех формах словообразования и словоизменения. (Ср., например, сильную глухую-твердую фонему [п] в таких случаях, как [пот], [плт'е́т'], [пръплт'е́фшъ̯], [вы́път] и т. д., или сильную звонкую мягкую фонему [з'] в таких случаях, как [з'·а́бну], [з'ап'], [пръз'и^{е}ба́·т'].) Напротив, во втором случае, когда согласный (или сочетание согласных) находится в конце морфемы (в особенности корневой), возможности фонетиче-

ского чередования сильной и слабых фонем значительно возрастают. Корневая морфема, если она представляет собой непроизводную основу и относится к одной из изменяемых частей речи или соотносительных с изменяемой частью речи, попадает в разных грамматических формах в различные фонетические положения: на конце слова, перед разными гласными (ср. [гʌлóф], [гълʌвá], [гълʌв'é]; [исп], [избá], [в-ыз'б'é]). Подобного рода чередования имеют место и в неизменяемых частях речи, соотносительных с изменяемыми (ср. наречие-предлог [вʌкрýк] и существительные [крýк], [крýгъ]; или предлог [сквóс'], наречие [нʌсквó·с'] и глагол [сквʌз'и'т'] и т. д.).

Та же корневая морфема, сочетаясь в составе производной основы с разными суффиксами, создает иные условия для фонетического чередования сильной фонемы со слабыми: конечный согласный корня, оказываясь перед разными гласными и согласными суффикса, изменяется, образуя фонетическое чередование: ср. конечный согласный корня в таких словах, как [гълʌвнó·i̯], [гълʌвáстъi̯], [гʌлóфкъ]; [л'и^{e}снó·i̯], [л'и^{e}сóк], [л'и^{e}с'н'ик], [кʌсá], [кʌс'й'т'], [кʌз'бá]. Характер чередований в этом случае определяется тем, какими гласными и согласными начинаются суффиксы.

Сказанное, в общем, относится и к конечному согласному предлогов (а также префиксов) и суффиксов, хотя и в несколько меньшей степени. Последнее объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, русские предлоги (и приставки) на согласный кончаются только твердым согласным[1], в связи с чем при сочетании с последующим гласным отсутствует противопоставление по твердости-мягкости (ср. [пъд-лкó·i̯], [пъд-уфó·i̯], [плд-э́·т'им], [пъд-ызбó·i̯], [плд-j·óлкъi̯]); во-вторых, меньшие возможности фонетических чередований согласных на стыке предлога и следующего слова (а это относится, в общем, и к стыку приставки и корня) объясняются, кроме того, ослабленными возможностями ассимилятивного смягчения конечного согласного предлога перед мягким согласным следующего слова (а также — в известной степени — конечного согласного приставки перед мягкими согласными корня): ср. [лб-j·áкър'], [лбjéхъл] с твердым [б] при мягком [б'] в других морфологических элементах слова (в пределах корня, на стыке с суффиксом): [б'j·у], [върʌб'j·á]. Другой пример: [плд-j·óлкъi̯], обычное [плдjéхъл] с твердым [д] при [д'j·ак], [блд'j·á] с мягким [д]. Таким образом, конечный согласный предлога (а еще чаще и приставки) нередко остается

[1] Кроме предлогов *близ* ([бл'ис']) и *сквозь* ([сквó·с']), в которых в связи с наличием обычно побочного ударения конечный согласный примыкает к предыдущему гласному, образуя закрытый слог и произносясь без голоса не только перед глухими согласными следующего слова, но также и перед гласными и сонорными.

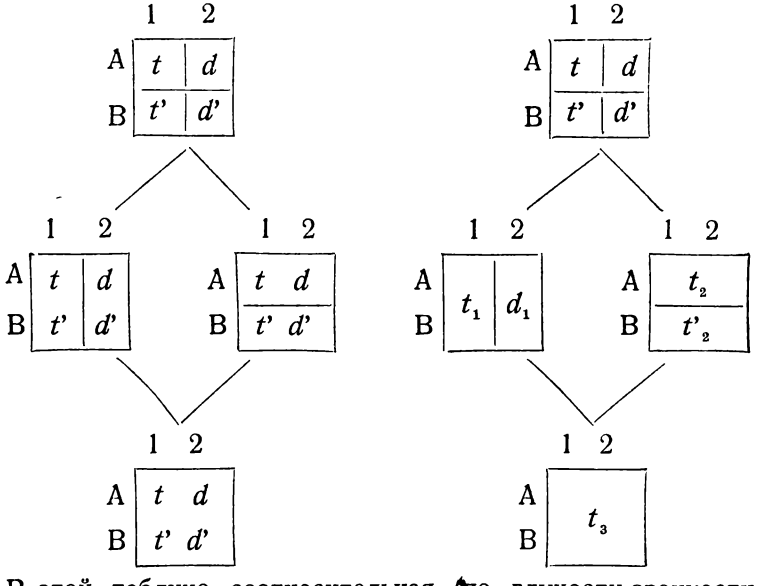
неизменным в своей твердости, не подвергается позиционному смягчению. Наконец, следует отметить ограниченность самого репертуара согласных, которыми могут кончаться предлоги[1] (и приставки): это главным образом [с] — [з], [т] — [д], в одном случае [б] (*об*), а также — согласные [в] и [к], которые образуют сами по себе предлоги *к*, *в*, также приставку *в-*.

Конечные согласные суффиксов также не отличаются слишком большим многообразием: почти отсутствуют суффиксы на шумные парные мягкие согласные (едва ли не единственный такой суффикс *-ость*), мало суффиксов и на твердые парные шумные (есть суффиксы на [в], [б]), парные по глухости-звонкости представлены главным образом уже названными звонкими [в], [б], звонкими и глухими [ж] — [ш], [г] и [к]. Этим определяется характер фонетических чередований в исходе суффикса; ср., например, чередование сильной фонемы [в] со слабой по твердости-мягкости звонкой губной щелевой фонемой [$в_1$], выступающей перед [е] в своем мягком варианте [в'] ([кумлфство], [кумлфс'т'в'е]) или со слабой по глухости-звонкости твердой губной щелевой фонемой [$ф_2$], выступающей на конце слова в своем глухом варианте [ф] ([сво·ійствъ], [сво·істф], [крлс'ивъі], [крлс'иф]); чередование сильной фонемы [б] со слабой по твердости-мягкости звонкой губной смычной фонемой [$б_1$], выступающей перед [е] в своем мягком варианте [б'] ([клз'ба], [клз'б'е]), со слабой по глухости-звонкости твердой губной смычной фонемой [$п_2$], выступающей на конце слова в своем глухом варианте [п] ([про·з'бъ], [про·с'п], [дружбъ], [друшп]); чередование сильной фонемы [ш] или [ж] с соответствующей слабой по глухости-звонкости фонемой [$ш_2$], которая на конце слова выступает в своем глухом варианте [ш] ([грлб'иᵉжа], [грлб'·ош], [л'итрлжа], [л'итраш]), ([г'ьн'иᵉра·л'шъ], [г'ьн'иᵉра·л'ш]), сильной фонемы [г] с соответствующей слабой по глухости-звонкости фонемой [$к_2$], которая в приведенных примерах выступает в своем глухом варианте [к] ([ръблт'·агъ], [ръблт'·ак]; [з'в'иᵉр'·угъ], [з'в'иᵉр'·ук]; [б'ьд͡н'иᵉка], [б'иᶜд͡н'·ак]; ср. с этим [б'иᶜд͡н'·ак] — род. п. мн. ч. от [б'иᵉд͡н'·агъ]).

Ввиду того что система согласных фонем русского языка пронизывается почти полностью их соотносительностью по твердости-мягкости и по глухости-звонкости, то ряды чередований отдельных сильных фонем обычно укладываются в пределах группы соотносительных фонем. Поэтому ниже мы представим ряды чередований не для каждой отдельной фонемы, а для групп соотносительных фонем (включая одиночные фонемы, не образующие ряда, но сами существующие на правах соотносительной группы). Общая схема группы соотносительных

[1] Мы имеем в виду так называемые первообразные предлоги.

(парных) по глухости-звонкости и твердости-мягкости сильных согласных фонем и образуемых ими фонемных рядов может быть представлена в следующих таблицах (где *t* и *d* обозначают соответственно глухие и звонкие парные согласные):

В этой таблице соотносительная (по глухости-звонкости и твердости-мягкости) группа согласных дана в квадратной рамке. Различение согласных фонем по глухости-звонкости обозначено вертикальной чертой (и соответственно цифрами 1 и 2); различение согласных фонем по твердости-мягкости обозначено горизонтальной чертой (и соответственно буквами А и В). Деление квадрата по вертикали и по горизонтали указывает на различение соответствующих согласных как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости; деление квадрата только по вертикали — на различение по глухости-звонкости при неразличении по твердости-мягкости (т. е. при позиционности твердости-мягкости); деление квадрата только по горизонтали — на различение твердости-мягкости при неразличении глухости-звонкости (т. е. при позиционности глухости-звонкости). Наконец, полное отсутствие деления квадрата указывает на неразличение соответствующих согласных ни по глухости-звонкости, ни по твердости-мягкости (т. е. на позиционность обоих этих признаков).

В левой таблице показаны варианты слабых по твердости-мягкости или глухости-звонкости или по обоим этим признакам фонемы без отграничения друг от друга линиями. В правой таблице указание на конкретные варианты их опущено, но по-

казана лишь слабая фонема как таковая: знаками t_1, d_1 соответственно глухая и звонкая фонемы, слабые по твердости-мягкости; знаками t_2, t'_2 соответственно твердая и мягкая фонемы, слабые по глухости-звонкости; знаком t_3 фонема слабая по твердости-мягкости и по глухости-звонкости.

Эти знаки употребляются в тех случаях, когда необходимо обозначить в транскрипции не конкретный звук, а фонему как таковую. В этих случаях твердость-мягкость и глухость-звонкость обозначаются только тогда, когда они самостоятельны, не обусловлены фонетической позицией. Если обусловлена твердость-мягкость, последняя не обозначается, причем вне зависимости от реальной твердости или мягкости употребляется буква согласного без указания на мягкость, но с цифрой 1 справа ниже буквы: цифра 1, таким образом, указывает на позиционный характер твердости-мягкости. При обусловленности глухости-звонкости последняя также не обозначается, причем вне зависимости от реальной глухости или звонкости употребляется буква соответствующего глухого согласного, но с цифрой 2 справа ниже буквы, которая указывает на позиционный характер глухости-звонкости. Наконец, при обусловленности как твердости-мягкости, так и глухости-звонкости не обозначается ни тот, ни другой признак, причем вне зависимости от реальной твердости или мягкости, глухости или звонкости употребляется буква соответствующего глухого согласного без указания на мягкость, но с цифрой 3 справа ниже буквы: последняя указывает на позиционный характер твердости-мягкости и глухости-звонкости.

Следует иметь в виду (см. выше § 66, 67), что сильные твердые и мягкие согласные фонемы, образуя нефонетические (т. е. позиционно необусловленные) чередования, практически возглавляют один фонемный ряд: ср. [гр'и^{e}бу́], [гр'и^{e}б'·о́ш] и [гр'·оп], [гр'и^{e}бла́]. Нефонетическое чередование твердых и мягких согласных образуют также слабые по глухости-звонкости согласные фонемы: [пл'ê т'], [пл'·о́ткъ]; [н'йт'], [н'йткъ]; [ло́шът'], [лʌша́ткъ] (на конце слова и перед заднеязычными [т] и [т'], как известно, различаются: ср. [брат], [бра·т']; [р'е́ткъ], [р'ê т'къ]).

Наконец, следует учесть, что сильная глухая фонема может фонетически чередоваться со слабой по твердости-мягкости глухой же фонемой (но не звонкой!), а сильная звонкая фонема — со слабой по твердости-мягкости звонкой же фонемой (не глухой!). Что касается остальных членов чередования, то они у той и другой одни и те же, а именно это — слабая по глухости-звонкости (и сильная по твердости-мягкости) и слабая по обоим этим признакам.

Таким образом, все многообразие чередований соотносительных по глухости-звонкости, твердости-мягкости согласных, об-

разующих фонемный ряд, сводится к следующим двум формулам:

$$t + t' \parallel t_1 \parallel t_2 + t'_2 \parallel t_3;$$
$$d + d' \parallel d_1 \parallel t_2 + t'_2 \parallel t_3.$$

Знаком „плюс“ в этих формулах показаны нефонетические чередования сильных по твердости-мягкости согласных фонем, представленных в вариантах одной и той же морфемы.

Конечно, далеко не все члены этих рядов бывают представлены для одной и той же морфемы (в частности чаще даже отсутствуют те их члены, которые образуют нефонетическое чередование). Важно то, что все реально представленные члены фонемного ряда охватываются этими формулами.

Приведем конкретный материал, иллюстрирующий выставленные выше положения.

Для группы [п] — [п'] — [б] — [б'].

В примерах [тру́пы], [тру́пнъi] и [ф-тру́·п'и^{e}], [труп] и [тру́ббы] фонемный ряд, возглавляемый сильной глухой фонемой [п], представлен следующими членами: п $\parallel$ $п_1$ $\parallel$ $п_3$.

В примерах [р'е́пъ], [в-р'е́'п'и^{e}], [р'еп], [р'е́пкъ] он представлен следующими членами: п $\parallel$ $п_1$ $\parallel$ $п_2$ $\parallel$ $п_3$.

В примерах [труба́], [тру́бнъi] и [нъ-труб'е́], [труп] и [тру́ббы], [тру́пкъ] и [тру́пч'ътъi], а также в примерах [губа́], [губно́·i] и [нъ-губ'е́], [гуп] и [гу́б-бы], [гу́пкъ], [гу́пч'ътъi] фонемный ряд, возглавляемый сильной звонкой фонемой [б], представлен следующими членами: б $\parallel$ $б_1$ $\parallel$ $п_2$ $\parallel$ $п_3$.

В примерах [склрб'·а́т], [склрб'е́'т'] и [ско́рбнъi], [скорп'] и [скорб'-бы] фонемный ряд, возглавляемый сильной звонкой мягкой фонемой [б'], представлен следующими членами: б' $\parallel$ $б_1$ $\parallel$ $п'_2$.

В примерах [гр'и^{e}бу́], [гр'и^{e}б'·о́ш], [гр'и^{e}бла́], [гр'·оп] фонемный ряд возглавляется сильными звонкими фонемами — твердой и мягкой, которые образуют нефонетическое чередование б + б' $\parallel$ $б_1$ $\parallel$ $б_2$. В примерах [цы^{э}по́·ч'къ], [цы^{э}п'·а́м], [цы^{э}п'е́i] и [цы^{э}пно́·i], [цэ·п'] и [цэ́·б'-бы], [цэ́пкъi] фонемный ряд возглавляется сильными глухими фонемами, твердой и мягкой, которые образуют фонетическое чередование п + п' $\parallel$ $п_1$ $\parallel$ $п_2$ $\parallel$ $п_3$.

Для группы [ф] — [ф'] — [в] — [в'].

В примерах [сло́въ], [ф-сло́·в'и^{e}], [слоф] и [слов-бы], [слʌфцо́]; [трʌва́], [нъ-трʌв'е́], [траф], [тра́фкъ]; [пʌл'и́въ], [ф-пʌл'и́'в'и^{e}] и [пъл'ивно́·i], [пʌл'и́ф], [пʌл'и́фкъ] фонемный ряд, возглавляемый сильной звонкой твердой фонемой [в], представлен следующими членами: в $\parallel$ $в_1$ $\parallel$ $ф_2$ $\parallel$ $ф_3$.

В примерах [л'и́фъ], [в-л'и́'ф'и^{e}], [л'иф], [л'и́фч'ик] фонемный ряд, возглавляемый сильной твердой глухой фонемой [ф], представлен следующими членами: ф $\parallel$ $ф_1$ $\parallel$ $ф_2$ $\parallel$ $ф_3$.

В примерах [мл҃рко́·в'и], [мл҃рко́внъi], [мл҃рко́·ф'], [мл҃рко́фкъ] фонемный ряд, возглавляемый сильной мягкой звонкой фонемой [в'], представлен следующими членами: в' || $в_1$ || $ф'_2$ || $ф_3$.

В примерах [брлва́стъi] + [брлв'а́м'и], [брлв'е́'i], [нлдбро́внъi], [бро·ф'], [бро́фкъ]; [крлва́въi] + [крлв'·а́м], [крлв'е́'i] и [кро́внъi], [кро·ф'], [кро́·в'-бы], [пълукро́фкъ] фонемный ряд, возглавляемый сильными звонкими фонемами [в] и [в'] (образующими нефонетическое чередование), представлен следующими членами: в + в' || $в_1$ || $ф_2$ || $ф_3$.

Для группы [т] — [т'] — [д] — [д'].

В примерах [злпла́тъ], [нъ-злпла́·т'и^е], [злпла́т] и [злпла́ткъ]; [по́тъ], [ф-по́·т'и^е] и [по́т͡нъi], а также [плт͡л'и́въi], [пот] фонемный ряд, возглавляемый сильной твердой глухой фонемой [т], представлен следующими членами: т || $т_1$ || $т_2$.

В примерах [п'ьр'и^{е}пл'·о́тъ], [ф-п'ьр'и^{е}пл'о́т'и^е] и [п'ьр'и^е-пл'·о́т͡нъi], [п'ьр'и^{е}пл'·о́т], [п'ьр'и^{е}пл'о́т'ч'ик] фонемный ряд, возглавляемый сильной глухой твердой фонемой [т], представлен следующими членами: т || $т_1$ || $т_2$ || $т_3$.

В примерах [фхо́дъ], [фхлд'·а́], [пр'и-фхо́·д'и^е], [фхлдно́·i], [фхот] и [прлхо́ткъ], [хлд'ба́] фонемный ряд, возглавляемый звонкими сильными фонемами [д] и [д'], представлен следующими членами: д + д' || $д_1$ || $т_2$ + $т'_2$ (последние два члена образуют нефонетическое чередование слабых по глухости-звонкости фонем).

В примерах [пл'е́'т'и], [пл'е́'т'] и [пл'·о́ткъ] фонемный ряд, возглавляемый сильной мягкой глухой фонемой [т'], представлен членами т' || $т_2$.

В примерах [м'е́'д'и] или [м'и^{е}д'·а́к], [м'е́д͡нъi], [м'ет'] фонемный ряд, возглавляемый мягкой звонкой фонемой [д'], представлен членами: д' || $д_1$ || $т'_2$.

Для группы [с] — [с'] — [з] — [з'].

В примерах [л'и^{е}са́], [л'и^{е}сно́·i] и [л'и^{е}с'н'и́к], [л'ес] фонемный ряд, возглавляемый сильной твердой глухой фонемой [с], представлен членами с || $с_1$ || $с_2$.

В примерах [н'и^{е}су́], [н'и^{е}с'·о́ш], [н'и^{е}сла́] и [н'и^{е}с'л'и́], [н'·ос] фонемный ряд, возглавляемый сильными глухими фонемами [с] и [с'], представлен следующими членами: с + с' || $с_1$ || $с_2$.

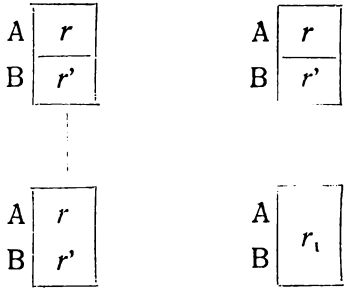
В примерах [с'л'и^{е}за́], [с'л'и^{е}з'·а́тцъ], [сл'и^{е}з'е́], [с'л'·о́знъi], [сл'·ос] фонемный ряд, возглавляемый сильными звонкими фонемами [з] и [з'], представлен следующими членами: з + з' || $з_1$ || $с_2$.

В примерах [о́·с'и], [двухо́снъi], [о·с'] фонемный ряд, возглавляемый сильной глухой мягкой фонемой [с'], представлен членами: с' || $с_1$ || $с'_2$.

В примерах [гр'а́з'и], [гр'а́знъi], [гр'ас'] фонемный ряд, возглавляемый сильной звонкой мягкой фонемой [з'], представлен членами: з' || $з_1$ || $с'_2$.

Соотношение сильных согласных фонем, парных по твердости-мягкости, но внепарных по глухости-звонкости, проще.

Образуемые ими фонемные ряды могут быть представлены в следующей таблице (где *r* и *r'* соответственно обозначают твердые и мягкие парные согласные, являющиеся одновременно внепарными по глухости-звонкости).

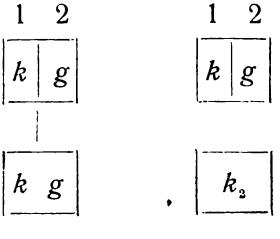
В этих таблицах самостоятельная фонематическая твердость-мягкость разграничена горизонтальной чертой. Отсутствие черты в левой таблице указывает на фонетическую обусловленность реальной твердости или мягкости, являющейся вариантом слабой по твердости-мягкости согласной фонемы. В правой таблице указание на конкретные варианты этой фонемы опущено — показана лишь сама слабая по твердости-мягкости фонема как таковая (знаком r_1).

В примерах [плрá], [плр'é]; [сор], [сóрнъı] или [слрн'·áк] представлен фонемный ряд р||$р_1$. В примерах [сон], [вл-с'н'é] и [слн͡л'йвъı] (или [слн'͡л'йвъı]) представлен фонемный ряд н||$н_1$.

В примерах [дом], [в-дó·м'и^{c}] представлен фонемный ряд м||$м_1$; в примерах [стол], [нъ-стлл'é] — фонемный ряд л||$л_1$.

В примерах [ко·н'], [кóн:ъı]; [т'êм'], [т'·óмнъı] представлены фонемные ряды н'||$н_1$, м'||$м_1$.

Соотношение сильных согласных фонем, парных по глухости-звонкости, но внепарных по твердости-мягкости, и образуемые ими фонемные ряды могут быть представлены в следующих таблицах (где *k* и *g* соответственно обозначают глухие и звонкие парные согласные, являющиеся одновременно внепарными по твердости-мягкости).

В этих таблицах самостоятельная, фонематическая глухость-звонкость разграничена вертикальной чертой. Отсутствие же черты указывает на фонетическую обусловленность реальной глухости или звонкости, являющейся вариантом слабой по глухости-звонкости согласной фонемы (левая таблица). В правой таблице указание на конкретные варианты этой фонемы опущено — показана лишь сама слабая по глухости-звонкости фонема как таковая (знаком $к_2$).

В примерах [рука́], [рук]; [п'и^{ъ}ку́] и [п'и^{ъ}кла́], [п'·ок] представлен фонемный ряд к||к$_2$; в примерах [нлга́], [нок]; [б'ьр'и^{ъ}гу́], [б'ьр'и^{ъ}гла́], [б'и^{ъ}р'·о́к] — фонемный ряд г||к$_2$.

В примерах [ут'е́шу], [ут'еш]; [шъллша́], [шлла́ш] представлен фонемный ряд ш||ш$_2$.

В примерах [нлжа́] и [нлжно́·і], [нош]; [р'е́жу] — [р'еш]; [ржы], [рош] — фонемный ряд ж||ш$_2$.

В примерах [в'ê'ш':и], [в'êш':] представлен фонемный ряд ш':||ш':$_2$; в примерах [длж':и́], [до·ш':] — фонемный ряд ж':||ш':$_2$.

Одиночные фонемы, не входящие ни в один из соотносительных по твердости-мягкости и глухости-звонкости рядов,— [ч'], [ц], [х], [j], естественно, не образуют фонетических чередований сильных фонем со слабыми по этим признакам.

ТИПЫ НАУЧНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

§ 74. Звуковая система и звуковое письмо

Любой тип звукового письма, будь то фонетическая транскрипция или орфографическое письмо, всегда так или иначе соотнесен с фонетической системой языка, ибо каждой отдельной букве, или графеме, являющейся основной единицей звукового письма, обычно соответствует одна кратчайшая звуковая единица, которая в зависимости от разных аспектов своего функционирования может получить собственно фонетическую или фонологическую квалификацию. Однако отношения между буквами письма и звуковой стороной языка могут быть весьма различны в разных типах звукового письма.

Не будем здесь касаться орфографического письма, ибо орфография того или иного конкретного языка определенного периода его развития есть явление историческое, складывалась постепенно, нередко в течение многих веков. Поэтому она обычно не бывает единой по своим принципам: отдельные ее элементы нередко оказываются в разных отношениях к звуковой стороне языка.

В одних случаях отношения эти закономерны: букве непосредственно соответствует определенный звук (ср. написание *дом* при наличии в произношении [дом]) или букве опосредствованно соответствует определенный звук (таково написание буквы [о] при наличии в произношении звука [ʌ] в слове *дома* — [дʌма́] по образцу *дом*; ср. [вʌда́] — [во́ды], [стʌлы́] — [стол] и т. д. при написании *вода, воды, столы, стол* и т. д.; таково также написание буквы *д* при наличии в произношении звука [т] в слове *сад* [сат] по образцу *сады* — [сʌды́]; ср. [склат] — [скла́ды], [плот] — [плʌды́] и т. д. при написании *склад, склады, плод, плоды* и т. д.).

В других случаях отношения между буквами письма и звуковой стороной языка не полностью закономерны или полностью не закономерны, условны, „случайны“ (с точки зрения современных отношений). Так, например, написание буквы *в* в слове *столов* (род. п. мн. ч.) закономерно по отношению к любой букве согласных, кроме *ф*, но не закономерно и условно по отношению к этой последней букве: на конце слова [в] и [ф] не различаются, произносится только глухой, т. е. [ф]; при этом положение в конце флексии есть позиция „не проверяемая“, так как отсутствуют отношения, имеющиеся в случаях типа [клро́ф] при [клро́въ]; поэтому с равными основаниями эта флексия могла бы писаться и с буквой *ф* на конце. Таким образом, выбор между буквами *в* и *ф* условен и случаен (с точки зрения звуковой системы современного русского литературного языка), но наличие одной из этих букв, а не любой другой буквы согласных закономерно и определяется звуковой системой. То же можно сказать о букве *к* в слове *вокзал* — произносится [влгза́л] (наличие буквы *к*, а не *г* условно, но наличие одной из этих букв, а не любой другой закономерно), о букве *о* в слове *топор* (произносится [тлпо́р]) и о букве *а* в слове *сарай* (произносится [слра́·і̯]). Написание буквы *о* или *а* в них произвольно и случайно с точки зрения звуковой системы современного русского литературного языка: с равным успехом слово *топор* могло бы писаться с буквой *а*, а слово *сарай* с буквой *о*, однако наличие именно одной из этих букв, а не других букв гласных, например *у* или *ы*, в этих словах закономерно и определяется звуковой системой языка. Примером написания полностью незакономерного и условного может служить буква *г* во флексии *-ого* (*-его*), на месте которой произносится [в] (ср. *старого* — [ста́ръвъ], *другого* — [друго́въ]). Отношение звука [в] между гласными к букве *г* ничем не отличается от его отношения к букве любого другого согласного. Иначе говоря, буква *г* здесь указывает лишь на наличие какого-то согласного, и на ее месте с одинаковым успехом могла бы писаться буква любого другого согласного, если бы ее употребление было освящено традицией и принято нормами письма.

Теория правописания с точки зрения отношения последнего к структуре языка и прежде всего к его звуковой системе все еще ждет своего исследования на большом конкретном материале разных языков в их истории; она должна базироваться на изучении звуковой системы языка во всех ее аспектах, в ее связях со структурой языка в целом. На основе такого изучения ниже мы коснемся тех способов звукового письма, которые могут быть использованы при научном изучении языка.

§ 75. О трех типах научно-лингвистической транскрипции. Фонетическая транскрипция

Фонетическая система, основанная на позиционных чередованиях как параллельных, так и пересекающихся, заключает в себе три плана и три аспекта[1]. Первый из них является аспектом собственно фонетическим (не фонологическим!): кратчайшие звуковые единицы в нем рассматриваются с максимальным учетом всех их физиолого-акустических свойств и притом вне отношения к структуре языка, вне учета позиционных условий, определяющих в той или иной мере их качество, без постановки вопроса о том, какие кратчайшие звуковые единицы являются разновидностью одной и той же единицы и какие являются самостоятельными, другими единицами (т. е. без постановки вопроса о тождестве и нетождестве). Два других аспекта — аспекты фонологические. В них кратчайшие звуковые единицы рассматриваются в связи со структурой языка, с учетом позиционных условий, видоизменяющих качество одних и тех же кратчайших звуковых единиц, т. е. с постановкой проблемы тождества и нетождества их. Однако, объединяясь в указанном отношении, эти два аспекта заключают в себе принципиально существенные различия.

Второй аспект основан на рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов звуковой оболочки словоформы, т. е. данного конкретного слова в его данной форме (т. е. на рассмотрении их в качестве фонем). Этот аспект исследования назовем словофонематическим, так как исходным для него является слово в той или иной форме, конкретный „случай“ как лексико-грамматический факт. Этот аспект позволяет различать в кратчайших единицах звуковой оболочки конкретного языкового случая как те его физиолого-акустические свойства, которые позиционно не обусловлены, самостоятельны, фонематичны и образуют разные звуковые единицы (разные фонемы), так и те его свойства, которые позиционно обусловлены, не самостоятельны, не фонематичны и образуют разновидность одной и той же звуковой единицы (варианты одной фонемы). При этом аспекте в одну единицу (фонему) объединяются все позиционные различия, наблюдаемые в данном конкретном языковом „случае“ (слове, той или иной его грамматической форме).

Третий аспект заключается в рассмотрении кратчайших звуковых единиц в качестве элементов морфемы; назовем его поэтому морфофонематическим. При этом аспекте анализа в одну единицу объединяются все позиционные различия, наблюдаемые в одной и той же равной себе морфеме. Такой единицей является фонемный ряд.

[1] См. об этом подробно § 7—15.

Морфофонематический анализ позволяет установить фонематическую систему языка как сложное целое, в состав которого входят фонемы разных „рангов", находящихся в сложных отношениях друг к другу и укладывающихся в определенные закономерные фонемные ряды. Вместе с тем этот анализ позволяет установить тождество морфемы с точки зрения ее звукового строения, т. е. подводит исследователя к одному из исходных элементов грамматического строя и лексики и помогает понять связи между различными сторонами структуры языка.

В соответствии с тремя „этажами" фонетической системы при научном изучении русского языка целесообразно применение трех типов транскрипции: 1) фонетической, 2) словофонематической, 3) морфофонематической.

Фонетическая транскрипция стремится обозначить на письме кратчайшие звуковые единицы языка во всем богатстве их реально произносимых физиолого-акустических свойств. Буква как элемент фонетической транскрипции является знаком реально произносимого звука со всеми его доступными анализу и фиксации свойствами.

Словофонематическая транскрипция передает на письме звуковую оболочку конкретного языкового факта, „случая" (слова или слова в определенной его форме), частично „раздевая" входящие в ее состав кратчайшие звуковые единицы — освобождая их от всего „внешнего", позиционного, обусловленного в данном конкретном языковом факте фонетическим положением и сохраняя „внутреннее", все самостоятельное и функционально значимое. Буква как элемент словофонематической транскрипции является знаком фонемы — сильной (в позиции максимальной дифференциации) или слабой (в позициях меньшей дифференциации).

Наконец, морфофонематическая транскрипция полностью „раздевает" кратчайшие звуковые единицы языка, полностью освобождает их от всего „внешнего" — позиционного, фонетически обусловленного не только в данном „случае" как явлении конкретном и целостном (в слове или в той или иной грамматической форме слова), но также и в каждой его морфеме, „обнажает" кратчайшие звуковые единицы, указывая лишь на те их стороны, которые существенны, самостоятельны, функционально значимы в сильной позиции (в позиции максимальной дифференциации). При морфофонематической транскрипции буква является знаком фонемного ряда: все члены каждого фонемного ряда обозначаются одной буквой, соответствующей сильной фонеме данного ряда [1].

---

[1] Конечно, за исключением тех случаев, когда отсутствует чередование слабой фонемы с сильной.

Фонетическая транскрипция эмпирична в полной мере: она ни в какой мере не связана со структурой языка и лишь „фотографирует". Словофонематическая транскрипция уже углубляется в известной мере в „сущность вещей", она исходит из конкретного языкового факта (сло́ва, той или иной грамматической формы слова) и, абстрагируясь от позиционного, обусловленного в нем и функционально не существенного, выделяет самостоятельное и функционально значимое (фонемы разных „рангов"). Морфофонематическая транскрипция углубляется в „сущность вещей" в наибольшей степени и, абстрагируясь от всего того, что позиционно обусловлено и функционально не существенно для морфемы, выделяет самостоятельное и и функционально значимое в морфеме (т. е. фонемные ряды, обозначая их по возглавляющим их сильным фонемам).

Таким образом, морфофонематическая транскрипция представляет собой письмо при помощи знаков, соответствующих только тем элементам звучащей речи, которые в наибольшей степени самостоятельны, независимы, не обусловлены позицией и используются с различительной функцией, игнорируя все другие ее стороны, позиционно обусловленные и функционально не существенные. Именно поэтому и оказывается, что многие слова при помощи морфофонематической транскрипции и обычного русского орфографического письма пишутся одинаково. А если учесть специфические особенности русской графики, такие случаи окажутся доминирующими в русском правописании. Ср. [т'ану́] и *тяну,* [п'ат'и́] и *пяти.*

Фонетическая транскрипция не требует особых пояснений, которых требуют транскрипции словофонематическая и морфофонематическая.

§ 76. Словофонематическая транскрипция

Словофонематическая транскрипция передает на письме звук речи в данном конкретном „случае" (в слове или той или иной форме его), освободив его от тех сторон, которые в нем позиционно обусловлены.

Поэтому не передается на письме более переднее или заднее образование ударных гласных фонем [а], [о], [у], а также [ы] (так как [и] и [ы] являются вариантами одной фонемы), обусловленное положением между твердыми или мягкими согласными, в начале слова перед твердым или мягким, в конце слова после твердого или мягкого: ср. I. [мал], [м'·ал], [м'а̊л'и] и II. [мал], [м'ал], [м'а́л'и] [1]; I. [уклóн], [л'·он], [л'о̆н'и] (*Лёни*)

[1] Здесь и ниже римская цифра I перед транскрибированными словами указывает на фонетическую транскрипцию, II — на словофонематическую транскрипцию, III — на морфофонематическую транскрипцию.

и II. [уклон], [л'он], [л'óн'и]; I. [лу·ч'], [кл'ӱч'] и II. [луч'], [кл'уч']; I. [м'ил] и [мыл] и II. [м'ил] и [мил] (вместо [и] после твердой согласной фонемы произносится [ы]).

Не передается также различие между разновидностями слабой гласной фонемы 1-го предударного слога неверхней нелабиализованной (звучащей в начале слова и в положении после твердого парного согласного как [ʌ], после мягкого согласного как [и^{е}]), которая обозначается знаком α. Эта фонема противопоставлена гласным фонемам верхнего подъема — нелабиализованной [ы]-[и] и лабиализованной [у]. Ср. сочетания I. [л'и^{е}ч'й], [л'ич'й], [л'ӱч'й] в словах *лечи, куличи, ключи*, а также сочетания I. [лʌч'й], [лыч'й], [луч'й] в словах *калачи, алычи, лучи*. Приведем примеры в фонетической и словофонематической транскрипции: I. [тʌн'й], [т'и^{е}н'й] и II. [тαн'й], [т'αн'й]; I. [сʌл'й], [с'и^{е}л'й] и II. [сαл'й], [с'αл'й]; I. [плʌт'й], [пл'и^{е}т'й] и II. [плат'й], [пл'ат'й]; I. [бʌл'ёл], [б'и^{е}л'ёл] и II. [бαл'ёл], [б'αл'ёл].

Если оставить в стороне некоторые детали произношения заударных гласных (в особенности после мягких согласных и шипящих) и иметь в виду отчетливое произношение (по Л. В. Щербе полный стиль), то и в других безударных слогах (кроме заударного конечного открытого слога) нелабиализованная неверхняя гласная [ъ] противопоставляется гласным верхнего подъема — нелабиализованной [и]-[ы] и лабиализованной [у]: ср. I. [óпыт] и [тóпът], [рáзъм] и [рáзум], [бурʌвó·i̯] и [бърʌвó·i̯], [плá·ч'ъм] (тв. п. ед. ч.) и [плá·ч'ьм] или [плá·ч'им]. Исходя из места, занимаемого в системе безударного вокализма, отвлекаясь от позиционно обусловленного качества, слабую нелабиализованную неверхнюю гласную фонему в словофонематической транскрипции обозначаем при помощи знака α: II. [рáзαм], [бαрαвói̯].

В тех позициях, в которых твердость-мягкость согласных не различается и выступает согласная фонема слабая по твердости-мягкости, в словофонематической транскрипции вне зависимости от реальной твердости или мягкости согласной употребляется буква соответствующего согласного без указания на мягкость, но с цифрой 1 (справа ниже буквы). Цифра 1 указывает на неразличение в данном положении твердости-мягкости и позиционность реальной твердости или мягкости. Ср., например, случаи I. [с'ер], [б'ел], [с'в'·óл], [с'м'ех], [сóсны], [зно·i̯], которые в словофонематической транскрипции обозначаем: II. [с$_1$ер'], [б$_1$ел], [с$_1$в'ол], [с$_1$м$_1$ех], [сóс$_1$ни], [з$_1$ноj]. Буква [с$_1$] здесь обозначает переднеязычный зубной фрикативный глухой согласный безотносительно к его твердости или мягкости: последняя позиционно обусловлена, что и обозначено цифрой 1. Перед [е] или [в'], [м'] согласный [с] может произноситься только мягко,

перед [н] — только твердо, но это позиционные качества, которые в словофонематической транскрипции не обозначаются.

В тех позициях, в которых глухость-звонкость согласных не различается и выступает согласная фонема слабая по глухости-звонкости (реально глухая или звонкая), в словофонематической транскрипции вне зависимости от реальной глухости или звонкости употребляется буква соответствующего глухого согласного, но с цифрой 2 (справа ниже буквы). Цифра 2 указывает на неразличение в данном положении глухости-звонкости и позиционность реальной глухости или звонкости. Например, слова I. [ва́·с'ку] (*Ваську*)[1], [пу·т'], [гр'ӓс'], [кро·ф'] в словофонематической транскрипции обозначаем: [ва́с'$_2$ку], [пут'$_2$], [гр'ас'$_2$], [кроф'$_2$].

Наконец, в тех позициях, в которых не различается ни твердость-мягкость, ни глухость-звонкость и выступает слабая согласная фонема как по глухости-звонкости, так и по твердости-мягкости (реально твердая или мягкая, глухая или звонкая), в словофонематической транскрипции вне зависимости от твердости или мягкости, глухости или звонкости согласной употребляется буква глухого согласного без указания на мягкость с цифрой 3 (справа ниже буквы). Цифра 3 указывает на неразличение в данном положении как твердости-мягкости, так и глухости-звонкости вне зависимости от реальной твердости или мягкости, глухости или звонкости. Ср., например, случаи I. [с'п'ел], [спор], [сток], [с'т'их], [узда́], [гвлз'д'ê'i̯], которые в словофонематической транскрипции обозначаем: [с$_3$п$_1$ел], [с$_3$пор], [с$_3$ток$_2$], [с$_3$т'их], [ус$_3$да́], [гвлс$_3$д$_1$éj]. Таким образом, буква [с$_3$] здесь есть знак для обозначения любого из согласных [с], [с'], [з], [з'] в позиции, где твердость-мягкость и глухость-звонкость не различаются и где поэтому на их месте из числа этих четырех согласных выступает только один — или [с], или [с'], или [з], или [з'].

В заключение приведем одну фразу в фонетической (I) и словофонематической (II) транскрипциях. Вот эта фраза в орфографическом написании: *На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку* (Пушкин).

I. [нъдруго́·i̯ д'ê'н' в'ê'с'т' лплжа́·р'и^{e} ръз'н'и^{e}сла́с пъфс'и^{e}му́ лкллóтку];

[1] Согласные [с], [з] (по преимуществу [с]) перед заднеязычными (по преимуществу перед [к]) не в начале слова и притом на стыке морфем различаются по твердости-мягкости (ср. I. [ва́·с'ку] и [квлску́]). Однако внутри одной морфемы сочетания [ск], [зг] имеют не только общую глухость-звонкость, но также не различают твердость-мягкость первого компонента, который может быть только твердым (ср. I. [моск], [млзг'й], [вóскъ]). То же можно сказать о сочетаниях [ск], [зг] в начале слова, где твердость-мягкость [с], [з] перед заднеязычным не различается: употребляются только твердые [с], [з]; ср. I. [скот], [згóвър].

II. [над$_1$ругój д$_1$ен' в$_1$ес$_3$т'$_2$ апажар$_1$ε раз$_1$н'ас$_1$лáс$_2$ паф$_3$с'амý акалóт$_2$ку].

Здесь [д$_1$] обозначает сильную звонкую согласную фонему (т. е. обладающую фонематической, самостоятельной звонкостью), но слабую по твердости-мягкости: в слове *другой* она позиционно тверда, а в слове *день* позиционно мягка; однако эти качества, как позиционные, в словофонематической транскрипции не обозначаются, и знак д$_1$ служит для обозначения как реально твердой фонемы, так и мягкой. Совершенно то же самое можно сказать о знаках в$_1$, з$_1$ и с$_1$: это знаки согласных фонем с самостоятельной, независимой, фонематической звонкостью ([в$_1$], [з$_1$]) или глухостью ([с$_1$]) и с слабой, зависимой, нефонематической и потому в транскрипции не обозначенной твердостью или мягкостью.

Знак [р$_1$] указывает на слабую по твердости-мягкости фонему [р], т. е. фонему [р] в отвлечении от реальной твердости или мягкости, которая является качеством позиционным. В приведенном примере II. [апажáр$_1$ε] перед фонемой [ε] (о ней см. ниже) [р] имеет позиционную мягкость.

Знаки [т'$_2$] и [т$_2$] обозначают соответственно сильную мягкую или сильную твердую фонемы (т. е. фонемы, обладающие фонематической, самостоятельной мягкостью или твердостью), но слабую по глухости-звонкости: глухость соответствующих фонем в словах *весть* и *околотку* позиционна. Следует иметь в виду, что это последнее качество в словофонематической транскрипции по существу осталось не обозначенным, так как знаки т'$_2$ и т$_2$ одинаково служат для обозначения соответственно сильных твердых или мягких фонем, реально не только позиционно глухих, но и позиционно звонких. Ср. фонетическую и словофонематическую транскрипцию слов *ходьба, кладбище:* I. [хлд'бá], [клáдб'иш':ъ] и II. [хат'$_2$бá], [клáт$_2$б'иш':а$_1$].

Знак [с$_2$] (в слове [раз$_1$н'ас$_1$лáс$_2$]) обозначает сильную по твердости-мягкости фонему (так как на конце слова твердость-мягкость различается), но слабую по глухости-звонкости (глухость на конце слова позиционно обусловлена). Тем же знаком в словофонематической транскрипции передается, например, реально произносящийся звук [з] с позиционной звонкостью и самостоятельной фонематической твердостью или мягкостью: I. [избá], II. [ис$_2$бá] (ср. I. [р'и^{e}з'бá], II. [р$_1$ас'$_2$бá]).

Знаки [с$_3$], [ф$_3$] обозначают согласные фонемы, слабые как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости, т. е. с позиционной, нефонематической твердостью-мягкостью и такой же позиционной нефонематической глухостью-звонкостью. В случае II. [паф$_3$с'амý] знаку [ф$_3$] соответствует глухая твердая согласная [ф]. Однако следует иметь в виду, что ни глухость, ни твердость здесь по существу не обозначены, так как тот же

знак [ф$_3$] служит для обозначения фонем с позиционной звонкостью и мягкостью. Ср. слова *ковбой* и *вбил* в фонетической и словофонематической транскрипциях: I. [кʌвбо́·i̯], [в'б'ил] и II. [кɑф$_3$бо́j], [ф$_3$б'ил]. В случае II. [в$_1$ес$_3$т'$_2$] знак [с$_3$] обозначает согласную не только глухую, но и звонкую, не только мягкую, но и твердую. Ср. фонетическую и словофонематическую транскрипции слов *стон, весть, здание, здесь,* где знаку [с$_3$] соответствуют согласные глухой твердый [с], глухой мягкий [с'], звонкий твердый [з] и звонкий мягкий [з']: I. [стон], [в'ês'т'], [зда́·н'и̯иъ], [з'дês']; II. [с$_3$тон], [в$_1$ес$_3$т'$_2$],[с$_3$да́н'ијɑ$_1$], [с$_3$д$_1$ес'$_2$].

Знак [ɑ] обозначает гласную фонему неверхнего подъема, противопоставленную гласным фонемам верхнего подъема — нелабиализованной ([и]-[ы]) и лабиализованной ([у]). В 1-м предударном слоге после твердых согласных, а также в других предударных в абсолютном начале слова она произносится как [ʌ]: ср. I. [ʌплжа́·р'и^e] — II. [ɑпɑжа́р$_1$ɛ]. В 1-м предударном слоге после мягких согласных она звучит как [и^e]: ср. I. [ръз'н'и^{e}сла́с] — II. [рɑз$_1$н'ɑс$_1$ла́с$_2$]; I. [пъфс'и^{e}му́] — II. [пɑф$_3$с'ɑму]. В других предударных слогах после твердых согласных она произносится как [ъ] (примеры см. выше).

Знак ɛ употребляется для обозначения гласной фонемы переднего ряда неверхнего подъема, нелабиализованной, которая в заударном конечном открытом слоге выступает в виде [и^e] и противопоставлена не только гласным верхнего подъема ([и], [у]), но также гласной [ъ]. Ср. в фонетической и словофонематической транскрипциях случаи *баня, бани, баню, в бане*: I. [ба́·н'ъ], [ба́·н'и], [ба́·н'у], [вба́·н'и^e], II. [ба́н'ɑ], [ба́н'и], [ба́н'у], [ф$_3$ба́н$_1$ɛ].

§ 77. Морфофонематическая транскрипция

В отличие от словофонематической транскрипции, в морфофонематической транскрипции кратчайшие звуковые единицы передаются с освобождением всех их позиционно обусловленных качеств не только в слове или той или иной форме слова как конкретном „случае", но и в составляющих его морфемах как кратчайших структурных, значимых единицах языка. В морфофонематической транскрипции остаются без обозначения все позиционно обусловленные в морфеме, не существенные для морфемы качества. Буква является знаком фонемного ряда, причем каждый фонемный ряд обозначается по возглавляющей его сильной фонеме. Однако в тех случаях, когда фонемный ряд не полон, когда отсутствует в словах с данной морфемой сильная фонема, приходится довольствоваться обозначением слабой фонемы. Отметим, что таких случаев, как показывает материал, очень много.

Фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой [о], обозна-

чается буквой [о]. Ср. фонетическую, словофонематическую и морфофонематическую транскрипции следующих слов: I. [мъллдо́i̯], [мо́блът], [мллóжы^{э}]; II. [мαладо́j], [мо́лат$_{2}$], [малóжε]; III. [молодо́j], [мо́лод], [молóже]; I. [дърлго́i̯], [до́рък], [длро́жы^{э}]; II. [дαрαго́j], [до́рак$_{2}$], [дαро́жε]; III. [дорого́j], [до́рог], [дороже]; I. [по́л'ъ] (род. п. ед. ч.), [пλл'а́] (им. п. мн. ч.), [по́-пъл'у]; II. [по́л'α], [пал'а́], [по́-пал'у]; III. [по́л'а], [пол'а́], [по́-пол'у]; во флексии: I. [трлво́i̯], [клро́въi̯]; II. [трαво́j], [кαро́вαj]; III. [траво́j], [кαро́вoj].

Примеры на положение после мягкой согласной: I. [н'·ос], [н'и^{е}сла́], [клн'·о́м], [о́кун'ъм]; II. [н'ос$_{2}$], [н'αс$_{1}$ла́], [кан'о́м], [о́кун'ам]; III. [н'ос], [н'ос$_{1}$ла́], [кон'о́м], [о́кун'ом]; I. [ч'·о́рнъi̯], [ч'и^{е}рна́], [на́·ч'ърнъ]; II. [ч'о́рнαj], [ч'αр$_{1}$на́], [на́ч'αрнα]; III. [ч'ор$_{1}$нój], [ч'орна́], [на́ч'ор$_{1}$но];во флексии: I. [клн'·о́м], [о́кун'ъм]; II. [кан'о́м], [о́кун'ам]; III. [кон'о́м], [о́кун'ом].

Фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой [а], обозначается буквой [а]. Приведем примеры во всех трех транскрипциях. I. [дал], [длла́], [н'е́дъл]; II. [дал], [дαла́], [н$_{1}$е́дαл]; III. [дал], [дала], [н$_{1}$е́дал]; во флексии: I. [слда́м], [тра́въм]; II. [сαда́м], [тра́вам]; III. [сада́м], [тра́вам]; после мягких: I. [вз'·а́л], [вз'и^{е}ла́], [н'е́вз'ъл'и]; II. [ф$_{2}$з'а́л], [ф$_{3}$з'αла́], [н$_{1}$е́ф$_{3}$з'αл'и]; III. [вз'а́л], [вз'ала́], [н$_{1}$евз'а́л'и]; I. [т'·а́нут], [т'и^{е}ну́], [вы́·т'ьнул]; II. [т'а́нут$_{2}$], [т'ану́], [ви́т'αнул]; III. [т'а́нут$_{2}$], [т'ану́], [ви́т'анул].

Фонемный ряд, возглавляемый сильной фонемой [е], обозначается буквой [е]. Приведем примеры в трех транскрипциях: I. [б'е́лъi̯], [б'и^{е}ла́], [на́·б'ьлъ]; II. [б$_{1}$е́лαj], [б'αла́], [на́б'αла]; III. [б$_{1}$е́лoj], [б$_{1}$ела́], [на́б$_{1}$ело]; I. [м'ếр'ил], [из'м'и^{е}р'а̂т'], [вы́·м'ьр'у]; II. [м$_{1}$е́р'ил], [из$_{1}$м'αр'а́т'$_{2}$], [ви́м'αр'у]; III. [м$_{1}$е́р'ил], [изм$_{1}$ер'а́т'$_{2}$], [ви́м$_{1}$ер'у]; во флексии: I. [фс'и^{е}л'е́], [вд'ếл'и^{е}]; II. [ф$_{3}$с'αл'е́], [ф$_{3}$д$_{1}$е́л$_{1}$ε]; III. [в с'оле́], [в д$_{1}$е́ле].

Фонемные ряды согласных, возглавляемые твердыми согласными, обозначаются буквой соответствующего согласного без знака мягкости; напротив, фонемные ряды, возглавляемые мягкими согласными — со знаком мягкости. Ср. в морфофонематической транскрипции: [на-д$_{1}$ворé] при [д$_{1}$вор], [д$_{1}$вора́] (в фонетической и словофонематической транскрипциях: I. [нъдвлр'е́]; II. [нαд$_{1}$вαр$_{1}$е́]); в морфофонематической транскрипции: [αцар'е́], при [цар'], [цар'а́] (в фонетической и словофонематической транскрипциях: I. [лцлр'е́], II. [αцар$_{1}$е́]).

Другие примеры: I. [нл-д'ếл'и^{е}], II. [нα-д$_{1}$е́л$_{1}$ε$_{1}$], III. [на-д$_{1}$е́ле]; I. [нл-с'ếн'и^{е}], II. [нα-с$_{1}$е́н$_{1}$ε], III. [на-с$_{1}$е́не]; I. [к-влд'е́], II. [к-вαд$_{1}$е́]; III. [к-воде́]; I. [к-н'и^{е}д'ếл'и^{е}], II. [к-н'αд$_{1}$е́л$_{1}$ε], III. [к-н'αд$_{1}$е́л'е]; I. [к-с'е́'н'и^{е}] *(к Сене)*, II. [к$_{2}$-с$_{1}$е́н$_{1}$ε], III. [к-с$_{1}$е́н'е]; I. [г-д'а̂д'и^{е}], II. [к$_{2}$-д'а́д$_{1}$ε], III. [к-д'а́д'е].

Фонемные ряды, возглавляемые глухими согласными, обоз-

начаются соответствующими буквами глухих, а возглавляемые звонкими согласными — буквами звонких: III. [ход] (при III. [хóда], [хóду]); ср. I. [хот], II. [хот$_2$]; III. [гр'аз'] (при III. [гр'áз'и]); ср. I. [гр'ăс'], II. [гр'ас'$_2$]; III. [н'изкоj] (при III. [н'йзом], [н'йзу]); ср. I. [н'йскъi̯], II. [н'ис$_2$кaj]; III. [плот] (при III. [плотá]); ср. I. [плот], II. [п$_1$лот$_2$]; III. [кос'бá] (при III. [кос'йт'$_2$]); ср. I. [клз'бá], II. [кас'$_2$бá]; III. [ход'бá] (при III. [ход'йт'$_2$]); ср. I. [хлд'бá], II. [хат'$_2$бá].

В качестве иллюстрации приведем два стиха Пушкина во всех трех транскрипциях:

Сижу за решеткой в темнице сырой,

Вскормленный на воле орел молодой

I. [с'ижý зър'и^{e}шóткъi̯ фт'и^{e}мн'йцы^{э} сырó·i̯ фсклрмл'·óн:ъi̯ нлвó·л'и^{e} лр'·óл мъллдó·i̯]

II. [с'ижý зар'ашóт$_2$кaj ф$_3$т'ам$_1$н'йцε сирój ф$_3$с$_2$кар$_1$м$_1$л'óннaj навóл$_1$ε ар'óл маладój]

III. [с'ижý зар'ашóткoj вт'ом$_1$н'йце сирój взкор$_1$мл'óнноj на вóл'е ор'óл молодój].

В приведенных стихах лишь в одном случае не оказалось сильной гласной фонемы, возглавляющей фонемный ряд: речь идет о предударном гласном в слове *решеткой*. В словах и формах с данной корневой морфемой ударение никогда не падает на первый слог. Поэтому в морфофонематической транскрипции пришлось оставить то написание, которое было в словофонематической транскрипции: знак [а], указывающий на нелабиализованную неверхнюю фонему (после мягких она произносится как [и^{e}]). Этой фонеме под ударением могла бы соответствовать одна из трех сильных фонем: [е], [о], [а].

Во всех других случаях каждая кратчайшая единица обозначена по сильной фонеме, являющейся знаком фонемного ряда. Иными словами, перед нами письмо фонемными рядами. Все остальные гласные (кроме только что разобранного случая с [и^{e}]) могут быть в той же морфеме в сильной позиции — под ударением — и обозначены в соответствии с тем, какой гласный произносится под ударением: это предлоги III. [за], [на]; корни III. [т'ом] (например, в I. [т'·óмнъi̯], [т'ŏм'ьн]), III. [мóлод] (ср. I. [мóлът], [млló́жы^{э}]); написание III. [ор'·ól] с [о] вытекает из [óрл'ик]; написание окончания III. [оj] в слове *решеткой* вытекает из I. [трлвó·i̯], [с'т'и^{e}нó·i̯]; написание окончания III. [е] в словах *в темнице, на воле* вытекает из I. [трлв'é], [с'т'и^{e}н'é]; написание окончания III. [оj] в слове *вскормленный* вытекает из I. [мълдój], [другój] и т. д.

Написание [т] в слове *решеткой* вытекает из I. [ри^{e}шóтък]; написание [в] в сочетании *в темнице* — из I. [вмó·р'и^{e}], [вл'и^{e}сý], [влгн'é] и т. д.; написание [вз] в слове *вскормленный* — из I. [взл'и^{e}т'ếт'], [взр'и^{e}вếт'] и т. д.

Если учесть некоторые особенности русской графики, например, что [о] после парных мягких согласных обозначается буквами *е*(*ё*), а после шипящих может обозначаться этой буквой (см. *орёл, решёткой*) или что сочетание мягкой парной и твердой парной согласной с последующей фонемой [и] обозначается соответственно буквой гласного *и* (после мягких) и *ы* (после твердых парных, ср. в нашем примере *сижу* и *сырой*), то нетрудно сделать вывод о том, что морфофонематическая транскрипция весьма близка к русскому орфографическому письму. Это объясняется тем, что русская орфография в основном строится на так называемом морфологическом принципе, который как раз и означает, что все несущественное для морфемы, позиционное в ней не обозначается: кратчайшая звуковая единица каждой морфемы обозначается в ней обычно одной буквой для каждого фонемного ряда в целом, вне зависимости от произношения, обусловленного позиционными условиями.

§ 78. Сочетания согласных в словофонематической и морфофонематической транскрипциях

В связи с тем, что морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы (а не из слова в целом или данной его конкретной формы), она позволяет установить еще некоторые особенности структуры звуковой оболочки языка, обычно остающиеся в тени.

Фонему как кратчайшую звуковую единицу можно уподобить строительному материалу — она может быть названа „строительным материалом" языка. Но так же как строительным материалом в прямом смысле являются не только отдельные кирпичи как минимальные единицы, но также и целые блоки (из многих „связанных" кирпичей), в качестве строительного материала звуковой оболочки языка выступают не только фонемы как кратчайшие и далее нечленимые звуковые единицы, но также и типичные сочетания фонем, некоторые из которых имеют определенные общие для сочетания (для „блока") звуковые признаки.

Некоторую аналогию таким типичным сочетаниям фонем представляют разного рода „связанные" сочетания слов (фразеологические обороты, идиомы), общим признаком которых является их функционирование в качестве одной лексико-синтаксической единицы (одного члена предложения).

Одни из сочетаний фонем встречаются как в начале слова (перед гласным), так и в середине слова (между гласными) и в конце слова (после гласного). Таковы, например, сочетания [ск], [ст]: I. [скот], [тлскá], [пуск]; [стол], [пустó·i̯], [мост]. Дру-

гие, как правило, не встречаются на конце слова, употребляясь в двух других положениях. Таковы, например, сочетания [кн], [гн], [пл], [бл], [кл], [гл]: I. [кнут], [ʌкно́], [гнут], [мʌгна́т], [плот], [т'и^{е}пло́], [блʌха́], [во́блъ], [клоп], [с'в'·о́клъ], [глуп], [мʌгла́]. Третьи, как правило, не встречаются в начале слова, употребляясь в двух других положениях. Таковы, например, сочетания [нд], [нт], [рб], [рп], [мб]: I. [ба́ндъ], [бант], [ба́·н'т'ик], [ʌрба́], [карп], [клʌрп'е́'т'], [клу́мбъ], [тромп]. Употребляемость тех или иных сочетаний в указанных положениях определяется структурой слога русского языка и законами слогоделения[1].

Некоторые из приведенного типа сочетаний имеют наряду с различиями в образовании входящих в их состав согласных ту или иную свою общую характеристику, общие признаки, относящиеся к сочетанию в целом. Общими признаками сочетаний согласных в русском языке могут служить: 1) твердость-мягкость, 2) глухость-звонкость, 3) одновременно как твердость-мягкость, так и глухость-звонкость.

Так, например, сочетание [сн] в словах I. [сноп], [сно́въ] обладает твердостью, которая характеризует сочетание в целом и которую трудно было бы отнести к его компонентам в отдельности. Точно так же сочетание [с'н'] в словах I. [с'н'ек], [с'н'·о́с] обладает мягкостью, которая является признаком всего сочетания, а не одного из его компонентов.

Сочетание [кт] в слове I. [до́ктър] обладает общей глухостью, а сочетание [гд] в слове I. [кʌгда́] — общей звонкостью, причем эти признаки трудно отнести к их компонентам в отдельности. Сочетание [жд] в слове I. [рʌжда́·т'] характеризуется общей звонкостью.

Сочетание [ст] в словах I. [стол], [стʌлкну́л] обладает общей для его компонентов твердостью и глухостью, сочетание [с'т'] в словах I. [с'т'и^{е}на́], [с'т'и^{е}н'и́] в целом обладает мягкостью и глухостью, сочетание [зд] в словах [зда́·н'иjъ], [здал] — твердостью и звонкостью, сочетание [з'д'] в словах [з'д'е́с'] и [з'д'е́лъл] — мягкостью и звонкостью. Таким образом, в этих сочетаниях общим признаком каждого из них в целом является одновременно как твердость или мягкость, так и глухость или звонкость.

Так как морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы, а не из слова в целом или его определенной грамматической формы, как это имеет место при словофонематической транскрипции, то для первой, в отличие от последней, не безразлично, находится ли то или иное сочетание, имеющее определенный общий признак, внутри одной морфемы или на стыке морфем. В тех случаях, когда сочетание находится на стыке

[1] См. об этом выше § 17—26.

морфем при морфофонематической транскрипции, имеется возможность установить индивидуальные признаки каждого из компонентов сочетания. В отличие от этого в тех случаях, когда сочетание находится внутри одной морфемы, общие признаки сочетания оказываются неотносимыми к отдельным его компонентам, а характеризуют сочетание в целом. Так, например, сочетание [с'т'] в слове I. [с'т'их] (прош. вр. глагола) находится на стыке морфем: первый его компонент относится к приставке, а второй — к корню. Поэтому оно легко членится (ср. *стих — утих, затих, притих* и т. д.). Учитывая, что первый компонент является глухим и твердым перед [у] (ср. I. [сум'ёл]), где различается как глухость-звонкость, так и твердость-мягкость, можно считать, что приставка состоит из твердой глухой фонемы, которая стоит во главе фонемного ряда, ряда позиционных чередований сильной фонемы [с] со слабыми фонемами [с'], [з], [з'] (ср. I. [сум'ёл], [с'т'йснул], [здал], [з'д'ёлъл]). А так как при морфофонематической транскрипции одной буквой (а именно буквой сильной фонемы) передается весь фонемный ряд, то слово I. [с'т'их] может быть транскрибировано только так: III. [ст'их] (ср. в словофонематической транскрипции: II. [с$_3$т'их]). Иначе обстоит дело с морфофонематической транскрипцией слова I. [с'т'их] (стихотворная строка). Здесь сочетание [с'т'] находится внутри одной морфемы. Поэтому общие свойства сочетания нельзя приурочить к отдельным его компонентам: они являются характеристикой сочетания в целом.

Наличие у сочетания общих признаков обозначаем заключением сочетания в фигурные скобки. Над сочетанием цифрами указываются, каковы общие признаки сочетания: цифрой 1 обозначается твердость-мягкость; цифрой 2 — глухость-звонкость; цифрой 3 — твердость-мягкость и глухость-звонкость. Приведенный пример — I. [с'т'их] (стихотворная строка) транскрибируется следующим образом: {с'^{3}т'}их.

Общую твердость-мягкость имеют, например, сочетания [сн], [с'н'], [зн], [з'н'], [св], [с'в'], [зв], [з'в'], [сл], [с'л'], [зл], [з'л']. Дадим несколько слов с этими сочетаниями во всех трех транскрипциях с необходимыми разъяснениями:

I. [сноп], [сна], [с'н'·ал], [с'н'·ос], [зно·i̯], [клз'н'·á] (деепричастие);

II. [с$_1$ноп], [с$_1$на], [с$_1$н'ал], [с$_1$н'ос], [з$_1$но i̯], [каз$_1$н'á];

III. [{с^{1}н}оп], [сна] (ср. I. [сóн:ъi̯]), [{с'^{1}н'}ал], [сн'ос] (ср. I. [сум'ёл]); [{з^{1}н}оj], [ка{з'^{1}н'}á].

Из этих примеров видно, что наличие так называемого беглого гласного между компонентами (ср. *сна, сонный*) создает такие же условия, как принадлежность их к разным морфемам, т. е. дает возможность решить вопрос о том, в какой мере

свойства сочетания можно отнести к отдельным его компонентам.

I. [слон], [с'л'·ос], [с'л'·ок], [зло], [л'ê'з'л'и];

II. [$с_1$лон], [$с_1$л'ос$_2$], [$с_1$л'ок$_2$], [$з_1$ло], [$л_1$éз$_1$л'и];

III. [{с^{1}л}он], [{с'^{1}л'}оз], [сл'ог], [зло] (ср. I. [зол]), [$л_1$éзл'и] (ср. III. [$л_1$ез]).

На конце слова различается твердость-мягкость: ср.I. [л'ес] и [л'êс'] (III. [$л_1$ез] и [$л_1$ез']). Поэтому мягкость сочетания [з'л'] в I. [л'ê'з'л'и] есть результат позиционной мягкости [з'] перед [л'], а не признак сочетания в целом.

I. [сват], [сво́·д'ит], [с'в'·ат], [с'в'·ол], [звон], [з'в'·ак];

II. [$с_1$ват$_2$], [$с_1$во́д'ит$_2$], [$с_1$в'ат$_2$], [$с_1$в'ол], [$з_1$вон], [$з_1$в'ак];

III. [{с^{1}в}ат], [сво́д'ит$_2$], [{с'^{1}в'}ат], [св'ол], [{з^{1}в}он], [{з'^{1}в'}ак][1].

Общую глухость-звонкость имеют, например, сочетания [кт], [гд], [гз], [кс], [жд], [ск], [зг], [пт], [бд].

Приведем несколько примеров во всех транскрипциях.

I. [кто], [д'ир'éктър], [гд'е], [инʌгда́];

II. [$к_2$то], [д'ир$_1$ék$_2$тар], [$к_2д_1$е], [инак$_2$да́];

III. [{к^{2}т}о], [д'ир$_1$е{к^{2}т}ор], [{г^2$д_1$} е], [ина{г^{2}д}а́].

В случае I. [гд'е] звонкость является признаком сочетания (она показана фигурными скобками и цифрой 2 над буквами сочетания), а мягкость является признаком второго компонента сочетания и притом признаком позиционным (это показано цифрой 1 справа ниже буквы *д* внутри фигурных скобок).

I. [та́ксъ], [вʌгза́л], [м'éжду], [врʌжда́];

II. [так$_2$сa], [вak$_2$за́л], [м$_1$éш$_2$ду], [враш$_2$да́];

III. [та́{к^{2}с}а], [ва{г^{2}з}а́л], [м$_1$é{ж^{2}д}у], [вражда́].

Обратим внимание, что звонкость в случае *вражда* является признаком каждого в отдельности взятого компонента сочетания [жд], а в случае *между* является признаком сочетания в целом. Это объясняется тем, что в первом случае сочетание [жд] находится на стыке морфем (ср. I. [вра́жъскъi]), а во втором — внутри одной морфемы.

I. [скот], [тʌска́], [мʌзг'и́], [лʌпта́], [бд'êт'];

II. [$с_2$кот$_2$], [тa$с_2$ка́], [мa$с_2$ги́], [лaп$_2$та́], [$п_2д_1$ет'$_2$];

III. [{с^{2}к}от], [та{с^{2}к}а́], [мо{з^{2}г}и́], [ла{п^{2}т}а́], [{б^2$д_1$}ет'$_2$].

Общую твердость-мягкость и глухость-звонкость имеют, например, сочетания [ст], [с'т'], [зд], [з'д']. Приведем примеры:

I. [стон], [с'т'·о́клъ], [зда́·н'иi̯ъ], [гвʌз'д'·о́м];

II. [$с_3$тон], [$с_3$т'о́кла], [$с_3$да́н'ija], [гвa$с_3$д'о́м];

III. [{с^{3}т}он], [{с'^{3}т'}о́кла], [{з^{3}д}а́н'ijo], [гво{з'^{3}д'}о́м].

---

[1] Согласные [с], [з] перед губными не в начале слова различают твердость-мягкость. Ср. I. [п'ис'мо́], [вʌз'му́], [вʌс'мо́·i̯], [кл'а́з'мъ] (*Клязьма*), [в'а́з'мъ] (*Вязьма*), [лы·с'въ] (*Лысьва*).

Указанные общие признаки сочетаний, как и признаки отдельных фонем, могут быть самостоятельными, фонематическими в одних позициях и несамостоятельными, позиционными — в других. Позиции эти те же, что и для отдельных фонем. Позиционность общих признаков сочетания в одних случаях имеет место в словоформе, т. е. в данном слове, в его данной форме, но в морфеме отсутствует. Например, в слове I. [дрост] глухость сочетания [ст], являющаяся его общим признаком, позиционна, но в корневой морфеме — самостоятельна (ср. I. [дрʌздá]). Эти случаи в морфофонематической транскрипции обозначаются по сильной позиции: III. [дро{з³д}]. В других случаях позиционность имеет место как в данном слове в его данной форме, так и в морфеме. Ср., например, I. [с'н'ек], где мягкость является общим признаком сочетания как в слове, так и в корневой морфеме. Позиционность (непрояснимость) общих признаков сочетаний не только в слове, но и в морфеме в морфофонематической транскрипции обозначаем цифрами 1 (при позиционности твердости-мягкости), 2 (при позиционности глухости-звонкости), 3 (при позиционности как твердости-мягкости, так и глухости-звонкости) после фигурных скобок справа ниже строки.

Приведем несколько примеров:

I. [с'н'ек], II. [$с_1н_1ек_2$], III. [{с'¹н'}$_1$ег]. Мягкость как общий признак сочетания обозначена цифрой 1 над буквами согласных, но перед [е] она позиционна; это обозначено цифрой 1 после фигурных скобок. Ср. III. [{с¹н}оп] и [{с'¹н'}ос], где твердость и мягкость сочетания перед [о] различается.

I. [с'в'ет], II. [$с_1в_1ет_2$], III. [{с'¹в'}$_1$ет]. Ср. III. [{с'¹в'}окла] и [{с¹в}оj], где твердость-мягкость сочетания перед [о] различается.

I. [с'т'ên']; II. [$с_3т_1еп'_2$]; III. [{с'³т'}$_1$еп'];

I. [з'д'êс']; II. [$с_3д_1ес'_2$]; III. [{з'³д'}$_1$ес'$_2$].

В случаях *степь* и *здесь* общими признаками сочетания являются как твердость-мягкость, так и глухость-звонкость, что и обозначено цифрой 3 над буквами сочетания. Однако глухость-звонкость в них самостоятельна (это видно из данных же слов), а твердость-мягкость обусловлена: перед [е] произносятся только мягкие. Позиционность этого признака обозначена цифрой 1 после фигурных скобок справа ниже строки.

Иллюстрируем вопрос о позиционности и самостоятельности общих признаков сочетаний еще несколькими примерами. Слова *грусть* и *груздь* транскрибируем следующим образом. Фонетическая и словофонематическая транскрипции их одинаковы: I. [гру·с'т'], II. [$грус_3т'_2$] — на конце слова твердость-мягкость различается (поэтому поставлен знак мягкости), но глухость-звонкость не различается — звучит только глухой (это обозна-

чено цифрой 2): [т'$_2$]. Перед [т'] не различается ни твердость-мягкость, ни глухость-звонкость предшествующего согласного. Поэтому употреблена буква *с* (буква глухого без указания на мягкость) с цифрой 3: [с$_3$]. В морфофонематической транскрипции эти слова будут выглядеть по-разному: III. [гру{с'^{3}т'}] и [гру{з'^{3}д'}]. В корневых морфемах этих слов (составляющих форму им. п. ед. ч.) твердость-мягкость и глухость-звонкость сочетания самостоятельны: [гру{с'^{3}т'}á], [гру{з'^{3}д'}á]; ср. [у{с^{3}т}á], [у{з^{3}д}á]. Поэтому в первом из них можно констатировать мягкое и глухое сочетание, а во втором мягкое и звонкое.

Слова *съест*, *съезд* и *мест* (род. п. мн. ч.) в фонетической и фонематической транскрипции имеют следующий вид:

I. [с'jест] (*съест* и *съезд*), [м'ест];

II. [с$_1$jес$_3$т$_2$] (*съест* и *съезд*), [м$_1$ес$_3$т$_2$];

III. [сje{с^{3}т}$_2$], [сje{з^{3}д}], [м$_1$е{с^{3}т}].

В корневых морфемах слов *съезд* и *мест* мы констатируем самостоятельность общих признаков сочетания — глухости-звонкости и твердости-мягкости, что и находит свое отражение в написаниях *зд* и *ст*. В слове же *съест* (3 л. ед. ч.) твердость-мягкость самостоятельны, ср. I. [с'jест] и I. [с'jêс'т'] (инфинитив). Что же касается глухости-звонкости, то она не прояснима, поскольку конечный согласный представляет собой флексию, которая не может быть в сильной для глухости-звонкости позиции. Позиционность глухости-звонкости сочетания обозначена цифрой 2 после фигурных скобок.

§ 79. Нулевые члены фонемных рядов в морфофонематической транскрипции

В связи с тем, что морфофонематическая транскрипция исходит из морфемы, а в морфеме могут быть такие фонемы, которые в силу позиционных условий отсутствуют в том или ином конкретном слове с этой морфемой, эта транскрипция может отличаться от двух других наличием знаков для фонем, реально отсутствующих в слове, но присутствующих в морфеме. Так, например, в слове *местный* отсутствует фонема [т], но в корневой морфеме этого слова фонема [т] наличествует: она представлена нулем звука, так как ее реальное отсутствие позиционно, обусловлено положением перед [н]. Поскольку задачей морфофонематической транскрипции является представить звуковую оболочку морфем, освобожденной от всех фонетических, позиционных изменений, естественно, что позиционно отсутствующие в слове фонемы при такой транскрипции обозначаются, так как они являются нулевым вариантом

соответствующих фонем. Приведем несколько слов во всех трех транскрипциях.

I. [м'éснъi], [гру́снъi], [з'в'·о́знъi];

II. [м$_1$éс$_1$нαj], [гру́с$_1$нαj], [з$_1$в'·о́з$_1$нαj];

III. [м$_1$é{с^{3}т}ноj], [гру́{с'^{3}т'}ноj], [{з'в'}о{з^{3}д}ноj].

Словофонематическая транскрипция (II) учитывает, что [с] и [з] перед [н] не различают твердости-мягкости, что и обозначено цифрой 1. Морфофонематическая транскрипция указывает на наличие в корневой морфеме этих слов сочетаний [ст], [с'т'] [зд], второй компонент которых позиционно отсутствует. (Ср. I. [м'éстъ], [гру·с'т'], [грус'т'йл], [грус'т'·á], [з'в'и^{e}здá].) Эти сочетания обладают общей глухостью-звонкостью и твердостью-мягкостью (что обозначено цифрой 3 над буквами сочетаний). При этом глухость-звонкость их самостоятельна (это видно из слов I. [м'éснъi], [з'в'·о́знъi]). Что же касается их твердости-мягкости, то она позиционна: перед [н] произносятся только твердые [с], [з] и [т], [д], так как мягкие отвердевают и совпадают с твердыми: ср. I. [м'éстъ] — [м'éснъi], [з'в'и^{e}здá] — [з'в'·о́знъi] и [гру·с'т'] — [гру́снъi].

Слово *завистливый* транскрибируем следующим образом: I. [зλв'й'с'л'ивъi]; II. [зαв'ис$_1$л'ивαj] ;III. [зав'й{с'^{3}т'}$_1$л'ивоj]. Морфофонематическая транскрипция здесь указывает на то, что непроизводная основа кончается сочетанием [с'т'], второй компонент которого позиционно отсутствует и которое характеризуется общей мягкостью (ср. I. [зá·в'ис'т']) и общей глухостью (ср. I. [зá·в'ис'ти]). Общие признаки сочетания обозначены цифрой 3 над буквами сочетания. При этом признак глухости в данном положении самостоятелен, а признак мягкости обусловлен положением перед [л'].

Слова *сердце* и *солнце* транскрибируются следующим образом: I. [с'éрцъ]; II. [с$_1$éр$_1$цα]; III. [с$_1$éр$_1$д$_1$цо]. В словофонематической транскрипции указывается цифрой 1 на то, что [р] перед [ц] не различает твердость-мягкость. То же указывается в морфофонематической транскрипции. В последней, кроме того, указывается наличие в корневой морфеме звонкой взрывной губной фонемы, которая позиционно в положении между [р] и [ц] отсутствует, представлена нулем звука. Глухость-звонкость и твердость-мягкость этой фонемы в положении перед [ц] в слове позиционны, однако в морфеме глухость-звонкость самостоятельна, непрояснима только твердость-мягкость (ср. I. [с'и^{e}рд'ê'ч'нъi]), так как представлено только положение перед [е],в связи с чем у буквы *д* поставлена цифра 1.

В свете сказанного думается, что орфографические написания слов *жестче, хлестче, бороздчатый* правильно отражают состав фонем в корневой морфеме. Ср. I. [жó·ш':и^e] или [жó·ш'ч'и^e], [хл'о́ш':и^e] или [хл'о́ш'ч'и^e], [блрó·ш':ьтъi] или [блрó·ш'ч'ьтъi];

II. [жóш':ɛ] или [жóш':ч'ɛ], [хл'óш':ɛ] или [хл'óш'ч'ɛ], [бαрóш':αтαj] или [бαрóш'ч'αтαj]; III. [жó{с³т}че], [хл'ó{с³т}че], [борó{з³д}ч'атоj]. Эти слова имеют глухие или звонкие твердые сочетания [ст], [зд], у которых перед [ч'] становятся непроизносимыми конечные взрывные [т], [д], т. е. выступают нулевые варианты этих фонем; [с] и [з] твердые перед [ч] произносятся как мягкие и глухие, причем, кроме того, перед [ч'] приобретают шипящий характер: получается сочетание [ш'ч'], которое в современном русском литературном языке может также произноситься без взрывного элемента, т. е. как [ш':]. Таким образом, все изменения носят позиционный характер и не затрагивают состава фонем в корневых морфемах разобранных слов.

§ 80. Образец трех типов транскрипции

В заключение приведем небольшой отрывок в орфографической записи и в трех видах научно-лингвистической транскрипции:

На другой день весть о пожаре разнеслась

I. нъдругój д'ê'н' | в'ê'с'т' лплжá·р'и^{e} | ръз'н'и^{e}слáс
II. нαд$_1$ругój д$_1$éн' | в$_1$éс$_3$т'$_2$ αпαжáр$_1$ɛ | ръз$_1$н'α с$_1$лáс$_2$
III. на д$_1$ругój д$_1$éн' | в$_1$е{с'³т'} αпαжáре | розн'ослáс

по всему околотку. Все толковали о нем

I. пъфс'и^{e}мý лкллóтку || фс'é тълклвá·л'и лн'·óм
II. пαф$_3$с'αмý αкαлóт$_2$ку || ф$_3$с$_1$é тαлкαвáл'и αн'óм
III. пов$_1$с'омý αкαлóдку || в$_1$с'é толковáл'и αн'óм

с различными догадками и предположениями.

I. срлз'л'и́'ч'ным'и длгáткъм'и ипр'ьтпъллжэ́·н'иjьм'и
II. с$_1$раз$_1$л'и́ч'ним'и дαгáт$_3$кαм'и ип$_1$р'αт$_2$пαлαжéн'ijαм'и
III. с ра{з'¹л'}ич'ними дαгáдкам'и и п$_1$р'αдпαложéн'ijам'и

Иные уверяли, что люди Дубровского,

I. ины́ji ув'и^{e}р'а́л'и | штъл'у́д'и дубрóфскъвъ |
II. ини́ji ув'αр'а́л'и | ш$_2$тал'у́д'и дуб$_1$рóф$_3$с$_3$кαвα |
III. ини́ji ув$_1$ер'а́л'и | {ш²т}о л'у́д'и дуб$_1$рóф$_3${с²к}ово |

напившись пьяны на похоронах, зажгли

I. нлп'и́фшыс п'j·а́ны нъпъхърлна́х | злжгл'и́
II. нαп'и́ф$_3$шис$_2$ п$_1$jа́ни нαпαхαрαна́х | зαж$_2$гл'и́
III. нап'и́ф$_2$шис п$_1$jа́ни на похорона́х | зажгл'и́

дом из неосторожности, другие обвиняли

I. дом из'н'ьлстлрóжнъс'т'и | друг'и̯'i̯и лб'в'ин'а̂л'и
II. дом из$_1$н'ɑɑс$_3$тɑрóжнɑс$_3$т'и | д$_1$руг'и̯i̯и ɑб$_1$в'ин'ɑ́л'и
III. дом из н$_1$еɑ{с^{3}т}ɑрóжнɑ{с'^{3}т'}и | д$_1$руг'и̯i̯и обв'ин'ɑ́л'и

приказных, подгулявших на новоселии,

I. пр'ика́зных | пъдгул'·а́фшых нънъвлс'е́'л'ии |
II. п$_1$р'ика́з$_1$них | пɑд$_2$гул'а́ф$_3$ших нɑнɑвɑс$_1$е́л'ии |
III. п$_1$р'ика́зних | подгул'а́ф$_2$ших на новɑс$_1$е́л'ии |

многие уверяли, что он сам сгорел с земским

I. мнóг'иi̯и ув'и^{e}р'а̂л'и| штъóн сам зглр'е́л | з':е́мск'им
II. м$_1$нóгиjи ув'ɑр'ɑ́л'и | штɑóн сам с$_3$гɑр$_1$е́л з$_3$з$_1$е́м$_1$с$_2$ким
III. м$_1$нóгиjи ув$_1$ер'ɑ́л'и | што óн сам сгɑр$_1$е́л с з$_1$е́м$_1${с^{2}к}им

судом и со всеми дворовыми. Некоторые

I. судóм ислфс'е́'м'и двлрóвым'и||н'е́къръры̯i̯и
II. судóм исɑф$_3$с$_1$е́м'и д$_1$вɑрóвим'и||н$_1$е́кɑтɑриjи
III. судóм и со в$_1$с'е́м'и {д'в}орóвим'и||н$_1$е́кɑториjи

догадывались об истине и утверждали,

I. длгɑ́дъвъл'ис лбы́·с'т'ин'и^e | иут'в'и^{e}рждɑ́·л'и |
II. дɑгɑ́дɑвɑл'ис$_2$ ɑби́с$_3$т'ин$_1$ɛ | иут$_1$в'ɑр$_1$ж$_2$дɑ́л'и |
III. дɑгɑ́дɑвɑл'ис ɑб и́{с'^{3}т}ине | и у{т'^{1}в'}ор$_1${ж^{2}д}ɑ́л'и |

что виновником сего ужасного бедствия

I. штъв'инóвн'икъм с'и^{e}вó ужɑ́снъвъ б'е́'ц'с'т'в'и̯i̯ъ |
II. ш$_2$тɑв'инóвн'икɑм с'ɑвó ужɑ́с$_1$нɑвɑ б$_1$е́т$_3$с$_3$т$_1$в'иjɑ |
III. ш$_2$то в'инóвн'иком с'овó ужɑ́сново б$_1$е́д{с'^{3}т'}в'иjɑ |

был сам Дубровский, движимый злобой

I. бы́л сɑ́м дубрóфскъi̯ | д'в'и́жымъi̯ злóбъi̯
II. би́л сɑ́м дуб$_1$рóф$_3$с$_3$кɑj | д$_1$в'и́жимɑj з$_1$лóбɑi̯
III. би́л сɑ́м дуб$_1$рóф$_3${с^{2}к}oj | {д'^{1}в'}и́жимoj злóбoj

и отчаянием.

I. илч':а̂i̯ьн'и̯i̯ъм||
II. иɑт$_3$ч'ɑ́jɑн'иjɑм||
III. иɑт$_3$ч'ɑ́jɑн'иjом||

§ 81. Морфофонематическая транскрипция и орфографическое письмо

При анализе этих записей сравнительно с орфографическим письмом следует иметь в виду характер русской графики, для которой особенно важны следующие особенности:

1) передача фонематической твердости-мягкости согласных перед гласными с помощью букв *а — я, у — ю, о — е* (под ударением иногда над *е* ставятся две точки), *ы — и;* ср. *мал — мял, лук — люк, нос — нес* (или *нёс*), *был — бил;*

2) передача фонематической твердости-мягкости на конце слова и перед согласными буквой *ь*; ср. *конь, кровь; горько, редька;*

3) необозначение позиционной мягкости перед [е] (ср. *сел, мел*) и перед мягкими согласными (ср. *ветви, свет, снег*);

4) отсутствие особой одной буквы для фонемы [j] и обозначение этой фонемы перед гласными [а], [у], [о], [е] буквами *я, ю, е* (или *ё*) для [о] и *е* для [е] (ср. *я, юг, елка* или *ёлка, ель*); обозначение той же фонемы в положении после гласных (на конце слова и перед согласными) буквой *й* (ср. *чай, мойка*); отсутствие обозначения перед [и] фонемы [j], которая в этой позиции является факультативной: ср. *их* (произносится [их] и [j их], *мои́* произносится [мʌи́] и [мʌjи́]).

Если учесть эти характерные особенности русской графики, то окажется, что морфофонематическая транскрипция чрезвычайно близка к обычному орфографическому письму. Последнее по существу представляет собой такое письмо, где букве сильной фонемы соответствует весь фонемный ряд, возглавляемый этой сильной фонемой (ср. *толковали* и III. [толкова́л'и], *на похоронах* и III. [на похорона́х]). Как и при морфофонематической транскрипции, орфографическое письмо передает внутриморфемные сочетания согласных, имеющие общие для всего сочетания признаки, как единое и нечленимое целое по общим для сочетания признакам. Ср. *весть* и III. [в е {с'^{з}т'}]: глухость сочетания обозначена буквами *ст* (ср. на стыке морфем — просторечные *весть* от *веду* и *везть* от *везу*), а мягкость сочетания — буквой *ь* на конце его. Те же качества, но иными способами обозначены в морфофонематической транскрипции. Или ср. *неосторожности* и III. [н$_{1}$еа {с^{з}т} арожна {с'^{з}т'}и], где глухость сочетания обозначена буквами *ст*, а его твердость в первом случае и мягкость во втором случае — буквами последующих гласных *о* и *и*. Те же качества, но иными способами обозначены и в морфофонематической транскрипции. В случае *земским* (III. [з$_{1}$ем$_{1}${с^{2}к} им]) глухость как общее качество сочетания передана буквами *ск* (ср. на стыке морфем *низкий* и *ноский*).

Основное отличие морфофонематической транскрипции от орфографического письма заключается в том, что в ней сохраняется довольно большое количество написаний по слабым „непрояснимым" фонемам, т. е. таким фонемам, которые не могут оказаться в сильной позиции в данной морфеме и потому не

могут быть отнесены к одному единственному фонемному ряду[1]. Орфография в этих случаях обычно пользуется этимологическим письмом. Приведем некоторые из этих написаний. Ср. *о пожаре* и III. [апажáре], *о нем* и III. [ан'ом], *догадками* и III. [дагáдкам'и], *предположениями* и III. [п$_1$р'адпаложéн'ијам'и], *на новоселии* и III. [на новас$_1$éл'ии], *сгорел* и III. [сгар$_1$éл], *некоторые* и III. [н$_1$éкаторији], *догадывались* и III. [дагáдавал'ис], *об истине* и III. [аб й{с'^{3}т'}ине], *отчаянием* и III. [ат$_3$ч'áјан'ијом]. Наличие буквы *о* в орфографическом письме при [а] в морфофонематической транскрипции свидетельствует о неполной закономерности отношений между написанием и произношением в нашей орфографии, об известной их условности: слабая фонема [а] является в морфеме заместителем сильных фонем [о] и [а]. Следовательно, в приведенных случаях с точки зрения звуковой системы современного языка с равными основаниями могла бы употребляться как буква *о*, так и буква *а*. Однако в них пишется буква *о* в соответствии с этимологией этих слов, освященной традицией письма. В то же время эти написания не полностью условны (условен только выбор между буквами *о* и *а*): наличие именно одной из двух гласных букв *о* или *а*, но не любой другой закономерно и соответствует звуковой системе современного русского языка. Буква *е* (после *р*) в соответствии со слабой гласной фонемной [а] в слове *предположениями* и буква *я* в соответствии с той же слабой фонемой [а] в непосредственно заударном слоге в слове *отчаянием* также свидетельствует о неполной закономерности соотношений между правописанием и звуковой системой языка: в положении после мягких согласных слабая фонема [а] является в морфеме заместителем одной из трех сильных фонем [е], [о], [а] (первые две, как известно, в русском правописании обычно обозначаются одной буквой, ср. написание *сел*, которое может читаться как I. [с'ел] и [с'·ол]). Поэтому в указанных случаях с равными основаниями вместо *е* могло бы писаться *я*, а вместо *я* — *е*. Употребление в первом случае *е*, а во втором — *я* условно с точки зрения звуковой системы современного русского языка. Однако наличие именно одной из этих букв, а не других (*и, ю*) закономерно и соответствует звуковой системе.

В приведенных случаях безударные гласные обозначены в орфографическом письме в соответствии с этимологией. В других, более редких случаях они пишутся вопреки этимологии, но в тех рамках, которые допускают соответствующие слабые гласные фонемы. Таково употребление буквы *а* после *р* в слове *разнеслось*. Как известно, с этимологической точки зрения

[1] Следует иметь в виду, что слабая фонема в слове является заместителем двух или нескольких сильных фонем в морфеме.

здесь [о]. С морфофонематической точки зрения здесь также [о]: ср. в этой приставке под ударением — *ро́ссказни, ро́звальни, ро́спись* и др. Однако благодаря церковнославянской традиции укрепилось написание этой приставки с буквой *а*. Написание это получило и известную фонетическую поддержку: приставка эта обычно безударна, причем в 1-м предударном слоге произносится [ʌ] (ср. I. [рʌз'н'·о́с]).

Аналогичное явление в области согласных представляют написания *напившись, подгулявших* с буквой *в* (ср. III. [нап'и́ф$_2$шис], [подгул'а́ф$_2$ших]). Фонематическая твердость соответствующей фонемы здесь устанавливается по формам I. [вы́п'иф], [пъдгул'а́ф], но глухость-звонкость ее непрояснима, так как конечный согласный (суффикс *-в*) не может оказаться перед гласной или перед другим звуком, где различается фонематическая глухость-звонкость [1]. Отсюда следует, что выбор между буквами *в* и *ф* в разбираемых случаях условен и употребление буквы *в* в них объясняется лишь историей языка. Однако наличие одной из этих букв, а не других вытекает из звуковой системы языка.

Слабые по твердости-мягкости согласные фонемы обозначаются буквами соответствующих согласных без указания на твердость или мягкость (вне зависимости от реальной твердости или мягкости). Ср. написания (соответствующие буквы выделены шрифтом): ***другие, приказных, многие, движимые, весть, все*** и др.

Другим отличием русского правописания от морфофонематической транскрипции является наличие в нем написаний, полностью незакономерных с точки зрения звуковой системы современного языка, полностью условных. Это то, что принято называть этимологическими написаниями.

Таково употребление буквы *г* в окончаниях слов *Дубровского, ужасного* (произносится согласная [в], которая не находится ни в каких закономерных отношениях с фонемой [г]), употребление буквы *ч* в слове *что* (произносится согласная [ш], которая в современном языке позиционно не связана с [ч']: ср. [што] и [ч'ту], [по́ч'тъ] — т. е. перед [т] фонемы [ш] и [ч'] различаются); употребление буквы *ы* в слове *догадывались* (произносится гласная [ъ], которая может быть заместителем сильных фонем [о] и [а], но не [ы]) [2].

Сложно обстоит с произношением конечного безударного гласного в форме им. п. мн. ч. прилагательных. В нашем тек-

---

[1] Случаи вроде *служивый* не являются живыми образованиями и потому не могут свидетельствовать о морфофонематической звонкости губного фрикативного согласного в суффиксе деепричастия.

[2] Правда, надо отметить, что гласные [ъ] и [ы] в заударном неконечном слоге противопоставлены очень слабо. Это противопоставление достаточно четко лишь в отчетливой, чеканной речи.

сте это следующие случаи: *иные, другие, многие, некоторые*. Сложность проистекает прежде всего от того, что в современном русском литературном произношении представлено несколько вариантов — с [ји], [јь] и [е]-обра́зными звуками, с [ъ] и [а]-образными звуками, причем перед [и] звук [j] может быть мало заметен и даже отсутствовать (I. [ины́и], [ины́јь] и близко к [ины́је], [ины́јъ] и близко к [ины́ја]). Отметим только, что при произношении с конечным гласным [и] написание *иные* и др. с буквой *е* на конце следует считать этимологическим, если считать, что в конечном открытом слоге после [j] нелабиализованные гласные верхнего подъема и неверхнего подъема различаются: [и] — [ь] — [ъ]. Ср. I. [з'м'ê'и] или [з'м'ê'ји] (им. п. мн. ч.), [лз'м'ê'јь] (предл. п.)[1], [з'м'ê'јъ]. Гласному [и] при этих отношениях закономерно должна бы соответствовать буква *и*.

Наконец, особый тип этимологических написаний представляют написания возвратных глаголов на *-сь*, если исходить из старой нормы произношения этих форм с твердым [с] на конце[2]. Это случаи: *разнеслось, догадывались, напившись:* ср. написание и произношение *взялась* — I. [вз'и^{е}лáс], с одной стороны, и *ос* [ос], *ось* [о·с'], с другой. Однако здесь нет той полной условности написания буквы согласного, которую мы видели в написании окончания *-ого (-его)*: фонема [с] находится в ближайших отношениях к фонеме [с'], обозначение которой принято в правописании, но фонема [в] не находится ни в каких отношениях к фонеме [г], буква которой пишется в окончании *-ого (-его)*.

Изложенные выше соображения показывают, что вопрос о типах научно-лингвистических транскрипций, с одной стороны, опирается на теоретические проблемы фонологии (иначе теорию фонем), а с другой, тесно связан с сугубо практическими вопросами правописания. Научно-лингвистическая транскрипция разных типов является квинтэссенцией теоретического изучения звуковой системы языка в ее разных аспектах, разных ее связях со структурой языка. Она наглядно демонстрирует результаты теоретического изучения звуковой системы языка. Вместе с тем она позволяет теоретически осмыслить систему современного правописания в его отношении к звуковой системе языка. Она позволяет с научной точки зрения оценить современное правописание, его целесообразность и его недостатки; она позволяет научно обоснованно рационализировать правописание, унифицировать и упорядочить при наличии колебаний в написа-

---

[1] В беглой речи пр. п. ед. ч. может практически не отличаться от им. п. ед. ч.: [лз'м'ê'и].

[2] В настоящее время главным образом под влиянием правописания едва ли не господствующим стало произношение с мягким [с] на конце.

ниях, реформировать правописание, если в этом есть надобность. Наконец, теоретическое изучение звуковой системы и его итоги, выраженные в транскрипциях, позволяют создавать новые правописания для ранее бесписьменных языков.

Все это свидетельствует о большом практическом значении такой чисто теоретической науки как фонология, или теория фонем.

Автор не претендует на то, что в своем изложении он исчерпал вопрос о научно-лингвистических транскрипциях в связи с проблемами теории фонем. Он не считает также, что его решения рассматриваемых проблем окончательны. Однако можно надеяться, что высказанные выше положения могут содействовать дальнейшему исследованию проблемы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение

§ 1. Предмет фонетики 5
§ 2. Значение фонетики 6
§ 3. Понятие фонемы 7
§ 4. Две задачи описательной фонетики 9
§ 5. Общая и экспериментальная фонетика 10
§ 6. Фонетическая и фонологическая транскрипция 10

Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфем

§ 7. О месте фонетической системы в структуре языка . 12
§ 8. Фонетика и фонология 16
§ 9. Понятие кратчайшей звуковой единицы 18
§ 10. Кратчайшая звуковая единица и ударение 21
§ 11. Два типа позиционных чередований и обусловленный ими характер фонетической системы 23
§ 12. Понятие сильной и слабой фонемы 28
§ 13. Понятие фонемного ряда 31
§ 14. Тождество и различие словоформ и морфем в их отношении к своим звуковым оболочкам 33
§ 15. Фонетическая система в ее отношении к структуре языка в целом 35
§ 16. К вопросу о причинах разных точек зрения на фонему 36

О слогоразделе и строении слога в русском языке

§ 17. Постановка проблемы 41
§ 18. Основной закон слогораздела в русском языке . . . 42
§ 19. Закрытые неконечные слоги 43
§ 20. Открытые неконечные слоги 44
§ 21. Несколько замечаний о теории слогораздела акад. Л. В. Щербы 46
§ 22. Особенности слогораздела, связанные с лексико-грамматическим членением речи 47
§ 23. Особенности слогораздела на стыке предлога и следующего слова и приставки и корня 50
§ 24. Слогораздел на стыке корня и суффикса 54
§ 25. Особенности начального и конечного слогов слова . 56
§ 26. Некоторые итоги 58

Ударение

§ 27. Звуковое членение речи 60
§ 28. Ударение слова, речевого такта, фразы 61
§ 29. Ударение как признак слова 63

§ 30. Ударение слова и его свойства 64
§ 31. Долгота и краткость гласных 66
§ 32. Музыкальная сторона ударения 67
§ 33. Разноместность ударения 68
§ 34. Ударение подвижное и неподвижное 72
§ 35. Ударение и звуковое оформление слова 80
§ 36. Безударные и слабоударяемые слова 81
§ 37. Слова с побочным ударением 84

Вокализм

Ударные гласные

§ 38. Состав гласных фонем 88
§ 39. Классификация гласных 89
§ 40. Образование отдельных гласных 92
§ 41. Сильные гласные фонемы в разных фонетических условиях 95
§ 42. Основной вид и позиционные варианты сильных гласных фонем 103

Безударные гласные

§ 43. Редукция 105
§ 44. Слабые гласные фонемы 106
§ 45. Слабые гласные фонемы 1-го предударного слога . . 106
§ 46. Образование отдельных гласных в 1-м предударном слоге 113
§ 47. Слабые гласные фонемы 2-го предударного слога . . 115
§ 48. Гласные заударных слогов 120
§ 49. Фонемные ряды гласных 125

Консонантизм

Состав согласных фонем 134

Классификация согласных

§ 50. Принципы классификации 136
§ 51. Участие голоса и шума 137
§ 52. Место образования шума 139
§ 53. Способы образования шума 140
§ 54. Отсутствие или наличие палатализации (твердость-мягкость) 143

Образование отдельных согласных фонем

§ 55. Губные 146
§ 56. Переднеязычные 148
Зубные 148
Нёбно-зубные 154
§ 57. Среднеязычные 156
§ 58. Заднеязычные 157

Система согласных фонем

§ 59. Общие сведения о системе согласных 159

Соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем

§ 60. Состав сильных согласных фонем в отношении глухости-звонкости 162

§ 61. Сильные по глухости-звонкости парные согласные фонемы 162
§ 62. Слабые по глухости-звонкости парные согласные фонемы 163
§ 63. О вариантах некоторых слабых по глухости-звонкости парных согласных фонем 167
§ 64. О вариантах внепарных глухих согласных фонем . . 168
§ 65. О вариантах сонорных согласных фонем 169

Соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем

§ 66. Состав сильных согласных фонем в отношении к твердости-мягкости 170
§ 67. Сильные позиции согласных фонем по твердости-мягкости 170
§ 68. Слабые позиции согласных по твердости-мягкости . . 175
§ 69. О характере противопоставлений по твердости-мягкости и глухости-звонкости в связи с историей русского консонантизма 182
§ 70. О вариантах внепарных по твердости-мягкости согласных фонем 184
§ 71. Фонема [j] 186
§ 72. Система согласных фонем с учетом всех соотносительных рядов в их взаимосвязи 192
§ 73. Фонемные ряды согласных 203

Типы научно-лингвистической транскрипции

§ 74. Звуковая система и звуковое письмо 213
§ 75. О трех типах научно-лингвистической транскрипции. Фонетическая транскрипция 215
§ 76. Словофонематическая транскрипция 217
§ 77. Морфофонематическая транскрипция 221
§ 78. Сочетания согласных в словофонематической и морфофонематической транскрипциях 224
§ 79. Нулевые члены фонемных рядов в морфофонематической транскрипции 229
§ 80. Образец трех типов транскрипции 231
§ 81. Морфофонематическая транскрипция и орфографическое письмо 232

Рубен Иванович Аванесов

ФОНЕТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Редактор *К. В. Горшкова*
Технич. редактор *Г. И. Георгиева.* Корректор *Ж. В. Ганиев*

Сдано в набор 6.VI 1956 г. Подписано в печать 24.XI 1956 г. Т-10183. Изд № 571. Формат 60×92/16. Печ. л. 15,0. Бум. л. 7,5. Уч. изд. л. 14,97. Тираж 50 000 Зак. № 2104. Цена 7 р.

Издательство Московского университета. Москва, Ленинские горы

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Б. Н. ССС

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
25	14 сверху	b·er'etъ	b·er·etъ
46	12 сверху	лʌ/б^{ъ}зá·т', е/г^{ъ}зá·м'ьн	лʌ/б^{ъ}зá·т', е/г^{ъ}зá·м'ьн
76	7 снизу	задáл, задáло, задáли	зáдал, зáдало, зáдали
85	6 снизу	не бывает	не имеет
89	12 снизу	VI	IV
121	8 снизу	(дат. п. мн. ч.)	(тв. п. ед. ч.)
167	20 сверху	д^{з}жин	д^{з}жын
171	1 сверху	фонемы	фонем
172	1 снизу	переднеязычных губных	переднеязычных зубных
232	8 сверху	подгул'áф$_{г}$ших	подгул'аф$_{з}$ших

Р. И. Аванесов